Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

ТКАЧЕВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРОИЗВОДСТВА ПО РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО СУЩЕСТВУ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
Доктор юридических наук, профессор
Россинский Сергей Борисович

Челябинск – 2026

Оглавление

Введение 5

Глава I. Концептуальные основы интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции 34

1.1 Уголовно-процессуальная форма интегративной модели 34

1.2 Уголовно-процессуальные правоотношения в интегративной модели 68

1.3 Уголовно-процессуальная структура интегративной модели 91

1.4 Универсальность интегративной модели 110

Глава II. Содержательное ядро принципов интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции 139

2.1 Баланс формообразующих принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон как условие установления объективной истины 139

2.2 Императивность принципов гласности и справедливости в укреплении социального доверия к правосудию 158

2.3 Инструментальность принципа разумного срока судопроизводства в управлении качеством правосудия 175

Глава III. Организационно-правовые условия интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции 197

3.1 Систематизация организационно-правовых условий 197

3.2 Организационно-правовые условия процессуальных параметров 205

3.3 Коммуникативно-познавательные организационно-правовые условия 229

3.4 Организационно-правовое условие предметных и деятельностных пределов 258

3.5 Организационно-правовые условия функциональной дифференциации участников 279
3.6 Организационно-правовые условия движения уголовного дела 299
Глава IV. Процессуальный механизм реализации интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции 313
4.1 Организационно-подготовительная деятельность суда 313
4.2 Исследовательская деятельность суда и сторон в судебном следствии 320
4.3 Доказательственная деятельность сторон в судебных прениях и репликах 345
4.4 Субъективная легитимация подсудимого в последнем слове 361
4.5 Оценочная деятельность суда при постановлении приговора 369
Заключение 388
Список использованной литературы и источников 400
Приложение №1. Предложения по внесению изменений и дополнений в УПК РФ 476
Приложение №2. Результаты анкетирования мировых судей, судей районных (городских), областных и приравненных к ним судов, апелляционных и кассационных судов, работников прокуратуры, адвокатов 483
Приложение №3. Результаты лингвистического частотного анализа текста норм раздела IX «Производство в суде первой инстанции» УПК РФ 501
Приложение №4. Итеративный алгоритм оценки доказательств 503
Приложение №5. Правила составления и примеры промптов для технологий искусственного интеллекта в работе судьи 506

Приложение №6. Программа дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) судей и работников аппарата суда судов общей юрисдикции по использованию технологий искусственного интеллекта.....510

Приложение №7. Должностная инструкция судебного ИИ-управляющего (специалиста по работе с технологиями искусственного интеллекта в суде) 512

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Развитие Российской Федерации[1] как суверенного демократического правового государства формирует устойчивый социальный запрос на качественно новую, эффективную и легитимную систему уголовной юстиции. Современная уголовно-правовая политика в сфере уголовного судопроизводства характеризуется комплексом диалектических требований: 1) приоритета национальных ценностей (справедливость, соборность, державность, патернализм, духовность, стремление к истине); 2) учета современных уголовно-процессуальных императивов (публичность, состязательность и равенство прав сторон, защита прав личности, эффективность и качество правосудия); 3) усиления государственных гарантий защищенности граждан при широкомасштабном внедрении цифровых инноваций. Результаты реформ последних десятилетий свидетельствуют о недостаточной эффективности фрагментарных изменений и настоятельной необходимости системного обновления теоретического фундамента и законодательных основ уголовного судопроизводства с учетом динамики общественного развития, при которой ценностные ориентиры, обогащаясь на новом витке спирали исторического развития России, обретают качественно иное содержание. Это объективно обуславливает потребность в выработке собственного, суверенного пути развития, который, с одной стороны, укоренен в исторических традициях и уникальном богатом отечественном опыте, а с другой – открыт для использования передовых мировых достижений, обеспечивая подлинно публично-состязательный характер уголовного судопроизводства, технологическую модернизацию его процедур при максимальной защищенности прав и законных интересов личности.

Президент РФ В.В. Путин акцентирует внимание на взаимосвязи качества и результатов судопроизводства с обеспечением правовых основ государственности

[1] Далее – РФ.

и поддержанием должного уровня правовой защищенности населения[1]. При этом ключевым инструментом трансформации ценностно-смыслового пространства общества и государства, повышающим эффективность и скорость рассмотрения дел, способствующим бóльшей открытости судебных процедур, становится цифровизация правосудия[2], при которой технологии не заменяют судью, а содействуют ему, поскольку присущие только человеку качества, основанные на его опыте, общей культуре, интуиции, характере, чувствах справедливости и гуманизма, определяют исход правовых споров[3]. Данный стратегический курс находит прямое отражение в повестке судебной системы. Так, Председатель Верховного Суда РФ И.В. Краснов подчеркивает, что активное внедрение в работу судов аналитических программных комплексов на основе искусственного интеллекта для оперативного выявления противоречий в судебной практике и реагирования на них является перспективным направлением развития[4], а одной из актуальных задач, решение которой находится в прямой взаимосвязи с уровнем социальной и экономической стабильности, доверия населения к правосудию как символу высшей социальной справедливости[5] и государству в целом, является повышение качества судебных решений, их направленность на служение обществу[6].

Важнейшим звеном в реализации этих ценностных установок выступает производство по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции как системообразующая стадия уголовного судопроизводства,

---

[1] Владимир Путин принял участие в работе юбилейного, X Всероссийского съезда судей. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 21.12.2022).

[2] Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 19 ноября 2025 года, Москва. [Электронный ресурс]. URL: http: // www. special. kremlin. ru/ (дата обращения: 23.11.2025).

[3] Совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражный судов РФ. [Электронный ресурс]. URL: http: // kremlin.ru/ (дата обращения: 21.02.2026).

[4] Игорь Краснов провел совещание с председателями судов [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https: // vsrf. ru/ press _center / news/ 34762/ (дата обращения: 22.10.2025).

[5] Игорь Краснов на ежегодном Совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов РФ [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: https: //vsrf.ru/ (дата обращения: 21.02.2026).

[6] Игорь Краснов принял участие в пленарном заседании Совета судей РФ. [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https: // www. vsrf. ru/ (дата обращения: 02.12.2025).

где непосредственно реализуется право государства на уголовное преследование и право личности на судебную защиту. Практическая востребованность научного осмысления этой стадии подтверждается значительными статистическими показателями. Так, судами первой инстанции в 2020 г. было рассмотрено свыше 778 тыс. уголовных дел, в 2021 г. – свыше 782 тыс., в 2022 г. – свыше 776 тыс., в 2023 г. – свыше 720 тыс., в 2024 г. – свыше 630 тыс.[1] Обновление конструкции производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции детерминировано правоприменительной практикой и задачами, сформулированными в Программе фундаментальных научных исследований в РФ[2], ориентированной на разработки, отвечающие современным вызовам, включая: 1) трансформацию форм права; 2) баланс публичного и частного регулирования; 3) усиление процессуальности; 4) синтез социальных регуляторов, обеспечивающий воплощение права и справедливости; 5) управляемую цифровизацию и уточнение правового статуса искусственного интеллекта; 6) повышение защищенности личности государственными гарантиями.

В связи с этим переосмысление концептуальных основ, принципов, организационно-правовых условий, механизма реализации производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, отражающих поступательное (спиралевидное) развитие ценностной стратификации общества, последовательно переводящей мировоззренческие установки на новый уровень развития, определяет спектр актуальных задач, требующих научного разрешения в рамках настоящего диссертационного исследования.

Во-первых, гносеологический и теоретико-методологический пробел подтверждается отсутствием в существующей теории уголовного процесса целостной концепции, преодолевающей непродуктивную дихотомию «инквизиционность –

---

[1] Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2020 г. – 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 03.10.2025).
[2] Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р (с изм. от 25.12.2025) «Программа фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021–2030 г.г.)» // СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 609.

состязательность». Это препятствует раскрытию истинной структуры производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции как сложной, динамичной системы взаимосвязанных процедур и правоотношений. Требуется обновление методологии, способной прояснить ключевые оценочные, во многом имплицитные категории судебного познания и принятия решений, такие как «внутреннее убеждение судьи», «усмотрение судьи» и «совесть», и перевести их из плоскости субъективной уверенности в верифицируемую, структурированную плоскость. Кроме того, уголовное судопроизводство испытывает острую потребность в фундаментальном теоретическом обосновании использования цифровых технологий в правоприменительной деятельности. Необходима конструкция, исключающая технократический уклон и утверждающая управляемое взаимодействие искусственного интеллекта (как инструмента анализа и поддержки) и судейского разума (как носителя ценностно-правового суждения и ответственности) на основе этических правил.

Во-вторых, доктринально-правовые и законодательные противоречия выражены в отсутствии целостного и внутренне непротиворечивого нормативного режима, соответствующего современным требованиям к эффективности, справедливости и открытости правосудия. Ключевые процессуальные инструменты регулируются неэффективно: институт сроков зачастую носит не обеспечительный, а формальный характер; принцип гласности не выполняет в полной мере функцию социальной легитимации судебного акта; отсутствие структурированных алгоритмов оценки доказательств затрудняет последующую проверку обоснованности и мотивированности судейского усмотрения в вышестоящих судебных инстанциях. Важнейшей проблемой является отсутствие в доктрине и законе системы верифицируемых критериев оценки легитимности итогового судебного акта (приговора) как единого стандарта правосудности, где мотивированность как системообразующий элемент должна обеспечивать единство и взаимную проверяемость формальной законности, логической обоснованности и социально-ценностной справедливости.

В-третьих, отсутствие четкой теоретической конструкции производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции проявляется в дисбалансе процессуальных функций его участников, порождая пробелы в правоприменении. В современной практике нет теоретически обоснованной и нормативно закрепленной функциональной иерархии субъектов, что ведет к размыванию их ролей и не обеспечивает достижение субстантивного равенства, призванного компенсировать объективные доказательственные дефициты для установления действительных обстоятельств уголовного дела. Кроме того, в систему судопроизводства не встроены адаптивные алгоритмы управления качеством правосудия, которые могли бы гибко реагировать на изменяющуюся нагрузку, анализировать данные судебной статистики, обратную связь от правоприменительной практики, обеспечивая ее единообразие, минимизируя риски судебных ошибок.

В-четвертых, существующая конструкция производства в суде первой инстанции слабо рефлексирует трансформацию социального запроса и стратегического курса государства в сторону усиления гарантий защищенности граждан. Это требует глубокого переосмысления принципа публичности, который должен быть положен в основу не только обвинения, но и всесторонней защиты прав участников судопроизводства. Не разработаны действенные механизмы, способные превратить гласность и справедливость в инструменты, обеспечивающие доверие к правосудию посредством синтеза нормативной определенности, социальной адекватности и индивидуализации правоприменения.

Таким образом, актуальность настоящего диссертационного исследования предопределяется многоаспектным характером теоретических и практических проблем, возникающих из: 1) потребностей уголовно-процессуальной науки в разработке конструкции производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, учитывающей спиральную динамику ценностных ориентиров социума, обогащая национальные ценности современными процессуальными императивами, формируя новую аксиологию правосудия;

2) наличия системных противоречий и лакун в нормативном регулировании, требующих интегративного подхода, позволяющего целостно обосновать обновленную конструкцию; 3) потребности суда, сторон обвинения и защиты в четких, работоспособных, научно выверенных алгоритмах, критериях и процессуальных инструментах, повышающих качество и эффективность отправляемого правосудия.

Разработка и фундаментальное обоснование конструкции производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде первой инстанции, детерминированной объективными законами поступательной (спиралевидной) эволюции ценностной системы общества, каждый виток которой требует своевременного целостного обновления, призваны восполнить существующие пробелы, задав новые векторы для развития науки, законодательства и судебной практики.

Степень научной разработанности темы. Различные аспекты правосудия посредством производства в суде первой инстанции затрагиваются в научных публикациях ученых-процессуалистов.

Общим подходам к осуществлению судебной власти по уголовному делу посвящены труды Н.В. Азаренка, Л.Б. Алексеевой, Л.М. Ашировой, О.Я. Баева, В.М. Бозрова, А.Д. Бойкова, С.В. Бурмагина, А.Г. Волеводза, Л.А. Воскобитовой, Л.В. Головко, Ю.М. Грошевого, А.П. Гуськовой, В.В. Ершова, О.В. Качаловой, Н.А. Колоколова, В.А. Лазаревой, В.М. Лебедева, И.Б. Михайловской, Н.Г. Муратовой, И.Л. Петрухина, В.М. Савицкого, И.Г. Смирновой, М.С. Строговича, И.Я. Фойницкого и др.

Проблемы реализации принципов уголовного судопроизводства в производстве суда первой инстанции и общие условия судебного разбирательства освещаются в работах В.А. Азарова, О.И. Андреевой, М.Т. Аширбековой, А.С. Барабаша, С.С. Безрукова, Л.М. Володиной, О.В. Гладышевой, В.Н. Григорьева, С.М. Даровских, И.С. Дикарева, А.А. Дмитриевой, О.А. Зайцева, Э.Ф. Куцовой, Е.Г. Мартынчика, Л.Н. Масленниковой, К.В. Муравьева, В.В. Николюка, И.Ю. Панькиной, Н.В. Романенко, Е.В. Рябцевой, В.А. Семенцова, А.В. Смирно-

ва, В.П. Смирнова, И.В. Смольковой, Т.В. Трубниковой, О.В. Химичевой, С.Д. Шестаковой и др.

Вопросы процессуального положения суда, сторон и других участников производства становились предметом научных исследований В.П. Божьева, Т.Г. Бородиновой, А.В. Гриненко, В.Г. Даева, К.Б. Калиновского, А.С. Кобликова, Н.П. Кирилловой, В.В. Конина, А.В. Кудрявцевой, Ю.Д. Лившица, Н.С. Мановой, Е.В. Марковичевой, З.В. Макаровой, Р.Д. Рахунова, М.К. Свиридова, С.А. Синенко, Л.Г. Татьяниной, С.П. Щербы, Ю.К. Якимовича и др.

Проблемы реализации механизма производства в отдельных его частях попали в сферу интересов С.П. Гришина, Г.И. Загорского, В.Н. Курченко, А.О. Машовец, И.Д. Перлова, А.Д. Прошлякова, Н.В. Радутной, Г.С. Русман, Т.К. Рябининой, Н.А. Селедкиной, А.А. Тарасова, В.Л. Сыскова и др.

Судебному доказыванию уделяется внимание в публикациях В.Д. Арсеньева, В.С. Балакшина, Л.Е. Владимирова, А.Я. Вышинского, Г.Ф. Горского, А.А. Давлетова, С.В. Зуева, Е.А. Карякина, Л.Д. Кокорева, П.А. Лупинской, Ю.К. Орлова, П.С. Пастухова, А.В. Победкина, С.Б. Россинского, В.Д. Спасовича, Ф.Н. Фаткуллина, С.А. Шейфера, П.С. Элькинд и др.

Различным аспектам производства в суде первой инстанции посвящены кандидатские диссертации. В частности, вопросы судебного следствия и познавательной деятельности суда нашли отражение в трудах Э.К. Батчаевой (2024), предложившей теоретическую модель судебного следствия, ориентированную на эффективное познание и реализацию прав сторон, С.В. Стародумова (2018), разработавшего концептуальную модель познавательных действий суда, а также А.А. Плашевской (2006) и М.С. Коровиной (2007), обосновавших альтернативные модели поведения суда в условиях доказательственной недостаточности. Отдельное внимание уделялось принципу непосредственности Ю.Л. Бурносовой (2022) и порядку производства отдельных судебных действий С.А. Александровой (2010). Система организационно-правовых средств ускорения судебного производства исследовалась Д.Г. Рожковым (2013). Проблематика оценки доказательств рас-

сматривалась И.И. Белохортовым (2011) и А.С. Емузовым (2005), средства преодоления обвинительного уклона исследовались П.К. Барановым (2011), роль суда в состязательном процессе Е.Т. Рыбинской (2008) и В.П. Смирновым (2003), самостоятельность суда при отказе прокурора от обвинения А.М. Мухиным (2009). Кроме того, собиранию и исследованию доказательств посвящена работа В.Л. Сыскова (2006), историко-теоретическим аспектам познавательной деятельности суда – Н.Ю. Черкасовой (1993).

Некоторые современные тенденции производства в суде первой инстанции охватываются исследованиями за счет грантов Российского научного фонда. В частности, работы О.И. Андреевой о пределах и гарантиях защиты частных интересов в уголовном процессе; И.А. Васильева о стандартах доказывания в российской правовой системе, В.Н. Воронина о справедливости наказания и судейском усмотрении; А.П. Казун о методике автоматизированного анализа приговоров; Н.С. Мановой о транспарентности уголовного судопроизводства в условиях цифровизации; Н.В. Ольховик о применении принудительных мер медицинского характера как средства обеспечения общественной безопасности; Г.С. Русман о поощрительных формах судопроизводства в условиях гуманизации и цифровизации; Т.К. Рябининой о совершенствовании доказывания при развитии цифровых технологий; И.М. Япрынцева о концептуальной модели ответственности в сфере искусственного интеллекта.

Несмотря на значительный объем научных разработок, посвященных отдельным аспектам производства в суде первой инстанции, в теории уголовного процесса отсутствуют исследования, интегративно реконструирующие производство по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, преодолевая концептуальный разрыв между доктринальными подходами и социальным запросом на стандарт правосудия, основанный на ценностной стратификации общества.

В связи с этим актуальной научной задачей диссертационного уровня является разработка внутренне согласованной и функционально единой, объединяю-

щей научные подходы и правоприменительную практику конструкции, отражающей ключевые трансформации: 1) в осознании обществом и государством необходимости укоренения в национальных ценностях с учетом современных процессуальных императивов; 2) в социальном запросе на усиление государственных гарантий на судебную защиту; 3) в сфере цифровых инноваций. Синтез концептуальных основ, принципов, организационно-правовых условий и механизма реализации такой конструкции превращает ее в интегративную модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, способную адаптироваться к уголовно-процессуальной стратегии государства и общественному правосознанию.

Объект диссертационного исследования – правоотношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, предполагающей:

– новую парадигму процессуальной формы, основанную на балансе публичного и состязательного начал через функциональную иерархию субъектов и дуалистичность объекта правоотношений, отражающих современный социальный запрос на синтез национальных ценностей, современных процессуальных императивов и усиление роли государства в сфере судебной защиты прав личности;

– механизм вербализации судейского усмотрения, преодолевающий необоснованную субъективность путем создания структурированного, верифицируемого итеративного алгоритма оценки доказательств;

– экосистему цифровизации правосудия, обеспечивающую управляемое использование технологий искусственного интеллекта в судебном познании на основе этических правил;

– режим социальной и процессуальной легитимации, достигаемый через гласное рассмотрение и справедливое разрешение уголовных дел в разумные сроки.

Предмет диссертационного исследования составляют нормы Конституции РФ, положения федерального законодательства, правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Верховного Суда РФ, нормативные правовые акты министерств и ведомств, органов адвокатского сообщества, положения законодательства зарубежных государств, теоретические положения о сущности и механизмах судебного производства по уголовным делам, результаты научных исследований других авторов, статистические данные, материалы следственной, прокурорской и судебной практики, относящиеся к сфере научного изучения.

Цель диссертационного исследования – формирование совокупности научных положений, определяющих основанную на интегративном ценностно-стратифицированном подходе модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции.

Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие научно-исследовательские **задачи:**

– выявить детерминанты и векторы трансформации уголовно-процессуальной формы интегративной модели, установив корреляцию между этапами ее эволюции и доминирующей иерархией правовых ценностей;

– раскрыть содержание и правовую природу смены парадигмы, заключающуюся в переходе от конфликта принципов публичности и состязательности к их диалектическому единству и процессуальному балансу;

– разработать трехмерную критериальную систему верификации публично-состязательного баланса (процессуальный, функциональный, результативный критерии), формализующую принцип субстантивного равенства прав сторон и социальную легитимность судебного решения;

– установить особенности объекта и функциональную иерархию субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих и развивающихся в интегративной модели;

– сконструировать и нормативно обосновать структуру интегративной модели с активной арбитральной кросс-функцией суда;

– разработать итеративный алгоритм оценки доказательств, трансформирующий оценочные категории «усмотрение судьи», «внутреннее убеждение», «совесть» из имплицитных в эксплицитные, структурированные и верифицируемые компоненты процесса доказывания;

– определить границы использования технологий искусственного интеллекта в судебном познании на основе подхода управляемого взаимодействия, формируемого этическими и нормативными правилами;

– обосновать гласность судебного разбирательства как императивный инструмент социальной легитимации правосудия;

– разработать модель безопасной цифровой инфраструктуры, обеспечивающей необходимый баланс между прозрачностью производства и защитой приватности его участников;

– обосновать принципиальность справедливости, обеспечивающую доверие к правосудию посредством синтеза нормативной определенности, социальной адекватности и индивидуализации правоприменения;

– предложить правила стратегического управления судебным временем как системным ресурсом, основанные на двухуровневом регулировании (процессуальном и организационно-управленческом), повышающие эффективность правосудия за счет обеспечения его качества при соблюдении разумных сроков;

– систематизировать организационно-правовые условия производства в единый нормативный режим на основе их классификации, выявив системные взаимосвязи и лакуны правового регулирования;

– обосновать универсальный характер интегративной модели посредством возможности экстраполяции ее ключевых элементов (критериев баланса принципов, организационно-правовых условий, механизма реализации) на иные судебные стадии;

– определить закономерности дифференциации процессуальной формы производства в зависимости от уголовно-процессуальной стратегии государства и эволюции общественного правосознания;

– выявить и описать механизмы адаптации интегративной модели к трансформациям в государственной политике, социальном запросе и технологических инновациях при сохранении системной целостности и гарантийной функции правосудия.

Методологическая основа диссертационного исследования представляет собой многоуровневую систему методов, организованную в соответствии с этапами научного познания и нацеленную на решение теоретико-прикладных задач. Последовательное взаимодействие всеобщих (философских), общенаучных, частнонаучных и частноправовых методов обеспечило целостность и глубину анализа.

Философско-мировоззренческий уровень сформирован синтезом диалектического, исторического и цивилизационного подходов. В сочетании с аксиологией они позволили выявить ценностно-смысловые детерминанты уголовного правосудия. Ценностно-стратифицированный подход теории спиральной динамики стал основой для объяснения эволюции социального запроса на легитимную судебную власть. Интегративный подход выступил инструментом построения интегративной модели, раскрывая влияние ценностной стратификации на все элементы производства в суде первой инстанции. Благодаря этому преодолен бинарный дисбаланс публичности и состязательности и установлено их диалектическое единство, в рамках которого суд выполняет активную арбитральную кросс-функцию. Теория институционального лага применена для выявления дисфункций между нормативным регулированием и социально-политическими трансформациями.

Частнонаучный и междисциплинарный уровни представлены подходами, адаптированными к предмету уголовно-процессуальной науки. Концепция самоограничения государства и теория баланса публичных и частных интересов легли в основу авторской модели обоюдного ограничения публичности и состязательности, где публичность выступает формально-институциональным каркасом, состязательность – содержательно-процедурным механизмом, а равенство сторон – функциональным балансиром. Метод правовой энтропии, интерпретированный как мера оптимальной неупорядоченности правовой системы, использован для ре-

конструкции интегративной модели и обоснования зон нормативной гибкости и судейского усмотрения.

Конкретно-научный (частноправовой) уровень реализован через отраслевые и специальные методы. Формально-догматический метод составил основу системно-структурного анализа институтов и выявления пробелов. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления отечественного и зарубежного законодательства. Конкретно-социологические методы (анкетирование, интервьюирование, экспертные оценки, анализ статистики, архивных дел и судебных актов) обеспечили эмпирическую верификацию теоретических гипотез. Метод правового моделирования в сочетании с абдуктивным, индуктивным и дедуктивным способами обобщения стал ключевым инструментом конструирования интегративной модели. Герменевтический подход и метод юридической рефракции позволили проанализировать судебное толкование и адаптацию норм к обстоятельствам дела. Функциональный и системно-деятельностный анализ использованы для исследования структуры судебной деятельности и этапов судебного познания, в частности при разработке итеративного алгоритма оценки доказательств. Логические методы (анализ, синтез, ретроспективная логика) применены для установления причинно-следственных связей в механизме производства. Синергетический подход и концепция «интуитивности в праве» способствовали раскрытию нелинейной природы формирования профессионального усмотрения и взаимодействия человеческого и искусственного интеллекта.

Многоуровневый междисциплинарный синтез обеспечил всесторонность исследования, а избранная методология представляет собой целостную систему, необходимую для фундаментального обоснования интегративной модели производства в суде первой инстанции на основе ценностно-стратифицированного подхода.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные труды российских и зарубежных ученых по философии и социологии права, логике, общей теории права, уголовно-процессуальному, конституци-

онному, уголовному, гражданско-процессуальному и другим отраслям права, а также монографии, диссертации, научные статьи по теории судебной власти.

Нормативную основу диссертационного исследования составили Конституция РФ, уголовно-процессуальное законодательство РФ и ряда других государств, иные федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, постановления и определения Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Эмпирическая база диссертационного исследования:

– результаты изучения 864 архивных уголовных дел, рассмотренных с 2006 г. по 2025 г. судами республики Башкортостан, Краснодарского и Пермского краев, Курганской, Самарской, Свердловской, Челябинской областей и городов Санкт-Петербурга и Москвы;

– результаты изучения 967 приговоров и иных судебных актов, вынесенных судами первой, апелляционной и кассационной инстанций с 2017 г. по 2025 г., опубликованных в информационных ресурсах государственной автоматизированной системы РФ, справочно-правовых системах «Гарант», «Консультант Плюс» и др.;

– результаты анкетирования 1258 практических работников, профессиональная деятельность которых связана с реализацией уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты, рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции (478 судей, 377 работников органов прокуратуры, 403 адвоката) 11 субъектов РФ: республики Башкортостан, Краснодарского и Пермского краев, Калининградской, Курганской, Новосибирской, Самарской, Свердловской и Челябинской областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга;

– статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, обзоры и справки по результатам обобщения судебной практики, опубликованные на официальных сайтах Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также статистические от-

четы Генеральной прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел РФ с 2018 г. по 2025 г.

Использован личный опыт практической работы автора в качестве адвоката Адвокатской палаты Челябинской области с 2010 г. по 2013 г.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции на основе интегративного ценностно-стратифицированного подхода, опирающегося на объективные законы спиральной эволюции ценностной системы общества.

В рамках работы проведено комплексное исследование производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции как целостной динамичной системы, отражающей эволюцию общественных приоритетов в условиях сопряжения национальных ценностей (справедливость, соборность, державность, патернализм, духовность, стремление к истине) с современными процессуальными императивами (публичность, состязательность и равенство прав сторон, защита прав личности, эффективность и качество правосудия) и усилением государственных гарантий защищенности личности, сохраняющих ценностное ядро правосудия в условиях цифровой трансформации, в результате которого соискателем:

1) осуществлен теоретико-правовой анализ детерминант преобразования уголовно-процессуальной формы производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, позволивший установить прямую зависимость этапов ее развития от доминирующей в конкретный исторический период иерархии правовых ценностей;

2) раскрыты содержание и правовая природа обновленной парадигмы данного производства, заключающейся в переходе от конкуренции принципов публичности и состязательности к их диалектическому синтезу и процессуальному балансу. Введена трехмерная критериальная система верификации их баланса,

опирающаяся на категории субстантивного равенства прав сторон и социальной легитимности судебного решения;

3) установлены существенные особенности уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих и развивающихся в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, где в качестве ключевых факторов выделены: дуальный объект (единство материально-правового и процессуально-результативного компонентов), функциональная иерархия субъектов, системообразующим элементом которой выступает активная арбитральная кросс-функция суда, детерминирующая правила субординации судебного внимания, а также динамическая темпоральность и обратимость их содержания, характеризующаяся нелинейностью правоотношений и их способностью, возникнув в определенной части производства, возвращаться в предшествующие его части или стадии уголовного процесса, изменяться без прекращения своего существования, сохраняя свою идентичность;

4) разработан итеративный алгоритм, трансформирующий имплицитные оценочные категории (внутреннее убеждение, судейское усмотрение, совесть) в эксплицитные, структурированные и верифицируемые компоненты процесса доказывания;

5) обоснованы этические и нормативные правила использования технологий искусственного интеллекта в судебном познании. Сформулирован подход управляемого взаимодействия судьи и технологий искусственного интеллекта, основанный на принципах прозрачности, контролируемости, верифицируемости и совместимости с судейской совестью;

6) разработаны правила стратегического управления судебным временем в виде двухуровневого регулирования (процессуальный и организационно-управленческий), трактующие время как системный ресурс, оптимизирующий качество правосудия при соблюдении разумных сроков;

7) раскрыт функционал категории «гласность», как механизма социальной легитимации производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по су-

ществу в суде первой инстанции, позволивший трансформировать ее из процедурного инструмента в самостоятельный принцип, для реализации которого разработана модель безопасной цифровой инфраструктуры, обеспечивающей баланс прозрачности и приватности;

8) установлен потенциал категории «справедливость» как принципа, формирующего доверие к правосудию через синтез нормативной определенности, социальной адекватности и индивидуализации правоприменения;

9) осуществлена функционально-целевая систематизация и классификация организационно-правовых условий производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции**,** создающая единый нормативный режим механизма его реализации.

Являясь фундаментальным методологическим стержнем диссертационного исследования, интегративный ценностно-стратифицированный подход позволил интегрировать разрозненные новации в целостную теоретическую конструкцию. На методологическом уровне данная конструкция преодолевает, не соответствующие современным вызовам, дихотомии. Выстраивает внутренне непротиворечивую систему правоотношений и критериев их верификации на теоретическом уровне. Предлагает конкретные инструменты в виде понятийного аппарата, алгоритмов, классификаций для совершенствования законодательства и правоприменения на практико-ориентированном уровне. Разработанная и фундаментально обоснованная на его основе интегративная модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции способна адаптироваться к эволюции общественного правосознания, реагируя на комплексный ценностный запрос современного общества и государства – достижение правосудия, являющегося одновременно законным (ценность порядка), эффективным (ценность оптимального использования ресурсов) и подлинно справедливым (гуманистическая ценность).

Научная новизна результатов диссертационного исследования отражается в положениях, вынесенных на защиту:

1. Уголовно-процессуальная форма интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции предполагает ценностно-стратифицированное переосмысление роли государства в современной концепции публичной власти, отражающей усиление государственных гарантий защищенности личности при сохранении процедурной прозрачности правосудия и основано на формировании теории диалектического единства и процессуального баланса взаимозависимых принципов:

– публичность как нормативно-властное основание государственной стратегии уголовного правосудия, предопределяющее системную целостность модели и интегрирующее активную арбитральную кросс-функцию суда;

– состязательность, трансформируемая из процедурного противовеса в содержательный механизм, обеспечивающий вербально-коммуникационную конструкцию и раскрытие позиций сторон в диалогическом взаимодействии;

– субстантивное равенство прав сторон, реализуемое через функциональную иерархию судебного внимания, где мера активности суда обратно пропорциональна процессуальным возможностям и усмотрительной инициативе сторон, создавая не формальное, а материально обеспеченное равенство.

2. Критериальная система верификации публично-состязательного диалектического единства и процессуального баланса принципов представляет собой отсутствующую ранее трехмерную систему ценностно-стратифицированных регуляторов.

Процессуальный критерий (беспристрастность) – обеспечивает легитимность активной деятельности суда путем установления объективных, проверяемых показателей его нейтральности. Этот критерий позволяет качественно отличить справедливую судебную инициативу от нарушения беспристрастности, создавая правила, согласно которым активность суда для компенсации доказательственных дефицитов, обладая критерием соразмерности конституционной цели правосудия – вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения, остается совместимой с его ролью независимого арбитра.

Функциональный критерий (реальное равенство прав сторон) – переходит от формального к субстантивному пониманию равенства, устанавливая иерархическую последовательность судебного внимания, превращая интуитивно применяемые судом подходы из латентных практик в явные, основанные на: 1) приоритете защиты (судебная активность в обеспечении возможности компенсации доказательственного дефицита стороны защиты как ключевой механизм реализации конституционного права на защиту); 2) гарантии прав потерпевшего (судебная обязанность по учету его позиции при отказе государственного обвинителя от обвинения); 3) вспомогательности по отношению к обвинению (судебная активность при очевидных процессуальных упущениях государственного обвинителя, выступающая не обвинением, а исполнением функции правосудия, направленной на установление обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого).

Результативный критерий (социальная и юридическая легитимность) – интегрирует право и справедливость, требуя, чтобы итоговое решение суда одновременно было формально законным и фактически воспринималось общественностью как справедливое. Этот критерий обращается к социологической реальности доверия к правосудию, которое достигается через мотивированность судебного решения, требующую глубокого погружения суда в социальный контекст и ценностное измерение обстоятельств конкретного уголовного дела.

3. Уголовно-процессуальная структура интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции детерминирована его публично-состязательной формой и представляет собой самостоятельную стадию уголовного процесса, состоящую из иерархически организованной системы взаимосвязанных, но автономных частей: подготовительная часть судебного заседания, судебное следствие, прения и реплики сторон, последнее слово подсудимого и постановление приговора. Данная структура предопределяет механизм реализации интегративной модели и обусловлена качественным воплощением нормативного регламента внутри каждой части, облада-

ющей уникальной функциональной нагрузкой и специфическим набором процедур, что в совокупности обеспечивает установление объективной истины и достижение цели производства.

4. Особенностями уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих и развивающихся в интегративной модели производства при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу в суде первой инстанции, являются:

1) системообразующий фактор их возникновения в виде уголовно-правового отношения;

2) дуалистичность объекта, материально-правовым компонентом которого выступает установление объективной истины по уголовному делу, определение виновности и назначение справедливого наказания, а процессуально-результативным компонентом – достижение конкретных промежуточных результатов в каждой части производства;

3) функциональная иерархия субъектов, где суд выступает центральным субъектом с государственно-властными полномочиями, активность которого определяется на основе объективных критериев процессуальной слабости защиты или несостоятельности обвинения, требующих компенсации доказательственных дефицитов для справедливого разрешения уголовного дела; обязательные субъекты сторон обвинения и защиты, реализующие публично-состязательное диалогическое взаимодействие; факультативные субъекты, участники, содействующие установлению действительных обстоятельств уголовного дела, подтверждающие гибкость модели;

4) динамическая темпоральность и обратимость содержания, характеризующаяся нелинейностью правоотношений и их способностью, возникнув в определенной части производства, возвращаться в предшествующие его части или стадии уголовного процесса, изменяться без прекращения своего существования, сохраняя свою идентичность.

5. Функциональная дифференциация участников интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде

первой инстанции реализуется через систему специализированных субъективных прав и юридических обязанностей, образующих динамический баланс состязательности. Данный баланс обеспечивается диалогическим взаимодействием участников производства, основанном на их профессиональном усмотрении. Согласованное применение гарантийно-арбитрального (профессионального усмотрения судьи), публично-обвинительного (профессионального усмотрения государственного обвинителя) и правозащитного (профессионального усмотрения защитника) видов профессионального усмотрения формирует процессуальный механизм преодоления доказательственных дефицитов в уголовном деле, способствующий рассмотрению и разрешению его по существу.

Публично-обвинительное усмотрение – профессиональное усмотрение государственного обвинителя, предполагающее ценностно-обоснованную законную позицию, формируемую с учетом мнения потерпевшего и объективно допускающую несогласие с вышестоящим руководителем. Правозащитное усмотрение – профессиональное усмотрение защитника, предполагающее ценностно-обоснованный согласованный с подсудимым выбор защитной позиции, основанной на законе с учетом профессиональной этики, допускающей диссонанс с другими защитниками по уголовному делу.

Процессуальный механизм преодоления доказательственных дефицитов в уголовном деле выражен правом суда самостоятельно устранять препятствия рассмотрения и разрешения его по существу путем исследования в судебном следствии вновь установленных по инициативе суда или сторон фактических обстоятельств совершенного деяния, соблюдая условие предоставления стороне защиты времени на подготовку к судебному заседанию.

6. Процессуальная формализация оценочных категорий «усмотрение судьи», «совесть», «внутреннее убеждение» в интегративной модели преодолевает проблему субъективизма путем их институционализации посредством понятийного аппарата и разработанного итеративного алгоритма оценки доказательств.

Понятийный аппарат трансформирует эти категории, традиционно рассматриваемые как имплицитные (скрытые) факторы, влияющие на судебное решение, но остающиеся неконтролируемыми и непроверяемыми, в эксплицитные (явные): 1) совесть – моральная категория, представляющая собой нравственные и этические ориентиры, направляющие судью на принятие справедливого решения; 2) внутреннее убеждение – феномен, синтезирующий в себе наряду с рациональными элементами (профессиональные знания и анализ доказательств) также психологические составляющие (эмоциональное состояние, волевой стимул, интуицию как вспомогательную форму познания), выступая субъективной основой для объективного и справедливого выбора в рамках, очерченных законом, превращая усмотрение из психологического акта в структурированный правовой институт; 3) усмотрение судьи – основанное на внутреннем убеждении, свободное от внешнего воздействия легитимное профессиональное суждение, формирование которого гарантировано принципом свободы совести, как правовой предпосылкой независимости, но детерминированное законом, доказательствами, национальными ценностями и правовыми императивами.

Итеративный алгоритм превращает деятельность судьи в прозрачный, поддающийся внешней проверке процесс, структурируя и верифицируя его компоненты, включающие в себя: 1) систематическое фиксирование всех доказательств и их взаимосвязей; 2) поэтапное выявление оценочных суждений судьи с указанием на источник этого суждения (нормативное требование, судебная практика, внутреннее убеждение); 3) обоснование логической цепочки от доказательств к выводам посредством явно сформулированных предпосылок; 4) рефлексивное отражение принципа свободы совести в правоприменении.

7. Использование технологий искусственного интеллекта в судебном познании в интегративной модели предполагает гуманистическую процессуальную конструкцию управляемого взаимодействия между искусственным и естественным интеллектами с помощью разработанных этических правил и правовых норм.

Управляемое взаимодействие основано на принципе усиления без подмены, предполагающем расширение аналитических возможностей судьи с помощью искусственного интеллекта посредством выявления противоречий в совокупности доказательств, предложения альтернативной интерпретации фактов, подготовки проекта судебного акта, не принимая за судью решение о виновности / невиновности и справедливости наказания.

Этические правила включают в себя: 1) прозрачность алгоритма – понимание судьей логики функционирования системы искусственного интеллекта; 2) контролируемость – функционирование искусственного интеллекта в подчиненной роли, где судья остается единственным источником авторитета в вынесении судебного акта, принимая на себя «бремя решения», осознавая правовую и этическую ответственность; 3) верифицируемость – рекомендации искусственного интеллекта воспроизводимы и объяснимы, доступны для критики сторонами; 4) совместимость с принципом свободы совести – система способствует, а не подавляет внутреннее убеждение судьи.

8. Стратегическое управление судебным временем в интегративной модели основано на разработке комплексной системы, переходящей от пассивного фиксирования нарушений процессуальных сроков к активному, стратегическому управлению временны́м ресурсом как инструментом повышения качества правосудия, сочетающей гарантии полноты исследования доказательств с требованиями разумности и экономии.

Преодолевая традиционный подход к срокам как формальным ограничениям, нарушение которых влечет за собой процессуальные санкции, предложенные правила вводят двухмерное регулирование времени: 1) процессуальный уровень, предполагающий четко определенные, но гибкие сроки, соответствующие принципам судопроизводства в разумный срок и справедливости; 2) организационно-управленческий уровень, представляющий собой систему стимулов и санкций для судов, прокуроров, защитников и иных участников, поощряющих надлежащее ис-

пользование времени и предотвращающих как бюрократическое их затягивание, так и недобросовестное ускорение.

9. Трансформация гласности и справедливости из процедурных требований в инструменты социальной легитимации и доверия к правосудию в интегративной модели обоснована через функциональную иерархию «гласность – справедливость», где гласность выступает базовым принципом прозрачности процедуры, а справедливость – высшим синтезирующим принципом, наполняющим ее ценностным содержанием.

Реализацией гласности служит концепция безопасной цифровой инфраструктуры, которая балансирует открытость судебной информации с защитой приватности участников производства, формируя информированное доверие граждан судебной власти. Справедливость раскрывается как динамическая категория, синтезирующая нормативную определенность, социальную адекватность и индивидуализацию правоприменения, что позволяет суду осуществлять юридическую рефракцию, применяя нормы права с опорой на процессуальные императивы и национальные ценности.

10. Систематизации нормативного режима деятельности суда, сторон и иных участников производства в интегративной модели способствует пятичленная функционально-целевая классификация организационно-правовых условий, производных от ее формообразующих принципов и инструментально воплощающих их: 1) условия организационно-процессуальных параметров (подсудность, место, время, срок, состав суда); 2) коммуникативно-познавательные условия – механизмы взаимодействия между участниками и судом для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела; 3) условие предметно-деятельностных пределов – установление границ предмета исследования и судебной активности; 4) условия функциональной дифференциации участников – определение правомочий (как меры возможного поведения) и обязанностей (как меры должного поведения) каждого участника; 5) условия порядка движения уголовного дела – алгоритм переходов между частями производства.

11. Рефлексивность интегративной модели обеспечивается ее ценностно-стратифицированной конструкцией, которая позволяет системе ее элементов реагировать на трансформации: 1) в государственной политике – за счет акцента на функции суда как активного гаранта справедливости, что соответствует усилению защитной роли государства в правосудии; 2) в социальном запросе – через легитимацию модели национальными ценностями и процессуальными императивами, отвечая на запрос общества на безопасность и доверие к правосудию; 3) в технологических инновациях – путем использования информационно-коммуникативных технологий и технологий искусственного интеллекта, как инструментов цифрового правосудия.

12. Адаптивность интегративной модели к динамике социально-правовой реальности обеспечивается дифференциацией ее уголовно-процессуальной формы. Выступая в качестве ценностно-ориентированного механизма, оснащенного совокупностью особых порядков производства, форма материализует конкретный иерархический комплекс национальных ценностей и процессуальных императивов, отражая государственную уголовно-процессуальную политику, эволюционирующую под влиянием общественного правосознания.

13. Универсальность интегративной модели позволяет экстраполировать ее ключевые элементы (принципы, организационно-правовые условия, критерии, понятийный аппарат), материализующие интегративный ценностно-стратифицированный подход, на иные судебные стадии уголовного судопроизводства, обогащая целостное понимание судебной власти через диалектику легитимирующих ее национальных ценностей и процессуальных императивов.

14. Свойствами интегративной модели, определяющими ее как методологическую и нормативную рамку для совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в условиях ценностной стратификации общества выступают: 1) антропоцентричность (обусловленность элементов иерархией ценностей, где защита личности определяет смысл и содержание судебной деятельности); 2) системная целостность (рассмотрение производства как единого уголовно-процессуального

механизма); 3) сбалансированность формообразующих и содержательных принципов (публичность, состязательность и равенство прав сторон, гласность, справедливость, разумный срок судопроизводства); 4) наличие функциональной иерархии участников (классификация, обеспечивающая субстантивное равенство прав участников посредством активной арбитральной кросс-функции суда); 5) верифицируемость и легитимность (обеспечение прозрачности и обоснованности); 6) гибридность интеллектов (усиление процессуальных возможностей судьи с помощью технологий искусственного интеллекта); 7) адаптивность к динамике социально правовой реальности (способность уголовно-процессуальной формы дифференцироваться с учетом эволюции общественного правосознания); 8) универсальность (применяемость на иных судебных стадиях); 9) рефлексивность социальным запросам (способность реагировать на ценностные изменения в обществе); 10) практико-ориентированность (наличие инструментов в виде понятийного аппарата, алгоритмов, критериев, правил управления качеством и эффективности для законотворчества и правоприменения).

Теоретическая значимость диссертационного исследования проявляется в его методологии, доктринальном и прогностическом аспектах. Посредством применения интегративного ценностно-стратифицированного подхода преодолено системное противоречие дисбаланса формообразующих и содержательных принципов производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции. Разработанный внутренне непротиворечивый нормативный режим данного производства и обогащение его новыми конструктами задают новый вектор исследований, смещающий фокус на рефлексивное правосудие, адаптивное управление его качеством и эффективностью на фоне технологических и социополитических вызовов.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в возможности использования положений, выводов и суждений в правотворческих целях – для совершенствования уголовно-процессуального закона и законодательства о судоустройстве РФ, при разработке предложений Пленуму Верхов-

ного Суда РФ и прочих практических рекомендаций, предполагаемых к использованию судьями, прокурорами, адвокатами.

Результаты диссертационного исследования применимы для использования в образовательном процессе юридических вузов и факультетов, для повышения квалификации практических работников и могут оказаться востребованными при подготовке учебной и учебно-методической литературы, научно-практических комментариев к законодательству.

Достоверность результатов исследования обуславливается применением надлежащих методов научного познания, исчерпывающим анализом значительного объема научной литературы, национального и зарубежного законодательства, судебной практики и статистики, репрезентативностью накопленных и проанализированных эмпирических данных и подтверждается их апробацией.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения, итоговые выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации отражены в 63 научных публикациях автора в объеме 168,6585 п.л., в том числе в 6 монографиях, 1 курсе лекций, 5 учебниках, 3 учебных пособиях; в 48 научных статьях: 1 опубликована в журнале, входящем в международные реферативные базы данных и системы цитирования Scopus, 31 опубликованы в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, 16 опубликованы в иных изданиях.

Положения диссертации докладывались и обсуждались в ходе научно-представительских мероприятий (форумов, конференций, круглых столов и т. п.), проведенных с 2006 г. по 2025 г.: в Институте государства и права Российской академии наук, Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Самарском национальном исследовательском университете им. академика С.П. Королева, Томском государственном университете (национальном исследовательском университете), Южно-Уральском государственном университете (национальном исследователь-

ском университете), Кубанском государственном университете, Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина, Уральском государственном юридическом университете им. В.Ф. Яковлева, Российском государственном университете правосудия им. В.М. Лебедева, Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России), Академии управления МВД России, Уральском юридическом институте МВД России, Верховном Суде Республики Абхазия и других научных, образовательных организациях и судебных органах.

Результаты диссертационного исследования апробировались с 2006 г. по 2025 г. в различных формах:

– в ходе проведения лекционных и практических занятий в Южно-Уральском государственном университете (национальном исследовательском университете), Уральском филиале Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева;

– в процессе обсуждения на заседаниях кафедр судебной и правоохранительной деятельности; уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы; уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета);

– в процессе дискуссий с представителями судейского корпуса, органов прокуратуры, предварительного следствия, адвокатского сообщества, возникающих в ходе практических и методических семинаров, открытых лекций и других подобных мероприятий, предполагающих взаимодействие ученых и практических работников.

Выводы и положения диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Кубанского государственного университета, Уфимского университета науки и технологий. Основные результаты диссертационного исследования были рассмотрены на заседании Президиума Верховного

суда Республики Абхазия, а также используются в правоприменительной практике судебных органов, прокуратуры и адвокатуры.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя восемнадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и источников, семи приложений.

Глава I. Концептуальные основы интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции

1.1 Уголовно-процессуальная форма интегративной модели

Уголовно-процессуальная форма рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу, устанавливая порядок (регламент) осуществления правосудия, определяющий условия, последовательность и документальное закрепление процессуальных действий и решений всех участников судопроизводства, не может быть статичным догматико-инертным конструктом, напротив, является динамическим, исторически обусловленным продуктом социального запроса и доминирующей в обществе концепции публичной власти. Закрепленная в нормативной плоскости, она определяется конкретным типом социально-политического устройства государства. Исторический анализ свидетельствует, что социальные преобразования выступают детерминантом процессуальной формы. Переход от обвинительного (частно-состязательного) процесса к розыскному (инквизиционному) был прямым следствием укрепления государственности и признания преступления посягательством как на частное лицо, так и на публичный порядок.

Процесс урбанизации создает предпосылки и «питательную среду» для возможного возникновения островков соборности, как возможный (и очень высокий) качественный идеал для социальных связей, которые в городе количественно умножаются. Общество стремится к глубокому, свободному и солидарному общественному объединению, создавая диалектическое единство между количеством социальных связей и потенциалом для нового качества жизни. Усложнение социальных связей, рост городов и возникновение новых форм собственности потребовали от государства более активной и централизованной реакции на преступность, воплотившись в тайной, письменной, с официальным началом, розыскной форме судопроизводства.

Либерально-демократические реформы трансформировали уголовно-процессуальную форму, преобразовав суд в орган правосудия, стрежневым принципом которого становится состязательность. Внедрение суда присяжных, институтов досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка судебного разбирательства становится ответом процессуальной формы на новые социальные ожидания в сфере эффективности, качества и справедливости правосудия.

Однако, будучи продуктом либерально-демократического контекста начала 2000-х гг., существующая модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции в своей имманентной структуре объективно не рефлексирует произошедшие в последние годы системные трансформации в сфере социального запроса и роли государства в концепции публичной власти. Социальные потребности общества в приоритете национальных ценностных устоев, усилении роли государства как основного субъекта, гарантирующего защищенность граждан в новой конституционной конструкции российской публичной власти, характеризующейся повышенной ответственностью перед народом, а также цифровые инновации влекут за собой реконструкцию уголовно-процессуальной формы с балансом публичного и состязательного начал с последовательным внедрением технологий искусственного интеллекта.

Диалектическое единство формы и содержания требует системных трансформаций в деятельности по рассмотрению и разрешению социальных конфликтов, вызванных преступлениями. Наполнение формы конкретными процедурами, правами и обязанностями зависит не только от того, какая концепция публичной власти и социальных целей признается приоритетной, а и от технологических преобразований в обществе. Использование колоссального потенциала технологий искусственного интеллекта как мощного аналитического процессора, структурирующего массив уголовного дела, выявляет правовые проблемы и процессуальные коллизии для оптимизации правосудия, но при этом надежно ограждает его гуманитарную сущность от рисков технократического вырождения, становится перспективным направлением развития судебной системы.

Уголовно-процессуальная форма рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции представляет собой чувствительный социально-правовой барометр, фиксирующий состояние и вектор развития общества и государства. Ее эволюция напрямую обусловлена сменой парадигм публичной власти и глубиной социальных преобразований, что подтверждается как историко-сравнительным, так и догматическим анализом. Любая серьезная реформа уголовного судопроизводства, чтобы быть успешной, должна адекватно отражать произошедшие в обществе изменения и соответствовать выбранной концепции взаимоотношений между личностью и властью.

Социальные сообщества, в которые объединяются люди посредством социальных связей и отношений, меняют свои качественные и количественные характеристики, усложняют структуру среды обитания и требуют согласования специальными институтами. Такими институтами становятся государство, право, власть. Власть, в частности судебная, выступает силой, способной применять к лицам, посягающим на общественные ценности и нарушающим сложившийся правопорядок, санкции таким образом, чтобы это рассматривалось как социальное благо.

Природа ценностей исследовалась в работах: Н.Н. Алексеева[1], обосновавшего отличие правовых ценностей от иных; Г. Риккерта[2], давшего классификацию ценностей, не включая в нее право; М. Вебера[3], соединившего аксиологию и герменевтику и сформулировавшего идеальную типологию легитимности власти; П.А. Сорокина[4], исследовавшего правомерное поведение в праве; Г. Кельзена[5],

---

[1] Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. С. 5–6, 8, 10.

[2] Риккерт Г. Наука о природе и наука о культуре / под ред. С.И. Гессена. М.: Республика, 1998. С. 55–59, 90–103, 120–128; Риккерт Г. Философия жизни. К.: Издательство «Ника-Центр», 1998. С. 5–6, 8–9, 288, 301, 310, 406.

[3] Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. С. 446–447.

[4] Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Издательство Я.Г. Долбышева, 1914. С. 86–88, 90–92, 97. 453 с.

[5] Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 29, 31–32.

П.И. Новгородцева[1], подчеркнувших значимость должного и сущего в праве, где сущее – это нормы позитивного права, не являющиеся идеальными, а должное обязывает к соответствующему поведению.

О ценностях, как о том, что есть благо и каковы формы его существования, человек размышлял во все времена, корректируя их перечень. Так, в эпоху Демокрита благом и целью жизни определялось счастье. Сократ высшей ценностью считал мудрость, в эпоху средневековья благом считалось добро, И. Кант утверждал, что путь к благу лежит через чувство долга человека[2]. М. Вебер рассматривал ценности как способ бытия[3]. В понимании Г. Риккерта, ценности – это особая часть мира, определяющая цели и задачи, которым должны служить воля и деятельность[4].

Практический прорыв в изучении систем ценностей осуществил М. Рокич, который на основе обзора В.А. Брэйтуэйта и В.А. Скотта, отнесших понятие ценностей к характеристике людей и их желаний[5], разделил их на две категории: 1) ценности-цели – то есть убеждения в том, что достижение некоторых конкретных целей является смыслом человеческой жизни (активная деятельная жизнь; жизненная мудрость; здоровье; интересная работа; материально обеспеченная жизнь; любовь; общественное признание; возможность образования; развитие; развлечения; продуктивность; свобода; самостоятельность; семья и др. и 2) ценности-средства – таланты, связанные с методами достижения целей (аккуратность; воспитанность; жизнерадостность; исполнительность; независимость; образованность; ответственность; рационализм; самоконтроль; смелость в отстаивании своего мнения и взглядов;

---

[1] Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализама: сборник статей / под ред. П.И. Новгородцева. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 248, 249, 254, 259, 270, 272.

[2] Мирошников Ю.И. История аксиологии: от Платона до Канта // Первые Лойфмановские чтения: аксиология науч. познания: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 1. 2006. С. 96–105; Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 450.

[3] Вебер М. Указ. соч. С. 448.

[4] Риккерт Г. Указ. соч. С. 363–391.

[5] Braithwaite V.A., Scott W.A. «Values». Measures of Personality and Social Psychological Attitudes / ed. by J.P. Robinson, P.R. Shaver, L.S. Wrightsman. New York: Academic Press, 1991.P. 661–753.

твердая воля; терпимость; широта взглядов; честность; эффективность в делах; чуткость и др.). Утверждая, что все люди обладают одними и теми же ценностями, но в разной степени, М. Рокич под ценностью понимал устойчивое убеждение в принципиальной предпочтительности некоторых целей или способов существования перед другими. Ориентация человека на те или иные ценности, которые немногочисленны и организованы в системы, воздействует на общественные отношения[1].

В качестве эффективного инструмента анализа эволюции правовых систем и лежащих в их основе ценностных иерархий выступает теория спиральной динамики, разработанная на основе исследований психолога Клэра Грейвза[2] и развитая в работах Дона Бека и Криса Кована. Данная теория предлагает нелинейную модель развития индивидуального и коллективного сознания, объясняя социальные изменения через последовательную смену доминирующих ценностно-мировоззренческих систем, или «витальных кодов».

Ключевой тезис теории заключается в том, что «уровни психологического существования представляют собой состояния, через которые человек проходит в процессе своего развития»[3]. Эти уровни организованы в спираль, где каждый последующий «витальный код» представляет собой ответ на вызовы и ограничения предыдущего, формируя уникальную систему приоритетов, мотиваций и представлений о справедливости. Как отмечают Д. Бек и К. Кован, «системы пробуждаются в ответ на усложняющиеся жизненные условия»[4], что приводит к трансформации базовых социальных институтов, включая право.

Важнейшим для юридической науки аспектом спиральной динамики является ее ценностно-стратифицированный подход, который постулирует, что каж-

---

[1] Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. С. 17.
[2] Graves C. W. Levels of Existence: An Open System Theory of Values. // The Journal of Humanistic Psychology. 1970. Vol. 10(2).
[3] Graves C. W. Human Nature Prepares for a Momentous Leap // The Futurist. 1974. Vol. 8. № 2. P. 72–87.
[4] Beck D.E., Cowan C.C. Spiral Dynamics: Mastering Values, Leadership, and Change. Oxford, 1996. P. 6.

дому уровню спирали соответствует собственная аксиологическая матрица: от ценностей выживания и безопасности через ценности порядка, истины и успеха к ценностям социальной гармонии, плюрализма и интегративного баланса. Право, таким образом, рассматривается как проекция доминирующего в обществе «витального кода», а его изменения – как следствие ценностных сдвигов по спирали. Данный подход резонирует с идеей Д. Бека о том, что «здоровое общество – это то, в котором люди на всех уровнях спирали могут удовлетворить свои условия жизни, не нарушая целостности целого»[1], что напрямую коррелирует с задачей права как инструмента социального баланса.

Апелляция к интеграции становится методологической основой, указывающей на переход от линейного, частичного, догматико-инерционного подхода, характерного для более ранних ценностных уровней, к системному, целостному, интегральному пониманию институтов права как сложной адаптивной системы. В рамках ценностно-стратифицированного подхода уровень системного, интегративного мышления характеризуется пониманием сложности и многоуровневости реальности; видением взаимосвязей между разными системами (право, общество, технологии, психология); стремлением к интеграции различных точек зрения и подходов, а не выбору одного в ущерб другому; гибкостью и адаптивностью, отказу от жестких догм в пользу эффективных решений, соответствующих контексту.

Ценностно-стратифицированный подход обнаруживает высокую степень методологической согласованности с аксиологической концепцией права Н.Н. Алексеева. Регулирование общественных отношений посредством права составило основу исследований о ценностях Н.Н. Алексеева, обосновавшего идею о том, что подлинно нравственная система права возможна только при строгом и неискаженном восприятии социальных ценностей. Достижение совершенного состояния права, по его концепции, возможно лишь при правильном познании ценностей, их вза-

[1] Beck D.E., Cowan C.C. Указ. соч. P. 64.

имных отношений, порядка и иерархии[1]. Положение Н.Н. Алексеева о том, что подлинно нравственная система права возможна лишь при «правильном познании ценностей, их взаимных отношений, порядка и иерархии», посредством ценностно-стратифицированного подхода теории спиральной динамики, получает динамическое измерение. Если Н.Н. Алексеев обосновывает необходимость выявления объективной иерархии ценностей для «совершенного состояния права», то спиральная динамика предлагает модель понимания того, как эта иерархия исторически формируется, трансформируется и каким образом правовые нормы, выступая выражением системы ценностей, отражают конкретный этап ее эволюционного развития. Таким образом, спиральная динамика операционализирует процесс «познания ценностей», рассматривая его в контексте закономерной смены ценностных парадигм общественного сознания. Справедливо отмечает О.В. Качалова, подчеркивая, что национальная идентичность российского уголовного процесса, наряду с геополитическими условиями принятия УПК РФ, влиянием международных стандартов на его развитие, экономическими потребностями, социальным запросом на гуманизацию уголовного судопроизводства, определяется особенностями исторического развития и приоритетом защиты Отечества над иными задачами, реализуемыми при производстве по уголовным делам[2].

Для человека, в его миропонимании, формируются господствующие представления о желаемом хорошем и правильном, которые складываются в некую систему, закрепляющуюся в виде социальных базисов – ценностей. Система национальных ценностей государственности, а для российского общества это справедливость, соборность, державность, патернализм, духовность, стремление к истине, оказывает непосредственное влияние на содержание норм права, являющихся их высшим выражением, воплощая правила, принципы, условия поведения людей во взаимоотношениях. Поэтому о системе ценностей можно судить по тем

---

[1] Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 5–6.

[2] Качалова О.В. Национальная идентичность российского уголовного судопроизводства: социальная обусловленность и факторы детерминации // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 1 (83). С. 51.

нормам, которые закрепляют охраняемые государством общественные отношения, и содержанию судебных производств, призванных их защищать. Система национальных ценностей государственности выражается совокупностью общественных ценностей, к которым, как правило, относят многочисленные категории, такие как жизнь, здоровье, свобода, семья, мораль, нравственность, досуг, творческая самореализация, образование, социальный статус, стабильность, материальное благополучие и т.п., все они становятся защищаемыми государством после закрепления их в качестве прав, свобод и законных интересов человека в правовых источниках. Таким образом, в качестве общественных ценностей, охраняемых государством, выступает совокупность прав, свобод, законных интересов человека, охрана и справедливая защита которых предопределяет наличие соответствующих государственных механизмов.

Современная парадигма защиты прав человека, выходя за рамки догматико-инерционного подхода, требует глубинного понимания ее аксиологических оснований. Переход от концепции ценностно-правового идеала к интегративной модели, основанной на ценностно-стратифицированном подходе теории спиральной динамики, позволяет сформулировать ряд фундаментальных положений, обосновывающих примат ценностно-стратифицированного подхода:

1) иерархия правовых ценностей как отражение эволюционного уровня правосознания: общественные системы и их институты эволюционируют через мировоззренческие уровни, каждый из которых порождает уникальное понимание «справедливости», «свободы» и «защиты». Эффективность механизмов защиты прав человека напрямую коррелирует с тем, насколько правовая система способна отражать и гармонизировать сложную, многоуровневую палитру ценностей современного плюралистического общества (от ценностей выживания и стабильности до ценностей социальной солидарности);

2) права человека как динамичная проекция доминирующих социальных ценностей: право не создает ценности, но формализует те из них, которые созрели в общественном сознании и доминируют на текущем ценностном уровне. Защита

же конкретного права (например, права на приватность или цифровую автономию) обретает подлинную силу только тогда, когда соответствующая ценность укореняется в коллективном сознании, переходя из разряда абстрактных благ в категорию императивной потребности;

3) ценностный конфликт как системный вызов для механизмов защиты. Эволюция сопровождается неизбежными конфликтами между ценностями разных стратификаций (уровней) (например, безопасность или свобода, равенство или меритократия). Уголовный процесс и правозащитные институты становятся главной ареной разрешения этих конфликтов. Ценностно-стратифицированный подход, будучи первостепенным, требует от законодателя и правоприменителя не просто буквального следования норме, но проведения постоянной «ценностной диагностики»: какую именно систему приоритетов, на каком уровне (стратификации) охраняет данная процессуальная гарантия или материальный состав.

Таким образом, ценностно-стратифицированный подход – это ценностная адекватность как критерий совершенства правовой системы. Система, застрявшая на догматико-инерционном подходе (например, исключительно на силовом подавлении), неизбежно дает сбои в эпоху, когда общество движется к ценностям плюрализма, инклюзивности и самоорганизации, стремясь сохранить свои национальные приоритеты в виде державности, патернализма, соборности, справедливости, духовности, стремления к истине. Национальные ценности России прямым образом отражены в уголовно-процессуальной деятельности при производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу. Так, справедливость, выраженная в соразмерности процессуальных средств и итоговых решений нравственным ожиданиям общества, обеспечивает защиту прав и законных интересов всех участников судопроизводства, фундаментом которой выступает стремление к истине, обусловливая необходимость объективного установления всех обстоятельств уголовного дела. Соборность проявляется в коллегиальных началах правосудия, в том числе в наличии суда присяжных, позволяющего учитывать общественное мнение через участие представителей народа в отправлении правосудия.

В неукоснительном исполнении законов как основы государственного суверенитета и авторитета судебной власти заключается державность. Патернализм, в свою очередь, позволяет реализовать компенсаторную функцию государства, обеспечивающую особую защиту слабой стороны и доступ к правосудию. На нравственные идеалы добра и милосердия, которые находят отражение в институтах примирения и поощрительных формах судопроизводства, опирается духовность.

Следовательно, ценностно-стратифицированный подход является конститутивным элементом построения эффективной системы защиты прав человека. Он требует признания того, что право динамично преобразуется на конкретном историческом витке спирали социальных ценностей. Первостепенность этого подхода означает, что правовые преобразования должны начинаться с исследования ценностных ожиданий общества и прогнозирования их эволюции. Только так защита прав перестает быть функцией принуждения и становится живым инструментом гармонизации общественного развития, отражающим подлинную иерархию социальных благ. Права человека как ценность обусловлены такими взаимосвязанными факторами, как его психологические и биологические признаки и базовые идеи государственной доктрины конкретного исторического периода. Каждая исторически существовавшая система права включала в себя определенную юридическую концепцию человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе[1], а правопонимание представляло собой вариант ответа на вопрос о том, как право связано с человеком[2], поскольку сама идея прав человека связана с осознанием их защиты[3]. В исследованиях идеи прав человека обосновывается религиозная[4] и моральная[5] их природа. Они отождествляются со свободой, под которой понимается отсутствие внеш-

---

[1] Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 311.
[2] Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.
[3] Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 301–304.
[4] Алекси Р. Существование прав человека / Р. Алекси; пер. с англ. С.И. Максимова // Правоведение. 2011. № 4. С. 26.
[5] Там же. С. 23.

них препятствий делать желаемое[1]. Транслируется понимание прав человека через статусное достоинство, заключающееся в определении нормативных стандартов поведения, атрибутируемых определенными социальными ролями[2], и осуществлении их защиты посредством свода судебных решений[3].

Социальное признание и закрепление в виде юридической идеи придает правам человека статус признанных и защищаемых[4]. В виде юридической идеи люди закрепляют права в конвенциях, декларациях, конституциях и др. нормативных актах, положения которых становятся исходными правовыми началами всеобщего регулятивного значения.

Современная концепция прав человека связана с тем, что система норм призвана определять возможные и должные варианты поведения, чтобы оно соответствовало выраженной в праве воле общества[5] и его представлениям о свободе, равенстве, справедливости. Будучи возведенной в ранг нормы права и повсеместно обязательной, идеология прав человека получила возможность обеспечиваться и влиять на национальное уголовное судопроизводство через призму не только soft law или внеинституциональных методов воздействия, но и подлинных процессуальных правовых механизмов[6], в первую очередь, его формы.

В Конституции РФ закреплены естественные и неотчуждаемые права человека, которые признаются высшей ценностью, а их соблюдение и защита – обязанностью государства (ст. 2), реализуемой посредством конституционных прин-

---

[1] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского М.: Мысль, 2001. С. 145.

[2] Valentini L. Dignity and Human Rights: A Reconceptualisation // Oxford Journal of Legal Studies. 2017. Vol. 37. № 4. P. 863.

[3] Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер. с английского О.В. Полторацкая; редактор П.Г. Виноградов. 2-е изд., прижизн. изд., пер. доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1907. С. 220–223.

[4] Троицкая А.А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 66–78.

[5] Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. С. 79.

[6] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 76.

ципов, отражающихся в уголовно-процессуальном законодательстве. Конституционные принципы судебной власти: осуществление правосудия только судом; независимость, неприкосновенность, несменяемость судей; открытое разбирательство дел в суде; состязательность и равноправие сторон; сочетание коллегиального и единоличного порядка рассмотрения дел (гл. 7 Конституции РФ) – находят свое отражение в формообразующих принципах производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, реализация которых наряду со всеми остальными принципами гарантирует защиту прав человека уголовным правосудием, оказывая конструктивное влияние на его процессуальную форму.

Посягательство на права человека как общественные ценности, охраняемые государством, вызывает противоречие, столкновение, серьезное разногласие противоположно направленных целей, интересов, позиций, именуемое конфликтом[1].

Основоположники теории конфликта (Г. Зиммель[2], Козер[3], Р. Дарендорф[4], К. Боулинг[5], Э. Фромм[6] и др.) отмечают, что социальные конфликты неизбежны, поскольку обусловлены «априорным инстинктом борьбы» человека[7], а их источником становится общество, «приобретая органы, которые, как чужая отдельному лицу сторона, предъявляют ему свои требования для немедленного исполнения»[8], поэтому «конфликт между обществом и отдельной личностью развертывается в

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 286, 746.
[2] Simmel G. Soziologie: Untersuchungen ber die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908. P. 702.
[3] Coser L.A. The Functions of Social Conflict. L.: Simon and Schuster, 1964. P. 160.
[4] Dahrendorf R. Elemente Eines Theorie des Sozialen Konflikts / R. Dahrendorf. Gesellschaft und Freiheit. Munchen, 1965. P. 280.
[5] Boulding K. Conflict and Defence: A. General Theory. N.Y.: Harper, 1963. P. 189.
[6] Черепанова Е.С. Философия конфликта Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 4.
[7] Simmel G. Soziologie: Untersuchungen ber die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908. P. 196.
[8] Зиммель Г. Религия: Социально-психологический этюд / пер. с нем. Бердоносова и О. Лямбекъ. М.: Издание М. и С. Сабашниковыхъ, 1909. С. 52.

самом индивиде в виде борьбы его сущностных элементов»[1], позволяя вскрыть противоречие и снять напряженность между его участниками посредством правового спора как одной из форм ведения конфликта[2]. То есть установленный государством и признанный обществом определенный порядок разрешения споров в установленной уголовно-процессуальной форме воспринимается его членами как механизм охраны и защиты своих ценностей и поэтому поощряется ими.

Наиболее цивилизованным развитием социального противоборства В.Н. Кудрявцев называет правовой конфликт, подчеркивая, что он обладает признаками протекания в рамках уголовно-процессуальной формы, включающей в себя определенные процедуры, достаточно строгую аргументацию и формализованное и санкционированное волей государства решение[3]. В научных исследованиях отмечается, что противоречия, возникающие в социальных отношениях и являющиеся социальным конфликтом, после их урегулирования правом становятся юридическим конфликтом (П.А. Астахов)[4], суть которого в проявлении и разрешении межличностных и внутриличностных диалектических противоречий (О.Я. Баев)[5]. Спор, столкновение взглядов сторон на имеющийся факт, связанный с правовыми отношениями, влекущий за собой юридические последствия, по смыслу является юридическим конфликтом, юридическим средством управления которым выступает судебное производство[6].

Присущая правовому спору напряженность, а часто и насилие, во взаимоотношениях субъектов – конфликтующих сторон – превращает его в весьма острую

---

[1] Зиммель Г. Указ. соч. С. 53.
[2] Магала С. Зиммель // Современные западные исследования социологической классики. Вып. I. Георг Зиммель: реферативный сборник. М.: Рос. акад. наук, ИНИОН, 1992. С. 20.
[3] Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 122, 123.
[4] Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 117.
[5] Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 12.
[6] Баранов В.М., Худойкина Т.В. Теория юридического конфликта: философские и социолого-правовые аспекты // Юрист-Правовед. 2000. № 1. С. 28.

форму борьбы участников, хотя и в рамках закона[1], именуемую уголовно-правовым спором. Включая в себя признаки спора как состязания, в котором каждый отстаивает свое мнение, и конфликта как столкновения, серьезного разногласия противоположно направленных целей, интересов, позиций[2], уголовно-правовой спор отягощается остротой конфликтного противоречия между спорящими сторонами и требует его разрешения посредством судебного производства[3].

Следует обратить внимание, что теория уголовно-правового конфликта как отягощенного остротой противоречия между спорящими сторонами разрабатывалась учеными-процессуалистами, основные выводы которых заключаются в следующем. Л.В. Головко обосновывает понимание уголовного процесса как формы разрешения правового конфликта[4]. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский в рамках своей концепции типологии уголовного процесса прямо указывают, что «предметом уголовного процесса является уголовно-правовой конфликт», и детально разбирают его элементы[5].

Под уголовно-правовым конфликтом в уголовном процессе принято понимать социально-правовое явление, представляющее собой разновидность юридического конфликта, который возникает в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом, и заключается в противоборстве (столкновении) интересов, прав и обязанностей его участников (прежде всего, обвиняемого (подсудимого) и государства в лице органа уголовного преследования), протекающем в рамках уголовно-процессуальной формы и разрешаемом компетентным государственным органом (судом) путем применения норм материального и процессуального права. Уголовно-процессуальный конфликт, как отмечает Н.П. Кириллова, является основным двигателем уголовного процесса в его судебных стадиях,

---

[1] Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 126.
[2] Ожегов С.И. Указ. соч. С. 286, 746.
[3] Бурмагин С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 18.
[4] Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 42–58.
[5] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебное пособие. М.: Эксмо, 2022. С. 30–38.

поскольку это наиболее эффективный путь выявления контраргументов и корректировки позиции обвинения[1].

Таким образом, признаками уголовно-правового спора, качественно дополняя друг друга, выступают: 1) *общие признаки*, присущие любому спору: противоборство субъектов; противоположность почитаемых ими ценностей; необходимость инструмента для его разрешения; 2) *особенные признаки*, присущие юридическому спору: наличие законной процедуры разрешения спора; наличие органа, управомоченного на его разрешение; право сторон предъявлять доказательства для обоснования своей точки зрения; обязательность силы вынесенного решения, способного восстановить нарушенный порядок, установленный законом; 3) *специальные признаки*, присущие уголовно-правовому спору: наличие отправной точки уголовно-правового спора в виде обвинения; обязанность государства по требованию заинтересованных лиц или по собственной инициативе принимать меры для применения закона; создание специального органа (суда) для его разрешения на основе нормативно закрепленных принципов и условий.

В связи с этим под уголовно-правовым спором следует понимать материально выраженное противоречие между результатом мотивированного поступка человека и обусловленной ценностными ориентирами общества системой правил правопорядка, породившее состояние бифуркации (неравновесности, неустойчивости), требующее вмешательства незаинтересованного уполномоченного субъекта, способного в установленном порядке, предопределенном принципами и условиями, вернуть равновесие и устойчивость системы правопорядка посредством получения результата, удовлетворяющего общество, установившего ценностные ориентиры своего благополучия. Необходимость восстановления ценностного благополучия общества порождает феномен уголовного правосудия, предназначенного для разрешения уголовно-правового спора посредством прекращения

---

[1] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2007. С. 43.

противоборства и восстановления справедливости специальным государственным органом – судом.

Поскольку, как установлено ранее, корни общественных конфликтов имеют как объективные, так и субъективные противоречия, социум с древних времен прибегал к разрешению конфликтов именно с помощью суда или его подобия, складывая о нем были и небылицы[1]. Обратившись к древнему источнику – Библии, приходим к выводу, что судить означало высказать окончательное суждение в споре судьей, который в силу особого назначения либо морального авторитета разрешал споры между людьми и выносил обязательные к исполнению решения[2].

Уголовно-правовой спор представляет собой юридически значимую ситуацию, возникающую в результате реального посягательства на социально-ценностные объекты, строго определенные законом и находящиеся под охраной государства. В силу публично-правовой природы уголовного судопроизводства, государство, в лице компетентных органов, несет императивную обязанность реагировать на такие посягательства – как по собственной инициативе, так и по требованию заинтересованных лиц – путем приведения в действие механизмов применения уголовного закона. Таким образом, производство по уголовному делу в суде трансформируется из формальной процедуры разрешения конфликта в ключевой инструмент защиты и восстановления нарушенных общественных ценностей, конституирующих основы правопорядка. Именно через осуществление правосудия государство реализует свою гарантирующую функцию, материализуя уголовно-правовой запрет и подтверждая незыблемость охраняемых благ.

Идея правосудия обусловлена гарантиями законности и справедливости деятельности независимого и свободного суда, который, как явление цивилизации, независимо от изменения структуры общества, сущности государства должен вы-

---

[1] Книга о судах и судьях. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах. М.: Восточная литература, 1975. С. 126–128, 153–155, 284–289.

[2] Библия. Книга Судей: 4,5 [Электронный ресурс]. URL: https://allbible.info/bible/sinodal/jud/4/ (дата обращения: 11.07.2021).

полнять свою социальную функцию, а судья – осознавать социальное назначение своей деятельности[1]. В научной литературе правосудие представляется как стабилизирующая, созидательная и умиротворяющая сила[2]. В связи с этим суд выступает миротворцем, устраняющим конфронтацию. Возникновение суда ученые связывают с появлением у людей возможности признать равенство между собой, а правосудия – с осознанием государства необходимости нести ответственность перед гражданином[3]. Непосредственная направленность на урегулирование ситуационных правовых конфликтов с целью обеспечения режима законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека выступает как характерный признак правосудия[4].

Правосудие, способное разрешать уголовно-правовые споры, являясь единственным механизмом защиты прав, свобод и законных интересов гражданина в экстремальной ситуации преступного правонарушения, именуется уголовным, а уголовно-правовой спор в официальной его трактовке – уголовным делом. Поэтому употребление термина «уголовно-правовой спор» и его отягощенная остротой противоречий форма «уголовно-правовой конфликт» нами используется для познания сущности механизма защиты прав, свобод и законных интересов человека посредством уголовного правосудия.

В основе уголовного правосудия как социально-правового явления заложена идея защиты прав человека справедливым и беспристрастным государственным органом – судом, – доверие общества к которому неоспоримо. В.Д. Зорькин отметил, что, «если люди не верят в то, что они могут найти достойное и справедливое решение в суде, они все равно станут решать свои проблемы. Люди не могут не решать своих проблем! Чем меньше они будут верить в возможность найти

---

[1] Зуев С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 70.

[2] Боботов С.В. Введение в правовую систему США / С.В. Боботов, И.Ю. Жигачев. М.: Норма, 1997. С. 153.

[3] Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. С. 4.

[4] Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / коллектив авторов под ред. В.М. Бозрова. М., 2017. С. 43.

решение в суде, тем больше они будут обращаться за помощью к … социально-деструктивному контингенту»[1]. Особое отношение к суду обусловлено беспристрастностью, независимостью, неприкосновенностью судьи, процессуальной формой осуществления им властных полномочий, гарантиями прав предстающих перед судом лиц[2], что позволяет вручить им волшебную палочку процессуальности, преобразующую информацию в судебное (процессуальное) доказательство, разговор в судебный (процессуальный) допрос, встречу в судебное (процессуальное) заседание и т. п.[3]

Институциональные механизмы уголовного правосудия обладают свойством принудительности. На первый взгляд может показаться, что идеи публичности и стремления к установлению истины вступают в противоречие с идеей справедливой защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. Уравновесить полноправное существование в уголовном правосудии публичных и частных интересов при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора призван суд, который основывает свою деятельность на уголовно-процессуальных принципах, в том числе образующих его форму в условиях состязательности и равенства прав спорящих сторон. Независимый судья, осознавая социально-правовой характер своей деятельности и обладая высоким уровнем правосознания, наделяется полномочиями, обеспечивающими его необходимую и достаточную активную уголовно-процессуальную функцию с целью установления истины для справедливого разрешения уголовно-правового спора в условиях состязательности и субстантивного равенства прав спорящих сторон.

Суд – одно из самых утонченных, наиболее совершенных и в то же время наиболее замаскированных, завуалированных средств охраны порядка[4], роль которого, как органа правосудия в разрешении социальных споров, в разные исто-

---

[1] Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. С. 311.
[2] Судоустройство и правоохранительные органы / под ред. Л.В. Головко: учебник. 2-е изд. М.: Издательский Дом «Городец», 2022. С. 229.
[3] Головко Л.В. Указ. соч. С. 188–189.
[4] Крыленко Н.В. Судоустройство в РСФСР. М.: Тип. МКХ, 1924. С. 9.

рические этапы менялась, что обуславливало нестабильный и ограниченный объем его властных полномочий, не позволявший рассматривать его деятельность как форму реализации судебной власти[1].

Поскольку уголовно-процессуальные правоотношения возникают, развиваются и прекращаются под влиянием экономических отношений, социальной структуры, идеологии и культуры[2], уголовное судопроизводство не может быть монолитным, линейным и однопредметным производством[3], не подверженным изменениям, в том числе, в сфере технического прогресса человечества. На протяжении последних десятилетий в ситуации постоянно обновляющегося миропонимания и внедрения цифровых инноваций правоприменительная практика ставит новые методологические задачи в исследовании институтов уголовного правосудия в условиях его меняющейся национальной формы. Это неизбежно приводит к системным трансформациям правоотношений между участниками производства по рассмотрению и разрешению уголовно-правовых споров по существу и требует наделения суда (судьи) обеспечивающимися государством полномочиями активного арбитра. На данном историческом этапе, отмечено В.Д. Зорькиным, главное направление правового развития России заключается в построении правового социального государства, поскольку только на этом пути наша страна сможет противостоять сложным вызовам современного мира, сохранить свою идентичность в условиях глобализации и найти достойное место в процессе общецивилизационного развития человечества[4].

Судебная власть, участвуя в судопроизводстве во всей своей полноте, является единственным видом конституционно признанной власти, а суды – единственным видом учрежденных Конституцией РФ государственных органов, кото-

---

[1] Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 24.
[2] Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 16.
[3] Бурмагин С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 16.
[4] Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 310.

рые создаются специально для судопроизводства, то есть для процессуальной деятельности[1].

Отражая вызовы современного мира, уголовное правосудие реализует свое призвание[2] и единую функцию судебной власти[3] – справедливого разрешения социальных конфликтов в виде уголовно-правовых споров.

Участие в уголовном судопроизводстве суда позволяет государству создать абсолютную и полноценную процессуальность, отмечает Л.В. Головко, поскольку суд (как разбирательство конкретных дел) невозможен без процесса (вне процессуальной формы), а процесс – без суда, в результате чего, уголовное судопроизводство посредством действий суда обеспечивается процессуальной легитимностью, делая рассмотрение дел подлинно легитимным[4].

Функциональная необходимость государственных механизмов уголовного судопроизводства порождает не просто его существование и наличие, но и стремление к преобразованию этих механизмов. Правовое развитие страны требует достаточно глубокого понимания мира для ответа на вопрос, что именно следует сохранить, а что – изменить, находя и удерживая соразмерность и органичный синтез национального ценностного запроса российского общества (справедливость-правда, соборность, державность, патернализм, духовность, стремление к истине) с современными процессуальными императивами (состязательность, права личности, эффективность, качество).

Препятствиями в преобразованиях российского судопроизводства становятся несинхронность исторического движения и фундаментальная культурная специфичность, поэтому то, что в одних культурах является благом, в других культурах может таковым не считаться, то, что в одних культурах гипертрофировано, в

---

[1] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 192.

[2] Шейфер С.А., Яблоков В.А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России. История и современность: сборник научных статей. Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999. С. 198.

[3] Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 16.

[4] Головко Л.В. Указ. соч. С. 186–188.

других культурах может быть фрустрировано, поскольку у каждого народа свой путь, отмечено В.Д. Зорькиным[1].

Неповторимость национальной уголовно-процессуальной формы представляет собой прямое следствие ценностно-стратифицированного пути развития государства. Компетентный законодатель, синтезируя историческую национальную традицию, культурный контекст и сравнительно-правовые достижения, объективирует в нормах процесса доминирующий на данном историческом витке спирали «ценностный код» общества. Таким образом, уголовное судопроизводство является не техническим регламентом, а институциональным воплощением аксиологической матрицы, основанной на ценностно-стратифицированном подходе, отражающей текущий уровень развития правосознания и социальных приоритетов, что делает его форму уникальным индикатором ценностной зрелости правовой системы.

Однако, как верно замечено Л.В. Головко, взращивание государством своего уголовного судопроизводства нередко сопряжено с неудачными решениями, недооценкой исторического и сравнительно-правового опыта, пренебрежением уголовно-процессуальной логикой и институциональными закономерностями, ухудшающими уголовный процесс конкретного государства[2].

Феномен наличия судебной власти в государстве социально обусловлен государственной потребностью в охране и защите общественных ценностей и присущ всем судебным системам современности. Современная модель[3] судебного производства в России обусловлена трансформациями нового времени, приведшими к интеграции публичности, состязательности и субстантивного равенства прав сторон.

---

[1] Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 297, 299, 303.

[2] Головко Л.В. Указ. соч. С. 19.

[3] «Модель» – это сложившийся исторический тип, который служит эталоном (образцом) для построения уголовного судопроизводства в конкретном обществе. Она разрабатывается с учетом исторической, этнической и культурной общности // Таричко И.Ю. Научные воззрения о категориях типа и модели уголовного процесса // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 192–193.

Исторические источники Российского государства свидетельствуют, что власть судебная начинает зарождаться и укрепляться с созданием вотчинных и церковных судов в период Русской Правды, в XII веке. В этот период применялись такие судебные процедуры, как поединок, ордалия, рота, наблюдалась классовая основа склонения суда явно в одну сторону, форма процесса была обвинительной[1]. Период XIII–XIV веков характеризуется как период столкновения в правонарушении трех сторон: истца, ответчика и судьи, при этом всегда имела место вражда каждой стороны обеим остальным, но союз двух решал дело за счет третьей стороны[2]. Для XV века документом, устанавливающим производство в суде, явился Судебник 1497 года, в котором сохраняется обвинительный процесс при разрешении уголовно-правового спора. Отношения сторон устанавливались челобитными истцов (обвинителей). Неявка в суд обвинителя влекла за собой прекращение дела, а неявка обвиняемого – признание его вины, при этом разрешалось примирение сторон как до начала, так и во время судебного поединка[3]. В XVI веке усиливается активность суда, требующего от сторон доказательств и самостоятельно отыскивающего их в соответствии с основным процессуальным документом того времени – Судебником 1550 года.

О переходе от обвинительного процесса к розыскному свидетельствует Соборное Уложение 1649 года. К существенным переменам в судебном производстве во время царствования Петра I (первая половина XVIII века) можно отнести судебную реформу 1719 г., создание прокуратуры в 1722 г. и письменность судопроизводства. Процесс был розыскным, активная роль суда заключалась в применении пытки, очистительной присяги, формальной системы доказательств и отсутствии прав обвиняемого.

---

[1] Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа, Равена, 1995. С. 634.

[2] Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1911. С. 292.

[3] Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. Документы. Том. 1. Начала формирования судебной власти. М.: Спутник, 2003. С. 159.

Первая половина XIX века ознаменована такими документами, как Свод законов 1832 года и Уложение о наказаниях 1845 года, не лишенных таких недостатков, как: «1) принцип сословности …; 2) низкий умственный и нравственный уровень личного состава суда; 3) нищенские оклады …, порождающие непомерное взяточничество …; 4) рабская зависимость суда от администрации; … 8) отсутствие устности и гласности в судопроизводстве; … 10) следственный или инквизиционный характер процесса, основанный на теории судебных доказательств; …»[1]. В канун реформы 1864 г. суд николаевской эпохи был построен по крепостническим порядкам и по сословному принципу, таким образом, что для определенного сословия существовал свой суд. Кроме того, правосудие осуществлялось судьями, которые не имели юридического образования. Самыми образованными в суде были секретари суда, которые знакомили судей со статьями закона при разбирательстве дела. В производстве суда при разрешении уголовно-правового спора не заслушивались показания обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а только лишь зачитывались протоколы допросов. Более того, действовала теория формальных доказательств. Сроки рассмотрения уголовных дел были не то что неразумными, а просто дикими. Например, одно из уголовных дел рассматривалось более 20 лет: с 1844 г. по 1865 г.[2]

Предвестником реформ 1864 г. (период второй половины XIX века) явились заявления профессоров университетов, сделанные в 1850-е гг., которые касались необходимости разграничения функций рассмотрения дела и обвинения, предоставления подсудимому возможности защищаться, то есть призыв к введению принципа состязательности[3], а также учреждение в 1860 г. института судебных следователей, которые осуществляли предварительное следствие. Следует отме-

---

[1] Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. Документы. Том. 3. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М.: Спутник, 2003. С. 171.

[2] Толмачев Е.П. Александр II и его время. Книга первая. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. С. 252.

[3] Баршев С.И. О необходимых гарантиях уголовного суда // Русский вестник. 1859. Т. 20. С. 185–220; Баршев С.И. Задачи присяжных в деле уголовного суда // Русский вестник. 1863. Т. 45. С. 98–126.

тить, что очень активно изучался зарубежный опыт[1], однако дальнейшее движение в сторону реформирования судебной системы тормозилось. И только 20 ноября 1864 г. Александром II были подписаны Судебные Уставы, которые в корне изменили сущность судебной власти. «Новые уставы ознаменовали кардинальные перемены в судебном ведомстве. Они были так обширны, что уместно говорить о строительстве новой судебной системы, а не о реформировании старой»[2]. Производство в суде по рассмотрению и разрешению уголовно-правового спора стало всесословным, независимым от администрации; провозглашались принципы равенства всех перед судом, личного убеждения судьи, устности, гласности, состязательности судебного процесса; функции уголовного процесса были разделены на обвинение, представленное прокуратурой, защиту и рассмотрение дела судом.

Исторический обзор периода XII в. – 1917 г. показал:

– обвинительный процесс (частно-исковой) имел признаки примитивно состязательного (спор решался посредством личного выяснения отношений между участниками спора – «поединок»), при отсутствии признаков публичности;

– розыскной (инквизиционный) процесс обладал признаками «мега»-публичности, не порождал спор и не мог быть состязательным a priori;

– «чисто» состязательный процесс, затмевая признаки публичности, не учитывал властность полномочий суда как государственного органа.

В период с 1917 г. по 1991 г. (начало судебной реформы) было принято два ключевых нормативно-правовых акта: УПК РСФСР 1923 г. и 1960 г., которые отражали основные положения производства в суде первой инстанции, обусловленные политическими и социальными преобразованиями в России.

Среди характерных черт производства по УПК РСФСР 1923 г., отразившего становление советской власти, следует выделить:

---

[1] Миттермайер К.Ю. Суд присяжных в Европе и Америке / под редакцией Н.И. Ламанского. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1865; Миттермайер К.Ю. Уголовное производства в Англии, Шотландии и Северной Америке. М.: Типография Грачева и Комп., 1864.

[2] Попова А.Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX – XXI вв. в контексте модернизации. М.: Новый хронограф, 2009. С. 53.

1) активную роль суда на этапе предания суду, то есть, признав, что предъявленное обвинение недостаточно обосновано, суд выносил определение о прекращении дела или направлении его к доследованию (ст. 238), а в случае несогласия с содержащейся в обвинительном заключении формулировкой обвинения суд составлял новое обвинительное заключение (ст. 240); список свидетелей формировался судом, при этом тех свидетелей, чьи показания не вызывали сомнения, суд вправе был не вызывать (ст. 391);

2) установление судом истины в ходе судебного разбирательства (ст. 257);

3) ограничение пределов судебного разбирательства первоначально предъявленным обвинением лицам, преданным суду (ст. 311), причем суд мог выделить дело по новому обвинению и направить его для расследования (ст. 312); обнаружение судом новых обстоятельств, влекущих за собой более тяжкое наказание, требовало направления дела для расследования, а не влекущих такового, позволяло суду вынести приговор по новой формулировке обвинения (ст. 313);

4) вынесение мотивированного определения о привлечении к ответственности лица, совершившего преступление и не привлеченного к делу в качестве подсудимого, и направлении дела для расследования (ст. 315).

Политические и социальные преобразования в СССР в середине XX столетия отразились и на уголовно-процессуальных правоотношениях посредством принятия УПК РСФСР 1960 г. Относительно производства в суде первой инстанции можно выделись следующие существенные положения:

1) сформулировано определение суда первой инстанции как суда, управомоченного постановлять приговор по делу (ст. 34);

2) подчеркнута активная роль суда на этапе предания суду (ст. 227);

3) поддержано право вызова свидетелей распоряжением суда по его усмотрению (ст. 238);

4) для регулирования сроков судебного разбирательства по делу, требующему продолжительного времени, предусмотрена возможность вызова запасного народного заседателя (ст. 242);

5) обеспечено установление истины посредством руководства судьей судебным заседанием (ст. 243);

6) пределы судебного разбирательства ограничены обвинением, в соответствии с которым обвиняемый предан суду, и порядком изменения обвинения только если этим не ухудшается положение подсудимого, в противном случае уголовное дело направляется на дополнительное расследование (ст. 254);

7) право суда возбуждать уголовное дело по новому обвинению и направлять необходимые материалы для производства расследования (ст. 255).

В целом следует заметить, что переход от УПК РСФСР 1923 г. к УПК РСФСР 1960 г. отразил эволюцию от авторитарного к более сбалансированному производству в суде первой инстанции.

Кардинальные изменения в сущность производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции привнесла судебная реформа 1991 г. Начиная с Пленума ЦК КПСС 27–28 января 1987 г.[1] и XIX Всесоюзной партийной конференции 1988 г.[2] впервые были затронуты вопросы реформирования судебной системы. В частности, в Резолюции конференции был сформулирован ряд задач, стоящих перед правоохранительной системой, куда входил и суд: обеспечение верховенства закона, повышение авторитета суда, укрепление начал состязательности, гласности, недопустимость обвинительного уклона, обеспечение независимости судов[3]. В 1990 г. на XXVIII съезде партии было заявлено, что должна возрасти роль суда в защите гражданских прав, и это дало возможность науке сосредоточиться на исследовании места и роли суда в обществе и среди других государственных органов. Как и в период реформ 1864 г. начинается активное изучение зарубежного опыта для заимствования институтов других правовых систем, в частности англо-саксонской: принцип состязательности, разделение уголовно-процессуальных функций между участниками произ-

[1] Материалы Пленума ЦК КПСС 27–28 января 1987 г. М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1987. С. 35.
[2] Резолюция XIX Всесоюзной партийной конференции // Материалы XIX Всесоюзной партийной конференции. М.: Политиздат, 1988. Том 2. С. 173–175.
[3] Резолюция XIX Всесоюзной партийной конференции ... С. 147.

водства в суде первой инстанции. Появляются исследования, в которых предлагается установить судебный контроль с целью обеспечения прав и свобод граждан при производстве предварительного следствия, преодолевать обвинительный уклон суда, повысив состязательность судопроизводства[1].

Под влиянием политической перестройки общества и хлынувшей научной мысли в 1991 г. Верховным Советом РСФСР принимается «Концепция судебной реформы», повлиявшая и на производство по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции. В ходе реформы было предложено, кроме всего прочего, выделить судебную власть в самостоятельную ветвь и превратить суд из карательного органа в правоохранительный, лишив его обвинительных функций. Изменения коснулись таких существенных вопросов, как невозможность возбуждения судом уголовного дела, направления обвиняемому копии обвинительного заключения и оглашения обвинительного заключения, продолжения судебного разбирательства уголовно-правового спора при отказе прокурора от обвинения и восполнения полноты обвинения. Иной смысл придается рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, при котором судебная власть отделяется от других ветвей власти, и все участники судопроизводства осуществляют свою деятельность только в рамках возлагаемой на них уголовно-процессуальной функции в соответствии с принципом состязательности и общего условия равенства прав сторон.

Реформа продолжилась посредством принятия целевых программ о развитии судебной системы. Их анализ позволяет проследить требования, предъявляемые государством к производству в суде первой инстанции в новых условиях своего развития, а практика применения норм позволяет оценить фактические преобразования.

---

[1] Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М.: Наука, 1991. С. 187; Явич Л.С. Указ. соч. С. 183.

В Концепции Судебной реформы 1991 г.[1] было заявлено о необходимости защиты и неуклонного соблюдения основных прав и свобод человека; приоритетности конституционных прав граждан в судопроизводстве; закрепления демократических принципов организации и деятельности правоохранительных органов; обеспечения достоверности и повышения доступности информации о деятельности судов; организации судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности; дифференциации форм судопроизводства.

Целевая программа «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы» от 20 октября 2001 г.[2] определяла направления реформирования производства в суде первой инстанции по следующим показателям: усиление авторитета судебной власти и независимости судей; кадровое и материально-техническое обеспечение судебной системы; укрепление научного потенциала судебной власти; создание системы профессиональной подготовки и переподготовки судей и работников аппаратов судов.

Целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы» от 21 сентября 2006 г.[3] обращала внимание на повышение качества правосудия, уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций; обеспечение открытости и прозрачности правосудия; повышение доверия к правосудию; повышение эффективности и качества рассмотрения дел; обеспечение доступности правосудия и независимости судей; повышение уровня исполнения судебных решений.

---

[1] Постановление Верховного Совета РСФСР № 1801-I от 24.10.1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[2] Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 годы» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4623.

[3] Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

Целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» от 27 декабря 2012 г.[1] выделяет такие приоритеты, как качество правосудия, совершенствование защиты прав и свобод граждан и организаций, открытость и доступность правосудия, независимость судебной власти. В качестве конечных результатов реализации Программы и показателей ее социально-экономической эффективности государство определяет повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечение доступности и открытости правосудия, а также обеспечение независимости судебной системы и повышение авторитета судебной власти, что должно привести к созданию условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе.

Поскольку в международном сообществе взаимовлияние и взаимопроникновение национальных правовых систем является естественным и неизбежным процессом культурного диалога[2], государство старается стабилизировать свое национальное производство в суде первой инстанции, не только опираясь на национальные исторические правовые традиции, но и учитывая положительный опыт других государств.

Реформируя свое судебное производство, Россия заимствовала опыт зарубежных государств для определения формы, а следовательно, цели и задач производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции. Так, на первоначальном этапе реформирования была поддержана идея американского судебного процесса, который должен происходить в форме спора, где каждая сторона представляет доказательства своей правоты[3]. В.Д. Зорь-

---

[1] Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

[2] Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств: сравнительное теоретико-правовое исследование: англо-американской и романо-германской правовых систем: монография. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. С. 230; Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. … докт. юрид. наук. СПб., 2003 С. 16.

[3] Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. С. 460; John Merryman The Civil Law Tradition. 2d ed. Stanford, 1985. P. 110.

кин заметил, что Россия в результате реформенных взаимодействий между государствами оказалась в очень сложной ситуации многообразных и разнонаправленных внешних воздействий, которые необходимо исследовать, понимать и учитывать, поскольку непрерывное усложнение национальной системы права повышает цену ошибок в разработке и реализации государственно-правовой стратегии[1].

Догматизм, то есть строгое, буквальное следование существующим правовым доктринам, формулировкам и конструкциям без критического анализа их адекватности меняющимся социальным реалиям, где право рассматривается как замкнутая логическая система, главенствует формальное соответствие предписанным нормам, а не достижение справедливого результата или социальных целей, а также инерционность – сопротивление изменениям, автоматическое воспроизводство устаревших правовых форм и процедур в новых условиях приводят к разрыву между правовой нормой и жизненной ситуацией, которую она призвана регулировать. Последствия такого подхода ассоциированы со снижением эффективности права, падением общественного доверия к правосудию, неспособностью юридически оформлять новые социальные отношения и вызовы, в том числе в цифровой трансформации.

Положения действующего уголовно-процессуального закона, опираясь на догматико-инерционный подход в регулировании правоотношений в базовой стадии уголовного судопроизводства – рассмотрение и разрешение уголовных дел по существу в суде первой инстанции, будучи продуктом либерально-демократического контекста начала 2000-х гг., в своей имманентной структуре объективно не рефлексируют произошедшие в последние годы системные трансформации.

Проявление этих трансформаций зафиксировано:

---

[1] Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. С. 298.

– в сфере социального запроса (кардинальное смещение вектора публичных ожиданий от уголовной юстиции в сторону приоритета национальных ценностных устоев и гарантий коллективной безопасности, что входит в концептуальное противоречие с гипертрофированной, в его нынешней интерпретации, акцентуацией на индивидуальных правах обвиняемого, подчас в ущерб интересам потерпевшего и общества в целом);

– в сфере роли государства (произошла объективная консолидация и усиление роли государства как основного субъекта, гарантирующего не только правопорядок, но и национальную защиту от новых форм транснациональных угроз в условиях цифровой трансформации. Данная усилившаяся патерналистская[1] и этатистская[2] функция требует адекватного процессуального инструментария, выходящего за рамки существующей модели, при которой суд выступает «пассивным наблюдателем»);

– в сфере концепции публичной власти (новая конституционная модель российской публичной власти, характеризующаяся ее единством, верховенством и повышенной ответственностью перед народом как носителем суверенитета, диктует необходимость переосмысления функционального предназначения института производства в суде первой инстанции, который в своей текущей редакции создает дисфункцию и препятствует эффективной реализации властных полномочий суда);

– в сфере технического прогресса в обществе, шагнувшем в эпоху цифровых инноваций, позволяющих использовать аналитические программные комплексы на основе искусственного интеллекта в развитии судебной системы посредством активного внедрения их в работу судов, позволяющих быстрее выявлять противоречия в судебной практике и реагировать на них, обеспечивая качество и эффективность правосудия.

---

[1] Система отношений, при которой государство заботится о гражданах, а те взамен подчиняются и принимают диктуемые правила поведения.

[2] Активное регулирование государством всех сфер общественной жизни.

На основе исторического анализа российского уголовного судопроизводства выявляются устойчивые национальные ценностные ориентации, которые должны быть учтены в его современной модели. К ним относятся: глубинное стремление к материальной справедливости («правде»), а не только к формальной процедуре; ожидание от государства и суда патерналистской защиты и активной роли в установлении истины; приоритет общественного блага и гармонии (соборность) над узким индивидуализмом; уважение к державности и закону как к гаранту порядка. Современное судопроизводство, интегрируя стандарты состязательности и прав личности, должно найти органичный синтез с этими традициями. Это предполагает арбитральную, активно-направляющую роль суда, который, обеспечивая субстантивное равенство сторон и процедурные гарантии, сохраняет ответственность за достижение объективно-справедливого, нравственно воспринимаемого обществом результата, отвечающего как частным, так и публичным интересам.

Действующая модель, ограничивающая суд пассивной ролью в доказывании (лишь истребование документов по ч. 3 ст. 86 УПК РФ), не соответствует его публично-состязательной миссии по установлению действительных (истинных) обстоятельств уголовного дела. Необходимо законодательно усилить функцию суда, предоставив ему право по собственной инициативе проводить отдельные следственно-судебные действия для активного восполнения пробелов при исследовании доказательств. Это превратит суд из формального арбитра в реальный орган правосудия, реализующий кросс-функцию, предполагающую интеграцию и процессуальную координацию разнородных профессиональных знаний и правовых позиций сторон обвинения и защиты, обеспечивающую всестороннее, полное и объективное установление всех обстоятельств уголовного дела, преодолевающую функциональную односторонность участников процесса, поскольку объеди-

нение специалистов, представляющих различные функциональные направления в одной команде, достаточно эффективно[1].

Производство по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции является центральной стадией уголовного процесса, содержание которого наполняется государством в соответствии с его уголовно-процессуальной формой. Наличие стороны обвинения в лице государственного обвинителя, поддержавшего обвинение, сформулированное органами предварительного расследования, подчеркивает публичность уголовного правосудия. Однако смысл публичности следует рассматривать шире, поскольку, как верно заметил А.С. Барабаш, она имеет социально-политическую сущность[2]. Представляется, что публичность уголовно-процессуальной формы производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции заключается в принятии на себя государством, в лице уполномоченных органов, в числе которых непременно должен быть суд, ответственности за обеспечение защищенности граждан. Именно суд в связи с этим призван ее гарантировать посредством справедливого разрешения уголовно-правового спора, установив истину в процессе рассмотрения его обстоятельств.

Публичность объективно предопределяет границы действия диспозитивности, связанной по содержанию с состязательностью[3]. Представляется, что публичность и состязательность ограничивают друг друга, как свобода и право, в ставшем крылатым выражении В. Гюго – «The freedom of one ends where the freedom of the other begins»[4], основой которого является положение ст. 4 Декларации прав человека и гражданина «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого чело-

---

[1] Калибина Е.Г. Кросс-функциональные команды как инструмент развития знаниевого потенциала компании // Вестник СПбГУ. 2020. Том 19. Вып. 3. С. 337.

[2] Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 41.

[3] Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 9.

[4] Гюго В. Отверженные: в 5 томах / пер. под ред. и с вступит. статьей А.К. Виноградова, Жан Вальжан. Москва: Academia, 1931. С. 36.

века ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом»[1].

Состязательность уголовного правосудия создается для реализации возможности равенства участников уголовно-правового спора, так как речь о свободе и ее границах бессмысленна без спора. Поскольку уголовно-правовой спор возникает при посягательстве на общественные ценности, охраняемые государством в виде прав, свобод, законных интересов его членов, правовое государство подключает публичность как гарантию обеспечения их защищенности. Равенство прав участников при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора обеспечивается посредством института судебной защиты.

Таким образом, в основе генезиса современной публично-состязательной формы судебного производства по уголовным делам в России лежит ценностно-стратифицированный подход. Совершенствование национальной процессуальной формы через избирательную рецепцию зарубежных механизмов отражает переход к более сложному ценностному уровню, сочетающему публичную обязанность охраны установленных законом благ с индивидуалистически-состязательными и плюралистически-справедливыми элементами процедуры. Эта интегративная модель является институциональным ответом на триединую задачу: 1) охрану нормативно объективированных ценностей; 2) легитимацию конфликта через формальное обвинение; 3) создание под руководством активного суда процедурной платформы для состязания сторон, конечной целью которой является не просто разрешение спора, а восстановление ценностного баланса через установление судом истины и постановление справедливого итогового решения.

Выводы по параграфу

Переосмысление фундаментального концепта уголовно-процессуальной формы производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу

[1] Декларация прав человека и гражданина от 26.08.1789 г. / Документы истории Великой французской революции. М.: Норма, 1992. 110 с.

в суде первой инстанции обусловлено парадигмальным дисбалансом, выявляющим структурный дефицит действующего законодательства. Нормы УПК РФ, сформированные в либерально-демократическом контексте начала 2000-х гг., в своей конструкции не отражают произошедшие системные трансформации: усиление социального запроса на приоритет национальных ценностей с учетом процессуальных императивов и гарантирующей защиту прав личности роли государства. Преодоление дихотомии инквизиционности и состязательности достигается через уголовно-процессуальную форму интегративной модели, предполагающую диалектическое единство и процессуальный симбиоз взаимозависимых начал:

– публичность как нормативно-властное основание, обеспечивающее системную целостность и реализующее гарантийную функцию государства через интеграцию активной арбитральной кросс-функции суда, аккузационной функции обвинения и дефензивной функции защиты;

– состязательность как содержательный механизм, формирующий вербально-коммуникационную конструкцию процесса через диалогическое раскрытие позиций сторон;

– субстантивное равенство прав сторон, институционализируемое через функциональную иерархию судебного внимания, где активность суда компенсационно усиливается при процессуальной слабости сторон.

1.2 Уголовно-процессуальные правоотношения в интегративной модели

Уголовно-процессуальные правоотношения в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции выступают индикатором ценностной стратификации общества.

Во-первых, они отражают доминирующие в уголовно-процессуальной политике ценности. Порядок, авторитет, долг проявляются в публичной природе правоотношений, где обязательным субъектом выступает властный орган, суд, обвинитель. Жесткая формализация, иерархия, стадийность и императивный ме-

тод регулирования служат инструментами обеспечения стабильности и предсказуемости, что является ключевой ценностью этого уровня; стратегия, эффективность, состязательность воплощаются в состязательной конструкции правоотношений (суд – обвинение – защита). Достижение истины через конкурентное представление аргументов является целеполаганием, а процессуальная активность сторон, диспозитивные начала, в виде распоряжения правами и тактическими решениями, отражают ценность стратегического успеха и рационального результата; равенство, эмпатия, гармония реализуются через принцип субстантивного (материального) равенства сторон и компенсаторную функцию суда. Система правоотношений стремится не к формальной, а к реальной справедливости, выравнивая процессуальные возможности слабой стороны (защиты) через «функциональную иерархию судебного внимания».

Во-вторых, через них выражен динамический симбиоз ценностных уровней. Современная процессуальная модель не может выступать как монолит одного уровня, она должна быть ценностным гибридом. Публичность обеспечивает системный каркас, состязательность – движущий механизм, а субстантивное равенство – корректирующий и гуманизирующий фактор. Правоотношения – это та правовая реальность, в которой эти уровни вступают в диалог или конфликт в силу запроса общества и государственной политики (например, активность суда для восстановления баланса можно рассматривать как вмешательство в чистую конкуренцию сторон, но она необходима как компенсаторный механизм, обеспечивающий субстантивное равенство).

В-третьих, эволюция правоотношений как смена ценностных приоритетов: с исторической точки зрения смещение акцентов в конструкции правоотношений от чисто инквизиционной к состязательной и далее – к публично-состязательной с усилением гарантий отражает эволюционный путь по спирали – от жесткого контроля через эффективность к включению ценностей справедливости и равноправия.

Таким образом, правоотношения в производстве суда выступают конкретным юридическим полем, на котором разворачиваются борьба и синтез ценностных уровней (слоев). Их форма, содержание и динамика напрямую детерминированы тем, какой ценностный комплекс (или их сочетание) доминирует в уголовно-процессуальной политике и общественном правосознании на данном историческом этапе развития государства. Таким образом, анализ правоотношений через призму ценностно-стратифицированного подхода позволяет выявить не только юридический, но и глубокий ценностный фундамент устройства правосудия.

Диалектическое единство и процессуальный симбиоз взаимозависимых начал: публичности как нормативно-властного основания, обеспечивающего системную целостность и реализующего гарантийную функцию государства через интеграцию активной арбитральной кросс-функции суда, аккузационной функции обвинения и дефензивной функции защиты; состязательности как содержательного механизма, формирующего вербально-коммуникационную конструкцию процесса через диалогическое раскрытие позиций сторон; субстантивного равенства прав сторон, операционализируемого через функциональную иерархию судебного внимания, где активность суда компенсационно усиливается при процессуальной слабости защиты, предопределяет системообразующий характер правоотношений, возникающих и развивающихся между участниками производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции.

Синтез публичности, выражающей ценности порядка и системности, состязательности, реализующей ценности индивидуальной активности и эффективности, через механизм субстантивного равенства, воплощающий ценности справедливости и равенства возможностей, отражает эволюционное усложнение ценностных оснований процессуальной формы.

Являясь элементом механизма правового регулирования, правоотношения представляют собой средство для воплощения норм права в жизнь. Как заметил С.С. Алексеев, такое воплощение осуществляется посредством «перевода (пере-

ключения) общих моделей поведения в плоскость конкретных мер поведения – субъективных прав и юридических обязанностей…»[1].

Психическая деятельность человека выступает отправной точкой наполнения правоотношений материальным и юридическим содержанием. Определяя свое место среди физически существующих и условных, например, государство, субъектов правоотношений, каждый участник совершает поступки (материальное содержание правоотношения), транслируя окружающим свой выбор субъективных прав и юридических обязанностей (юридическое содержание правоотношений).

Будучи призванными решать определенные социальные задачи[2], правоотношения ориентированы на конкретную цель, стремясь достичь которой его участники совершают конкретные действия, формирующие их правовое поведение. Поведение относительно закрепленных в правовой норме прав и обязанностей оценивается отдельными индивидами, обществом или государством как правомерное (желательное) или неправомерное (нежелательное). Нормативность правового поведения в зависимости от действий человека позволяет говорить о правомерном поведении, то есть соответствующем требованиям норм права, и о противоправном поведении, то есть нарушающем такие требования, и юридически безразличном поведении, находящемся в рамках правового поля[3]. В юридической литературе правомерное поведение исследуется учеными, причем концепции смысла данного понятия разнообразны[4].

Поддерживая идею о том, что правоотношение – явление динамическое, обусловленное государственной доктриной, согласимся с мнением С.С. Алексеева, подчеркнувшего, что права и обязанности в нем находятся в развитии[5]. Ста-

---

[1] Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит, 1982. Т. 2. С. 27, 85, 94.
[2] Протасов В.Н. Правоотношение как система. М.: Юридическая литература, 1984. С. 48.
[3] Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. С. 7–8.
[4] Титова Е.В. Правомерное поведение в российском конституционном праве: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021.
[5] Алексеев С.С. Указ. соч. С. 84.

бильность правоотношению придают: во-первых, четкое очертание круга лиц, на которых распространяется действие юридических норм, закрепляющих их должное поведение; во-вторых, возможность приведения в действие специальных юридических средств, обеспечивающих реализацию субъективных прав и юридических обязанностей.

Находясь в единстве со всеми общественными отношениями, правоотношения выступают как особый вид социальных связей. Отправной точкой формирования правоотношений становится фактическое отношение в одной из сфер жизни человека. Включаясь в реальную жизнь, правоотношения соединяют юридические нормы и поведение человека в социуме. Однако, как заметил В.Н. Кудрявцев, индивидуальные отношения, которые приобретают юридический характер в силу санкции государства, могут предшествовать юридическим нормам[1]. В этом смысле характерным является то, что фактическое отношение обретает юридическую форму на основе государственно-властного акта правоприменительного компетентного органа, как подчеркивает Р.О. Халфина[2].

Механизм правового регулирования в уголовном процессе представляет собой системное единство норм, актов, деятельности и, что наиболее существенно, правоотношений, в которых абстрактные предписания закона обретают реальное действие. Субъективные права и обязанности, закрепленные в нормах, актуализируются в конкретных процессуальных деятельностях, формируя специфические признаки правоотношений. Их качественное разграничение на материальные и процессуальные является методологической основой для понимания двойственной природы современного производства: материальные правоотношения отражают конфликт по поводу охраняемых ценностей, а процессуальные – конструируют публично-состязательную форму его разрешения. Следовательно, совершенствование судебной стадии требует реконструкции именно процессуальных

[1] Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 19.
[2] Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 302.

правоотношений, обеспечивающих баланс между активной гарантирующей ролью государства (публичность) и равными возможностями сторон (состязательность и равенство) в рамках установленной процедуры.

Понятие процессуальных правоотношений в научной литературе сводится к следующему: набор прав и обязанностей участников, которые они используют в своей деятельности, тем самым формируя свое поведение[1]; возможность реализации ряда компетенций, формирующихся из правомочий и обязанностей[2]; взаимодействие в виде юридически предусмотренной и значимой деятельности в предписанной нормой права форме[3]; специфическая социальная связь, при которой есть права и обязанности, а также полномочия и ответственность[4].

Критериальная дифференциация процессуальных правоотношений предполагает их анализ через призму двойственной природы: наряду с общими признаками, присущими правоотношениям как родовому понятию (наличие субъектов, объекта, содержания в виде субъективных прав и юридических обязанностей), они обладают комплексом специфических (особенных) признаков, имманентных их процессуальной модальности. К числу последних относятся: 1) производный и служебный характер от материальных правоотношений, целью которых является их юридическое разрешение или защита; 2) жестко формализованная процессуальная форма возникновения, изменения и прекращения, детерминированная законом; 3) обязательное участие в качестве субъекта органа публичной власти, наделенного властно-распорядительными полномочиями; 4) динамическая последовательность (стадийность), образующая единую процедурную цепочку; 5) специфический объект – упорядоченная процессуальная деятельность по установлению юридически значимых обстоятельств и принятию решений. Выделение и анализ этой системы критериев являются методологической основой для теорети-

---

[1] Явич Л.С. Общая теория права. Л.: ЛГУ, 1976. С. 46–50.
[2] Толстой Ю.К. К теории правоотношений. Л.: ЛГУ, 1959. С. 23.
[3] Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л.: ЛГУ, 1981. С. 100.
[4] Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков: Вища школа, 1985. С. 97.

ческого конструирования и совершенствования интегративной модели судопроизводства, адекватной современным социальным и технологическим вызовам.

Во-первых, влияние формы судебного производства на правоотношения придает им идеологический характер, который, выражен набором субъективных прав и обязанностей, позволяющих осуществлять свою деятельность его субъектам. Государственная идеология, отраженная в уголовно-процессуальной доктрине, бесспорно определяет смысл юридического содержания правоотношений в рамках установленной уголовно-процессуальной формы.

Во-вторых, сущностное отличие процессуальных правоотношений заключается в том, что они носят исключительно правовой характер, поскольку возникают в результате правовой регламентации[1] и имеют собственное материальное и юридическое содержание ввиду того, что при воздействии различных факторов они приобретают специфические черты и неодинаковый набор прав и обязанностей их участников[2].

В-третьих, критерием специфики процессуальных правоотношений является метод правового регулирования, что и предопределяет фокусировку норм права и выделение их в самостоятельную отрасль[3].

В-четвертых, процессуальные отношения можно считать «чисто» правовыми, то есть регулируемыми только правовыми нормами, так как их можно назвать регулятором «чисто» правовой деятельности[4].

Поскольку уголовно-процессуальные правоотношения выступают разновидностью процессуальных, наряду с общими (характерными для всех правоотношений) и особенными (характерными для процессуальных правоотношений) им присущи специальные признаки. Наличие таких правоотношений не вызывает

---

[1] Сабо И. Социалистическое право. М.: Прогресс, 1964. С. 311–312.
[2] Проценко Е.Д. Содержание процессуально-ограничительных правоотношений / Е.Д. Проценко, Б.В. Макогон // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 149.
[3] Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Юрид. лит, 1961. С. 23–24.
[4] Протасов В.Н. Правоотношение как система. М.: Юридическая литература, 1984. С. 59.

сомнения, но их конкретное содержание продолжает оставаться научной загадкой[1].

Отличительным признаком уголовно-процессуальных правоотношений выступает их детерминированность уголовно-правовыми правоотношениями. В связи с этим важное замечание высказал Л.В. Головко, подчеркнув максимальную общественную опасность и санкционирование государственного воздействия для границ уголовного права, поскольку за его пределами ничего более опасного (с точки зрения поведения) и строгого (с точки зрения ответственности) нет a priori[2].

В науке уголовного процесса высказаны мнения о следующих специальных признаках уголовно-процессуальных правоотношений: связь с уголовно-правовыми, особый круг участников, специфика их прав и обязанностей[3]; наличие органа власти, более двух участников, реализация норм материального права наряду с процессуальным[4]; ярко выраженный властный[5] и исключительно публично-правовой характер[6]; обязательность представителя государственной власти[7].

По своей сущности уголовно-процессуальный метод правового регулирования традиционно рассматривается как императивный. Однако наряду с ним существуют как метод дозволения (позволяет лицам, вовлеченным в производство по уголовному делу, использовать любые права для отстаивания своей позиции, которые прямо не запрещены законом), так и диспозитивный метод (применяется в

---

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. С. 85.
[2] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 22.
[3] Элькинд П.С. Сущность советского уголовного процесса. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 7.
[4] Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М.: Госюриздат, 1962. С. 73–78.
[5] Татьянина Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2011. С. 431.
[6] Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 78–93.
[7] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1975. С. 153.

тех случаях, когда участник уголовного судопроизводства в установленных законом пределах вправе самостоятельно распоряжаться имеющимися у него правами)[1]. Поскольку уголовно-процессуальная деятельность выступает гарантом защищенности каждого человека в государстве, обеспечивая все конституционные права, свободы, законные интересы граждан, обусловленные социальными ценностями при условии соблюдения прав участников уголовно-процессуальных правоотношений, ядром правового регулирования в уголовном процессе выступает императивность, при которой имеют место диспозитивность и дозволения. Однако следует обратить внимание на некоторые детали: во-первых, внутренняя упорядоченность уголовно-процессуальных правоотношений, как замечено Л.Н. Масленниковой, достигается за счет функционального разграничения действий их участников, направленных на защиту законных интересов, то есть тех интересов, которые представляют социальную ценность[2]; во-вторых, разграничение действий участников, по мнению Л.В. Головко, связано как с природой той или иной ветви государственной власти или государственного органа, так и с выполняемыми ими функциями[3]; в-третьих, совокупность прав и обязанностей участников уголовно-процессуальных правоотношений ставит их в зависимость друг от друга[4].

Таким образом, уголовно-процессуальные правоотношения представляют собой сложную систему со специфическими признаками, отличающими их от иных правовых связей. К их числу относятся: служебно-установительная функция по отношению к материальным уголовно-правовым отношениям, направленная на установление истины и защиту охраняемых благ; публично-императивный метод регулирования, реализуемый через обязательное участие властного субъекта (органа уголовного преследования или суда) и принудительный характер взаимодей-

---

[1] Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / А.В. Гриненко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 18.

[2] Масленникова Л.Н. Факторы, определяющие развитие уголовного судопроизводства в России // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012. С. 78–83.

[3] Головко Л.В. Указ. соч. С. 270.

[4] Татьянина Л.Г. Указ. соч. С. 431.

ствий; строгая функциональная и статусная определенность участников, детерминированная их процессуальными правами и обязанностями, включая ответственность за их неисполнение; динамический (стадийный) характер, отражающий развитие процессуальной деятельности. Совокупность этих признаков формирует основу для конструирования эффективной публично-состязательной модели судопроизводства.

Беря за основу признаки уголовно-процессуальных правоотношений, ученые-процессуалисты предпринимали попытки их классифицировать. Так, М.С. Строгович предлагал в качестве оснований содержание, объект, участников[1]. Ряд авторов среди прочих видов уголовно-процессуальных правоотношений выделяют и те, которые связывают между собой участников, не обладающих признаком власти[2]. Н.Н. Полянский ограничивался всего двумя видами уголовно-процессуальных правоотношений, беря за основу субъектный состав[3]. В.П. Божьев основывал свою классификацию на особенностях субъектного состава и подчеркивал обязательность участия в них представителя власти[4]. Из всего разнообразия уголовно-процессуальных правоотношений центральное место отводится правоотношениям между судом и подсудимым[5]. Связь «суд – подсудимый» выступает системообразующим ядром уголовно-процессуальных правоотношений, окончательно кристаллизуется в стадии судебного разбирательства. Она является смысловым центром всего процесса, поскольку аккумулирует в себе результат досудебной и судебной подготовки материала и определяет содержание последующего судебного контроля. Именно здесь получают реализацию все основные принципы процесса, а потому данные правоотношения обладают уникальным набором признаков, от-

---

[1] Строгович М.С. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. С. 13.
[2] Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. С. 69; Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1971. С. 40.
[3] Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М.: Изд-во Московского университета, 1956. С. 48.
[4] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1975. С. 89–90.
[5] Божьев В.П. Указ. соч. С. 96; Элькинд П.С. Сущность советского уголовного процесса. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 33; Строгович М.С. Указ. соч. С. 12.

личающих их от иных процессуальных связей и отражающих публично-состязательный симбиоз как основу современной формы правосудия.

Имманентная природа уголовно-процессуальных правоотношений в производстве суда заключается в необходимости легитимного рассмотрения и разрешения уголовно-правового спора. Вынесение судебного решения, содержащего итоговый вывод о виновности, выступает юридическим фактом, качественно трансформирующим данные правоотношения: их смысловое ядро смещается с процедуры разрешения спора в аксиологическую плоскость принудительной реализации правовых последствий, направленных на восстановление нарушенных прав и защиту общественных ценностей. Таким образом, приговор актуализирует и материализует охранительно-восстановительный потенциал, изначально заложенный в процессуальной форме.

Поскольку для характеристики любого правоотношения существенными являются момент его возникновения и прекращения, а также состав (объект, субъекты, содержание)[1], целесообразно остановиться на этих реперных точках, четкое определение которых позволит выявить специфические признаки правоотношений при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу в суде первой инстанции.

Отправным пунктом формирования уголовно-правового спора, являющегося предметом судебного разбирательства, выступает обвинительный тезис (уголовно-правовое требование), формулируемый органами предварительного расследования. Его последующее поддержание государственным обвинителем инициирует переход дела в судебную стадию. Возникновение специфических правоотношений по рассмотрению и разрешению дела по существу правомерно связывать с началом подготовительной части судебного заседания, когда поддержанное обвинение встречает возражение со стороны защиты. Именно с этого момента спор приобретает процессуально оформленный характер, а его разрешение становится

[1] Алексеев С.С. Указ. соч. С. 112–192; Божьев В.П. Указ. соч. С. 136–176.

функцией суда как органа публичной власти, что формирует классическую трехсубъектную структуру (суд – обвинение – защита) данных правоотношений.

Есть мнение, что факт состязания сторон в присутствии независимого и беспристрастного суда трансформирует метод правового регулирования из императивного в судебный или арбитральный (А.В. Смирнов)[1]. Однако такой метод правового регулирования трехсубъектных процессуальных правоотношений свойствен для так называемой «чистой» состязательности, нехарактерной для исторически сложившихся национальных уголовно-процессуальных традиций России, учитывающих социальный запрос на усиление роли государства как основного субъекта, гарантирующего защищенность граждан.

Динамический характер правоотношений в производстве суда формируется процессуальным противодействием сторон, которое развивает их содержание через исследование обстоятельств спора и приводит к разрешению его по существу. Начало и прекращение этих правоотношений определены юридическими фактами – властными действиями (решениями) суда как центрального субъекта, что подчеркивает их публично-арбитральную природу и императивный метод регулирования. Судебная властность как разновидность государственной властности присуща развитой системе права в обществе и подчеркивает производность категорий «суд», «судья» от категории «судебно-властные правоотношения»[2].

Таким образом, система процессуальных правоотношений в суде первой инстанции, обладая публично-состязательной и динамической природой, выполняет служебно-восстановительную функцию. Она является производной от материального уголовно-правового спора и направлена на его легитимное разрешение через установление истинных обстоятельств, что обеспечивает реализацию охранительной функции права и восстановление нарушенных социально-ценностных

---

[1] Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: «Наука», ООО «Издательство Альфа», 2000. С. 20–21.

[2] Колоколов Н.А. Сущность судебно-властных правоотношений в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 101.

объектов. Активная арбитральная позиция суда выступает гарантом поддержания баланса между публичным началом и состязательностью в рамках данной системы.

Множественность участников производства в суде первой инстанции обуславливает ряд правоотношений между ними. В связи с этим в качестве юридического факта, свидетельствующего о начале или окончании единичного правоотношения, могут выступать действия любого субъекта производства. Не уточняя факт множественности правоотношений в уголовном судопроизводстве, М.С. Строгович, Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич и другие ученые высказывали подобное мнение[1]. Следует отметить, что, в отличие от дореволюционной, советская уголовно-процессуальная теория не воспринимала идею о наличии юридического отношения суда и сторон. Однако в более поздних работах ученых внимание было направлено на исследование многочисленных правовых связей между участниками производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции[2].

Применение ценностно-стратифицированного подхода к историческому развитию демонстрирует последовательную эволюцию судопроизводства от доминирования императивного порядка через этап состязательной эффективности к современной интеграции ценности субстантивного равенства. Нынешнее состояние правоотношений в суде первой инстанции представляет собой синтез этих трех уровней, где компенсаторная активность суда обеспечивает баланс между публичными интересами, эффективностью и реальной справедливостью.

Таким образом, эволюция объекта уголовно-процессуальных правоотношений в суде первой инстанции показывает его дуалистическую природу, отражающую диалектику цели и средства. Объект охватывает: 1) основной (стратегический) объект – установление истины по уголовно-правовому спору в целях выне-

---

[1] Строгович М.С. Уголовное преследование в советском процессе / отв. ред.: Гродзинский М.М. М.: АН СССР, 1951. С. 33–34; Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Советский уголовный процесс. Л.: Ленин. ун-т, 1989. С. 17.

[2] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. С. 83–84.

сения законного и справедливого решения; 2) процессуально-тактические (дополнительные) объекты – промежуточные результаты деятельности субъектов в рамках отдельных частей судебного разбирательства. Их неразрывное единство обеспечивает достижение тактических задач, что служит необходимым условием реализации стратегической цели – разрешения спора на основе установленных действительных обстоятельств.

Общепринятая точка зрения, в соответствии с которой под объектом принято понимать то, в связи с чем или по поводу чего совершаются действия субъектов[1], на что направлено непосредственное содержание правоотношений[2], или практическая и познавательная деятельность субъекта[3], а также дуалистическая природа объекта правоотношений (установление истины и промежуточная процессуальная деятельность) определяют необходимость систематизации и классификации множества их субъектов. Такая систематизация служит методологической основой для последующего анализа материального (фактического поведения) и юридического (субъективных прав и обязанностей) содержания этих правоотношений, что является предпосылкой для разработки рекомендаций по оптимизации их функционирования и повышению эффективности судебного производства.

Согласимся с мнением авторов, подчеркнувших, что общество всегда участник публично-правового отношения[4]. Однако, в соответствии с УПК РФ, к субъектам правоотношений, складывающихся при рассмотрении и разрешении

---

[1] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1975. С. 115.

[2] Уголовный процесс: учебник для вузов / Алексеева Л.Б., Давыдов В.А., Дьяченко М.С. и др.; под общ. ред. П.А. Лупинской. Москва: Юристъ, 1995. С. 34.

[3] Коржанский Н.И. Развитие уголовно-правовой науки об охране социалистических общественных отношений // XXIV съезд КПСС о задачах дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка: сборник материалов конференции / отв. ред. Т.Н. Радько. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1972. С. 95.

[4] Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко; Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2025. С. 85.

уголовного дела по существу в суде первой инстанции, относится конкретный перечень их участников.

Основаниями, позволяющими классифицировать субъектов по качественным характеристикам, являются:

1) основание – государственная властность:

– суд и государственный обвинитель, обладающие государственной властностью;

– остальные субъекты, государственной властностью не обладающие;

2) основание – судебная властность:

– суд, обладающий судебной властностью;

– остальные субъекты, судебной властностью не обладающие;

3) основание – прямое или косвенное[1] отношение к государственным органам власти:

– суд (судебная власть); государственный обвинитель (исполнительная власть); адвокат (член негосударственной некоммерческой организации Адвокатской палаты, зарегистрированной в территориальном органе Министерства юстиции РФ (исполнительная власть), обладающий удостоверением, выданным тем же органом, и зарегистрированный в Едином государственном реестре адвокатов[2]; эксперт государственного экспертного учреждения (исполнительная власть)[3] – субъекты, имеющие непосредственное или косвенное отношение к государственной власти;

– остальные субъекты, не имеющие прямого или косвенного отношения в государственным органам власти;

---

[1] Косвенный – не непосредственный, побочный, с промежуточными ступенями // Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3-е изд., стереотипное. М.: АЗЪ, 1996. С. 293.

[2] ст. 3, ст. 12, ст. 29 Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

[3] ст. 11 Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

4) основание – реализация уголовно-процессуальной функции в производстве суда первой инстанции:

– суд (функция рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу);

– государственный обвинитель, потерпевший, частный обвинитель, его представители, гражданский истец, его представители (функция обвинения);

– защитник, подсудимый, гражданский ответчик, его представители (функция защиты);

– эксперт, специалист, свидетель, переводчик (функция вспомогательного содействия);

5) основание – обязательность / необязательность участия:

– суд, государственный обвинитель, частный обвинитель (обязательное участие, без исключения);

– адвокат, подсудимый, потерпевший, гражданский истец, его представитель (обязательное участие в установленных законом случаях);

– остальные субъекты (необязательное участие).

Проведенная многоаспектная классификация субъектов уголовного судопроизводства в стадии судебного разбирательства методологически подтверждает, что системообразующим ядром всей процессуальной конструкции является центральное правоотношение «суд – подсудимый». Все иные правоотношения носят дополнительный характер, где суд выступает как обязательный субъект, а вторым участником является либо лицо, чье участие императивно предписано законом (дополнительно-обязательные правоотношения), либо субъект, привлекаемый факультативно (дополнительно-факультативные правоотношения).

Функциональная иерархия субъектов (суд-обвинение-защита) и их классификация по степени властности и обязательности отражает ценностный переход от жесткой императивной конструкции к сложной, стратифицированной системе с элементами диспозитивности и компенсаторного равенства.

Данная классификация обладает значительной эвристической ценностью:

– структурно-функциональная: она раскрывает уголовный процесс как целостную систему, где роль каждого субъекта детерминирована целью правосудия, позволяет четко дифференцировать процессуальные функции (обвинения, защиты, разрешения дела, содействия) и устанавливает иерархию участников, объективно вытекающую из публичной природы судопроизводства;

– организационно-оптимизационная: она обеспечивает эффективность судебного разбирательства, позволяя суду точно определять обязательный круг участников, рационально привлекать факультативных лиц, предотвращать смешение процессуальных ролей и достигать процессуальной экономии, сосредотачиваясь на обеспечении прав тех субъектов, без которых невозможно справедливое разрешение дела по существу.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что природа уголовно-процессуальных правоотношений в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции представляет собой системное единство общих, особенных и специальных признаков, формирующее их качественную определенность. Эти правоотношения являются:

– динамическими и конкретными, обеспечивая реализацию механизма правового регулирования через индивидуально определенный состав субъектов (суд, стороны);

– относительными и регулятивными, устанавливая двусторонне индивидуализированную связь, содержание которой составляют конкретные субъективные права и юридические обязанности, обеспечивающие правомерную процедурную деятельность;

– охранительными и отраслевыми, что отражает их публично-властную природу – они возникают в связи с неправомерным деянием (преступлением) и реализуются через метод уголовно-процессуального регулирования, включающий в себя меры государственного принуждения под контролем суда[1].

---

[1] Ткачева Н.В. Особенности уголовно-процессуальных правоотношений: философско-правовой аспект // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 23.

Таким образом, указанная совокупность признаков не только описывает, но и обуславливает сущность данных правоотношений как формы существования публично-состязательного судопроизводства. Их динамизм и конкретность обеспечивают переход от общей нормы к индивидуальному решению, регулятивное начало задает рамки правомерного поведения сторон, а охранительная и отраслевая природа закрепляет императивную роль государства в защите нарушенных ценностей. Эта концепция создает теоретическую основу для совершенствования процессуальной формы, направленной на эффективное и справедливое разрешение уголовно-правового спора.

Проведенный анализ позволяет заключить, что уголовно-процессуальные правоотношения в стадии производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу, наряду с общими, особенными и специальными признаками, характеризуются системой специфических взаимосвязанных признаков, конституирующих их уникальную природу. К ним относятся: 1) множественность субъектов при центральной и властной роли суда; 2) судебно-властный характер, определяемый организационными решениями суда; 3) структурная сложность (единство основного правоотношения «суд – подсудимый» и производных обязательных / факультативных правоотношений); 4) дуалистический объект (истина и промежуточные результаты); 5) функциональная детерминация субъективных прав и обязанностей; 6) реализация судом интегративной кросс-функции; 7) временная ограниченность, обусловленная динамикой и целеполаганием; 8) прекращение посредством приговора как акта трансформации спора в общеобязательное требование. Эта совокупность признаков образует целостную модель, требующую дальнейшего анализа ее двуединого содержания: юридического (права и обязанности) и материального (фактическое поведение субъектов).

Юридическое содержание правоотношений. Субъективные права и юридические обязанности субъектов детерминированы их уголовно-процессуальными функциями, реализация которых обуславливает их поведение, поскольку в сущ-

ность понятия «функция» заключается в динамике[1]. Зависимость уголовно-процессуальных функций участников системно-структурно организует уголовно-процессуальные правоотношения, складывающиеся при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу в суде первой инстанции, что, согласно методологии системно-структурной организации явления, является естественным процессом[2]. Разнообразные публично-правовые уголовно-процессуальные функции государство должно разграничивать на уровне тонкого механизма «сдержек и противовесов», отметил Л.В. Головко, отсутствие которого чревато функциональным хаосом и институциональной архаикой, особенно опасными в условиях, когда речь идет о государственных органах, в чьих руках находится жестокий инструмент в виде уголовной репрессии[3].

Распределение уголовно-процессуальных функций в исследуемых правоотношениях проявляется ярко, в силу реализации принципа состязательности и равенства прав сторон. В качестве механизма реализации функций участниками производства в рамках их правоотношений выступает порядок осуществления, исполнения ими своих прав и обязанностей, которые при наличии конкретных жизненных обстоятельств переводят абстрактные возможности в плоскость конкретных, адресных субъективных юридических прав и обязанностей, следовательно, переключают правовую энергию юридических норм на уровень конкретных субъектов – носителей прав и обязанностей[4].

Судебная властность правоотношений при производстве в суде первой инстанции существенным образом разграничивает субъективные права и юридиче-

---

[1] Ткачева Н.В. Общенаучный аспект понятия «функция» // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сборник статей / [Абрамочкин В.В. и др.]. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 113.

[2] Философия: учебник / В.Н. Лавриненко, Г.И. Иконникова, В.П. Ратников, В.В. Юдин; под ред. В.Н. Лавриненко. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; Высшее образование, 2009. С. 211.

[3] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 268–269.

[4] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 365.

ские обязанности субъектов-частных лиц и субъектов-должностных лиц (государственных органов). Последние обладают особыми субъективными правами и юридическими обязанностями, поскольку они исполняют публичные функции государственной власти, именуемые полномочиями. Легитимной дефиниции «полномочие» в уголовно-процессуальном законе нет, обратимся к ее доктринальному толкованию.

Ю.А. Тихомиров выделяет наиболее типичные полномочия субъектов-государственных органов (должностных лиц), отмечая среди них: руководит, управляет, решает, участвует, организует и др.[1] Наиболее типичные полномочия суда первой инстанции при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу выявлены в ходе исследования с помощью лингвистического частотного анализа норм Глав 35–39 УПК РФ. Установлено, что сочетание слов «суд должен» используется в 6 % случаев, «суд обязан» – 0,4 %, «суд может» – 9 %, «суд не может» – 1 %, «суд вправе» – 13 %, «суд не вправе» – 3 %, «с разрешения суда» – 3 %. В остальных 64,6 % случаев суд: требует, опрашивает, отклоняет, задает, устанавливает, разъясняет, удостоверяет, выясняет, формулирует, оглашает, объявляет, приступает, производит, обсуждает, предлагает, решает, выносит, ставит, голосует, постановляет, рассматривает, составляет, подписывает, ссылается, отказывает, провозглашает, приобщает, вручает, освобождает, проводит, продлевает, удовлетворяет, принимает, отражает, направляет, приостанавливает, возвращает, поручает, избирает, открывает, предоставляет, удаляется, выслушивает, заслушивает, осматривает, принимает меры, продолжает, прекращает, сообщает, распоряжается, оформляет.

Таким образом, субъективные права и юридические обязанности суда сводятся к его полномочиям-долженствования, а возможность использовать усмотрение – к полномочиям-права[2].

---

[1] Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юстицинформ, 2001. С. 57.
[2] Приложение № 3.

Унификация дефиниции «полномочие» проведена учеными-конституционалистами, сформировавшими ее доктринальное толкование как права и обязанности, реализуемые в рамках предмета ве́дения (сферы общественных отношений, являющихся объектом воздействия определенного субъекта)[1].

Полномочия и предмет ве́дения составляют, по устоявшейся точке зрения[2], компетенцию государственного органа или должностного лица. В контексте исследования полномочия должностных лиц и государственных органов в суде первой инстанции определяются как нормативно закрепленная совокупность субъективных прав и юридических обязанностей, направленная на воздействие на объект правоотношений. Их компетенция представляет собой совокупность таких полномочий, необходимых и достаточных для решения задач и достижения цели производства. В структуре компетенции выделяется: 1) общая компетенция (компетенция-цели) – единая для суда и государственного обвинителя, направленная на установление истины и справедливое разрешение дела; 2) специальная компетенция (компетенция-задач) – дифференцированный набор властных возможностей: для суда это права, обязанности и усмотрения в установлении обстоятельств дела; для государственного обвинителя – полномочия по поддержанию обвинения, представлению доказательств и отказу от обвинения, способствующие установлению истины. Таким образом, специальные компетенции являются функциональными модулями в рамках общей компетенции производства.

Материальное содержание правоотношений. Состязательность и равенство прав сторон при производстве в суде первой инстанции допускают пассивное

---

[1] Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000. С. 170; Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Проспект, 2006. С. 489; Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 55–56; Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов. М.: Юридическая литература, 1986. С. 21–33.

[2] Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 113–126; Чертков А.Н. Четкость и единообразие конституционно-правовых понятий и разграничение компетенции // Журнал Российского права. 2004. № 2. С. 34–39; Воробьева С.В. Компетенция как инструмент государственного правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 60–70; Белоусов С.А. Компетенционные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 35–40.

(усмотрительное[1]) поведение субъектов правоотношений в рамках предоставленных им субъективных прав и юридических обязанностей (субъекты – частные лица), полномочий (суд и государственный обвинитель), которое не всегда является их добросовестным заблуждением, будучи намеренным злоупотреблением своими правами, не позволяющим установить действительные (истинные) обстоятельства уголовного дела. Публичность, выступая формообразующим принципом при производстве в суде первой инстанции, позволяет поддерживать баланс пассивного и активного поведения субъектов исследуемых правоотношений, поскольку судебная власть осуществляется от имени государства в интересах общества, в пользу которого исполняют свои обязанности частные лица.

В судебном производстве реализуется принцип функционально-властной специализации: субъективные права и обязанности участников являются производными от их процессуальных функций, что обеспечивает системность правоотношений. Полномочия суда и государственного обвинителя выступают как инструмент легитимной публичной интервенции, направленной на разрешение спора. При этом мотивация и усмотрение властных субъектов должны соответствовать не частным интересам, а аксиологическому императиву – защите ценностей, санкционированных государством и обществом, что предопределяет субсидиарный характер их активности в установлении истины.

Таким образом, особенностью содержания правоотношений производства в суде первой инстанции при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу является их динамическая темпоральность и обратимость, то есть способность правоотношений, возникнув в определенной части производства, изменять вектор своего развития, когда они не только поступательно переходят в последующие части производства или стадии уголовного процесса, но и возвращаются на предшествующие. Так, например, при возвращении дела прокурору, отложении

---

[1] Усмотрение – мнение, точка зрения, решение, заключение // Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3-е изд., стереотипное. М.: АЗЪ, 1996. С. 828.

судебного заседания или возобновлении судебного следствия прекращения самого правоотношения не происходит, оно сохраняет свою идентичность, но его содержание трансформируется, адаптируясь к новой процессуальной ситуации. Темпоральность в данном контексте отражает внутреннее, качественное свойство производства, выражающее его временну́ю структуру, ритм, направленность и способность к нелинейным изменениям, что отличает данное производство от жестко детерминированного, поступательного движения.

Выводы по параграфу

Особенностями уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих и развивающихся в производстве при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу в суде первой инстанции, являются:

1) системообразующим фактором их возникновения является уголовно-правовое отношение;

2) дуальность объекта, в качестве материально-правового компонента которого выступает установление объективной истины по уголовному делу, определение виновности и назначение справедливого наказания, а в качестве процессуально-результативного компонента – достижение конкретных промежуточных результатов в каждой части производства;

3) функциональная иерархия субъектов, где суд выступает как центральный субъект с государственно-властными полномочиями, активность которого определяется на основе объективных критериев процессуальной слабости защиты или несостоятельности обвинения, требующих компенсации доказательственных дефицитов для справедливого разрешения уголовного дела; участники сторон обвинения и защиты – обязательные субъекты, реализующие публично-состязательное взаимодействие; содействующие участники – факультативные субъекты, подтверждающие гибкость модели;

4) динамическая темпоральность и обратимость содержания, характеризующаяся нелинейностью и способностью, возникнув в определенной части произ-

водства, возвращаться на предшествующие этапы без прекращения своего существования, изменяясь, сохранять свою идентичность.

1.3 Уголовно-процессуальная структура интегративной модели

Структура конструкции производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции синтезирует ценностные уровни развития общества в виде императивов порядка и стабильности, эффективности и качества, справедливости и равноправия. Это позволяет интерпретировать процессуальную форму не как статичную конструкцию, а как динамическое поле, где иерархия принципов отражает эволюцию правосознания и легитимирует судебную власть в современном обществе. Структурирование производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу требует определения его сущности, цели и задач, стоящих перед ним в соответствии с законом и социальным запросом.

Понятие «уголовное судопроизводство», состоящее из досудебного и судебного производств по уголовному делу, получило свое закрепление в п. 56 ст. 5 УПК РФ. Разъяснив в п. 9 ст. 5 УПК РФ смысл «досудебного производства», «судебному производству» законодатель не дал определения. В современной уголовно-процессуальной доктрине дискуссия о содержании производства в суде первой инстанции разрешается через дихотомию широкого (формально-организационного) и узкого (сущностно-функционального) подходов. Первый, охватывая все действия суда до начала разбирательства (подготовку, предварительное слушание, судебный контроль), размывает имманентную природу данной стадии. Господствующий в отечественной науке узкий подход, напротив, отождествляет его исключительно с судебным разбирательством, где реализуется основная функция правосудия – рассмотрение и разрешение уголовно-правового спора по существу

(И.Л. Петрухин[1], Е.В. Рябцева[2], Ю.К. Якимович[3]). Исторически это подтверждается классическими определениями как «наиболее сложного окончательного производства» для установления материальной истины (В.К. Случевский[4]), «производства уголовно-правового разбора» (И.Я. Фойницкий[5]) или «акта правосудия» (М.А. Чельцов[6]). Такой подход концептуально обоснован, поскольку наделяет производство в суде первой инстанции всеми признаками самостоятельной стадии: особая процессуальная форма, собственные цель и задачи, специфические правоотношения с уникальным объектом и субъектным составом, четкие временные границы (начало и окончание) и итоговый процессуальный акт (приговор). Таким образом, его правовая природа детерминируется не субъектом (судом), а исключительно функцией разрешения спора, что обеспечивает системную целостность уголовного процесса, где предшествующие стадии носят подготовительный, а последующие – проверочный характер.

Таким образом, правовая природа производства в суде первой инстанции предопределяется уголовно-процессуальной функцией суда в судебном производстве – рассмотрением и разрешением уголовно-правового спора по существу. Данный функциональный подход отражает эволюцию от ценностно-нейтральной формальности к сложной системе, в которой иерархия процессуальных начал: публичность – состязательность – равенство – соответствует ценностным уровням спиральной динамики: от порядка через эффективность к справедливости.

---

[1] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК Велби, 2005. Ч. II. С. 80.

[2] Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 13, 136.

[3] Якимович Ю.К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: учебное пособие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. С. 36; Горбань В.В. Функция судебного контроля как необходимое условие развития демократических основ // Российская юстиция. 2007. № 3. С. 13; Ковтун Н.Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации: учебное пособие / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. С. 6. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: избранное. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 311.

[4] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. Судопроизводство / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 328.

[5] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 429.

[6] Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Госюридиздат, 1962. С. 360.

Обязательным атрибутом производства по уголовному делу является стадийность, поскольку «стадия» и «производство по уголовному делу» – парные, составляющие единое целое категории[1]. Выступая частью уголовно-процессуальной деятельности, связанной с судебным производством по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, производство в суде первой инстанции обладает всеми признаками самостоятельной стадии уголовного процесса[2]: особая уголовно-процессуальная форма; предназначение, включающее в себя собственную цель и задачи; специфические правоотношения, имеющие свой объект, субъектов и своеобразное содержание; начало и окончание; итоговый процессуальный акт.

Что же касается иных производств, которые также осуществляются судом первой инстанции, необходимо обратить внимание на следующие положения.

Во-первых, уголовно-процессуальные производства, предназначенные для рассмотрения жалоб (ст. ст. 125, 125.1 УПК РФ), получения разрешения на производство следственных действий (ст. 165 УПК РФ) и отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214.1 УПК РФ), разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ), имеют собственный предмет доказывания, не связанный с установлением невиновности или виновности подсудимого в совершении преступления и назначением ему справедливого наказания. Таким производствам присуща своя усеченная

---

[1] Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 12.

[2] Традиционно, под стадией понимается автономный и нормативно выделенный в законе отрезок уголовного процесса, направленный на решение специальных задач, необходимых для достижения общей юридико-технической цели уголовного процесса, связанной с разрешением уголовного дела по существу, т.е. с разрешением вопросов материального уголовного права. Критериями выделения стадий являются: наличие специальных задач; определенный круг участников; автономная процессуальная форма; итоговое процессуальное решение / Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко; Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2025. С. 47–48.

стадийность, поскольку они предназначены для решения специальной задачи в уголовном процессе и осуществляются вне уголовного дела[1].

Во-вторых, при общей подготовке уголовного дела к судебному заседанию, в рамках которого может проводиться предварительное слушание, решаются вопросы устранения препятствий для рассмотрения и разрешения уголовно-правового спора по существу. Поэтому историческое наименование данного производства – «предание суду» – отражает его смысл и предназначение, даже если уголовное дело прекращается. Термин «прекращение», означающий деятельность, способную положить конец чему-нибудь[2], дает основание говорить об исчезновении предмета спора. Однако решающую роль в юридическом процессе играет причина его исчезновения, поскольку прекращение правоотношений по причине исчезновения оснований для спора не тождественно прекращению правоотношений по причине его разрешения. Причиной исчезновения оснований уголовно-правового спора является деактуализация правоотношений, являющихся актуальными на момент его возникновения. Это может быть связано с истечением срока давности, отказом стороны от претензии, отсутствием состава преступления, что обуславливает вынесение судом решения, в котором фиксируется факт отсутствия юридических оснований для дальнейшего преследования. Причиной разрешения спора является результат судебного производства в виде решения о виновности или невиновности, которое влечет за собой применение мер ответственности или оправдание лица. Следует согласиться с авторами, подчеркивающими, что в отличие от других стадий процесса, где судебный контроль является вспомогательным средством, на стадии общей подготовки к судебному заседанию судебный контроль выступает как доминирующее средство, позволяющее проверить качество предварительного расследования, включая достаточность доказательств для предания обвиняемого суду и рассмотрения дела по существу, правильность приме-

[1] Пупышева Л.А. Указ. соч. С. 12.
[2] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3-е изд., стереотипное. М.: АЗЪ, 1996. С. 573.

нения уголовного закона, соблюдение процессуальных форм, а также определить пределы судебного разбирательства[1].

В-третьих, отвечая на вопрос о невиновности / виновности, производство по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции обладает всеми признаками самостоятельной стадии уголовного процесса. Его инициатором по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения выступает прокурор, усматривающий судебную перспективу по уголовному делу и наделенный полномочиями на утверждение уголовно-правовой претензии (обвинения), сформулированной органами предварительного расследования. Защита от предъявленного обвинения подсудимым самостоятельно или с помощью защитника порождает уголовно-правовой спор, требующий рассмотрения и разрешения его судом по существу, в установленной законом процедуре. Таким образом, начало производства в суде первой инстанции находится в прямой зависимости от наличия уголовно-правового спора и от отсутствия препятствий для его рассмотрения, окончание – ассоциировано с его разрешением по существу.

Наряду с другими стадиями уголовного процесса, производство в суде первой инстанции осуществляется в соответствии со всеми его принципами и распространяющимися только на судебное производство судопроизводственными условиями. Однако специфичность правоотношений, складывающихся при производстве в суде первой инстанции, обуславливает наличие в его форме не только состязательности и равенства прав сторон, но и публичности, а в его процедуре – гласности и справедливости, что соответствует ценностно-стратифицированной стратегии. Таким образом, принципы публичности, состязательности и равенства прав сторон, гласности и справедливости выступают как формообразующие принципы производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции. Эта конфигурация принципов представляет собой не случайный набор, а ценностно-стратифицированную иерархию, где пуб-

[1] Миронова Г.И. О судебной власти, правосудии и судебном контроле / Г.И. Миронова, С.М. Васильев // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 4(8). С. 10.

личность обеспечивает системный каркас, состязательность – движущий механизм, а равенство и справедливость – гуманистический корректирующий вектор.

В связи с этим под производством в суде первой инстанции следует понимать центральную стадию уголовного процесса, в которой суд осуществляет деятельность по рассмотрению и разрешению по существу уголовно-правового спора между государством и личностью гласно, руководствуясь принципами публичности, состязательности и равенства прав сторон, обеспечивая реализацию аксиологического императива справедливости.

Поскольку любая деятельность имеет свою цель в виде предназначения и задачи, решение которых приводит участников к ее достижению, следует остановиться на выявлении таковых для производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции.

Вся жизнь, все ее улучшения, вся ее культура делаются людьми, стремящимися к той или иной поставленной цели[1]. Цель имеет заранее известное содержание[2] и предвосхищает в сознании человека результат его определенной деятельности[3]. Задачи представляют собой проблемы, требующие исследования и разрешения для достижения цели[4]. Таким образом, цель – это то, к чему следует стремиться, а задачи – то, что требует исполнения[5], предопределяя в своей совокупности предназначение деятельности. Представляя собой сложное отражение действительности, подчеркивают А.А. Давлетов и Н.В. Азаренок, цель, с одной стороны, зависит от внешнего мира и обуславливается соответствующими потребностями, с другой – является мысленным отражением результата, которого необходимо до-

---

[1] Кандыба Д.В. Психологический гипноз наяву. Теория и техника. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. С. 67.
[2] Гегель Г.В. Сочинение: в 15 т. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 1. С. 248.
[3] Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 388.
[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 206.
[5] Побегайло Г.Д. Судебные прения в советском уголовном процессе. Общие положения: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1982. С. 7–8.

стичь[1]. И чем больше интерес исполнителя, мотивирующий, побуждающий его к действиям, тем быстрее и эффективнее цель будет достигнута.

Посвящая научные работы отдельным частям производства при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу в суде первой инстанции, ученые-процессуалисты комплексно не подходили к определению его предназначения, не фокусировали свое внимание на его цели и задачах. В уголовно-процессуальной науке распространен подход, в соответствии с которым цель и задачи не разграничиваются, рассматриваются как равноценные понятия[2].

П.С. Элькинд подчеркивала, что любой критерий разграничения по содержанию целей и задач уголовного процесса, как в теории, так и в законодательстве, оказался бы искусственным и надуманным[3]. Законодатель, воспользовавшись данным подходом, закрепил только назначение уголовного процесса в ст. 6 УПК РФ, отождествив его цель и задачи.

Опираясь на утверждения основоположников теории деятельности, следует заметить, что цель устанавливает в деятельности человека направленность, стремление, указывая на то, что именно должно быть достигнуто, а задача – способы достижения. То есть решение задачи, данной в определенных условиях, приводит к цели[4]. Содержательно-смысловое различие цели и задачи заключается, по мнению А.Б. Судницына, в том, что цель – это сформулированная потребность, раз-

---

[1] Давлетов А.А. Программа уголовного судопроизводства / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 49.

[2] Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. С. 26; Мизулина Е.Б. Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве: сборник научных трудов. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1990. С. 140; Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 84 и др.

[3] Элькинд П.С. Указ. соч. С. 38.

[4] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. 2. (Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР) / под редакцией В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. М.: «Педагогика», 1983. С. 156.

решение задачи – это действия, направленные на достижение цели путем ликвидации препятствий[1].

Попытки определить цель производства при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу в суде первой инстанции тщетны без обращения внимания на целевые установки судебной власти и доктрину уголовной юстиции. Осуществление уголовного правосудия от имени государства отражает один из важнейших признаков судебной власти – ее государственно-властную составляющую[2] и публичный интерес, отстаиваемый государством, предполагающий поиск единственно справедливого для общества решения – наказания действительно виновных и освобождения от уголовного преследования действительно невиновных[3].

Судебная власть призвана говорить о том, «что в данном случае соответствует праву», писал И. Кант[4]. Публичной власти, суду принадлежит «познание и осуществление права в особенном случае без субъективного чувства особенного интереса», подчеркивал в своих работах Г.В.Ф. Гегель[5]. Замена идеи насилия идеей права представлялась А. де Токвилю великой целью правосудия[6].

В научной литературе нашего времени предназначение судебной власти определяется как охрана членов общества от произвола других граждан и самого государства и его должностных лиц[7] посредством отправления правосудия как главного внешнего силового инструмента[8] и высшей точки уголовно-процессуальной деятельности[9], содержание которой заключается в рассмотрении

---

[1] Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. С. 13.
[2] Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. М.: Норма, 2017. С. 29.
[3] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 179.
[4] Кант И. Сочинения. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 234.
[5] Гегель Г.В. Ф. Философия права. М.: Издательство Мысль, 1990. С. 258.
[6] Алексис де Токвиль. О демократии в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 120.
[7] Конституционное право / под ред. А. Е. Козлова. М.: Юрист, 1996. С. 244.
[8] Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1997. С. 144.
[9] Головко Л.В. Указ. соч. С. 169.

споров и разрешении конфликтов[1]. Разрешение конфликтов судом должно осуществляться на основе Конституции и закона[2], поскольку основной задачей суда является обеспечение праву возможности выполнять его функции защитника личности и в рамках закрепленной процедуры решить правоприменительный вопрос, устанавливая, для участвующих в правоотношении лиц правовые последствия[3].

Конституционный Суд РФ определил предназначение судебной власти как «разрешение дела», «отправление правосудия»[4]. По определению В.И. Даля, правосудие – «правый суд, решение по закону, по совести, … правда»[5]. С.И. Ожегов определил правосудие более ограничительно – как «деятельность судебных органов»[6]. В словаре Д.Н. Ушакова под правосудием понимается и «деятельность судебных органов, основанная на законе», и «судебная деятельность государства (юстиция)»[7].

В теории права и в законодательстве правосудие нередко трактуется широко и подразумевает всю сферу юстиции, включая процессуальную и исполнительную деятельность. Правосудие по уголовному делу – своеобразная форма проявления (выражения) судебной власти, оно в своем многообразии осуществляется, в том числе, в виде производства в суде первой инстанции посредством рассмотрения и разрешения уголовно-правового спора по существу.

---

[1] Конституционное право / под ред. А. Е. Козлова. М.: Юрист, 1996. С. 346; Судоустройство и правоохранительные органы в Российской Федерации / под ред. В.И. Швецова. М.: Проспект, 1996. С. 34.

[2] Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М.: Норма, 1998. С. 380.

[3] Циховский А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука, 1998. С. 511.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01. 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ» // СЗ РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

[5] Даль В.И. Толковый словарь Живого великорусского языка. М.: Изд. «Цитадель», 1998. Т. III. С. 11.

[6] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: АСТ, 1984. С. 31.

[7] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935–1940. С. 480.

Исторические периоды развития государства характеризуются разными целями и задачами, которые ставились перед судом, что вполне обосновано, поскольку ценностные ориентиры для каждой исторической эпохи своеобразны. В научных трудах ученых-процессуалистов дореволюционного периода цель производства в суде первой инстанции связывалась с гарантиями правосудия[1]. Для советского периода цель производства в суде определялась как кара, исправление и перевоспитание преступников[2], а задачами его были разбор дела по существу, вынесение законного и обоснованного решения от имени государства по основному вопросу – о виновности лица, преданного суду и его уголовной ответственности[3].

При конструкции производства в суде первой инстанции наибольшей интенсивности достигают заботы о гарантиях правосудия, поскольку, как отмечал И.Я. Фойницкий, здесь они начинают осуществляться и получают наиболее полное выражение[4]. Современная государственная доктрина правосудия, кристаллизовавшаяся в ходе судебных преобразований, объективирована в УПК РФ как система взаимосвязанных гарантий, конституирующих процессуальную форму судебного разбирательства. Ее ядро составляют: охранительное назначение процесса (ст. 6 УПК РФ), принципы состязательности и разумного срока (ст. ст. 15, 6.1 УПК РФ), режим гласности, устности и непосредственности (ст. ст. 240, 241 УПК РФ) и императив справедливости итогового решения (ст. 297 УПК РФ). Эта система задает нормативный ориентир для деятельности суда первой инстанции, ориентируя ее на установление действительных обстоятельств уголовного дела посредством состязательно-публичной, гласной и непосредственной процедуры, завершаемой вынесением справедливого приговора в разумный срок.

Установление действительных обстоятельств уголовного дела ассоциировано с категорией «истина», поскольку синонимами слова «действительный» явля-

---

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 429.
[2] Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М.: Госюриздат, 1953. С. 216.
[3] Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Госюридиздат, 1962. С. 360.
[4] Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 429.

ются слова «реальный», «достоверный», «доподлинный», «настоящий», «истинный», «равнозначный», «верный», «аутентичный»[1].

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. содержалась концепция истины, и ученые-процессуалисты высказывали мнение о ее установлении, которые можно свести к следующему. Закон требует, чтобы суд в своем приговоре изрекал истину материальную (А.А. Чельцов-Дмитриев, 1869); в основании судебной деятельности в области уголовного правосудия лежит стремление к материальной правде или истине настолько, насколько вообще человек может этого достигнуть, поэтому судьи призваны устанавливать наиболее совершенные пути к отысканию истины (Д.Г. Тальберг, 1889); средством раскрытия истины служит выполнение своей роли каждой стороной (М.В. Духовской, 1905); судья стремится к обнаружению истины, пользуясь помощью сторон, обсуждая их доказательства, но не ограничивается их оценкой, чтобы постановленное им решение воспринималось в общественном сознании как согласованное с истиной (В.К. Случевский, 1910); то, что признается судьей, должно быть согласовано с действительностью, должно быть истиной (С.И. Викторский, 1912); обязанность суда состоит в том, чтобы решение его соответствовало действительной, материальной истине, и несмотря на то что часто ввиду особенностей процессуального разбирательства суд достигает только истины формальной, условной, обязательным является стремление его к истине материальной, безусловной (И.Я. Фойницкий, 1912)[2]. Исторический анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и трудов классиков процессуальной науки позволяет утверждать, что в основе отечественной модели судопроизводства лежала концепция материальной истины как цели правосудия. Она предполагала не пассивный арбитраж, а активную познавательную функцию суда, реализуемую в рамках состязательной формы. Это создавало теоретическую парадигму, в которой публичный интерес к установлению объективной истины соче-

[1] Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. С. 168.

[2] Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие / авт.-сост. проф. Э.Ф. Куцова. 2-е изд. М., 2022. С. 131–138.

тался с процедурными гарантиями сторон, что сохраняет методологическую ценность для современных дискуссий о природе судебного познания.

Вопрос о том, устанавливается ли истина в производстве суда первой инстанции и является ли это обязанностью суда, имеет исключительное значение для определения его предназначения.

Еще в начале судебных реформ И.Л. Петрухин писал, что по мере формирования правового государства существенно видоизменяются цели правосудия, а утверждение о том, что задача суда не только в защите законных интересов граждан, но и в установлении истины, требует уточнений. Поскольку в ряде случаев, несмотря на все усилия суда, истина остается неустановленной, он должен стремиться к этому[1]. В научной литературе высказывались мнения о том, что состязательность является возможностью сторон спорить[2] в условиях для установления истины, созданных судом[3], а требования об установлении объективной истины должны быть закреплены в законе[4].

В научных публикациях рассматривается и такой вариант истины, как конвенциальная, заключающаяся в определенном соглашении, когда независимо от реального положения вещей, пока не доказана виновность подсудимого, он считается невиновным[5]. Однако более приемлемым представляется традиционный подход установления материальной истины, дух которой, как верно заметил Л.В. Головко, обязывает государственные органы не состязаться с обвиняемым, а активно защищать его материально-правовые и процессуальные интересы, что не вступает

---

[1] Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М.: Наука, 1991. С. 87–91.

[2] Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК 1997 г. // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 10.

[3] Камардина А.А. Роль суда в обеспечении состязательности и равноправия сторон при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 5 (49). С. 250.

[4] Бастрыкин А.И. Вернуть в уголовный процесс институт истины // Российская газета. 2012. № 5731. С. 15.

[5] Карякин Е.А. Концептуальные основы формирования истины в судебном разбирательстве // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М.: Московская государственная юридическая академия, 2007. С. 226.

в противоречие с активной ролью самого обвиняемого по установлению истины, а наоборот, становится институциональным идеалом[1].

Разрешая полемику ученых об установлении истины судом, Конституционный Суд РФ указал на гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина и обязанность суда, осуществляя доказывание, принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от него меры к получению доказательств, подтверждающих как виновность, так и невиновность в совершении инкриминируемого преступления, которые должны им устанавливаться и исследоваться[2]. Правосудие призвано устанавливать действительные обстоятельства дела, отвечая общеправовым требованиям равенства и справедливости и обеспечивая эффективное восстановление в правах[3].

Стремление к материальной истине как цели выступает аксиологическим императивом, интегрирующим ценности законности, эффективного познания и восстановительной справедливости, что задает ценностную матрицу для всего процессуального механизма.

Производство в суде первой инстанции преследует единую комплексную цель: установление материальной истины по уголовно-правовому спору как единственную процессуальную основу для вынесения справедливого судебного решения, выполняющего охранительно-восстановительную функцию в отношении нарушенных публичных ценностей. Истинность устанавливаемых обстоятельств выступает здесь не как самоцель, а как аксиологический ориентир и публично-правовой императив правосудия.

---

[1] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 334, 336.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова») // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442.

Достижение цели возможно посредством преодоления ряда препятствий (решения задач). Система задач служит программой деятельности, фактическим описанием действий субъекта для перехода из исходного состояния к целевому[1]. Существует устойчивая доктринальная закономерность: задачи производства в суде первой инстанции производны от назначения уголовного процесса и конкретизируют его в форме программы деятельности суда и сторон. Эта программа направлена на защиту интересов обвиняемого и потерпевшего и включает в себя: 1) исследование доказательств; 2) обеспечение условий для реализации процессуальных функций участников. Таким образом, задачи выступают операциональным выражением цели, а их содержание непосредственно коррелирует с уголовно-процессуальной функцией суда как организатора и арбитра состязательного процесса.

Механизм производства в суде первой инстанции представляет собой нормативно и функционально организованную систему, структура и содержание которой непосредственно предопределены целью и задачами данного производства. Этот механизм интегрирует процессуальную деятельность всех участников в единый функциональный комплекс, обеспечивающий легитимное и эффективное рассмотрение и разрешение уголовно-правового спора, и является ключевым инструментом для его структурно-функционального анализа.

В соответствии с действующим законом производство в суде первой инстанции состоит из общего порядка подготовки уголовного дела к судебному заседанию, предварительного слушания, подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого, постановления приговора (Раздел IX УПК РФ). Сомнения вызывают подготовка материалов уголовного дела к судебному заседанию и предварительное слушание. Для обоснования сопоставим цель и задачи производства в суде первой инстанции с целями и задачами каждой части производства, указанными в законе.

---

[1] Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 46.

Проведенный анализ выявляет фундаментальное различие в правовой природе общего порядка подготовки к судебному заседанию и производства в суде первой инстанции. Если первое представляет собой судебно-контрольное производство с целью фильтрации и обеспечения допустимости материалов для судебного разбирательства (что подтверждается мнением 97 % судей, 93 % прокуроров, 92 % адвокатов), то второе есть стадия осуществления правосудия по существу, направленная на разрешение уголовно-правового спора (93 %, 87 %, 89 % респондентов соответственно)[1]. Их несовпадение по целям, задачам и сущности доказывает, что подготовка является необходимым предварительным, но отдельным этапом, создающим процессуальные предпосылки для реализации основной функции суда – разрешения спора.

Мнения ученых-процессуалистов относительно сущности подготовки к судебному заседанию сводятся к следующему. Подготовка материалов уголовного дела к производству в суде первой инстанции является формой судебного контроля за обеспечением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства[2] и заключается в выполнении необходимых действий[3] посредством возложения на суд контрольных функций по отношению к предварительному расследованию и в решении задач, связанных с подготовкой к судебному разбирательству[4]. На основе проверки законности проведенного предварительного расследования в целях обеспечения судебного заседания[5] на данном этапе создаются

---

[1] Приложение № 2.

[2] Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 27.

[3] Шигуров А.В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 7.

[4] Гальперин И.М. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву / И.М. Гальперин, В.З. Лукашевич. М.: Юридическая литература, 1965. С. 11; Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург: ОГУ, 2002. С. 52.

[5] Уголовный процесс РСФСР / под общ. ред. В.Е. Чугунова, Л.Д. Резоа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. С. 248.

предпосылки вынесения законного, обоснованного, справедливого приговора[1], что способствует достижению назначения уголовного судопроизводства, имеющего определенную социальную цель[2].

Расположение данной стадии между стадиями предварительного расследования и судебного разбирательства обуславливает специфические задачи суда и особую процедуру по отправлению правосудия на данном этапе, отмечает Т.К. Рябинина[3], подчеркивая, что полномочия суда по осуществлению доказывания в данной стадии хотя и ограничены по сравнению со стадией судебного разбирательства, но ни в коей мере не умаляют роль суда как органа, реализующего судебную власть[4]. Следует согласиться с авторами, подчеркивающими специфическую, сугубо контрольно-проверочную направленность стадии предания суду, которая в настоящее время имеет весьма неопределенное, не отражающее ее сущность название – стадия подготовки к судебному заседанию[5].

Нет сомнений в том, что в данной части производства суд осуществляет правосудие. Однако «Порядок подготовки к производству в суде первой инстанции» не должен включаться в механизм производства в суде первой инстанции по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, поскольку его цель и задачи нельзя отождествлять с целями и задачами рассмотрения уголовного дела по существу[6].

---

[1] Юрченко Л.В. Оценочные действия судьи на этапе подготовки к судебному заседанию. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 35.

[2] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 12.

[3] Рябинина Т.К. Указ. соч. С. 29.

[4] Рябинина Т.К. Предмет и пределы доказывания в стадии назначения судебного заседания // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Том 5. № 4. С. 99–106.

[5] Ковтун Н.Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации: учебное пособие / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. С. 6; Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: избранное. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 311.

[6] Ткачева Н.В. Процессуальная самостоятельность стадий подготовки к судебному заседанию и судебного разбирательства – системная гарантия беспристрастности правосудия в суде первой инстанции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2026. № 2. С. 54.

Предварительное слушание может проводиться в случае принятия судом такого решения при подготовке к судебному заседанию. В научной литературе предварительное слушание называют усложненной процессуальной формой порядка подготовки дела к судебному заседанию[1]. Т.К. Рябинина подчеркивает, что главной задачей предварительного слушания является разрешение судом спорных вопросов, связанных с установлением определенных препятствий к назначению судебного разбирательства и их устранением, заявленных ходатайств и иных вопросов, связанных с обеспечением прав сторон и созданием необходимых условий для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу и влияющих на выбор формы (порядка) предстоящего судебного разбирательства[2].

Необходимость предварительного слушания заключается в устранении препятствий для качественного и эффективного рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. вынесено около 47845 постановлений о проведении предварительного слушания, что составляет 6,2 % от общего количества оконченных уголовных дел[3]. Взаимосвязь целей подготовки к судебному заседанию и предварительного слушания очевидна. Однако порядок их проведения существенно различается.

Порядок проведения предварительного слушания требует соблюдения двух существенных условий: ограничения гласности в виде закрытого судебного заседания и обеспечения равенства сторон путем их участия в судебном заседании. Участие сторон на предварительном слушании принципиально отличает его от подготовки к судебному заседанию, а условие закрытого судебного заседания – от производства в суде первой инстанции.

---

[1] Ишимов П.Л. Производство предварительного слушания в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 9.

[2] Рябинина Т.К. Указ. соч. С. 261.

[3] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2002–2024 г. г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 29.06.2025).

Виды решений, принимаемых судьей на предварительном слушании, вытекают из оснований его проведения. Они зависят от препятствия, требующего устранения. Принцип состязательности сторон ограничивает суд в праве устранения всех имеющихся препятствий для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. Однако присутствие публичности в судебном производстве обязывает суд принять меры к их устранению. Т.К. Рябинина в связи с этим подчеркивает, что суд обязан пресечь возможности использования недоброкачественных доказательств в процессе судебного следствия[1].

Все решения суда в данной части производства выносятся в виде постановлений. Анализ оснований проведения предварительного слушания позволяет заключить, что они вытекают из задач подготовки к судебному заседанию. Поскольку устранить ряд препятствий для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции при подготовке невозможно, требуются дополнительные ресурсы, которые можно использовать на предварительном слушании. Решения суда на предварительном слушании либо обеспечивают движение уголовного дела далее, либо способствуют их устранению путем направления уголовного дела другим участникам уголовного судопроизводства. Предварительное слушание, безусловно, является судебным производством, поскольку проводится судьей. Основания его проведения обусловлены задачами подготовки к судебному заседанию, поэтому оно должно быть частью стадии подготовки к производству в суде первой инстанции.

Таким образом, производство в суде первой инстанции по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу может быть осуществлено беспрепятственно после завершения контрольно-проверочной деятельности судьи[2].

Началом стадии производства в суде первой инстанции является открытие судебного заседания в подготовительной части. Развивается стадия при исследо-

---

[1] Рябинина Т.К. Указ. соч. С. 301.

[2] Рябинина Т.К. Предмет и пределы доказывания в стадии назначения судебного заседания // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Том 5. № 4. С. 303.

вании доказательств в судебном следствии, доведении своих позиций сторонами в судебных прениях и репликах, выражении мнения подсудимого в последнем слове. Завершается стадия постановлением приговора.

Итоговое решение суда первой инстанции может быть вынесено в нескольких формах: 1) приговор, содержащий ответы на основные вопросы уголовной юстиции: о признании лица невиновным или виновным в совершении преступления, назначении ему наказания или освобождении от него (п. п. 28, 53.2 ст. 5 УПК РФ); 2) постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (п. п. 53.2, 53.3 ст. 5 УПК РФ). Но, поскольку разрешается уголовное дело по существу только приговором, исчерпывающим основания для уголовно-правового спора ответом на вопрос о невиновности или виновности лица, преданного суду, решением, разрешающим уголовное дело по существу, является приговор.

Таким образом, производство по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции является самостоятельной стадией судебного производства, следующей за стадией подготовки уголовного дела к производству в суде первой инстанции, и состоит из следующих частей: 1) подготовительная часть судебного заседания; 2) судебное следствие; 3) судебные прения и реплики сторон; 4) последнее слово подсудимого; 5) постановление приговора[1].

Структура производства в суде первой инстанции, детерминированная его целью и задачами в рамках публично-состязательной формы, представляет собой упорядоченную систему деятельности суда и участников процесса, обеспечивающую движение уголовного дела. В соответствии со структурой строится механизм реализации производства, эффективность которого напрямую зависит от качества организационной и процессуальной деятельности в каждой структурной части, характеризующейся собственным нормативным регламентом и специфическим набором процессуальных действий и решений.

---

[1] Ткачева Н.В. Сущность и назначение производства в суде первой инстанции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 46.

Выводы по параграфу

Уголовно-процессуальная структура производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции детерминирована его публично-состязательной формой и представляет собой самостоятельную стадию уголовного процесса, состоящую из иерархически организованной системы взаимосвязанных, но автономных частей: подготовительная часть судебного заседания, судебное следствие, прения и реплики сторон, последнее слово подсудимого и постановление приговора. Эффективность данной стадии как механизма реализации интегративной модели обусловлена качественным воплощением нормативного регламента внутри каждой части, обладающей уникальной функциональной нагрузкой и специфическим набором процедур, что в совокупности обеспечивает достижение цели производства – установление объективной истины.

1.4 Универсальность интегративной модели

Универсальность интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции находит свое методологическое обоснование через возможность дифференциации ее уголовно-процессуальной формы. Такая возможность – это не техническое упрощение, а прямое отражение эволюции ценностных систем, когда базовое производство воплощает универсальные императивы порядка и законности, в то время как специализация процессуальной формы адаптирует процедуру к доминирующим ценностным задачам – эффективности, справедливости и гуманизма. Разнообразие дифференцированных форм производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции материализует иерархию и динамику общественных ценностей.

Возможность дифференциации производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции заложена в законе в виде меняющихся условий[1].

В науке уголовного процесса дифференциация рассматривается как унификация[2], выделение[3], усложнение[4], упрощение[5], модернизация[6].

Подход законодателя, возродившего ряд производств и закрепившего новые, некоторые авторы называют прагматичным[7]. Наиболее точным отражением действующей парадигмы уголовно-процессуальной политики и ценностной стратификации стало мнение О.В. Качаловой, которая подчеркнула, что процессуальные формы и процедуры зависят от задач, поставленных перед уголовным судопроизводством на том или ином этапе развития общества[8].

Смена доминирующих задач отражает переход к новому ценностному уровню, что и порождает адекватную ему специализированную процессуальную форму как инструмент легитимации.

---

[1] «Дифференциальный» означает меняющийся в зависимости от каких-нибудь условий // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. С. 163.

[2] Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 50–51.

[3] Ленский А.В. Дифференциация уголовного процесса / А.В. Ленский, Т.В. Трубникова, Ю.Г. Якимович. М.: Эконом. развитие, 2000. С. 10–14; Корнелюк О.В. Баланс процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого при досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 18.

[4] Якуб Н.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юридическая литература, 1981. С. 102.

[5] Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 25–41; Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 14–15; Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1991. С. 73–87.

[6] Бурмагин С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 21.

[7] Давлетов А.А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 98; Хатуаева В.В. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы в доктрине уголовного процесса / В.В. Хатуаева, П.Г. Гурченко // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № 13. С. 68–69.

[8] Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 142.

Для того чтобы раскрыть аксиологическое основание дифференциации процессуальной формы и доказать, что дифференциация прямо отражает ценностно-стратифицированный подход, где законодатель через конструирование особых условий задает приоритет тех или иных базовых ценностей для достижения целей правосудия, необходимо проанализировать систему обязательных условий, определяющих выбор конкретного производства. Этот анализ позволит выявить целенаправленную логику законодателя, демонстрируя, что каждое дифференцированное производство является не технической модификацией, а механизмом, в котором специальные условия материализуют доминирующий комплекс ценностей (порядка, эффективности, гуманизма) в рамках единой интегративной модели.

I. Условиями особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ)[1], наряду с указанными в законе, являются понимание обвиняемым существа обвинения, добровольность заявления им ходатайства после консультаций с защитником и осознание его характера и последствий, отсутствие оснований для прекращения уголовного дела[2].

Применение особого производства позволяет сократить его срок, сохраняя все его части с определенными особенностями. Ученые-процессуалисты характеризуют данный порядок разрешения уголовно-правового спора как основного упрощенного, сокращенного, ускоренного производства[3], называют его противо-

---

[1] Далее – особый порядок.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

[3] Якимович Ю.К. Особое и дополнительное производство в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Томского университета, 1998. С. 14–17; Якимович Ю.К. Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 195; Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 85, 114; Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 21; Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.М. Лебедева. М.: Дашков, 2003. С. 573–579; Сердюков С.В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива. М.: Юркнига, 2006. С. 33 и др.

речивым и рискованным механизмом реализации судебной власти[1], обусловленным расширением диспозитивных начал уголовного судопроизводства, возможности упрощения процессуальной формы в целях оптимизации судебной деятельности[2]. Ряд авторов сравнивает особое производство со сделкой о признании вины, присущей англосаксонской системе права[3]. Г.С. Руман предложила точку зрения, согласно которой закрепление в законе особых порядков связано с поощрительными тенденциями в уголовном судопроизводстве, поскольку их целью является не только процессуальная экономия, но и стимулирование лица, совершившего преступление, к сотрудничеству с правоохранительными органами, и повышение положительной социальной активности правонарушителя[4]. Несмотря на то что процедура данного порядка внешне напоминает «сделку» и представляется несколько упрощенной, в ней сохраняются все гарантии назначения уголовного судопроизводства, предусмотренные УПК РФ. Более того, согласимся с И.С. Дикаревым, который указывает на то, что результаты познавательной деятельности суда при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, должны, находить отражение в приговоре, а описательно-мотивировочная часть должна составляться по общим правилам[5].

Анкетирование правоприменителей показало, что дифференциация уголовно-процессуальной формы в основном воспринимается ими не как упрощенное

---

[1] Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства уголовного дела: форма доказывания или форма без доказывания? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 1. С. 40.

[2] Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 40.

[3] Дубовик Н.П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных судебных производств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 8; Александров А.С. Основания и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 43–52 и др.

[4] Русман Г.С. Процессуальный характер поощрительных правоотношений в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40. С. 75; Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 38.

[5] Дикарев И.С. О роли суда в доказывании по уголовным делам, рассматриваемым в порядке главы 40 УПК Российской Федерации // Вестник военного права. 2020. № 2. С. 37.

или усложненное производство, а как производство с особенностями (85 % судей, 62 % прокурорских работников, 46 % адвокатов)[1].

Особый порядок судебного разбирательства, являясь дифференцированной процессуальной формой, сохраняет генеральную цель производства в суде первой инстанции – разрешение уголовно-правового спора по существу. Трансформация его задач носит диалектический характер: процессуальная экономия, достигаемая за счет исключения стадии доказывания, сочетается с усложнением процедуры необходимостью соблюдения дополнительных гарантий и условий. Следует согласиться с О.В. Качаловой, которая подчеркивает, что процессуальная экономия должны решаться посредством соблюдения разумного баланса между публичными интересами процессуальной рациональности и экономии и обеспечением прав и свобод участников ускоренного производства[2]. Таким образом, «особость» данного производства касается не цели, а оптимизированного механизма ее достижения, что подтверждает его правовую природу как полноценного производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу. Объектом судебной защиты в данном порядке судопроизводства выступают процессуальные права участников судебного разбирательства, но не их фактические правовые интересы[3]. Данный механизм является материализацией ценностного перехода к уровню, где доминирует ценность процессуальной экономии и эффективного достижения результата при сохранении системных гарантий.

II. Условия особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) связаны с ожиданием от подсудимого конкретных действий, направленных на установление истины.

Несмотря на то что процедура данного производства рассчитана на постановление обвинительного приговора, суду предоставлены полномочия принять

---

[1] Приложение № 2.

[2] Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 19–20.

[3] Качалов В.И. Рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: научно-практическое пособие / В.И. Качалов, О.В. Качалова, Е.В. Марковичева. М.: Проспект, 2023. С. 11.

решение о переходе на общий порядок. Следует согласиться с Н.С. Мановой в том, что в процедурах данного порядка значительно ограничена познавательная и аналитическая деятельность судьи, направленная на формирование выводов об обоснованности / необоснованности обвинения[1]. И.С. Дикарев указывает на договорную природу данного особого порядка производства[2]. О.В. Качалова подчеркивает, что для рассмотрения дела в особом порядке суду не всегда требуется формальное «признание вины» в протоколе, если обвиняемый полностью согласен с предъявленным обвинением[3].

С точки зрения ценностно-стратифицированного подхода данная форма производства представляет собой сбалансированный синтез ценностных императивов. Ограничение традиционной судебной познавательной деятельности компенсируется усилением аксиологической функции суда, который смещает фокус с установления вины на оценку добросовестности сотрудничества и соразмерность наказания, интегрируя ценности процессуальной эффективности и восстановительной справедливости. Поэтому и порядок проведения судебного заседания характеризуется некоторыми особенностями: 1) проводится по правилам, предусмотренным для производства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением; 2) судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвиняется лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении такого лица, что подчеркнуто Верховным Судом РФ[4]; 3) государственный обвинитель обязан разъяснить суду фак-

---

[1] Манова Н.С. Особый порядок судебного разбирательства в контексте современных цивилизационных трансформаций процессуально-правовых подходов / Н.С. Манова, Н.А. Соловьева // LegalConcept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 1. С. 15.

[2] Дикарев И.С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: субъектный состав и процедура заключения // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1(79). С. 49–58.

[3] Качалова О.В. Суд может рассмотреть дело в особом порядке без признания обвиняемого / О.В. Качалова // Уголовный процесс. 2021. № 8(200). С. 9.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

ты, подтверждающие содействие подсудимого следствию; 4) подсудимый вправе давать показания по предъявленному обвинению, а защитник и государственный обвинитель вправе задавать ему вопросы; 5) в судебном заседании исследуются характер и пределы содействия подсудимого следствию, значение сотрудничества для расследования, степень угрозы личной безопасности подсудимого во время сотрудничества и обстоятельства, характеризующие его личность, смягчающие и отягчающие наказание. Каждая из этих процессуальных особенностей служит инструментом реализации конкретного ценностного приоритета государства. Особенностью данного производства является порядок исследования доказательств, собранных по уголовному делу, при котором суд не проводит в общем порядке их исследование и оценку, поскольку подсудимый соглашается с предъявленным обвинением в полном объеме. Однако Верховный Суд РФ разъяснил, что суд должен исследовать не только имеющиеся в уголовном деле материалы (справки, заявление о явке с повинной, протоколы и копии протоколов следственных действий и т. д.), но и иные представленные сторонами документы, в том числе относящиеся к другим уголовным делам, возбужденным в результате сотрудничества с подсудимым. Суд не освобождается от обязанности исследовать вопросы, касающиеся гражданского иска и принятия по нему решения[1].

Анализируя особенности данного порядка производства, ученые отмечают не только его упрощенный характер[2], но и поощрительный[3], компромиссный, способный эффективно противодействовать преступности[4].

Производство при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не являясь упрощенной процедурой, представляет собой дифференцированную

---

[1] П.п. 16, 16.1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

[2] Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Изд-во Томского университета, 2015. С. 88.

[3] Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 436.

[4] Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД РФ, 2022. С. 278.

процессуальную форму, производную от общего порядка. Его целью, как и в иных производствах суда первой инстанции, выступает разрешение уголовно-правового спора по существу.

Таким образом, законодатель конструирует данную дифференцированную форму не как упрощение, а как ценностно-стратифицированную модель**.** В ней базовый императив порядка модифицирован: на первый план выходит ценность прагматической эффективности в противодействии преступности, которая, однако, уравновешивается и легитимируется через механизм судебной проверки, наполненный гуманистическими ценностями справедливости, соразмерности и учета личного вклада в установление истины.

Специфика заключается в адаптированных задачах, обусловленных соблюдением обязательных условий, таких как судебная проверка добросовестности сотрудничества и соблюдение принципа соразмерности наказания, что формирует особый механизм достижения общей цели в рамках публично-состязательной модели, но с акцентом на процессуальную экономию и восстановительную функцию правосудия. Однако, как верно замечено, процессуальная экономия не может превалировать над задачами защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства, общества и государства[1].

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением рассмотрено и разрешено свыше 311 тыс. уголовных дел, что составляет около 43 % от их общего количества, оконченных приговором или постановлением о прекращении уголовного дела; в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве рассмотрено свыше 3 тыс. уголовных дел, или около 0,4 %

[1] Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1(62). С. 146.

от их общего количества, оконченных приговором или постановлением о прекращении уголовного дела[1].

Производства с особым порядком судебного разбирательства (гл. 40 и 40.1 УПК РФ) не являются упрощенными, а представляют собой дифференцированные процессуальные формы, характеризующиеся не снижением гарантий, а специфическим набором дополнительных условий и судебных контрольных механизмов. Этот специфический набор условий является прямым отражением ценностного выбора законодателя. Производство по гл. 40.1 УПК РФ можно рассматривать как аксиологический «гибрид», где доминантой выступает инструментальная ценность результативного сотрудничества, инкорпорированная в жесткие рамки судебно-властного контроля и обогащенная гарантиями индивидуальной справедливости и восстановления баланса интересов.

Опасения о ревизии принципов доказывания и риске осуждения невиновных представляются несостоятельными, поскольку данные производства сохраняют цель разрешения уголовно-правового спора по существу, а их легитимность обеспечивается системой судебных проверок добровольности согласия, полноты доказательственной базы и соразмерности наказания, что исключает их сведение к архаичной модели, где признание вины доминировало над установлением истины.

III. Условиями производства по уголовным делам, подсудным мировому судье (гл. 41 УПК РФ), являются ограниченная законом подсудность, единоличный состав суда, содействие судом сторонам в собирании доказательств, производство по делам частного обвинения, а также примирительные процедуры, которые, по мнению Т.К. Рябининой, являются необходимым элементом в механизме правового регулирования в производстве мировых судей[2].

---

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http: // www. cdep. ru (дата обращения 19.06.2025 г.).

[2] Рябинина Т.К. Роль мирового судьи в рассмотрении уголовных дел частного обвинения: история и современность // Вестник московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 118, 120.

Не вдаваясь в детали дискуссий ученых по вопросу публичного и частного начал в уголовном судопроизводстве[1], отметим, что определяющую роль по уголовным делам частного обвинения играет частный интерес личности независимо от интересов общества, в отличие от уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, в производстве по которым главенствует интерес общественный (публичный). Однако в защите частного интереса и состоит публичный интерес государства, предопределенный назначением уголовного судопроизводства[2].

Производство по делам частного обвинения, несмотря на отсутствие досудебной стадии, сохраняет сущность производства в суде первой инстанции, трансформируя его механизм в модель частно-исковой состязательности под контролем суда. Его специфика (объединение встречных исков, активная роль суда в восполнении доказательственного дефицита сторон, право на переквалификацию) демонстрирует диалектику диспозитивности и публичности: частный интерес инициирует процесс, но его ход и итог остаются под властным контролем суда, гарантирующим защиту публичных ценностей. Это подтверждает, что дифференциация форм не затрагивает цель правосудия, а варьирует средства ее достижения. Это варьирование средств отражает синтез ценностей: диспозитивность и примирение инкорпорируются в публично-властную форму, создавая гибридную модель, адекватную характеру спора.

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. количество уголовных дел частного обвинения, рассмотренных и разрешенных мировыми судьями, составило свыше 10 тыс., или 1,4 % от общего количества уголовных дел, рассмотренных и разрешенных приговором или постановлением о прекращении уголовного дела. Из них возбуждено, рассмотрено и разрешено мировым судьей свыше 5,5 тыс. уголовных дел, что на 14 % больше, чем уголовных

---

[1] Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2021. С. 19–21.
[2] Рябинина Т.К. Указ. соч. С. 121.

дел частного обвинения, возбужденных органом расследования и поступивших к мировому судье для рассмотрения и разрешения по существу – около 4,6 тыс. уголовных дел[1]. Есть мнения об отнесении производства по делам частного обвинения, подсудным мировому судье, к упрощенной дифференцированной форме[2]. С этим трудно согласиться, поскольку считать упрощенной формой производство, исходя из категории уголовного дела, нельзя. Смысл мирового правосудия заключается в примирении сторон. И такой механизм действительно предусмотрен в виде прекращения уголовного дела мировым судьей при примирении сторон. Однако, как верно отмечено В.В. Дорошковым, примирение враждующих сторон удается мировому судье в редких случаях, поскольку граждане обращаются в суд, когда не удалось достичь примирения[3]. Название «мировой суд» не отражает действительное его предназначение[4]. Сама процедура прекращения уголовного дела, как отмечает Б.Т. Безлепкин, должна соответствовать ряду условий, наиважнейшим из которых является компенсация причиненного вреда[5]. В связи с этим В.М. Лебедев отмечал, что под примирением принято понимать уголовно-процессуальную деятельность обвиняемого и потерпевшего, направленную на преодоление последствий преступления, поэтому примирение может быть достаточно формальным[6].

Рассматриваемая дифференцированная форма соответствует производству в суде первой инстанции, совпадая с ним по целеполаганию, структуре и принци-

---

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 19.06.2025).

[2] Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Изд-во Томского университета, 2015. С. 82.

[3] Дорошков В.В. Особенности уголовного судопроизводства у мировой судьи // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред.: П.А. Лупинская, Г.В. Дашков. М.: Профобразование, 2002. С. 196.

[4] Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 116.

[5] Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 93.

[6] Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2004. С. 193.

пам. Ее ключевая особенность – возникновение функционального напряжения в деятельности суда: будучи арбитром, он вынужденно восполняет дефицит состязательности, оказывая частному обвинителю содействие в формулировании обвинения. Это не упрощает, а демонстрирует диалектическое взаимодействие диспозитивного начала частного иска и публично-властной обязанности суда обеспечить реальную состязательность и установление истины.

IV. Условиями производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ), являются особенности полномочий председательствующего, активность которого не вступает в концептуальное противоречие с принципом состязательности и равенства прав сторон, а напротив, содействует осуществлению правосудия[1], и состав суда, который не является обособленным, самостоятельным органом, хотя и принципиально отличается от традиционного[2].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. судом с участием присяжных заседателей было рассмотрено и разрешено около 950 уголовных дел, что составляет 0,13 % от их общего количества[3].

Судебное следствие данного производства обладает рядом существенных особенностей, обусловленных разделением компетенции между профессиональным судьей и присяжными, более широким проникновением состязательности, непосредственности, устности[4]. Факт ознакомления присяжных с материалами уголовного дела только во время судебного следствия становится единственной

---

[1] Рябинина Т.К. Полномочия председательствующего в суде с участием присяжных заседателей в контексте состязательных начал российского уголовного судопроизводства / Т.К. Рябинина, Д.О. Чистилина // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 69, 72.

[2] Безлепкин Б.Т. Указ. соч. С. 96.

[3] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http: // www. cdep. ru (дата обращения: 29.06.2025).

[4] Хомякова А.В. Особенности деятельности государственного обвинителя и защитника на судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 31; Рахматуллина О.Р. Суд присяжных как форма народного участия в отправлении правосудия: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 119–144.

формой информирования их о его обстоятельствах, придает судебному следствию свойства наиболее рафинированной формы отправления правосудия и установления истины[1].

Эта «рафинированность» формы с максимальным воплощением устности и непосредственности отражает ценностный переход законодателя к модели, где ключевыми становятся не только системная законность, но и доверие к рациональному дискурсу и убеждению через открытое состязание, а также прямая легитимация решения через представителей общества.

Рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей предполагает личное восприятие ими позиции подсудимого. Верховный Суд РФ отмечает, что если обвиняемый, заявивший ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных, находится за пределами РФ и (или) уклоняется от явки в суд и судьей принимается решение о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, то уголовное дело подлежит рассмотрению судьей единолично[2].

Субъектами, которых необходимо убедить в своей позиции, наряду с судьей, становятся непрофессиональные судьи. Процедуры производства в суде с участием присяжных в совокупности выступают правовыми средствами управления рече-мысле-деятельностью[3].

Восприятие присяжными информации, насыщенной специальной терминологией, зависит от активной позиции председательствующего, произносящего напутственное слово и выступающего посредником между сторонами и присяжными, оказывая влияние на формирование их внутреннего убеждения. Руководящая роль судьи для данного производства как головного мозга, в распоряжении

---

[1] Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста РФ А.Д. Прошлякова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 319.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. № 23 (в ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

[3] Машовец А.О. Указ. соч. С. 322.

которого находится внимание присяжных заседателей[1], заключается во влиянии на их внутреннее убеждение посредством руководства при формировании коллегии присяжных, составления вопросного листа[2], произнесения напутственного слова[3].

Таким образом, функция судьи в этом производстве претерпевает ценностную трансформацию: от чисто властного арбитра порядка к гибридной роли гаранта процедуры, «переводчика» правовых аргументов и проводника общественного здравого смысла, что синтезирует императивы эффективного процесса и гуманистической, понятной для общества справедливости.

Суд с участием присяжных заседателей является полноценной дифференцированной формой производства в суде первой инстанции, поскольку наследует его фундаментальные характеристики: целевую направленность, структурную целостность и единые принципы процессуальной формы. Его особенность заключается в двойственной природе субъекта, разрешающего спор: профессиональный судья обеспечивает соблюдение процедуры и решает вопросы права, а коллегия присяжных устанавливает фактические обстоятельства и выносит вердикт о виновности. Данная двойственность есть прямое следствие ценностно-стратифицированного выбора законодателя**.** Разделение компетенции между судьей (воплощение системного права и процедуры) и присяжными (носителями общественного правосознания и житейской справедливости) создает уникальную гибридную форму. Она призвана повысить легитимность вердикта, обогатив формальную законность моральным авторитетом общества, что характерно для сложных обществ, стремящихся к синтезу порядка, эффективности и доверия. Это не

---

[1] Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под ред. М.Н. Гернета. М.: Скатертный, 1916. Вып. 4. С. 965.

[2] Золотых В.В. Судебные полномочия при постановке вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 17–28.

[3] Александров А. Объективность и беспристрастность при обращении к присяжным заседателям с напутственным словом (история одной экспертизы) / А. Александров, А. Босов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 363–373.

создает отдельного типа производства, а образует его специализированную модификацию в рамках единой интегративной модели.

V. Условиями производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ) являются психические и физические особенности несовершеннолетнего в виде эмоциональной несдержанности, неверной оценки окружающей среды, подчинения воле взрослых и авторитетных для него людей. Существенные различия в психологии подростка и взрослого – внушаемость, недостаток жизненного опыта, слепая вера в справедливость, отставание или опережение в интеллектуальном развитии, – по мнению И.Л. Петрухина, являются основаниями для усложнения производства в отношении несовершеннолетних, не концептуально, а в деталях[1]. Эти особенности обуславливают не просто процедурные детали, но ценностный сдвиг в подходе законодателя. Усложнение производства отражает переход от универсального императива наказания к приоритету индивидуального подхода, исправления и социальной реадаптации, что соответствует ценностям уровня эффективного решения проблемы и, в особенности, ценностям уровня гуманизма, эмпатии, заботы.

Верховный Суд РФ отметил, что правовая защита несовершеннолетних предполагает необходимость выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания каждого несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, причинами совершения уголовно наказуемых деяний для достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении этой категории лиц. Специфика правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей заключается в применении к ним мер воздействия, обеспечивающих максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния[2].

---

[1] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК Велби, 2005. Ч. II. С. 171–173.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

Специальные условия производства по делам несовершеннолетних (комплекс представительских, психолого-педагогических и процедурных гарантий) не меняют его природы как производства в суде первой инстанции, а направляют его механизм на реализацию восстановительно-воспитательной функции правосудия. Эта функциональная переориентация является прямым следствием ценностно-стратифицированного выбора государства. Законодатель сознательно конструирует данную дифференцированную форму как инструмент для доминирования ценностей восстановления, реадаптации, индивидуальной справедливости над классической карательной логикой, не отменяя, но существенно модифицируя последнюю. Ценностная переориентация находит свое логическое завершение в приоритете прекращения дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия, что подчеркивает аксиологическое преломление общей цели разрешения спора в сторону максимальной гуманности и социальной реадаптации несовершеннолетнего.

По статистическим сведениям, принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним в 2024 г. применялись по уголовным делам свыше 1,7 тыс., что из всей совокупности уголовных дел в отношении несовершеннолетних составляет 8,6 %[1].

Порядок производства по делам несовершеннолетних, оставаясь в рамках общей процессуальной формы суда первой инстанции, демонстрирует целенаправленную трансформацию его механизма в сторону восстановительно-воспитательной парадигмы. Возлагаемые на судью дополнительные обязанности по оценке условий для применения принудительных мер воспитательного воздействия представляют собой не простое усложнение, а необходимый инструмент реализации ценностно-стратифицированного императива**.** Дополнительные обязанности судьи обеспечивают подчинение формальной процедуры высшей цели ис-

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http: // www. cdep. ru (дата обращения: 29.06.2025).

правления и социальной реадаптации, что материализует примат гуманистических и восстановительных ценностей в рамках данной специализированной процессуальной формы.

VI. Условиями производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ) является особый субъект, обладающий процессуальным иммунитетом, что могло бы относить данное производство к производствам в отношении несовершеннолетних, о применении мер медицинского характера, поскольку оно является особо субъектным, но законодателем оно выделено отдельно.

Данное производство является дополнительной правовой гарантией независимости и самостоятельности должностных лиц, выполняющих государственные и общественные функции. Здесь действует известная максима, отмечено Л.В. Головко, par in parem non habet jurisdictionem (равный над равным юрисдикции не имеет)[1]. С точки зрения ценностно-стратифицированного подхода эта максима и вытекающие из нее процедурные условия отражают приоритет ценности системной стабильности и незыблемости властных институтов. Иммунитет здесь служит не личной привилегией, а инструментом защиты публичного порядка от конфликтов юрисдикций и обеспечения непрерывности функционирования государственного аппарата.

Следует отметить, что перечень таких лиц изменялся на протяжении действия уголовно-процессуального закона, а особенности производства в отношении них касаются всего уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный закон накладывает на данный вид производства дополнительные условия в виде: 1) особой подсудности уголовных дел в отношении ограниченного круга лиц, выделенных из общего перечня; 2) дополнительных действий суда при поступлении уголовного дела в суд.

---

[1] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 26.

Ученые-процессуалисты в основном поддерживают необходимость данного дифференцированного производства, отмечая, что оно не должно являться личной привилегией, поскольку призвано обеспечить публичные интересы в силу осуществления этими лицами государственных функций и беспрепятственной законной деятельности самостоятельно и независимо[1], поскольку государство заинтересовано в обеспечении непрерывной, независимой деятельности лиц, исходя из той роли, которую они играют в государстве и обществе для охраны его ценностей[2]. Законодатель, конструируя данную форму, исходит из императива функциональной эффективности государства. Специальные условия (особая подсудность, дополнительные действия суда) являются целесообразным механизмом, минимизирующим риски дестабилизации и обеспечивающим бесперебойное выполнение ключевыми субъектами их публичных функций.

Таким образом, производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ) представляет собой дифференцированную процессуальную форму, которая, сохраняя интегративную модель и цель производства в суде первой инстанции, характеризуется специальным субъектным составом, наделенным процессуальным иммунитетом. Ее специфика обусловлена не личной привилегией, а публично-правовой необходимостью обеспечения независимости и бесперебойности осуществления государственных и общественных функций. Дифференциация выражается в особых условиях: 1) исключительная подсудность; 2) дополнительные гарантии на досудебных стадиях и специфические действия суда при поступлении дела.

В связи с этим данное производство, будучи субъектно-ориентированной модификацией, полностью интегрировано в общую публично-состязательную форму, а его особенности служат инструментом защиты публичных интересов и

---

[1] Григорьев К.А. Особенности производства по уголовным делам в отношении прокуроров, следователей и адвокатов: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 41.

[2] Руднев В.И. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 8.

конституционных ценностей, что не нарушает, а обогащает его аксиологическое содержание.

Следовательно, данное производство можно рассматривать как классический пример ценностно-стратифицированной правовой конструкции. В его основе лежит иерархия приоритетов: на первом месте – охрана системной целостности и авторитета государства, что оправдывает особые процедуры; эти процедуры, в свою очередь, организованы по принципу рациональной эффективности. При этом сама конструкция легитимируется через подчинение высшей конституционной ценности – публичному интересу и стабильности правопорядка, что исключает трактовку иммунитета как противоречащего принципу равенства всех перед законом.

VII. Условиями производства о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ) является необходимость изолировать от общества лиц, страдающих психическим расстройством или заболевших им после совершения преступления, и принудительно оказывать таким лицам медицинскую помощь. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2024 г. принудительные меры медицинского характера применялись в отношении свыше 8 тыс. лиц[1]. Примерно 3–6 % населения России в настоящее время нуждается в систематической психиатрической помощи (более 4,3 млн человек). На этом фоне увеличивается и количество случаев совершения общественно опасных деяний лицами, имеющими какие-либо отклонения в психической сфере. Эта потребность отражает сложный ценностно-стратифицированный выбор законодателя. Производство призвано решить дилемму между классическим карательным императивом и двумя другими приоритетами: прагматической целью общественной безопасности через нейтрализацию источника опасности и гуманистической обязанностью оказания помощи недееспособному лицу.

---

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http: // www. cdep. ru (дата обращения: 29.06.2025).

Следовательно, растет потребность в применении со стороны государства специальных мер и механизмов, обеспечивающих безопасность общества, в том числе с помощью принудительных мер медицинского характера[1].

В научной литературе такие меры считаются либо санкциями, имеющими своей целью оказать помощь в виде излечения или улучшения психического состояния[2], либо мерами социальной защиты, обеспечивающими безопасность общества от возможных опасных действий данных лиц путем лечебно-воспитательного воздействия[3]. Верховный Суд РФ, характеризуя принудительные меры медицинского характера как уголовно-правовые, подчеркивает, что цели их применения отличаются от целей применения наказания и заключаются в излечении или улучшении психического состояния лиц, а также в предупреждении совершения ими общественно опасных деяний[4]. Поскольку принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицу, по своей сути, это разновидность лишения свободы, производство о применении таких мер является прерогативой суда.

Деятельность суда по применению данных мер, по мнению Е.В. Рябцевой, является особым (специальным) правосудием в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, но которому невозможно назначить

---

[1] Проект № 25-28-00386 «Принудительные меры медицинского характера как средство обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https: // news.tsu.ru/news/v-yui-issleduyut-effektivnost-prinuditelnogo-lecheniya-lits-s-psikho patolo giyami/ (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Жарко Н.В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 74; Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном процессе. М.: ФЛИНТА: Моск. психолого-соц. ин-т, 2008. С. 265.

[3] Горобец В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу РФ: учебное пособие. Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1998. С. 59; Бейсенов Б.С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1981. С. 200; Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. С. 170; Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. С. 15.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7.

наказание или исполнить его в силу наличия у него психического расстройства[1]. К условиям такого специального правосудия следует отнести отсутствие подсудимого, который формально носит название «лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера»; обязательное участие законного представителя и адвоката-защитника, который не защищает, а отстаивает права и интересы данного лица; специальный предмет доказывания – заключение судебно-психиатрической экспертизы, который требует особого исследования в судебном следствии; право суда вынести итоговое решение об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания и применении к нему принудительных мер медицинского характера; деятельность прокурора, которая сводится к изложению доводов о необходимости применения к лицу принудительных мер медицинского характера, и поскольку обвинение имеет свою специфику, то и государственным обвинителем прокурор не является.

В чем же специфичность такого обвинения? Говорить о его отсутствии вообще нельзя, поскольку запрещенное законом деяние совершено. Однако лицо, его совершившее, не соответствует требованиям, предъявляемым к субъекту состава преступления, предусмотренным УК РФ. Эти обстоятельства позволяют утверждать, что обвинение носит специфический характер. Греческая приставка para-, сохраняя в качестве терминоэлемента свои основные значения (нахождение, расположение рядом, вблизи, возле чего-либо; отступление, отклонение от чего-либо)[2], предельно ясно характеризует обвинение в данном виде производства, которое, по нашему мнению, следует называть параобвинительным тезисом, сформулированным на досудебном производстве и изложенным прокурором в производстве суда первой инстанции. Сам факт трансформации классического обвинения в «параобвинительный тезис» есть прямое следствие ценностной рекалибровки. Законодатель смещает фокус с установления вины и назначения наказания на

[1] Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 304.
[2] Круглик Н.А. Семантическое значение приставки para- в латинском языке // Материалы научно-практической конференции молодых ученых МГЛУ. Минск: МГЛУ, 2010. С. 123.

установление факта опасности и потребности в лечении, синтезируя тем самым ценности защиты общества и медицинской помощи.

Особенностью судебного следствия в данном производстве является расширенный характер предмета доказывания. Суду надлежит установить дополнительные обстоятельства: совершено ли преступное деяние лицом в состоянии невменяемости; наступило ли у него после совершения преступления психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение; представляет ли психическое расстройство лица опасность для него и других лиц; подлежит ли применению принудительная мера медицинского характера и какая именно.

Верховный Суд РФ к обстоятельствам, которые могут свидетельствовать об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения этим лицом иного существенного вреда, относит характер психического расстройства, подтвержденного выводами судебно-психиатрической экспертизы, склонность лица к совершению насильственных действий в отношении других лиц или к причинению вреда самому себе, к совершению иных общественно опасных действий (изъятию чужого имущества, поджогов, уничтожению или повреждению имущества иными способами и др.), а также физическое состояние такого лица, с учетом которого оценивается возможность реализации им своих общественно опасных намерений (п. 17 Постановления № 6). Поскольку дополнительные обстоятельства предмета доказывания связаны с психическим состоянием лица, суду необходимо тщательно исследовать заключение судебно-психиатрической экспертизы, назначенной и проведенной на предварительном следствии.

П.С. Элькинд обращала внимание на то, что суд обязан проверить соблюдение процессуального порядка подготовки, назначения, проведения экспертизы; достаточность научной квалификации эксперта; убедиться в полноте экспертных исследований и заключения; оценить обоснованность примененных экспертом методов исследования и его выводов; оценить заключение эксперта с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и его места в системе других до-

казательств по делу[1]. Центральная роль судебно-психиатрической экспертизы и усиленные проверочные функции суда в данном контексте служат инструментом легитимации ценностного выбора. Через научно-экспертную процедуру государство обосновывает крайнее вторжение в личную свободу, необходимое для реализации высших ценностей общественной безопасности и гуманности, и обеспечивает защиту от произвола, поскольку, как отмечено Ю.Д. Лившицем и А.В. Кудрявцевой, производство судебной экспертизы относится к процессуальным формам использования специальных знаний[2]. Суд не связан результатами этой экспертизы и при необходимости вправе назначить производство дополнительной или повторной экспертизы, если показаний эксперта, вызванного на допрос в судебное заседание, будет недостаточно для обоснованных выводов суда. Ученые отмечают обязательность заключения эксперта для суда, а если суд сомневается в нем, то он может опровергнуть его только с помощью другого заключения, составленного более авторитетным специалистом[3].

Остальные части производства, в том числе прения и реплики сторон, последнее слово подсудимого, где лицо вправе лично осуществлять принадлежащие ему процессуальные права, если позволяет его психическое состояние, не имеют отличий от производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции. Итоговое решение в данном виде производства не является приговором, но разрешает уголовно-правовой спор по существу.

Производство о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ) представляет собой специализированную процессуальную форму, производную от производства в суде первой инстанции, но обладающую качественным своеобразием из-за особого субъекта и цели. Его специфика заключает-

---

[1] Элькинд П.С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. М.: Госюриздат, 1959. С. 8.

[2] Лившиц Ю.Д., Кудрявцева А.В. Вопросы использования специальных познаний в уголовном процессе: научно-практическое пособие. Челябинск: НТЦ НИИОГР, 2001. С. 9–12.

[3] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. 3-е изд. СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. С. 257; Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964. С. 224.

ся в: 1) трансформации обвинения в «параобвинительный тезис», констатирующий объективно опасное деяние и необходимость лечения, а не уголовной ответственности; 2) смене целеполагания: вместо наказания – охрана общества и оказание принудительной медицинской помощи (лечение и предупреждение новых деяний); 3) особой структуре судебного познания, где центральное место занимает исследование судебно-психиатрической экспертизы, а суд выполняет усиленные проверочные функции; 4) специальном составе участников (законный представитель, защитник-представитель интересов, прокурор, формулирующий не обвинение, а требование о применении мер). Данная специализированная форма есть наглядная материализация многоуровневой ценностной системы государства. Она сохраняет базовый каркас судебной процедуры и состязательную форму, но радикально перепрофилирует их содержание для доминирования охранительно-восстановительной функции, что соответствует приоритету ценностей гуманизма, заботы и защиты специфического субъекта.

Таким образом, данная форма является целесообразной дифференциацией, адаптирующей публично-состязательный механизм для разрешения спора, лежащего на стыке уголовного права и психиатрии, где приоритетом выступает охранительно-восстановительная функция правосудия.

VIII. Условиями производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (гл. 51.1 УПК РФ) являются совершение лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести и возмещение им ущерба или иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. прекращено свыше 36 тыс. уголовных дел с назначением судебного штрафа, что составило около 22 % от общего количества прекращенных уголовных дел по нереабилитирующим основаниям[1].

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента

Производство о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа (ст. 25.1, 446.1 УПК РФ) представляет собой дифференцированную процессуальную форму, сохраняющую общую цель производства в суде первой инстанции – рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу. Однако ее задачи адаптированы к специальным условиям применения: совершение преступления впервые небольшой или средней тяжести, а также добровольное возмещение ущерба или заглаживание вреда. Эта адаптация задач отражает осознанный ценностный выбор законодателя**.** Дифференцированная форма ориентирована не на классическое установление вины и наказание (ценность – порядок и воздаяние), а на прагматическое достижение восстановительного эффекта (эффективность) и стимулирование добровольного исправления вреда (восстановительная справедливость).

Данный институт, введенный в 2016 г., занимает автономное положение в системе оснований прекращения дел. Его ключевое отличие от процедуры примирения сторон (ст. 25 УПК РФ) заключается в отсутствии требования согласия потерпевшего или прокурора, что усиливает дискреционные полномочия суда. Подобное расширение усмотрения есть прямое следствие ценностной рекалибровки. Суд становится не просто арбитром факта, а органом, оценивающим морально-правовую позицию лица и степень восстановления нарушенного блага. Это смещает фокус с формальной виновности на индивидуальную оценку деятельного раскаяния и его результатов, что соответствует ценностям целесообразности и индивидуальной справедливости и восстановления.

Структура производства может варьироваться в зависимости от инициатора (следователь или суд), но сохраняет базовую модель судебного разбирательства.

Основной практической проблемой является судебное усмотрение при оценке достаточности действий по заглаживанию вреда. Правоприменительная практика выработала подходы к компенсации: материальный и моральный вред

при Верховном Суде Российской Федерации URL: http: // www. cdep. ru (дата обращения: 29.06.2025).

потерпевшему, а в случае ущерба интересам общества – иные формы минимизации общественной опасности (активное содействие следствию, благотворительность, общественные работы). Окончательная оценка достаточности этих действий и нейтрализации вредных последствий относится к внутреннему убеждению суда, что подчеркивает восстановительно-индивидуализирующий характер данной процессуальной формы.

Верховный Суд РФ, разъясняя понятия ущерба и заглаживания вреда, отмечает, что вред может быть возмещен в натуре[1]. Конституционный Суд РФ поддерживает такой подход и отмечает, что действия, направленные на заглаживание вреда, определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния[2].

Отличительным признаком данное производство обладает при вынесении судом решения, поскольку оно связано с компромиссным решением суда от имени государства разрешить уголовно-правовой спор посредством финансового взыскания и освобождения от уголовной ответственности лица в ответ на его добровольные действия по возмещению ущерба от преступления. Этот «компромисс» между государством и лицом, по сути, является материализацией новой ценностной иерархии. Финансовое взыскание и освобождение от ответственности представляют собой инструмент, где публичный интерес к наказанию сознательно приносится в жертву более высоким приоритетам: эффективному возмещению вреда и поощрению просоциального поведения, ведущего к восстановлению правопорядка. Такое решение не равнозначно приговору, оно предполагает освобождение лица от уголовной ответственности, но вопрос о его виновности фактически

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 650-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант» (дата обращения: 16.12. 2022).

остается открытым, что подтверждается позицией Конституционного Суда РФ (п. 2.3 Определения Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2020 г. № 1938-О)[1].

Представляется, что суд мог бы совмещать несколько дифференцированных производств в одном производстве при разрешении уголовно-правового спора по существу. Возможность такого процессуального совмещения демонстрирует, что ценностно-стратифицированный подход не создает жестких границ, а формирует гибкую систему инструментов**.** Законодатель допускает комбинации, позволяя в конкретном деле достичь синтеза ценностей: процессуальной экономии и признания вины, с одной стороны, и восстановления вреда и окончательного урегулирования конфликта – с другой, не отменяя при этом базовых гарантий судебной процедуры.

Категория «преступления небольшой и средней тяжести» для производства в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и рассматриваемого производства является объединяющим признаком. В Постановлении № 60 указано, что гл. 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения. В частности, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, а само уголовное дело прекращено (например, в связи с истечением сроков давности, изменением уголовного закона, примирением с потерпевшим, амнистией, отказом государственного обвинителя от обвинения), если для этого не требуется исследование собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются (п. 12).

Есть и отличающие эти производства признаки. Так, при производстве в особом порядке подсудимый должен признать свою вину, а потерпевший и прокурор дать согласие на данный вид производства, в отличие от рассматриваемого

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2020 г. № 1938-О «По запросу Петрозаводского гарнизонного военного суда о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.03.2021).

производства. Но нельзя исключать, что все эти условия могут совпасть, и появляется реальная возможность применения производства прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа в особом порядке. Сущность итогового решения суда в данном случае станет несколько иной: вина подсудимого будет доказана его признанием, будет удовлетворен публичный интерес, так как государственный обвинитель дал на это согласие, а также частный интерес, поскольку потерпевший примирился с подсудимым и получил материальную компенсацию за причиненный ему преступлением вред.

В результате исследования установлено, что дифференциация производств в суде первой инстанции носит системный и целесообразный характер. Критерием их классификации выступает не формальное разнообразие, а соответствие специальных условий и адаптированных задач единой цели – разрешению уголовно-правового спора по существу. Базовое производство является системообразующим элементом, а дифференцированные формы – его легитимными модификациями, выбор которых обусловлен установленными по делу фактическими и юридическими обстоятельствами. Данный подход раскрывает уголовный процесс как иерархически организованную систему, где единство цели обеспечивает целостность, а дифференциация условий – эффективность правосудия.

Система условий, лежащая в основе каждой дифференцированной процессуальной формы, служит ключом к пониманию аксиологического выбора законодателя. Их анализ доказывает, что дифференциация производств – это механизм инкорпорации в процедуру определенных ценностных императивов (порядка, эффективности, равенства, гуманизма), соответствующих уровням спиральной динамики. Следовательно, выбор конкретной формы есть отражение того, какая ценностная задача признается законодателем доминирующей для разрешения данного типа уголовно-правового спора.

Выводы по параграфу

Дифференциация процессуальной формы интегративной модели представляет собой не техническое варьирование процедур, а ценностно-ориентированный

механизм, где каждый особый порядок производства материализует конкретный иерархический комплекс национальных ценностей и процессуальных императивов, отражая государственную уголовно-процессуальную политику, адаптирующуюся к эволюции общественного правосознания.

Интегративная модель обладает универсальным характером, ее ключевые элементы, материализующие ценностный социальный запрос на законность, качество, эффективность и справедливость, могут быть экстраполированы на иные судебные производства, обогащая целостное понимание судебной власти.

Глава II. Содержательное ядро принципов интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции

2.1 Баланс формообразующих принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон как условие установления объективной истины

Современная процессуальная форма производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде первой инстанции, основанная на интеграции принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон, детерминирована ценностно-стратифицированным императивом усиления гарантирующей защиту личности функции государства, исходящим от общества. Данный императив требует от государства обеспечения не просто доступа к правосудию, но и создания надежных гарантий защищенности личности от незаконного обвинения, а также эффективной охраны публичных ценностей. Этот императив реализуется через ценностно-стратифицированную конструкцию процессуальной формы, где принцип публичности обеспечивает базовую ценность законности, системного порядка и стабильности, состязательность – ценность процессуальной эффективности и рационального поиска истины, а равенство прав сторон – ценность гуманистической справедливости и защиты личности.

Указанная интеграция отражает эволюцию уголовного процесса в сторону модели, синтезирующей властное начало (публичность) с гарантиями справедливого и равного судебного производства (состязательность и равенство прав сторон).

В науке уголовного процесса под принципами принято понимать основные идеи уголовно-процессуального права, характеризующие социальную сущность и уголовно-политическую направленность деятельности по расследованию и раз-

решению уголовных дел[1]. Н.С. Манова и М.А. Баранова отмечают, что признание того или иного правового положения в качестве принципа на уголовно-процессуальной деятельности не может быть произвольным[2]. Т.Ю. Вилкова подчеркивает системную взаимосвязь принципов и присущие им признаки нормативности, фундаментальности, адихотомичности, невыводимости[3].

Несомненно, все принципы уголовного судопроизводства оказывают влияние на производство в суде первой инстанции. Подчиняясь строгой логике, они взаимосвязаны в единой иерархической системе[4]. Из принципов, действующих в области уголовного процесса, вытекают принципы правосудия по уголовным делам[5]. В качестве ключевой характеристики процессуальной формы производства в суде первой инстанции выступает диалектическое взаимодействие принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон. Данное взаимодействие является не механическим, а иерархическим и ценностно-обусловленным. Публичность как системообразующее начало задает властные рамки, внутри которых состязательность выполняет инструментальную функцию поиска истины, а равенство прав сторон выступает корректирующим и легитимирующим элементом. Их соотношение образует смысловое ядро производства, определяющее баланс между властной инициативой государства в защите ценностей и гарантиями справедливого судебного спора. Остальные принципы, как отметила М.Т. Аширбекова, не

---

[1] Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Г.С. Русман, д-ра юрид. наук, проф. С.М. Даровских. М., 2022. С. 8.

[2] Манова Н.С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение уголовно-процессуальной деятельности / Н.С. Манова, М.А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Выпуск 45. С. 568.

[3] Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2022. С. 12.

[4] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 60.

[5] Виршич Ж.И. Общеправовые принципы защиты прав и законных интересов человека в уголовном судопроизводстве // Право и демократия: сборник науч. тр. Вып. 12 / отв. ред. В.Н. Бибило. Минск: Белорусский государственный университет, 2002. С. 114.

имея в сравнении с публичностью и состязательностью сложного содержания, не оказывают существенного влияния на форму уголовного судопроизводства[1].

Традиционно в уголовном процессе осуществляется поиск баланса публичного начала с диспозитивным (частным)[2], а состязательного – с розыскным (обвинительным, инквизиционным)[3]. Уникальная природа правоотношений в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, синтезирующих властное начало суда и процессуальное противоборство сторон, детерминирует системное взаимодействие принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон. Их взаимосвязь носит характер диалектического взаимоограничения: публичность, проистекающая из императивной обязанности государства защищать охраняемые ценности (ст. 6 УПК РФ), задает публично-правовые рамки для реализации диспозитивного начала, составляющего суть состязательности. Равенство прав сторон выступает процессуальным механизмом, обеспечивающим реальность состязания в условиях доминирующей публичности. Реализация этого сбалансированного комплекса возложена законом на суд как исключительный орган правосудия (ст. 8 УПК РФ) и на государственного обвинителя как обязательного субъекта судебного преследования

---

[1] Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 25.

[2] Азаренок Н.В. Концепция совершенствования Российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. …д-ра юрид. наук. Омск, 2021. С. 10, 414–415; Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 78–93; Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 7; Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2000. С. 9–10; Меженина Л.А. Публичность российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 15.

[3] Рыбинская Е.Т. Состязательность российского уголовного судопроизводства при рассмотрении дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 17; Сафонов Э.Е. Механизм реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в военном суде: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 6; Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2004. С. 8; Смирнов В.П. Состязательное начало по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 7.

(ст. 247 УПК РФ), деятельность которых подчинена единому назначению уголовного процесса.

Диалектическое содержание процессуального аспекта принципа публичности[1] проявлено посредством его двойственного характера, при котором государственный обвинитель и суд обязаны выполнять свои процессуальные обязанности, соблюдая права и свободы лиц, участвующих в судопроизводстве.

Процессуальная диспозитивность сторон (свобода в выборе позиции и тактики) в рамках состязательной модели порождает диалектическую необходимость активной познавательной роли суда. Императивная обязанность суда самостоятельно исследовать доказательства возникает как компенсаторный механизм, обеспечивающий установление объективной истины и реализацию публичных интересов правосудия, не зависящих от тактического усмотрения сторон. Эта компенсаторная активность суда есть прямое следствие ценностного синтеза: она направлена на достижение эффективного результата и справедливости, но реализуется в рамках и во имя охраны публичного правопорядка как высшей системной ценности. Главным образом потому, как отмечено М.П. Бобылевым, что именно суд должен решить, имело ли место преступление, совершил ли его подсудимый, виновен ли он в его совершении и т. д., он должен быть активен, что и является проявлением принципа публичности[2].

Принцип публичности выступает системообразующим и формообразующим началом производства в суде первой инстанции, определяя его властно-охранительную природу и активную роль суда как органа правосудия. Вопреки упрощенному пониманию состязательности как нейтрального арбитража, исторически сложившаяся российская модель основывается на диалектическом единстве публичности и состязательности, где суд является активным субъектом, несущим бремя установления истины и обеспечения справедливости. Данный принцип

---

[1] Федулов А.В. Реализация принципа публичности (официальности) в современном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 8–12.

[2] Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 20.

находит конкретное выражение в судебной активности, проявляющейся: 1) в инициативной компенсации доказательственных дефицитов при неисполнении сторонами своих обязанностей; 2) в руководстве судебным следствием для обеспечения его полноты, всесторонности и объективности; 3) в осуществлении проверки законности и обоснованности действий сторон. Такая позиция трансформирует суд из пассивного регистратора исхода спора в активного гаранта защиты публичных интересов и прав личности.

Необходимость законодательного закрепления принципа публичности обусловлена следующими факторами: 1) системообразующая функция – он связывает деятельность всех участников процесса, подчиняя ее единой цели установления истины и восстановления социальной справедливости; 2) преодоление формализма – противодействует ложному пониманию состязательности как самоценного процессуального формализма, ведущего к судебным ошибкам; 3) социальная ответственность правосудия – отражает публично-правовую природу суда и отвечает социальному запросу на усиление гарантирующей роли государства; 4) конституционная ценность – соответствует конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека.

Таким образом, публичность, интегрированная с состязательностью и равенством прав сторон, составляет фундаментальную основу отечественной модели судопроизводства, обеспечивая ее соответствие современным социальным запросам и национальным ценностям. Публичность обеспечивает системную целостность модели, состязательность и равенство прав сторон гарантируют ее вербально-коммуникативную конструкцию[1]. В самой уголовно-процессуальной функции суда – рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу – заложена возможность спора между сторонами в условиях равенства их прав, выраженная в виде состязательности[2]. России не свойственна состязательность как

---

[1] Ткачева Н.В. Национальная идентичность уголовного правосудия: новое или хорошо забытое старое? // Юридическая Наука. 2025. № 12. С. 151.

[2] Состязаться – стремиться превзойти кого-либо; соперничать, желая победить или быть лучше в чем-то / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеоло-

форма судопроизводства, в отличие от государств с англосаксонской системой права. Л.В. Головко называет состязательность и равноправие сторон в уголовно-процессуальном праве экзистенциальным противоречием, поскольку «технологический императив построения уголовного судопроизводства, согласно которому государство в лице своих органов (представителей) осуществляет, помимо прочего, уголовное преследование нарушившего уголовный закон частного лица, немедленно становится несовместим с основной идеологической уголовно-процессуальной догмой, коей является принцип состязательности и равноправия сторон»[1]. Учеными предлагается исключить состязательность из системы принципов уголовного судопроизводства. Обоснование данной точки зрения касается двойственного положения состязательности. С одной стороны, она находит свое выражение только при рассмотрении уголовных дел судом, а досудебным стадиям не свойственна, а с другой – по своему содержанию состязательность шире, чем общее условие судебного разбирательства[2]. Представляется, что для российского уголовного судопроизводства свойственно рассматривать состязательность как часть принципа уголовного процесса, который должен именоваться состязательностью и равенством прав сторон, где общее условие – равенство прав сторон – станет полноценной его составляющей. В условиях состязательности судопроизводство приобретает вид спора, игры, поединка, борьбы, способа разрешения конфликта, при котором равноправные участники коммуницируют в рамках процесса с заранее оговоренными условиями, обеспечиваемыми судом и обязательными для соблюдения.

Сравнительный анализ проявления принципа состязательности и равноправия сторон, закрепленного в Конституции РФ (ч. 3 ст. 123) как положения, обязательного для всех видов судопроизводств (ч. 2 ст. 118), позволит выделить его

гических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. С. 740.

[1] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 306–307.

[2] Рыбинская Е.Т. Указ. соч. С. 7, 16.

особенности при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора в суде первой инстанции.

Для конституционного судопроизводства состязательность и равноправие сторон – один из принципов, сущность которого состоит в разделении процессуальных функций сторон и суда (ст. 35 ФКЗ от 21.07.1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»)[1].

В административном процессе принцип состязательности трактуется в классическом понимании во взаимосвязи с равноправием сторон и независимостью, объективностью и беспристрастностью суда, осуществляющего общее руководство судебным процессом, создавая условия и принимая меры для всестороннего, полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу. При этом суд в достаточной степени активен, так как помимо оказания содействия сторонам в реализации прав он по собственной инициативе выявляет и истребует доказательства для правильного применения законов и иных нормативных актов при рассмотрении и разрешении административного дела. Стороны вправе проявлять свою активность посредством представления доказательств, их исследования, высказывания своих доводов и соображений, а суд предупреждает их о последствиях совершения или не совершения процессуальных действий (ст. 14 КАС РФ).

Арбитражно-процессуальный закон устанавливает условия и правила, в соответствии с которыми лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства. При этом каждому лицу гарантируется право представлять доказательства, заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения, неся риск наступления последствий совершения или не совершения процессуальных действий (ст. 8, ч. 2 ст. 9 АПК РФ).

---

[1] Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

Гражданско-процессуальное законодательство, устанавливая независимость, объективность, беспристрастность суда, обязывает его осуществлять руководство процессом, разъяснять лицам, участвующим в деле, их права, обязанности и ответственность, а также оказывать им содействие в реализации прав и создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел (п. 2 ст. 12 ГПК РФ).

Уголовно-процессуальное законодательство реализует принцип состязательности сторон (ст. 8 УПК РФ), разделяя уголовно-процессуальные функции участников судопроизводства, устанавливая общее условие судебного разбирательства – равенство прав сторон (ст. 244 УПК РФ), – и регламентируя правила коммуникации суда, сторон и иных участников в производстве суда при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора по существу (гл. 35 УПК РФ).

Фактически состязательность во всех видах судопроизводств выступает формообразующим правилом производства, на основе которого спорящие стороны стремятся разрешить правовой спор посредством суда. Отличительным признаком конституционного судопроизводства является то, что в качестве предмета состязания в нем выступают вопросы права, а суд не устанавливает и не исследует фактические обстоятельства дела (ст. 3 ФКЗ от 21.07.1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Отстаивание и обоснование своей позиции в споре, критика противоположной стороны, представление доказательств, участие в их исследовании характерны для состязательности в гражданском судопроизводстве (ст. 12 ГПК РФ). Существенным признаком уголовного и административного судопроизводств является наличие в них досудебного производства и стороны, обладающей властными полномочиями (в некоторых случаях такая сторона присутствует в арбитражном и гражданском судопроизводствах). Спор, при котором обвинение поддерживает государственный обвинитель в уголовном судопроизводстве, и государство или организация выступает стороной в арбитражном, административном, гражданском судопроизводствах, приобретает совершенно иной обо-

рот. Физическое лицо, попадая в сферу судопроизводства наравне с органами, обладающими властными полномочиями или с организациями, обладающими бóльшими возможностями, уповает на суд. Поэтому суд независимо и беспристрастно обязан с определенной долей активности, в рамках возложенной на него функции по рассмотрению и разрешению спора, реализовывать свои властные полномочия с целью защиты слабой стороны. Однако такая активность суда не должна переходить в злоупотребление сторонами своим правом. Когда суд оказывает содействие по ходатайству стороны в собирании и истребовании доказательств (ст. 57 ГПК РФ), стороны не должны перекладывать обязанность по собиранию доказательств на суд, обосновывая это своей слабостью относительно другой стороны.

Внедрение элементов состязательности и равенства прав сторон при производстве в суде первой инстанции явилось одним из основополагающих преобразований российского уголовного процесса. Уголовно-процессуальная функция суда стала сосредоточением полномочий по обеспечению условий для соблюдения прав сторон в процессе доказывания обстоятельств уголовного дела.

Наличие и распределение уголовно-процессуальных функций между участниками уголовного процесса (ч. 2 ст. 15 УПК РФ), отделение суда от органов уголовного преследования, наделение его функцией рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу, а также полномочиями органа, который создает условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), подчеркивает стремление государства к реализации состязательности и равноправия в производстве суда первой инстанции.

По сути, состязательность освобождает суд от выполнения несвойственных ему функций обвинительного характера[1]. Однако следует обратить внимание на

[1] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2008. С. 3.

признак судебной властности правоотношений, складывающихся в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, который обуславливает реализацию судом принципа публичности. Интеграция состязательности и равноправия сторон с публичностью предопределяет совместность коммуникативной и познавательной деятельности по исследованию доказательств сторонами и судом, заключающуюся в вербальном и невербальном взаимообмене.

Ученые-процессуалисты, обращая внимание на проявление принципа состязательности в судебном производстве, отмечали, что закрепление понятий «судебного состязания» и «сторон» с правами, предоставляющими им возможность его осуществить при активном участии суда, позволит выносить ему судебное решение, отвечающее требованиям установления истины[1]. При этом судебное разбирательство должно строиться так, чтобы обвинение было отделено от суда, функция суда состояла в разрешении дела, а функции обвинения и защиты осуществлялись равноправными сторонами[2].

Внимание обращалось и на разные характерные признаки принципа состязательности. Так, И.Л. Петрухин отмечал строгое расчленение функций, процессуальное равноправие сторон и разбирательство дела путем их полемики перед независимым и беспристрастным судом[3]. А.В. Смирнов обращает внимание на определенный порядок взаимоотношений противоположных процессуальных интересов в уголовном деле[4]. По мнению Э.Е. Сафонова, существенным является контроль и руководство независимого и беспристрастного суда, позволяющие сторонам эффективно отстаивать свои гарантированные законом права и интере-

---

[1] Духовской М.В. Русский уголовный процесс: сокращенный курс лекций. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1897. С. 23–27; Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I. Судоустройство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 77–85.

[2] Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 103.

[3] Петрухин И.Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась // Законодательство. 2006. № 3. С. 69–70.

[4] Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. 1998. № 3. С. 59.

сы[1]. Л.Ф. Шумилова указывает на конкуренцию участвующих в деле лиц при наличии активной роли суда[2]. С.М. Даровских к одному из обязательных признаков относит присутствие в судебном разбирательстве защитника-профессионала, обладающего навыками, опытом, знаниями тактики и методики защиты[3]. М.М. Идрисов акцентирует внимание на роли государственного обвинителя, который в производстве суда первой инстанции из органа уголовного преследования превращается в сторону и несет ответственность за выполнение обязанности доказывать предъявленное подсудимому обвинение[4]. О.Д. Кузнецова отмечает обязательность равноправия сторон и независимости суда как основополагающих признаков состязательности[5]. В.П. Смирнов подчеркивает невозможность реализации состязательности в рафинированном (чистом) виде, настаивая на необходимости подконтрольной сторонам инициативы суда в собирании доказательств, а также важности непосредственного и активного участия сторон обвинения и защиты[6]. По сути, можно заключить, что состязательность в судебном производстве, «достигая некоего максимума по сравнению с тем, что, вообще, возможно в уголовном процессе с учетом его природы, роли в нем государства»[7], «ориентирует судебную деятельность на защиту социальных ценностей демократического государства», таких как «верховенство права, обеспечение государством прав человека, самоограничение государства пра-

---

[1] Сафонов Э.Е. Механизм реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в военном суде: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 6.

[2] Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 55.

[3] Даровских С.М. Некоторые дискуссионные вопросы реализации принципа состязательности в суде первой инстанции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. Вып. 16. № 28. С. 37.

[4] Идрисов М.М. Государственное обвинение в состязательном уголовном процессе (в суде первой инстанции): проблемы законодательной регламентации и практики поддержания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 7.

[5] Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2004. С. 11.

[6] Смирнов В.П. Состязательное начало по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 7–9.

[7] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 325.

вом»[1], выступая «эталоном и политическим критерием демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства»[2].

Сравнительный анализ реализации принципа состязательности в различных видах судопроизводства (конституционном, административном, арбитражном, гражданском, уголовном) позволяет выявить специфику его проявления в уголовном процессе как наиболее регламентированной и публично-властной форме. В отличие от иных видов судопроизводства, где стороны изначально находятся в относительно равном положении, уголовный процесс характеризуется принципиальной асимметрией: против частного лица (подсудимого) выступает государство в лице обвинителя, обладающего властными полномочиями и ресурсами. Это предопределяет особую, гарантирующую роль суда, которая не сводится к пассивному арбитражу, а проявляется в его активной обязанности по созданию реальных условий для равенства сторон (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), восполнению пробелов доказывания и обеспечению всесторонности исследования обстоятельств дела. Таким образом, состязательность в уголовном судопроизводстве, будучи формообразующим принципом, интегрирована с публичностью и реализуется через модель управляемой (регулируемой) состязательности, где суд выступает не только арбитром, но и активным гарантом справедливого процесса, ответственным за установление истины. Данная модель отражает диалектическое единство состязательной формы и публично-правового содержания российского уголовного процесса, что отличает его от иных процессуальных отраслей и подтверждает системообразующее значение именно этой формы для реализации задач правосудия.

Таким образом, «управляемая состязательность» отечественной модели есть материализация ценностно-стратифицированного выбора. Она синтезирует властную гарантию защиты публичных интересов с процедурной эффективностью состязания и судебными гарантиями реального равенства, обращенными к ценности личности.

---

[1] Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. М.: Норма, 2017. С. 197.
[2] Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. С. 18.

Качественной характеристикой принципа состязательности выступает равенство прав сторон, которое не следует отождествлять с формальным «уравниванием» или «одинакоправием». Закрепленное в качестве общего условия судебного разбирательства (ст. 244 УПК РФ), данное положение обладает всеми признаками сквозного принципа, выражающего ценность личности и действующего на всех стадиях процесса[1].

В зарубежном правопорядке (например, в США) равенство прав сторон понимается как необходимое условие состязательности, обеспечиваемое в том числе процедурно-символическими средствами (одинаковая форма столов, отсутствие форменной одежды). Конституционный Суд РФ определяет, что состязательность предполагает отделение функции правосудия от функций спорящих сторон, а обязанность суда – гарантировать справедливое и беспристрастное разбирательство, предоставляя сторонам равные возможности для защиты, без подмены их функций[2].

Особое значение равенство прав сторон приобретает именно в суде первой инстанции, где наиболее полно реализуются коммуникативная и познавательная деятельность участников, обусловленные их уголовно-процессуальными функциями. Здесь равенство является не декларацией, а рабочим механизмом активного суда, обеспечивающего реальный баланс между публичным обвинителем и защитой.

Являясь качественной характеристикой состязательности, равноправие сторон в уголовно-процессуальной науке рассматривается как положение субъектов права относительно друг друга и перед судом[3]; как возможность для полноценного состязания сторон между равноправными противниками, обладающими рав-

---

[1] Задорожная В.А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 8.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 г. № 19-П по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края // СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

[3] Головко Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 272.

ными возможностями для защиты своего мнения[1]; как условие справедливой состязательности[2]. Есть мнение, что проявление равенства прав сторон реально обеспечивается и в досудебном производстве, поскольку оно подразумевает равноправие сторон в предоставлении доказательств[3] и наличие самой возможности у них ознакомления с представленными замечаниями и выдвинутыми доказательствами другой стороны, а также права высказывать свое мнение по ним[4]. Равенство прав сторон подразумевает равенство и обязанностей как признак состязательности. Однако исполнение сторонами своих обязанностей не должно посягать на их право самостоятельно принимать решение о предъявлении суду имеющихся у них доказательств. Публичный интерес государства в установлении обстоятельств дела и назначении наказания претерпевает существенную трансформацию при переходе дела в судебную стадию. Утвердив обвинительный тезис и направив дело в суд, прокурор приобретает статус стороны – государственного обвинителя, который в условиях состязательности должен быть наделен процессуальным паритетом со стороной защиты. Обеспечение этого паритета становится обязанностью суда, что отражает диалектику публичного интереса: от одностороннего преследования к равному состязанию перед независимым арбитром.

Дискуссионным остается вопрос о характере процессуальных прав сторон. Предоставленный им широкий арсенал прав носит диспозитивный, а не императивный характер. Стороны самостоятельно определяют меру и тактику их использования, даже если пассивность одной из сторон создает риск для установления истины. Закон, гарантируя право на защиту, не возлагает на сторону обвинения

---

[1] Ярославцев В.Г. Проблемы реализации принципа состязательности и равноправия в гражданском и административном процессах / В.Г. Ярославцев, С.С. Демченко // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб.: Петрополис, 2019. С. 445.

[2] Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 47.

[3] Васечкина А.В. Состязательность и равноправие сторон: спорные вопросы применения на практике // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12 (168). С. 134.

[4] Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Юрайт, 2009. С. 49.

или защиты безусловной обязанности к максимальной процессуальной активности, что подчеркивает различие между морально-этической ответственностью за исход дела и юридической природой предоставленных правомочий.

Уважая мнение Л.В. Головко о том, что уголовное судопроизводство, решая публично-правовые задачи, конструируется по принципу ex officio, где не может быть равенства прав сторон a priori, без учета правильного понимания стороны обвинения в судебном разбирательстве, коей является не государство, а государственный обвинитель, выражая публично-правовую позицию и представляя государство[1], обратим внимание на официальную позицию Конституционного Суда РФ, который судебную процедуру, осуществляемую в условиях состязательности и равноправия сторон, признает эффективным механизмом защиты прав и свобод человека[2]. Поэтому для обеих сторон должна быть гарантирована разумная, обеспеченная судом возможность представлять интересы (публичные и частные) и аргументировать доводы представляемой стороны, равно как и опротестовывать доводы другой стороны в условиях равенства перед судом.

Активность сторон в судебном разбирательстве представляет собой гносеологический и коммуникативный процесс, суть которого заключается в конвертации доказательственного материала в систему аргументов, влияющих на формирование убеждения суда. Несмотря на диспозитивный характер выбора позиции, состязательная модель имплицитно предполагает деятельностную вовлеченность сторон, поскольку именно их аргументационное противоборство обеспечивает познавательную основу для разрешения уголовно-правового спора по существу.

Баланс принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон в суде первой инстанции реализуется через диалектику диспозитивного усмотрения

---

[1] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 310, 322.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4–П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2005. 1 апреля. № 66. С. 9.

сторон и судебной активности. Свобода сторон в выборе тактики (активной или пассивной) порождает компенсаторную обязанность суда к установлению объективной истины, реализуемую посредством инициативного использования всех предоставленных законом полномочий (вызов свидетелей, истребование доказательств, назначение экспертиз и пр.). При этом равенство прав сторон, будучи имманентным качеством и необходимым условием подлинной состязательности, логически и функционально должно рассматриваться как составной элемент принципа состязательности, а не как самостоятельное начало.

В связи с этим следует отметить, что равенство прав сторон обладает всеми признаками принципа, предложенными Т.Ю. Вилковой: нормативность (обязательное нормативное выражение и закрепление); фундаментальность (обусловленность историческим типом процесса, принадлежностью государства к романо-германской правовой семье, формой государства); универсальность (отвечать признаку универсальности могут не только правовые предписания сквозного характера, но и положения, представляющие собой важнейшие характеристики деятельности суда); адихотомичность (защита приоритетной для государства на данном историческом этапе социокультурной ценности), невыводимость (обладание идейностью)[1].

Уголовно-процессуальная форма производства в суде первой инстанции основывается на динамическом равновесии (балансе) принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон, достигаемом через механизм их функционального симбиоза и билатерального (двустороннего) ограничения.

Публичность выступает системообразующим и формообразующим принципом, выражающим суверенное право и обязанность государства на отправление правосудия, всестороннее исследование обстоятельств дела и восстановление социальной справедливости. Она задает формально-институциональные рамки процесса.

---

[1] Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2022. С. 10–11.

Состязательность определяет содержательно-процедурный механизм судопроизводства, реализуемый через вербально-коммуникативный комплекс (контраргументационную полемику, когнитивные операции, процессуальные коммуникации). Равенство прав сторон является ее качественной характеристикой и обеспечивает функциональный баланс.

Их диалектическое единство реализуется через «процессуальную билатеральность»: публичность ограничивает состязательность, определяя предмет доказывания и процедурные рамки; состязательность, в свою очередь, ограничивает публичность, устанавливая правила распределения бремени доказывания и требуя беспристрастности суда. Публичность обеспечивает системную целостность, интегрируя арбитральную функцию суда, аккузационную функцию обвинения и дефензивную функцию защиты.

Таким образом, критериями соблюдения данного баланса в правоотношениях являются: 1) процессуальный критерий – соответствие активных действий суда требованиям беспристрастности; 2) функциональный критерий – обеспечение реального, а не формального равенства процессуальных возможностей сторон; 3) результативный критерий – достижение социально и юридически легитимного судебного решения, основанного на установлении действительных обстоятельств дела.

Данная модель представляет собой теоретическую основу публично-состязательной формы отечественного правосудия, где активная роль суда направлена не на подмену сторон, а на гарантирование подлинного равноправия и установление истины в рамках, очерченных взаимным ограничением указанных принципов. Предложенная трехмерная критериальная система верифицирует баланс принципов именно как проявление ценностной стратификации. Беспристрастность суда обеспечивает легитимность властного начала, реальное равенство – эффективность и справедливость процедуры, а социальная легитимность приговора – синтез всех ценностей в аксиологически состоятельном судебном решении.

Практико-ориентированным выводом является предложение законодательной инициативы о закреплении в уголовно-процессуальном кодексе ст. 6.2 Принцип публичности, ст. 15 Состязательность и равенство прав сторон, ст. 15.1 Баланс принципов уголовного судопроизводства.

Статья 6.2. Принцип публичности (официальности)

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа публичности (официальности), в соответствии с которым суд, прокурор, следователь и орган дознания в пределах своей компетенции обязаны принимать все предусмотренные законом меры для установления событий преступления, изобличения лиц, виновных в совершении преступления, и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

2. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, не является пассивным арбитром в споре сторон. В соответствии с назначением уголовного судопроизводства суд обязан принимать активное участие в установлении обстоятельств уголовного дела, компенсировать недостатки доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты путем постановки вопросов, истребования и исследования доказательств по собственной инициативе, если это необходимо для достижения объективной истины и обеспечения справедливости приговора.

3. Требования публичности обязательны для всех государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Статья 15. Состязательность и равенство прав сторон

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равенства прав сторон.

2. Функции обвинения, защиты, рассмотрения и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

3. Стороны обвинения и защиты имеют равные процессуальные права перед судом. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

4. Стороны обвинения и защиты пользуются правами в соответствии с настоящим Кодексом. Суд устанавливает действительные (истинные) обстоятельства уголовного дела, в том числе с привлечением участников, вспомогательно содействующих правосудию, не выступая на стороне обвинения или стороне защиты,

Статья 15.1. Баланс принципов уголовного судопроизводства

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе баланса принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон.

2. Публичность обеспечивает реализацию публичного интереса в защите общества от преступлений.

3. Состязательность и равенство прав сторон гарантируют справедливое разрешение уголовного дела.

4. Критерии оценки соблюдения баланса: соответствие действий суда требованиям беспристрастности; обеспечение реального равенства прав сторон; достижение законного и социально приемлемого итогового решения.

Выводы по параграфу

Верификацией публично-состязательного баланса является трехмерная критериальная система, состоящая из:

– процессуального критерия (беспристрастность) – обеспечивает легитимность активной деятельности суда путем установления объективных, проверяемых показателей его нейтральности. Этот критерий позволяет качественно отличить справедливую судебную инициативу от нарушения беспристрастности, создавая норму, согласно которой активность суда по компенсации доказательственных дефицитов остается совместимой с его ролью независимого арбитра;

– функционального критерия (реальное равенство прав сторон) – переходит от формального к субстантивному пониманию равенства, устанавливая иерархи-

ческую последовательность судебного вмешательства: 1) приоритет защиты (компенсация доказательственного дефицита защиты как ключевой механизм реализации конституционного права на защиту); 2) гарантия прав потерпевшего (судебная обязанность по учету его позиции при отказе государственного обвинителя); 3) компенсаторность по отношению к обвинению (судебная активность при очевидных упущениях прокурора). Эта иерархия впервые в российской уголовно-процессуальной теории формализует интуитивно применяемые судами подходы, превращая их из латентных практик в явные, обоснованные принципы;

– результативного критерия (социальная и юридическая легитимность) – интегрирует право и справедливость, требуя, чтобы итоговое решение суда одновременно было формально законным и фактически воспринималось общественностью как справедливое. Этот критерий обращается к социологической реальности доверия к правосудию, которое не может быть достигнуто через механическое применение норм, но требует глубокого погружения суда в социальный контекст и ценностный горизонт конкретного уголовного дела.

2.2 Императивность принципов гласности и справедливости в укреплении социального доверия к правосудию

Место гласности (ст. 241 УПК РФ) и справедливости (ст. 297 УПК РФ) в системе уголовно-процессуального регулирования отражает их редукционистское понимание законодателем. Отвечая на современный социальный запрос о доступном, прозрачном, качественном, гуманистическом правосудии, целью которого является установление объективной истины, гласность и справедливость должны быть переосмыслены как полноценные процессуальные принципы, значимость которых определяется их способностью обеспечивать легитимность и аксиологическую состоятельность правосудия. Такой подход в рамках ценностно-стратифицированной методологии раскрывает гласность как принцип, обеспечивающий социальную легитимность и инструментальный контроль эффективности

процедуры, а справедливость – как аксиологический ориентир, интегрирующий формальную законность и гуманистические ценности в судебном решении.

Согласно методологической позиции, разделяемой научной школой МГУ им. М.В. Ломоносова, принципы суть исторически обусловленные ответы на фундаментальные вопросы организации и деятельности правосудия[1]. Однако, как верно замечено Н.С. Мановой, уголовное судопроизводство не может не опираться на нормы нравственности, сформировавшиеся в обществе на основе справедливости, совести, о правовом и неправовом[2]. Следовательно, гласность предстает не как техническое условие открытости, а как инструмент публичной верификации и социального диалога, укрепляющий доверие к судебной власти. Справедливость же является имманентным свойством всей процедуры, а не только ее результата, выступая материальным ориентиром для судебного познания и разрешения спора. Их интеграция с принципами публичности, состязательности и равенства прав сторон формирует замкнутую систему взаимных гарантий, в которой гласность контролирует соблюдение справедливости, а справедливость наполняет гласность сущностным содержанием.

Отношение к гласности в судопроизводстве складывалось традиционно как к ценности, поскольку еще в Уставе уголовного судопроизводства было указано, что судебные заседания по делам о преступлениях происходят публично (ст. 620 УУС). Называя гласность одним из основных принципов процесса, В.К. Случевский подчеркивал, что в теории права понятие гласности понималось в двояком смысле: гласность перед сторонами (применение принципа состязательности) и гласность перед обществом (содействие развитию в обществе уверенности в правдивости постановляемых приговоров)[3]. После 1917 г. и вплоть до принятия Кон-

---

[1] Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко; Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2025. С. 206.

[2] Манова Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблемы соотношения // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 35–36.

[3] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I. Судоустройство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 69–71.

ституции 1936 г. открытость судебного разбирательства подтверждалась советской властью в Декретах о суде[1]. Ст. 111 Конституции 1936 г. закрепила открытость разбирательства во всех судах СССР[2] уже после того, как УПК РСФСР 1923 г. указал на то, что все судебные заседания публичны, за исключением дел, где представляется необходимым охранять военную, дипломатическую или государственную тайну, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 166–169 Уголовного кодекса (ст. 19). Дальнейшее советское законодательство сохранило гласность судебного разбирательства в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 12) и УПК РСФСР 1960 г. (ст. 18), Конституциях СССР 1977 г. (ст. 157) и 1978 г. (ст. 169).

Научная дискуссия по определению понятия, сущности и возможности (необходимости) ограничения гласности концентрируется вокруг социального и политического ее значения. Гласность в производстве по рассмотрению и разрешению уголовно-правового спора понимается как производная всей общественной жизни и индикатор здоровья демократического общества[3]; как разновидность социальной гласности, способной формировать общественное мнение, повышать социально-политическую активность граждан, решать проблемы в соответствии с интересами личности, общества и государства[4]; как форма контроля общественности за деятельностью суда[5]; как фактор влияющий на поведение судьи, который должен быть справедливым по сути и своим поведением в открытом, гласном

---

[1] Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50. [Электронный ресурс] URL: http:// www. rusarchives.ru/statehood/08-19-dekreto-sude-1918.shtml (дата обращения 20.03.2024).

[2] Конституция (Основной закон) СССР. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс] URL: http:// www. rusarchives.ru/statehood/09-11-konstitution-1936.shtml (дата обращения 20.03.2024).

[3] Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 21.

[4] Макарова З.В. Гласность уголовного процесса. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. техн. ун-та, 1993. С. 8.

[5] Якимович Ю.К. Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 106.

процессе подтверждать это[1]. Обеспечивая социальный контроль за деятельностью суда, гласность дает возможность гражданам быть очевидцами применения им законодательства в конкретной жизненной ситуации, лично убеждаться в реализации назначения уголовного судопроизводства, одновременно приобретая уважение к закону и правопорядку[2].

Стараясь сохранить гласность как приобретенную за десятилетия ценность, российское государство расширяет ее сущность, закрепляя в ФЗ «О судебной системе РФ»[3] положение о гласности в деятельности судов (ст. 9). В то же время норма ст. 241 УПК РФ неоднократно подвергалась изменениям, относительно конкретизации фактических обстоятельств, на основании которых суд принимает решение об ограничении гласности в виде проведения закрытого судебного разбирательства (ч. 2.1 УПК РФ введена ФЗ от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ). Совершенствованию подверглись нормы ст. 241 УПК РФ, позволяющие с разрешения председательствующего вести не только фотографирование, видеозапись и (или) киносъемку, но и трансляцию по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникативной сети «Интернет» (ч. 5 ст. 241 УПК РФ). Информационно-коммуникационные технологии, применяемые и используемые в ходе производства в суде первой инстанции, позволили расширить границы гласности посредством участия в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования видео-конференц-связи (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ).

В качестве ключевого термина в определении гласности выступает открытость (ч. 1 ст. 241 УПК РФ). Ее следует рассматривать через принципы обеспечения доступа к информации о деятельности судов, закрепленные в ФЗ от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности

---

[1] Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: Российская академия правосудия, 2000. С. 119.

[2] Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. С. 51.

[3] Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 08.12.2020 № 7-ФКЗ) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2020. № 50 (ч. I). Ст. 8029.

судов в РФ»[1]: открытость, доступность, достоверность, свобода поиска, получения, передачи, распространения информации, а также соблюдение прав граждан и невмешательство в осуществление правосудия (ст. 4).

Обращает на себя внимание реализация принципа гласности в ряде зарубежных государств. Так, в Кыргызской Республике с 01 января 2026 года вступили в силу изменения УПК КР, направленные на повышение прозрачности правосудия, укрепление доверия общества к судам, а также способствующие дисциплинированности участников процесса и доступности правосудия. В УПК КР закреплены понятия «видеоконференцсвязь» и «онлайн-трансляция», а суд по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по собственной инициативе вправе разрешить трансляцию судебного заседания в режиме прямого эфира по телевидению, радио и (или) в сети Интернет. Решение о допустимости онлайн-трансляции принимается судом с учетом соблюдения интересов правосудия, принципа гласности и обеспечения безопасности участников судопроизводства (ст. ст. 46, 290-1 УПК КР)[2].

Принцип гласности, реализуемый как механизм общественного контроля над правосудием, обеспечиваемый комплексом форм доступа к информации: 1) личное присутствие в судебном заседании; 2) фиксация его хода и трансляция с помощью технических средств; 3) ознакомление с текстами судебных решений, – иногда становится декларативной открытостью и на практике сталкивается с проблемой содержательной редукции публикуемых приговоров, что существенно ограничивает возможность оценки обоснованности и справедливости судебных актов. Проблема проявляется в изъятии из публичного доступа не только данных, подлежащих защите, но и существенных элементов судебного решения, необходимых для его содержательного анализа. К ним относятся сведения о судимости и смягчающих обстоятельствах; даты ключевых событий; детализация причиненного вреда и перечень

---

[1] Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6217.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс КР от 28 октября 2021 г. № 129. [Электронный ресурс] URL: https:// prg.kz/document/? doc_id = 36639004&pos =7;201 &doc _ id2=36639004 & pos 2= 1215;149 (дата обращения: 14.03.2026).

вещественных доказательств[1]. Такая практика, приводя к невозможности установить соответствие между заявленным ущербом и его судебным признанием, трансформирует гласность в формальную процедуру, лишая ее реального контрольного потенциала и подрывая публичное доверие к правосудию.

На необходимость с помощью открытости и гласности судопроизводства обеспечения общественного контроля за справедливостью функционирования судебной власти и поддержания доверия общества к суду указывает Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»[2]. Внимание акцентируется на том, что обеспечение гласности судопроизводства должно осуществляться путем возможности присутствия в открытом судебном заседании лиц, не являющихся участниками процесса, к которым, кроме граждан, относятся журналисты, осуществляющие профессиональную деятельность и выполняющие общественный долг, имеющие право получать сведения по делу, поэтому чинение препятствий и отказ им в доступе в зал судебного заседания недопустимы.

Гласность, выступая нормативной формой социального взаимодействия суда и гражданского общества, трансформируется из общего условия в системный принцип-гарантию доступности и доверия к правосудию. Ее реализация через современные информационно-коммуникационные технологии создает защищенное пространство публичной верификации судебной деятельности, что дисциплинирует участников процесса и обеспечивает прозрачность восстановления социальной справедливости. В этом качестве гласность становится неотъемлемым элементом легитимации производства в суде первой инстанции, прямо влияющим на его восприятие обществом и эффективность выполнения судом своей публичной

---

[1] Проект № 22-18-00496 «Пределы, формы и гарантии защиты частных интересов средствами уголовного права и уголовного процесса: исследование теории и практики в нарративном контексте». [Электронный ресурс]. URL: https: // ui. tsu. ru/? page_id = 20 923 (дата обращения: 06.07.2025).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 (ред. от 09.12.2025) «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

миссии. Механизм реализации гласности в суде первой инстанции включает в себя организационно-разрешительный элемент: необходимость санкции суда на фиксацию разбирательства техническими средствами сверх базового уровня (письменная и аудиозапись). Данный механизм, установленный п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 13.12.2012 г. № 35, призван обеспечить баланс между публичным интересом в открытости и защитой частных прав. Методологически и юридически значимым является строгое различение двух видов властных актов суда: 1) процессуальное решение о проведении закрытого судебного заседания (ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Это решение представляет собой исключение из конституционного принципа, носит обеспечительный характер для защиты строго очерченного круга тайн и интересов (безопасность участников, охрана частной жизни и т. д.) и требует обязательной мотивировки с указанием конкретных фактических обстоятельств; 2) организационно-регламентирующее решение об отказе в удовлетворении ходатайства о расширенной фиксации. Его природа не процессуальная, а административно-регламентационная; оно направлено на поддержание порядка, создание условий для продуктивной процессуальной коммуникации и дополнительную охрану морально-психологического комфорта участников. Смешение этих актов, обладающих разной правовой природой, предметом регулирования и степенью нормативной определенности, ведет к правовой неопределенности.

Неправомерное ограничение гласности (как путем незаконного закрытия заседания, так и путем необоснованного отказа в фиксации его хода или онлайн трансляции, если такой отказ фактически блокирует общественный контроль) является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора. Следовательно, тщательное взвешивание оснований для любого ограничения гласности выступает не только как гарантия прав участников, но и как условие процессуальной экономии и сохранения восстановительного потенциала правосудия.

Обеспечение социальной справедливости обуславливает внутриполитическое состояние общества и сохранение государства, заявил Президент РФ В.В. Путин[1]. Однако в уголовном правосудии справедливость учеными-процессуалистами рассматривается не однозначно. Одни авторы настаивают на введении справедливости в качестве принципа уголовного судопроизводства[2], поскольку она является глубинной целью, стоящей перед правом, обязанным воплощать в себе справедливость, без которой оно является насмешкой, если не полным отрицанием самого себя[3]. Противоположная точка зрения связана с тем, что справедливость – чисто философское понятие, усложняющее реализацию судьей функции рассмотрения и разрешения уголовного дела, ей не место в уголовном правосудии[4].

Разночтения во мнениях не случайны. Философы и правоведы всегда искали ответ на вопрос «Что такое справедливость и как она взаимосвязана с правом?» Так, рассуждения Платона сводятся к тому, что, выполняя свою деятельность добросовестно, человек реализует справедливость в той сфере, которая наилучшим образом подходит к его естественным склонностям и способностям. Опорой государства в регулировании таких сфер деятельности выступает закон, устраивающий всех граждан и являющийся воплощением справедливости в их жизни и деятельности государства[5].

Вопрос о справедливости считают одной их главных проблем философии права, связывая ее с этическим подходом к правовым явлениям[6]. Рассматривая справедливость как один из высших принципов взаимных отношений между

---

[1] Выступление Президента РФ Владимира Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ / Путин заявил о влиянии социальной справедливости на состояние общества [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240326/putin-1935944043.html (дата обращения 07.02.2025).

[2] Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 100.

[3] Ллойд Д. Идея права. М.: Книгодел, 2007. С. 132, 133.

[4] Бозров В.М. Проблема справедливости в правосудии по уголовным делам. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iuaj.net/node/525 (дата обращения 17.01.2025).

[5] Платон Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 103–106.

[6] Русская философия и социология права / авт.-сост. Агафонов Ю.А., Шалин В.В., Зимонина Н.А. Ростов н/Д: «Феникс», Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005. С. 8.

людьми, под ней принято понимать категорию морально-правового и социально-политического сознания[1]. В связи с этим рассматривается идея формальной справедливости, подразумевающая три взаимосвязанные концепции: 1) необходимы нормы, предписывающие, как следует обращаться с людьми в конкретных случаях; 2) они должны быть общими по своему характеру, то есть предусматривать обязательное их соблюдение; 3) применение их осуществляется беспристрастно[2].

Справедливость как основание и цель правосудия представляет собой диалектическое единство двух измерений. Первое – формальная справедливость, достигаемая через механическое подведение обстоятельств дела под абстрактную норму закона. Второе – содержательная (материальная) справедливость, выступающая как апелляция к системе сверхправовых ценностей (нравственных, социальных), обладающих приоритетом перед буквой закона в случае их коллизии. Функция суда, таким образом, заключается не только в применении нормы, но и в аксиологической верификации принимаемого решения, что наделяет судебное усмотрение ролью инструмента гармонизации позитивного права и высших охраняемых ценностей, обеспечивающего легитимацию приговора в общественном сознании.

Философские основания принципа справедливости в современном уголовном процессе могут быть раскрыты через триаду подходов: 1) утилитаризм И. Бентама[3], акцентирующий социальную полезность и эффективность как меру справедливости наказания и процедуры; 2) деонтология И. Канта[4], утверждающая автономию личности и формальное равенство как безусловные основы справедливого суда; 3) эволюционная теория Г. Спенсера[5], интерпретирующая справедливость как реализацию принципа равной свободы в условиях прогрессирующей

---

[1] Российский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http:// www. rubricon. com/res_1.asp (дата обращения 23.04.2023).
[2] Ллойд Д. Идея права. М.: Книгодел, 2007. С. 137.
[3] Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. Б.Г. Капустина; отв. ред. д.ю.н. В.С. Нерсесянц. М.: Республика, 1998. С. 67–89.
[4] Кант И. Метафизика нравов. Соч.: в 6 т. Т. 4(2). М.: Мысль, 1965. С. 140–152.
[5] Спенсер Г. Справедливость / пер. со 2-го англ. изд.; под ред. Н. Глаголева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. С. 45–60.

социальной дифференциации. Их синтез позволяет определить справедливость в судопроизводстве как процедурно-гарантийный механизм, который, обеспечивая уважение к личности (И. Кант) и баланс интересов (Г. Спенсер), направлен на достижение социально значимого результата, соответствующего публичному благу (И. Бентам). Данная философская триада непосредственно соответствует уровням ценностной стратификации: формализм И. Канта (правило, долг), утилитаризм И. Бентама (эффективность, результат) и эволюционный подход Г. Спенсера (баланс, адаптация, свобода). Их синтез в принципе справедливости подтверждает его роль как интегратора базовых ценностных систем.

Римская концепция справедливости утверждала ее в качестве фундаментального онтолого-правового принципа, интегрирующего естественное право и судебное усмотрение. Судья, уполномоченный решать спор по внутреннему убеждению и совести, выступал медиатором между онтологическим порядком мироздания и нормативным порядком общества, обеспечивая тем самым когерентность права и высшей нравственной истины в процессе, свободном от влияния страстей и корысти[1].

Законодатель, формально закрепив требование справедливости как свойство приговора (ст. 297 УПК РФ) и предмет апелляционной проверки (ст. 389.9 УПК РФ), исключил его из предмета кассационного и надзорного пересмотра. Однако содержащееся в законе основание для «поворота к худшему» в кассационной инстанции – «искажение сути правосудия и смысла судебного решения» (ч. 1 ст. 401.6 УПК РФ) – по своей правовой природе непосредственно затрагивает именно принцип справедливости. Для преодоления данного терминологического и системного пробела требуется доктринальное и судебное толкование, опирающееся на правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, которое позволило бы унифицировать понимание существенных нарушений,

[1] Кирюхин Д.И. Справедливость как aequitas и justitia в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2013. № 3. С. 75–76.

вступающих в диссонанс с понятием справедливости, на всех стадиях пересмотра судебного решения.

Принцип справедливости в производстве суда первой инстанции должен рассматриваться как сложный (комплексный) нормативно-оценочный критерий, выходящий за рамки легального определения в УПК РФ. Его содержание раскрывается через диалектику двух аспектов: 1) процессуальная (формальная) справедливость, гарантируемая через механизм обжалования и проверки соблюдения процедуры (ст. 389.17 УПК РФ); 2) материальная (содержательная) справедливость, охватывающая соответствие исхода дела не только закону, но и высшим правовым началам, что находит отражение в оценочной категории «искажение сути правосудия» (ст. 401.6 УПК РФ). Эта диалектика отражает иерархию ценностных императивов: процессуальная (формальная) справедливость гарантирует соблюдение системных правил и предсказуемость, в то время как материальная (содержательная) справедливость апеллирует к высшим ценностям гуманизма, соразмерности и социальной приемлемости, направляя судебное усмотрение.

Таким образом, справедливость функционирует не как изолированное требование к приговору, а как имманентное качество всей процедуры судебного познания и разрешения спора. Ее обеспечение требует от суда первой инстанции активности, направленной на установление истинных обстоятельств уголовного дела, а от вышестоящих инстанций – разработки единых доктринальных подходов к оценке нарушений, диссонирующих с этим качеством, независимо от процессуальной стадии пересмотра.

Конституционный Суд РФ, употребляя такие термины, как «конституционные критерии справедливости»[1], «принцип справедливости»[2], «требование спра-

[1] п. 2 Постановления Конституционного Суд РФ от 07.03.2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.
[2] Там же. п. 3.

ведливости»[1], «идея справедливости»[2], «начала справедливости»[3], толкования им не дает. Однако в определении сути правосудия указывает на его цель – обеспечение справедливости и условия, которым оно должно соответствовать: отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное восстановление в правах (установление на основе исследованных доказательств обстоятельств дела и их правильная правовая оценка; предоставление возможности обвиняемому и потерпевшему доведения своей позиции и доводов по существу дела до сведения суда)[4]. Поскольку конституционное судопроизводство является экстраординарным и субсидиарным способом обеспечения судебной защиты нарушенных прав, а решения Конституционного Суда РФ выступают как обязательные руководства к действию, формируя российскую правовую систему[5], считаем не только возможным, но и целесообразным использовать в своих выводах его терминологию.

---

[1] Там же. п. 5.

[2] п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть III). Ст. 8891.

[3] Там же. п. 3

[4] Постановления Конституционного Суда РФ: от 02.02.1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701; от 17.07.2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3160; от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026; от 02.07.2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881; от 07.03.2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.

[5] п.п. 2, 3, 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уго-

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ справедливость рассматривается как баланс между буквой закона и духом права, с учетом ценностей, принятых большинством граждан. Так, относительно наказания Верховный Суд РФ отмечает, что оно должно быть не только законным, но и справедливым, то есть соответствовать тяжести преступления и личности виновного[1]; пропорциональным и соразмерным, то есть адекватным нарушению с учетом обстоятельств уголовного дела и личности подсудимого[2]. Равный доступ к правосудию, недопустимость недобросовестного использования прав в ущерб другим лицам[3] рассматриваются Верховным Судом РФ как соответствие справедливости, а отказ от правосудия и необоснованное затягивание производства по делу – напротив, как несоответствие данному принципу[4]. Таким образом, Верховный Суд РФ подчеркивает, что толкование справедливости возможно посредством сочетания принципов законности, равенства всех перед судом и учета человеческого фактора. Это свидетельствует не просто о механическом формальном применении норм права, а о гибком подходе при осуществлении правосудия, обеспечивающем защиту прав граждан в конкретных обстоятельствах.

В науке уголовного процесса справедливость в производстве суда первой инстанции оценивается с точки зрения нравственной оценки принятых им решений[5], гармоничного сочетания их законности и обоснованности с учетом личности

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть III). Ст. 8891.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

[5] Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и до.; под ред. В.В. Лукашевича. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. Гос. ун-та, 2004. С. 112.

подсудимого[1]. Не ограничиваться рамками закона, учитывать фактические обстоятельства дела рекомендует И.Л. Петрухин[2]. На восстановительное правосудие как форму реализации справедливости указывает Т.Н. Морщакова[3]. В контексте системы сдержек и противовесов, отмечено В.М. Савицким, судебную власть характеризует юридическая возможность оказывать влияние на решения и действия законодательной и исполнительной властей, уравновешивать их. Вот эти-то полномочия, когда они предоставлены суду и используются им, превращают его в мощную силу, способную защитить права и свободы граждан, оберегать общество от разрушительных социальных конфликтов[4].

Таким образом, справедливость в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции следует рассмотреть, применяя разнообразие подходов. Во-первых, с позиции формально-догматического подхода справедливость заключается в неуклонном соблюдении и точном применении норм уголовного и уголовно-процессуального права. В данном аспекте она тождественна принципу законности и обеспечивается через строгую процессуальную форму, исключающую произвольное усмотрение суда за пределами, установленными законом. Во-вторых, с позиции аксиологического (ценностного) подхода справедливость выходит за рамки формальной законности и рассматривается как высший критерий, интегрирующий моральные, нравственные и социальные ценности в процессуальную деятельность. Предложенная систематизация является прямым отражением ценностно-стратифицированной природы справедливости. В этом качестве справедливость выступает ориентиром для судебного усмотрения, направляя его на достижение этически обоснованного и социально приемлемого результата, что особенно значимо при разрешении коллизий и применении оценочных категорий. В-третьих, с позиции восстановительно-

---

[1] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебное пособие. М.: Норма, 2023. С. 345.
[2] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК Велби, 2005. Ч. II. С. 78.
[3] Морщакова Т.Г. К вопросу о восстановительном правосудии // Неволя. 2005. № 4. С. 25–34.
[4] Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации: учебное пособие для вузов. М.: БЕК, 1996. С. 27.

го подхода справедливость определяется через призму результата правосудия, акцентируя необходимость полной и соразмерной компенсации причиненного преступлением вреда (физического, имущественного, морального). В контексте производства в суде первой инстанции это предполагает активную роль суда в обеспечении реальной возможности возмещения ущерба и восстановления (насколько это возможно) нарушенных прав потерпевшего, что придает правосудию не только карательный, но и реабилитационный характер.

Систематизируя вышеуказанные подходы, можно сделать вывод о том, что в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции справедливость реализуется как комплексный принцип, синтезирующий формально-догматическое требование законности, аксиологическое наполнение судебного усмотрения высшими ценностями и восстановительную направленность итогового решения. Такой синтез обеспечивает легитимность и социальную приемлемость правосудия, отвечая как публичному интересу в неотвратимости наказания, так и частному интересу в защите и восстановлении нарушенных благ.

Исследование позволяет заключить, что справедливость в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции обеспечивается системой взаимосвязанных формальных и неформальных условий. К формальным (объективным) условиям относятся предусмотренные законом и правовыми позициями высших судов гарантии (законный состав суда, установление объективной истины, гласность и т. д.). К неформальному (субъективному) условию относится способность суда к ценностно-ориентированной интерпретации права – «юридической рефракции», осуществляемой в рамках судейского усмотрения.

Эта диалектика объективного и субъективного раскрывает справедливость не как пассивное соблюдение правил, а как активный процесс поиска этически обоснованного решения, где суд, опираясь на закон, одновременно отвечает на социальный запрос и восстанавливает нарушенный ценностный баланс. Следова-

тельно, эффективность механизма справедливости зависит как от качества процессуальных институтов, так и от готовности суда реализовывать охранительную миссию правосудия через гибкое, но легитимное применение права.

Сформулированные критерии оценки справедливости (процессуальный и социально-аксиологический) институционализируют ее как ключевую аксиологическую категорию правосудия. Их применение позволяет преодолеть пробел, созданный отсутствием прямой нормы о справедливости, и верифицировать соблюдение социального взаимодействия между судебной властью и обществом. Это взаимодействие основано на ожидании, что суд, действуя в рамках закона, будет одновременно достигать ценностно-адекватного результата, соответствующего уровню общественного правосознания. Следовательно, оценка справедливости через единство законности и социальной приемлемости становится механизмом легитимации судебной власти и поддержания доверия к правосудию как институту, реализующему охранительную функцию права в конкретных исторических условиях.

Практической реализацией механизма легитимации гласного и справедливого производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции закономерно становятся нормы уголовно-процессуального закона:

Статья 15.2. Принцип гласности

1. Производство по уголовному делу является гласным и открытым, формируя доверие гражданского общества к правоохранительным и судебным органам, гарантируя доступность правосудия.

2. Реализация принципа обеспечивается:

а) правом электронного обращения в правоохранительные органы;

б) доступностью информации о расследовании преступления, не ограниченной тайной предварительного расследования;

в) правом граждан, представителей средств массовой информации и институтов гражданского общества присутствовать в открытом судебном заседании;

г) открытым провозглашением судебных актов;

д) использованием цифровой инфраструктуры правоохранительной и судебной системы для обеспечения свободного оборота достоверной информации об их организационно-процессуальной деятельности, включая использование систем электронного документооборота, размещение текстов судебных актов, предоставление удаленного доступа к аудио-видео протоколам судебных заседаний, использование видеоконференц связи для проведения судебного заседания, трансляцию (онлайн-трансляцию) судебного заседания в режиме прямого эфира по телевидению, радио и (или) в сети Интернет.

3. Ограничение доступности информации на стадии предварительного расследования, обусловленное интересами сохранения ее целостности, объективности и эффективности, не противоречит требованию гласности, являясь предпосылкой для последующего объективного и справедливого судебного разбирательства.

4. Ограничение доступности информации на стадии судебного разбирательства допускается для обеспечения безопасности участников судопроизводства и их близких, защиты частной жизни, сохранения государственной или иной охраняемой законом тайны.

Статья 7.1. Принцип справедливости

Уголовное судопроизводство признается справедливым при соответствии судебных решений закону и общепризнанным социальным ценностям, обеспечивая баланс частных и публичных интересов.

Выводы по параграфу

Трансформация гласности из процедурного требования в инструмент социальной легитимации правосудия основана на функциональной иерархии между гласностью (как условием доступности и прозрачности) и справедливостью (как ценностно-содержательной категорией).

Гласность как условие прозрачности и доступности правосудия обеспечивает базовую процедурную легитимность и эффективный контроль правового по-

рядка. Справедливость же выступает как высший, синтезирующий принцип, наполняющий процедуру ценностным содержанием и превращающий законное решение в социально и аксиологически легитимный акт правосудия.

Обеспечить реализацию принципа гласности способна концепция безопасной цифровой инфраструктуры, заключающаяся в: 1) свободном обороте достоверной информации о судебной деятельности; 2) защите личных данных участников; 3) доступности судебной практики для широкого круга исследователей, практиков и общественности; 4) формировании устойчивого, основанного на информированности, доверия к судебной системе.

Динамическая правовая категория «справедливость» приобретает в производстве по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции принципиальное значение, синтезируя: нормативную определенность (законность), социальную адекватность (отражение общественных ценностей), индивидуализацию правоприменения (учет конкретных обстоятельств), позволяя суду осуществлять юридическую рефракцию, адаптируя абстрактную норму права к конкретным социальным реалиям в правовых условиях, определяющих рамки диспозитивности правового регулирования, оценочные категории законодательства, пределы судейского усмотрения.

2.3 Инструментальность принципа разумного срока судопроизводства в управлении качеством правосудия

Производство в суде первой инстанции характеризуется дуализмом временны́х регуляторов: императивными процессуальными сроками и оценочной категорией разумного срока судопроизводства как формообразующего принципа. Данный дуализм отражает диалектику базовых ценностных систем. С одной стороны, императивные сроки материализуют потребность в системном порядке, предсказуемости и стабильности, с другой – оценочная категория разумного срока высту-

пает инструментом обеспечения процессуальной эффективности и гуманистической справедливости, подчиняя формальную процедуру цели правовой защиты.

В производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции принцип разумного срока судопроизводства выполняет ключевую легитимирующую функцию, обеспечивая диалектическое единство формальной определенности (процессуальные сроки) и ценностной гибкости. Будучи формообразующим началом, он материализует конституционную гарантию своевременного и справедливого разрешения уголовно-правового спора, выступая инструментом адаптации правосудия к социальным ожиданиям и критерием его результативности.

Нарушения разумных сроков судебного разбирательства, являясь уголовно-ненаказуемыми, но незаконными действиями (бездействиями) судьи, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, рассматриваются как нарушение права на справедливое судебное разбирательство, что предполагает необходимость компенсации лицу, которому причинен вред этими действиями (бездействиями)[1].

В мировом сообществе проблема длительности судебных производств традиционно является одной из основных проблем отправления правосудия, а превышение разумных сроков производства по уголовному делу – главным основанием констатации нарушений. В разное время создавались специальные центры по анализу и изучению использования времени в судопроизводстве (CEPEJ-TF-DEL, Центр SATURN), деятельность которых касалась исключительно вопросов длительности судебного разбирательства, а результатом работы стал Справочник

[1] п. 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

по наилучшим примерам рационального пользования временем в судопроизводстве[1].

Несоблюдение сроков производства, существенно нарушающее права человека, вовлеченного в уголовное судопроизводство, привело Россию к решению закрепить право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействиями) органов государственной власти или их должностных лиц, получившее реализацию посредством принципа разумного срока уголовного судопроизводства в УПК РФ (ст. 6.1) и принятого почти через десять лет ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ.

Критика учеными-процессуалистами введения принципа разумного срока судопроизводства связана с тем, что данная норма стала следствием исполнения Россией пилотного постановления по делу Бурдова от 15.01.2009 г. и явилась внешним официальным процессуальным вмешательством в уголовное судопроизводство[2]. Однако отсутствие закрепления в законе срока производства по делу в суде первой инстанции является пробелом в регулировании, не отвечающим требованию разумности[3].

В период с принятия УПК РФ до закрепления в нем принципа разумного срока судопроизводства (2002–2009 гг.) количество уголовных дел, которые находились в производстве у конкретных судей до 1,5 месяцев, составило около 50,9 % от общего количества дел, принятых к рассмотрению, от 1,5 до 3 месяцев – около 26 %, от 3 месяцев до года – около 20 %, от 1 до 2 лет – около 2,4 %, свыше 2 лет –

---

[1] Жан Жан-Поль, Губанов Рамин Афад оглы. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: научное издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА 2015. С. 132.
[2] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 84.
[3] Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород. 2022. С. 25–26.

около 0,7 %. С нарушением сроков, установленных ст. ст. 227, 233, 321 УПК РФ, рассмотрено около 1 % дел[1].

Гарантировать соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства, а также обеспечить права и законные интересы личности можно только тогда, когда положение о разумном сроке охватывает частные моменты судопроизводства[2]. Сокращение сроков судопроизводства должно основываться на эмпирически верифицированной системе управления процессуальным временем, формируемой путем сбора и анализа данных о факторах, препятствующих оперативному разрешению дел. Это создаст основу для разработки объективных индикаторов и процессуальных стандартов оптимальной продолжительности производства. Исследование же компенсационного механизма за нарушение разумного срока выступает обратной связью в данной системе, определяя юридически значимые границы допустимой длительности процесса через призму гарантий прав участников и ответственности государства.

ФЗ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ[3] установил право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (ч. 1 ст. 1), виды нарушений, при которых человек вправе требовать компенсацию, в том числе за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, вызванное длительным судебным разбирательством в суде общей юрисдикции (п. 1 ч. 1 ст. 2). Однако из смысла закона невозможно определить понятие разумного срока, основания и природу компенсации за его нарушение.

---

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2002–2009 г.г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 13.08.2022).

[2] Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 4.

[3] Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

Под разумным сроком ученые предлагают понимать принцип, обеспечивающий право на доступ к правосудию без неоправданных задержек[1]; правовую категорию, которая устанавливает предел состояния неопределенности и беспокойства в связи в производством по уголовному делу[2]; срок, отвечающий интересам вовлекаемых в уголовное дело частных лиц, но не превышающий формально определенных в законе сроков[3]; логически обоснованный срок для достижения целей судопроизводства и обеспечения реализации участниками процесса своих прав[4]; гарантию защиты участников судебного разбирательства от чрезмерного затягивания этой процедуры[5]. Мнения о природе компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства сводятся к публично-правовому (А.Л. Маковский[6], Т.Н. Нешатаева[7], Л.А. Грось[8]) и гражданско-правовому ее характеру (М.Е. Глазкова[9], С.Б. Некенова[10]).

Компенсационный механизм, предусмотренный ФЗ № 68-ФЗ, следует определять как публично-правовую гарантию, реализуемую через гражданско-правовые средства. Его двойственная природа проявляется в том, что материальным основанием выступает частноправовой деликт (причинение имущественного и морального вреда), а формой реализации – публичное обязательство государства по возмещению ущерба, причиненного в процессе осуществления правосудия.

---

[1] Малофеев И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 10.

[2] Некенова С.Б. Принцип обеспечения права лица в разумный срок уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 11.

[3] Аширбекова М.Т. О разумном сроке уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 81.

[4] Волынец К.В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 7.

[5] Богословская Е.В. Скорый суд в разумный срок // Вестник академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3(41). С. 118.

[6] Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. С. 161.

[7] Нешатаева Т.Н. Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: судебная практика // Российское правосудие. 2009. № 10. С. 29–30.

[8] Грось Л.А. О федеральных законах, принятых с целью обеспечить реализацию права на судопроизводство в разумный срок // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 9. С. 3 –4.

[9] Глазкова М.Е. Компенсация за нарушение разумного срока в арбитражном процессе: цели внедрения и проблемы правоприменения // Адвокат. 2010. № 9. С. 35–37.

[10] Некенова С.Б. Указ. соч. С. 12.

Это создает уникальную конструкцию, где публичная ответственность государства субсидиарно обеспечивает защиту частных прав, нарушенных в рамках публично-властной деятельности. Эта двойственная природа компенсации есть прямое следствие ценностной иерархии. Публично-правовая основа отражает императив защиты системной легитимности государства и правопорядка, а гражданско-правовая форма реализации направлена на эффективное восстановление нарушенного блага и справедливое возмещение вреда, причиненного конкретной личности.

Нарушение разумного срока судопроизводства, будучи производным от недостаточности действий суда, представляет собой особый вид процессуального правонарушения, посягающего на конституционные права. Компенсация за такое нарушение является публично-правовым последствием, устанавливаемым в специальной административной процедуре, и подтверждает, что процессуальная гарантия (срок) носит не только организационный, но и охранительный, правообеспечительный характер, нарушение которого влечет за собой обязанность государства по возмещению причиненного правового ущерба.

Показателями оценки нарушения разумных сроков производства в статистической отчетности о деятельности судов являются срок принятия судьей постановления по поступившему в суд уголовному делу не позднее 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд (14 суток – при нахождении обвиняемого под стражей; ч. 3 ст. 227 УПК РФ); срок рассмотрения уголовного дела в судебном заседании не позднее 14 суток со дня вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания, но не ранее 7 суток со дня вручения обвиняемому копии обвинительного заключения или обвинительного акта (ст. 233 УПК РФ); срок не позднее 10 суток для рассмотрения судом ходатайства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (ч. 4 ст. 442.2 УПК РФ).

Положением ФЗ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ[1] законодатель выносит «за скобки» понятия сроков производства, право на судопроизводство в разумный срок, отмечая, что нарушение установленных законодательством РФ сроков рассмотрения дела само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок (п. 2 ст. 1). Такой подход видится неверным, поскольку право на справедливое разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом является конституционной гарантией, установленной ст. ст. 46 и 52 Конституции РФ и учитываемой в ряде Постановлений и Определений Конституционного Суда РФ[2].

Синонимами слова «разумный» являются слова «осмысленный», «целесообразный», «продуманный», «понятливый», «логичный», «уместный», «здравый» и др.[3] Например, И.С. Дикарев разумным называет такой срок продолжительность которого является оптимальной (достаточной и необходимой), для того чтобы принятие процессуального решения, выполнение процессуального действия, за-

---

[1] Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2022 г. 2-П/2022 г. «По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова» // СЗ РФ. 2022. № 4. Ст. 674; Определения Конституционного Суда РФ: от 09.04.2020 г. № 812-О/2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевакиной П.Д. на нарушение ее конституционных прав частями шестой и седьмой статьи 22 Основ законодательства РФ о нотариате» [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации URL: https: // pravo.gov.ru (дата обращения 21.03.2024); Постановления Конституционного Суда РФ: от 25.06.2013 г. №14-П/2013 «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3428; от 02.03.2017 г. № 4-П/2017 «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова» // СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1621 (дата обращения 21.03.2024).

[3] Словарь синонимов русского языка: справочное издание / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель, 2003. С. 352.

вершение отдельной стадии уголовного процесса или производства по уголовному делу в целом обеспечивали реализацию назначения уголовного судопроизводства[1].

Термин «разумный срок» носит оценочный характер, поскольку мера разумной продолжительности рассмотрения и разрешения дела не может быть одинаковой для всех дел[2]. Поэтому для оценки (разумности / неразумности) срока производства по конкретному уголовному делу необходимы критерии, исключающие вероятностный признак. Перечень критериев, на которые обращает внимание законодатель, следующий: правовая и фактическая сложность материалов уголовного дела, поведение участников уголовного производства, достаточность и эффективность действий суда в целях своевременного рассмотрения уголовного дела, общая продолжительность судопроизводства (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ). Данная система критериев представляет собой операционализацию ценностного синтеза. Оценка сложности дела обеспечивает баланс между требованием эффективности и необходимостью полноты и качества познания для справедливого исхода. Критерий поведения участников и действий суда направлен на поддержание процессуального порядка и дисциплины как условия достижения двух предыдущих ценностей.

Обстоятельства, связанные с организацией работы суда, которые могут приниматься во внимание при определении превышения разумных сроков (ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ), в перечень не включены. Однако в этом видится противоречие, поскольку в законе предусмотрен механизм предотвращения затягивания судебного процесса, представляющий собой обращение заинтересованного лица к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела (ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ), возлагающий на него обязанность вынести организационное решение, не

---

[1] Дикарев И.С., Гордеев П.С. Разумность процессуальных сроков – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2012. № 5. С. 115–118.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 г. № 17-П «О проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // СЗ РФ. 2011. № 30(2). Ст. 4699.

связанное с установлением обстоятельств по уголовному делу. Поскольку на председателя суда возлагаются организационные функции, на него возложена обязанность решать вопрос об ускорении производства при поступлении заявления. Критикуя данный механизм, Л.В. Головко указывает, что председатель суда, хоть и обладает статусом судьи, но процессуально не причастен к оценке доказательств, поскольку не исследовал материалы дела и не несет ответственности за приговор[1].

В литературе предлагается альтернативный подход решения данных вопросов, снимающий ответственность с председателя суда, заключающийся во введении должности судебного управляющего, который обязан планировать деятельность персонала суда[2]. Следует отметить, что Россия за период 2010–2025 гг. (с момента введения принципа разумного срока судопроизводства и компенсаторного механизма при его нарушении по настоящее время) существенно продвинулась в совершенствовании ряда организационных критериев (индикаторов). Государственная автоматизированная система «ГАС Правосудие» позволила усовершенствовать такие индикаторы, как единая нумерация судебных дел на всех стадиях судопроизводства, наличие статистических данных о различных аспектах продолжительности производств и возможность ознакомления с ними на сайте Судебного департамента РФ. Однако отсутствие нормативно установленных сроков рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции, должностного лица, в виде судебного управляющего, способного произвести оценку деятельности судьи и работников аппарата суда на предмет их достаточности и эффективности, в том числе, с помощью аналитических систем на основе технологий искусственного интеллекта и правил управления судебным временем, оставляет проблему затягивания сроков неразрешенной.

---

[1] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 84.

[2] Жан Жан-Поль, Губанов Рамин Афад оглы. Указ. соч. С. 149.

С целью установления целостного перечня процессуальных и организационных критериев оценки продолжительности производства по уголовному делу в суде первой инстанции и разработки практических рекомендаций по их толкованию и применению необходимо посредством анализа и обобщения практики административных исков о компенсации за превышение разумных сроков выявить обстоятельства, затрудняющие рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу.

Правовая и фактическая сложность материалов уголовного дела заключается в наличии обстоятельств, затрудняющих процесс его рассмотрения и разрешения по существу.

Правовой и фактической сложностью по уголовному делу, рассмотренному Челябинским областным судом, явились: объем – 153 тома, обвиняемых – 20 человек, обвинения предъявлены по преступлениям различной степени тяжести, допрошено – 23 свидетеля (всего свидетелей 74), проведено – 90 различных экспертиз[1].

Правовая и фактическая сложность материалов уголовного дела, рассматриваемого Архангельским областным судом в течение 4 лет 6 месяцев 14 дней (при общей продолжительности производства 5 лет 2 месяца 11 дней), подтверждена: объем – 555 томов, обвиняемых – 30 лиц, обвинения предъявлены по тяжким и особо тяжким преступлениям, участвовали – 81 адвокат, гражданских истцов – 45 человек, сумма гражданских исков – более 108 млн руб., свидетелей – 120 человек, экспертиз – 105. Отказано в удовлетворении административного иска о присуждении компенсации в 13 млн руб. за нарушение разумного срока по уголовному делу[2].

---

[1] Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30.07.2019 № АПЛ19-263. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.08.2022).

[2] Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22.12.2020 г. № АПЛ20-453. Документ опубликован не был [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

Правовой и фактической сложностью признан факт возбуждения уголовного дела на территории иностранного государства и передача его в РФ для рассмотрения по подследственности. Отказано в удовлетворении требования о присуждении компенсации в размере 1 млн руб., действия Алтайского краевого суда признаны достаточными и эффективными[1].

Установленная в судебной практике система критериев, исключающих компенсацию за нарушение разумного срока (объем дела, количество участников и экспертиз, трансграничность, тяжесть и многоэпизодность преступления), легитимирует дифференцированный подход к оценке продолжительности судопроизводства. Эти критерии объективируют понятие «фактической и правовой сложности», позволяя отграничить необоснованную задержку от процессуально обусловленной длительности, необходимой для обеспечения всесторонности и полноты исследования обстоятельств по делам повышенной общественной значимости. Таким образом, принцип разумного срока применяется не абстрактно, а с учетом материально-правовых и процессуальных реалий конкретного дела.

Интересным примером оценки сложности дела являются Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах РФ[2], определяющие правовую сложность дела исходя из его категории (правовой природы спора или иного дела), учитывая временны́е данные по выполняемым судьей действиям, а фактическую сложность – исходя из объема дела и проделанной по нему работе.

Правовая и фактическая сложность уголовного дела выступают как самостоятельные оценочные критерии, определяющие характер и продолжительность его производства в суде первой инстанции. Правовая сложность детерминирована преимущественно категорией (квалификацией) дела и природой уголовно-

---

[1] Решение Верховного Суда РФ от 24.01.2019 г. № АКПИ18-1236. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

[2] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 167 «Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

правового спора. Фактическая сложность обусловлена объективным объемом судебной работы и связанными с ним гносеологическими (познавательными) трудностями. Выявленные в исследовании признаки каждой из сложностей формируют систему дифференцирующих критериев, позволяющих отграничить простое дело от сложного и тем самым обоснованно определить адекватные временные и организационные рамки для его эффективного и своевременного рассмотрения.

Поведение участников производства в суде первой инстанции представляет собой диалектическое единство индивидуальной процессуальной воли и системных требований процедуры. Наделяя субъектов правами и обязанностями, закон создает основу для процессуального релятивизма, где тактическое поведение каждого участника (включая злоупотребление правом на неявку, пассивность, опоздание) способно стать доминирующим фактором нарушения разумных сроков. Этот фактор усугубляется фундаментальными принципами непосредственности, устности и неизменности состава суда, которые трансформируют любое отсутствие обязанного лица в системный сбой, обременяющий все производство. Таким образом, поведенческий критерий в нарушении сроков раскрывает ключевое противоречие между индивидуальной диспозитивностью и коллективной процессуальной эффективностью, требующее оптимизации механизмов процессуальной ответственности и координации.

Нельзя согласиться с предложением о том, что при отсутствии у участников судебного разбирательства желания тратить личное время на очередной вызов для допроса в суде, сторонам обвинения и защиты следует сделать вывод о доверии (недоверии) к их показаниям на основании письменных документов в материалах уголовного дела[1]. Представляется обоснованной такая организационная мера управления судебным временем, как обязанность работодателя в выплате компенсации в размере двойной оплаты рабочего времени работнику, явившемуся в су-

[1] Бедняков И.Л. Пути оптимизации рассмотрения судом первой инстанции уголовных дел в свете обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. Р.А. Ромашов. Самара: Самарский государственный юридический институт, 2014. С. 114.

дебное заседание для дачи показаний в качестве свидетеля. Механизм компенсации затрат работодателя может быть связан с налоговыми льготами.

В Бразилии, например, суд вправе назначить заместителя основного защитника, который может принять участие в производстве суда один раз или участвовать временно, до явки основного защитника (ст. 265 УПК Бразилии). На основного защитника при неявке в суд без уважительной причины может быть наложен штраф от ста до пятисот тысяч. Отказ от защиты без уважительной причины влечет за собой штраф от десяти до ста минимальных заработных плат (ст. 265 УПК Бразилии)[1].

Одной из организационных мер управления судебным временем может стать система денежных взысканий, накладываемых на защитника при существенном опоздании (более 15 минут) или неявке без уважительной причины, которые должны ранжироваться в зависимости от сложности уголовного дела от 10 тыс. рублей до 15 тыс. рублей.

Организационные меры управления судебным временем могут иметь не только негативный, но и позитивный характер. Представляется, что в систему стимулов, поощряющих надлежащее использование времени и предотвращающих как бюрократическое затягивание, так и недобросовестное ускорение, целесообразно включить: 1) публичное признание и профессиональную репутацию судьи как профессионала, умеющего избегать неоправданных проволочек и затягиваний производства по вине суда; учет эффективности руководства процессом при решении кадровых вопросов; материальное стимулирование за образцовую организацию сложных процессов, завершенных в разумный срок; 2) включение показателей качественной и своевременной подготовки обвинения в критерии оценки работы государственного обвинителя; приоритетный карьерный рост прокуроров, демонстрирующих высокую процессуальную культуру и эффективность в суде; 3) формирование в профессиональном сообществе адвокатов репутационных меха-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Бразилии от 03.10.1941 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/18680 Бразилия (дата обращения: 12.11.2022).

низмов в виде публичного признания защитников, ведущих дела эффективно и добросовестно.

В современных условиях ускорения информационного потока и деятельности человека рекомендацией для соблюдения непосредственного и устного участия в производстве суда первой инстанции может стать расширение использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в виде более широкого применения видео-конференц-связи. Удобство такого способа проведения судебного заседания по достоинству смогли оценить участники производства в суде первой инстанции, поскольку он существенно оптимизирует уголовно-процессуальную деятельность[1].

Неопределенность оценочных категорий «достаточность» и «эффективность» действий суда создает значимый научный пробел, требующий их доктринальной интерпретации применительно к производству в суде первой инстанции. Эмпирической базой для такого осмысления служит сложившаяся судебная практика по административным искам о компенсации, анализ которой позволяет не только констатировать наличие данных критериев, но и выявить конкретный перечень процессуальных действий и бездействий, наполняющих их правовым содержанием и формирующих объективные ориентиры для оценки судебной деятельности.

Показательными примерами достаточности / недостаточности и эффективности / неэффективности являются следующие выводы Верховного Суда РФ:

– достаточными и эффективными признаны действия Верховного Суда Республики Коми: несмотря на то что продолжительность рассмотрения дела в суде составила 5 лет 6 месяцев 28 дней (общая продолжительность судопроизводства составила 8 лет 3 месяца 17 дней), производство по делу проводилось с соблюдением прав участников процесса, назначение заседания проведено в установленные

[1] Ткачева Н.В. Информационные технологии и технические средства в производстве суда первой инстанции по уголовным делам // Российский судья. 2023. № 6. С. 35.

законом сроки, слушания были непрерывными, перерывы необходимыми и обоснованными, периоды неактивности суда – непродолжительными[1];

– недостаточными и неэффективными признаны действия Алтайского краевого суда: отложения судебных заседаний на длительное время без уважительных причин, приведшее к чрезмерной продолжительности производства по уголовному делу (5 лет 5 месяцев 11 дней)[2].

Выявленные эмпирические признаки достаточности и эффективности действий суда (непрерывность, своевременность, последовательность, соразмерность процессуальных решений) образуют содержательную модель надлежащего судебного поведения в рамках производства первой инстанции. Эта модель трансформирует абстрактные оценочные категории в систему проверяемых критериев, связывая формальную активность суда с материальной гарантией права на судопроизводство в разумный срок. Таким образом, достаточность и эффективность предстают не как произвольные оценки, а как объективируемые параметры процессуальной дисциплины суда, вытекающие из его обязанности по активному руководству процессом.

Признак эффективности деятельности толковые словари русского языка определяют как приводящий к нужным результатам[3]. Таким образом, критерий «эффективность» тождественен – «результативности», «продуктивности». Оценка результативности деятельности зависит от своевременности достижения цели (получения продукта) при наименее возможных затратах, не влияющих на качество результата (продукта). Достижение социально значимых целей выступает как критерий эффективности правосудия, поскольку природа власти всегда одна –

---

[1] Решение Верховного Суда РФ от 18.02.2021 г. № АКПИ20-849. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

[2] Решение Верховного Суда РФ от 06.07.2022 г. № АКПИ22-430. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

[3] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935–1940. Ст. 1346.

психологическая и социальная[1]. Способность судопроизводственной деятельности привести к требуемому результату – показатель ее эффективности (результативности, продуктивности).

Достаточность толкуется, как столько, сколько нужно или необходимо для чего-либо[2]. Исследование данной категории позволяет констатировать, что «достаточность» судебных действий раскрывается как двухаспектная оценочная категория, интегрирующая цели правосудия. Она включает в себя материальную достаточность (критерий завершенности доказательственного познания для разрешения спора) и процессуально-властную достаточность (критерий полноты использования судом предоставленных законом полномочий для организации и проведения разбирательства). Их единство формирует операциональный критерий для оценки эффективности судебной деятельности в рамках публично-состязательной модели.

Категория достаточности судебных действий представляет собой синтез качественного (оптимальность способов достижения цели) и количественного (полнота охвата необходимых мероприятий) аспектов. Достижение этой достаточности (как в доказательственном, так и в процедурном плане) является императивным основанием для своевременного постановления приговора. Продолжение производства после этого момента трансформирует судебную активность в злоупотребление процессуальными полномочиями, приводящее к нарушению принципа разумного срока и дисбалансу между полнотой и своевременностью правосудия.

В отсутствие универсальных алгоритмов, разумность срока судопроизводства является комплексным оценочным понятием, конституируемым посредством двухаспектного нарушения: формального (выход за установленные законом временные рамки) и содержательного (осуществление «процессуальной избыточно-

---

[1] Колоколов Н.А. Сущность судебно-властных правоотношений в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 93.

[2] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М.: АСТ, 2017. С. 208.

сти» – необоснованных действий, ведущих к волоките и дестабилизации правового статуса сторон). Таким образом, неразумный срок есть следствие не только количественной задержки, но и качественной деформации процедуры, подрывающей саму цель правосудия – обеспечение правовой определенности.

Эволюция принципа разумного срока требует перехода от ретроспективной оценки к предиктивному управлению процессуальным временем. Это реализуется через синтез традиционных критериев (формальных и выработанных практикой) и цифровых аналитических систем на основе искусственного интеллекта, способных выявлять риски волокиты. Институционализация данной модели через введение судебного управляющего технологиями (судебный ИИ-управляющий) создает новый контур ответственности – не только за соблюдение сроков, но и за технологическую эффективность судебных действий, что трансформирует разумность срока из оценочной категории в параметр управляемого процесса.

Введение гибридной должности «судебный ИИ-управляющий» представляет собой институциональный ответ на вызовы цифровой трансформации правосудия. Данный специалист выполняет стратегическую медиативную функцию, обеспечивая синтез юридической экспертизы и технологической компетентности. Его роль заключается не в подмене судебного усмотрения, а в создании аналитико-управленческого контура для превентивного контроля за процессуальными сроками, оптимизации судебных процедур и обеспечения этически ответственного внедрения инструментов искусственного интеллекта. Ключевым квалификационным требованием выступает бинарная компетенция – глубокое понимание материального и процессуального права в сочетании с навыками работы с большими данными, прогнозной аналитикой и LegalTech-платформами, что позволяет трансформировать данные судопроизводства в инструмент повышения эффективности и легитимности правосудия.

Стратегическая роль судебного ИИ-управляющего заключается в операционализации принципа разумного срока через создание цифрового интерфейса между нормативными требованиями и судебной практикой. Обладая бинарной компе-

тенцией (юридической и технологической), он институционализирует превентивный аналитический контроль за процессуальными действиями, трансформируя данные в инструмент управления судебным временем, обеспечения процессуальной экономии и минимизации рисков волокиты. Это формирует новый контур процессуальной ответственности, где технологическая эффективность становится имманентным элементом справедливого и своевременного правосудия.

Практическим применением, аккумулирующим все требования, предъявляемые к ИИ-управляющему, является разработанная Должностная инструкция[1].

Компенсаторный механизм за нарушение принципа разумного срока судопроизводства явился результатом трансформации защиты прав человека с европейского на национальный уровень. Статистика по срокам рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции на протяжении 14 лет его существования свидетельствует о некоторых колебаниях сроков рассмотрения дел и обращений за компенсацией при превышении их разумности, что свидетельствует о работоспособности механизма компенсации:

– в 2010 г. до 1,5 месяцев в производстве находилось около 83 % от всего количества уголовных дел, принятых к рассмотрению; от 1,5 до 3 месяцев – 11 %, от 3 месяцев до 1 года – 6 %, от 1 до 2 лет – 0,34 %, от 2 до 3 лет – 0,04 %, свыше 3 лет – 0,03 %; с нарушением сроков, установленных ст. ст. 227, 233, 321 УПК РФ, рассмотрено 0,95 % дел;

– в 2024 г. до 1,5 месяцев в производстве находилось около 58 % от общего количества дел, принятых к рассмотрению, от 1,5 до 3 месяцев – 22 %, от 3 месяцев до 1 года – 18 %, от 1 до 2 лет – 1,6 %, от 2 до 3 лет – 0,2 %, свыше 3 лет – 0,1 %. С нарушением сроков, установленных ст. 227, 233, 321, ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ, рассмотрен 1 % дел[2];

---

[1] Приложение № 7.

[2] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010–2024 г.г. [Электронный ресурс] URL: http:// www. supcourt. ru/ documents / statistics/30794/ (дата обращения: 29.06.2025).

– о выплате компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (гл. 26 КАС РФ) Верховным Судом РФ рассмотрено в 2021 г. 31 дело[1], в первом полугодии 2022 г. – 22 дела, все – с вынесением решения, в 50 % случаев требования удовлетворены[2].

Эффективность механизма обеспечения разумного срока судопроизводства в суде первой инстанции снижается в силу системных процедурных лакун, создающих асимметрию процессуальных возможностей. К ним относятся: 1) отсутствие императивной обязанности суда разъяснять сторонам право на заявление ходатайства об ускорении производства, что превращает данную гарантию в фиктивную для неосведомленных участников; 2) законодательная нерегулируемость взаимодействия государственного обвинителя и потерпевшего, порождающая правовую неопределенность и пассивность последнего; 3) стратегическая заинтересованность защиты в затягивании процесса, которую суд не компенсирует проактивными мерами. Таким образом, действующая модель оказывается дисбалансированной: она пассивно констатирует формальное равенство прав, не обеспечивая условий для их реального использования, что подрывает принципы своевременности и справедливости правосудия.

Действующий механизм обеспечения разумного срока содержит процедурный дефект информационного характера: отсутствие законодательной дефиниции «заинтересованного лица» (ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ) и императивной обязанности суда по разъяснению права на ускорение производства. Это порождает ситуацию, когда гарантия становится реализуемой лишь для процессуально искушенных участников. Включение в число таких лиц государственного обвинителя (исходя

---

[1] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2021 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел (подготовлен Верховным Судом РФ, август 2021 г.) Текст обзора опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 13.08.2022).

[2] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 13.08.2022).

из его публичной функции) и установление обязанности суда по разъяснению права – необходимые шаги для трансформации механизма из формального в рабочий инструмент процессуальной дисциплины, связывающий досудебную стадию (ходатайство об ускорении) с судебно-контрольной (компенсация) в единый защитный контур.

Принцип разумного срока в уголовном процессе страдает от внутренней нормативной несбалансированности. Его качественная составляющая в виде конкретного срока производства неоднозначна, поскольку существует диссонанс между императивно регулируемыми досудебными сроками и нормативным вакуумом в отношении продолжительности сроков в производстве суда первой инстанции (в апелляционной инстанции также отсутствуют процессуальные сроки). Эта лакуна, контрастирующая с установленными сроками для последующих стадий пересмотра судебного решения, подрывает системную целостность принципа, превращая его из универсальной гарантии в избирательный инструмент, что дестимулирует участников процесса и снижает эффективность судопроизводства.

Соответствие производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции принципу разумного срока судопроизводства требует внедрения системы правил управления судебным временем, основанной на синтезе процессуальных и организационных мер. Процессуальные меры обеспечивают формальную определенность и ускорение процедуры, сохраняя ее прозрачность и соответствие принципам правосудия. Организационные меры формируют институциональные условия для эффективной координации действий участников и их целенаправленного взаимодействия. Только совместное применение этих мер создает сбалансированный механизм, который трансформирует принцип разумного срока судопроизводства из абстрактного требования в рабочий инструмент процессуальной эффективности.

Процессуальный блок таких мер включает в себя определение стартового момента срока (первое судебное заседание), формализованные правила отложения / приостановления, объективную классификацию сложности уголовного дела, ис-

пользование информационно-коммуникационных технологий, разъяснение участникам права на ускорение производства. Организационный блок мер содержит стимулы и санкции (компенсация свидетелям, денежное взыскание защитникам, дисциплинарная ответственность гособвинителя), процедурные «дорожные карты» и государственную систему мониторинга на основе аналитики технологий искусственного интеллекта. Данная система трансформирует принцип разумного срока из абстрактной гарантии в рабочий механизм процессуальной дисциплины и эффективности, основанный на балансе формальных правил, стимулов, санкций и технологического контроля.

Таким образом, предлагаемая комплексная система управления судебным временем является материализацией ценностно-стратифицированной модели оптимизации правосудия. Процессуальные меры (сроки, определение сложности уголовного дела) обеспечивают системную определенность и эффективность, а организационные меры (стимулы, санкции, использование информационно-коммуникационных технологий и технологий искусственного интеллекта) – защиту прав личности в конкретные сроки, трансформируя абстрактный принцип разумного срока судопроизводства в рабочий механизм легитимного правосудия.

Выводы по параграфу

Стратегическое управление судебным временем основано на разработке комплексной системы, сочетающей гарантии полноты исследования доказательств с требованиями разумности и экономии судебного времени, переходящей от пассивного фиксирования нарушений процессуальных сроков к активному, стратегическому управлению временным ресурсом как инструментом повышения качества правосудия.

Преодолевая традиционный подход к срокам как формальным ограничениям, нарушение которых влечет за собой процессуальные санкции, предложенная инновация вводит двухмерное регулирование времени: 1) процессуальный уровень: четко определенные (но гибкие) сроки, соответствующие принципу справедливого судопроизводства в разумные сроки; 2) организационно-

управленческий уровень: система стимулов и санкций для судей, прокуроров, адвокатов, иных участников судопроизводства, поощряющая надлежащее использование времени и предотвращающая как бюрократическое затягивание, так и недобросовестное ускорение.

Глава III. Организационно-правовые условия интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции

3.1 Систематизация организационно-правовых условий

Организационно-правовые условия, регламентирующие порядок производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, детерминированы его принципами. Их систематизация является фундаментальной предпосылкой построения нормативного режима интегративной модели, процедурно наполняющего механизм ее реализации законными процессуальными инструментами.

В научной литературе дореволюционного[1] и советского[2] периодов встречаются мнения о принципиальном значении данных условий. В настоящее время они определяются как правовые положения, действующие на протяжении всего производства в суде первой инстанции[3], отражающие характерные черты судеб-

---

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. С. 60; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. С. 16–20; Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда: уголовно-политическое исследование. Томск: Тип. И.И. Макушина, 1905. С. 150; Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I. Судоустройство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 55–85; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. С. 301–302; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Тип. В. Рихтер, 1915. С. 70–75; Плетнев В.Д. Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1909. С. 23.

[2] Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М.: Юридическая литература, 1971. С. 30–34; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989. С. 21–46; Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. М.: Наука, 1979. С. 17–80; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 56; Шундиков В.Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Саратов: Саратовский университет, 1974. С. 39–41; Якуб Н.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М.: Норма, 1960. С. 12.

[3] Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009. С. 493.

ного разбирательства и гарантирующие осуществление всех принципов[1]; как правила, обеспечивающие проверку законности и справедливости принятого судом решения[2].

В современных научных публикациях подчеркивается двойственная природа условий производства при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу. Так, Е.В. Рябцева именует их специальными принципами правосудия, существующими наряду с общими[3]. Ряд ученых именует их принципами судебного следствия (С.П. Гришин[4], А.О. Машовец[5], Г.И. Загорский[6]) несмотря на то, что оно является частью стадии производства в суде первой инстанции. Н.П. Кириллова отмечает, что на общие условия опирается реализация процессуальных функций участников в судебном разбирательстве[7].

В рамках исследования организационно-правовые условия трактуются как синтетическая категория, описывающая нормативно заданную процессуальную среду (обстановку) и совокупность императивных требований, детерминирующих деятельность суда и сторон. Данная синтетическая категория является операциональным выражением ценностно-стратифицированного императива. Системный каркас условий (порядок) создает стабильную среду для реализации инструментов эффективного познания, которые, в свою очередь, направлены на достижение гуманистического идеала справедливого разрешения спора. Этот термин, в отличие от более узких понятий («правила», «принципы»), позволяет рассматривать про-

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. С. 642.

[2] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2004. С. 69.

[3] Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 73.

[4] Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспект). М.: Юрлитинформ, 2008. С. 172.

[5] Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктриналь-ный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста РФ А.Д. Прошлякова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 128.

[6] Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. С. 45.

[7] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 185.

изводство в суде первой инстанции как целостный режим, в котором процедурные формы неразрывно связаны с материально-правовыми целями и конкретными обстоятельствами дела.

Сфера деятельности по рассмотрению и разрешению уголовно-правового спора в суде первой инстанции характеризуется качественным отличием от сферы предварительного расследования, что детерминирует особую организационно-процессуальную обстановку и специфические требования к ее осуществлению. Если досудебное производство ориентировано на собирание и проверку доказательств, то судебное разбирательство представляет собой публично-состязательную процедуру легитимации и окончательного разрешения спора, предполагающую иные организационные и процедурные параметры, иной режим процессуальных гарантий и иную степень процессуальной ответственности за результат.

Досудебное и судебное производства представляют собой последовательно-дифференцированные стадии единого процесса, обладающие различными, но взаимодополняющими организационно-правовыми режимами. Судебное производство характеризуется публично-состязательной и легитимирующей природой, основанной на независимости суда, равенстве прав сторон, гласности, устности и непосредственности. Досудебное производство носит розыскной и предварительный характер, с доминированием стороны обвинения и ведомственной подчиненности. Их системная связь обеспечивается единством целеполагания (ст. 6 УПК РФ), где предварительное расследование создает материал для последующего разрешения спора, что отражает функциональную специализацию в рамках общей охранительной миссии уголовного судопроизводства.

Организационно-правовые условия производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции есть нормативно-процедурный конструкт, синтезирующий правовые и организационные требования в единую систему, которая формирует адекватную среду (обстановку) для гласного, справедливого и своевременного разрешения уголовно-правового спора в рамках публично-состязательной модели. Эта система, объединяя нормы о про-

цедуре и нормы о статусах, создает динамический правовой режим, обеспечивающий не только формальное соблюдение процесса, но и реальную возможность реализации прав участников, что в совокупности составляет необходимое условие легитимности и эффективности правосудия. Этот конструкт материализует ценностную архитектонику процесса. Его императивные требования обеспечивают системную целостность и предсказуемость, процедурные формы задают алгоритм эффективной деятельности, а гарантии реализации прав формируют среду для справедливого диалога и защиты личности.

В научной доктрине отсутствует единый подход как к перечню, так и к содержательной сущности организационно-правовых условий, что обуславливает существование множества доктринальных позиций по данному вопросу. Так, в дореволюционный период устойчивым было мнение о том, что устность, гласность, непрерывность, внутреннее убеждение являются принципами общей правовой организации состязательного типа процесса и производны от нее[1]. Н.Н. Розин подчеркивал, что непосредственность, устность, гласность являются способами судебной деятельности и принадлежат к внешней форме организации процесса, не зависят от его внутренней организации, которой выступает состязательность[2].

В современных исследованиях организационно-правовые условия производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции рассматриваются как динамическая система, эволюционирующая

---

[1] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. М.: Юрайт, 1913. Т. 1 С. 360–362; Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1908. С. 140; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. С. 254, 355; Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I. Судоустройство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 55–85; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Тип. В. Рихтер, 1915. С. 11; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. С. 60.

[2] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. С. 354.

под влиянием социального запроса и государственной политики. Дискуссии ученых концентрируются на следующих ключевых аспектах.

Первая точка зрения связана в тем, что гласность следует именовать формой контроля за деятельностью суда со стороны общественности (Ю.К. Якимович и Т.Д. Пан)[1], непосредственность и устность исследования доказательств относить к принципам доказательственного права (И.Л. Петрухин)[2], дополнить условия предлагается принципами коллегиальности и единоначалия (Е.В. Рябцева)[3]. Представляется, что в условиях социального запроса гласность эволюционирует из условия в самостоятельный принцип-гарантию общественного контроля, поскольку она является социальной гарантией доступности и прозрачности правосудия при разрешении уголовно-правового спора государства и лица, обвиняемого в совершении преступления[4]. Технологический прогресс, обеспечивая дистанционное взаимодействие, не отменяет, а модернизирует непосредственность и устность, наполняя их новым цифровым содержанием. Правила определения состава суда, в свою очередь, раскрываются как процедурное выражение фундаментального принципа осуществления правосудия только судом, обеспечивающее его качественную определенность через внутреннее регулирование подсудности.

Вторая точка зрения основана на придании одним условиям более важного значения, чем другим в конкретной части производства при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу в суде первой инстанции. Авторами предлагается равенство сторон, непосредственность, устность, гласность, неизменность состава суда, пределы судебного разбирательства[5], состязательность и дис-

---

[1] Якимович Ю.К. Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 104–108.

[2] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК Велби, 2005. Ч. II. С. 81, 83, 84.

[3] Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 74.

[4] Ткачева Н.В. Условия производства в суде первой инстанции при рассмотрении и разрешении уголовных дел в общем порядке // Труды Института Государства и права РАН. 2023. Том 18. № 3. С. 220.

[5] Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспект). М.: Юрлитинформ, 2008. С. 170–267.

позитивность[1] предлагается отнести к принципам судебного следствия. В рамках интегративной модели производства судебное следствие, будучи его центральным звеном, не существует изолированно, а функционирует в системе взаимосвязанных процессуальных этапов, объединенных общими организационно-правовыми условиями. Эти условия, выступая как универсальный каркас процедуры, обязательны для реализации на каждом этапе, обеспечивая тем самым нормативное единство, последовательность и легитимность всего производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу.

Третья точка зрения основана на второстепенности организационно-правовых условий производства в суде первой инстанции. А.С. Александров называет их придатками к системе конструктивных принципов[2]. Организационно-правовые условия судебного производства не статичны; они являются продуктом диалектического взаимодействия правовых принципов, социального запроса и технологических возможностей. Современный этап, характеризующийся переходом к цифровой гибридной процессуальной форме (синтез устности, непосредственности и дистанционности), демонстрирует, что ИКТ и технологии искусственного интеллекта (далее – ТИИ) перестали быть факультативными инструментами, превратившись в структурный элемент нормативного режима правосудия. Их законодательное признание в качестве обязательного условия – это не техническая необходимость, а шаг к формированию адаптивной процессуальной системы, способной гарантировать конституционные стандарты судопроизводства (гласность, справедливость, разумный срок) в условиях цифровой трансформации.

Четвертая позиция ученых процессуалистов связана с дополнением перечня организационно-правовых условий и более широким их толкованием. Рекомендуется особое внимание уделить правилам, регламентирующим решение вопроса об

---

[1] Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста РФ А.Д. Прошлякова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 132.

[2] Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 167.

отложении и приостановлении производства (Б.Т. Безлепкин)[1]. Подчеркивается значимость регламента, мер воздействия на его нарушителей, правил прекращения уголовного дела (В.В. Николюк)[2]. Вносятся предложения по объединению участия председательствующего с обеспечением порядка в зале судебного заседания (М.Е. Кондратов)[3]. Объединяется непосредственность, устность, гласность в одно условие, а неизменность состава суда дополняется законностью; равенство прав сторон называется процессуальным; новым смыслом наполняется условие о руководящей роли председательствующего; вносится предложение о дополнении перечня правилом участия представителей сторон в рассмотрении уголовного дела (Г.И. Загорский)[4]. Указанные доктринальные предложения, направленные на детализацию и дополнение перечня организационно-правовых условий, носят инкрементальный, а не парадигмальный характер. Они совершенствуют отдельные процедурные механизмы, но не формируют целостного ответа на современный социальный запрос, требующий от правосудия не только безупречной формальной процедуры, но и качественно новых стандартов доступности, технологической адекватности и результативной справедливости.

В условиях современного социального запроса и технологического развития происходит смысловая трансформация традиционных организационно-правовых условий производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции. Организационно-правовые условия предстают не как статичный набор формальных требований, а как динамическая система, адаптирующая классические принципы судопроизводства к вызовам современности и формирующая новый нормативный режим справедливого и эффективного правосудия.

---

[1] Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 20–42.

[2] Курс уголовного судопроизводства: учеб. в 3-х т. Т. 2 «Досудебное и судебное производство» / под ред. В.А. Михайлова. М.: Московский психол.-соц. ин-т, 2006. С. 511–530.

[3] Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 311–329.

[4] Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. С. 46.

В основе интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции лежит система формообразующих принципов (публичность, состязательность и равенство прав сторон, гласность, справедливость, разумный срок судопроизводства), которые определяют ее смысл и ценностные ориентиры. Организационно-правовые условия выступают как производный от этих принципов инструментарий, приводящий процедурную действительность в соответствие с идеальными требованиями.

Ценность данных условий заключается в реализации двух взаимосвязанных функций: 1) гарантийно-легитимирующей, обеспечивающей законность производства через нормативную регламентацию его параметров, процедуры и функций участников; 2) процедурно-упорядочивающей, создающей предсказуемую и стабильную процессуальную среду (обстановку), в которой стороны могут эффективно реализовывать свои права и обязанности.

Таким образом, организационно-правовые условия выступают как механизм трансляции ценностных императивов в процедурную реальность. Условия призваны обеспечить базовый нормативный порядок через оптимизацию познавательного взаимодействия участников, гарантируя соблюдение принципов.

Организационно-правовые условия являются ключевым механизмом трансформации конституционных и отраслевых принципов в рабочую интегративную модель правосудия, синтезирующую исторические традиции и современные социально-правовые требования, классификация которых раскрывает производство в суде первой инстанции как системный, многоуровневый нормативный комплекс, интегрирующий статичные и динамические элементы. Данный комплекс обеспечивает: 1) структурно-институциональную определенность процесса через условия параметров (подсудность, место, время, состав суда, срок); 2) функционально-коммуникативную среду судебного познания посредством непосредственности, устности, фиксации и использования современных технологий (ИКТ, ТИИ); 3) четкие процессуальные границы; 4) функциональное распределение ролей участников; 5) динамическую процессуальную логику, регулируемую прави-

лами движения уголовного дела (отложение, приостановление, прекращение). Таким образом, организационно-правовые условия формируют не просто перечень требований, а сбалансированный процессуальный режим, который гарантирует стабильность судебной процедуры, одновременно обеспечивая ее необходимую гибкость и адаптивность в рамках публично-состязательной модели правосудия.

Выводы по параграфу

Систематизации нормативного режима судебной деятельности касается предложенной пятичленной функционально-целевой классификации организационно-правовых условий, производных от формообразующих принципов: 1) условия организационно-процессуальных параметров (подсудность, место, время, срок, состав суда); 2) коммуникативно-познавательные условия – механизмы взаимодействия между участниками и судом для полного исследования обстоятельств уголовного дела; 3) условие предметно-деятельностных пределов – установление границ предмета исследования и пределов судебной активности; 4) условия функциональной дифференциации участников – определение их правомочий и обязанностей; 5) условия порядка движения уголовного дела – алгоритм переходов между частями производства.

Систематизация впервые представляет организационно-правовые условия как единый взаимосвязанный нормативный режим, а не как набор разрозненных требований, позволяя выявить не только системные лакуны в законодательстве и практике, но и аксиологические диссонансы в регулировании, когда нормативная конструкция отстает от доминирующего ценностного запроса.

3.2 Организационно-правовые условия процессуальных параметров

Организационно-правовые условия, к которым относятся подсудность, место, состав суда и срок, выступают как процессуальные параметры, формирующие императивный пространственно-временной и институциональный каркас производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде пер-

вой инстанции, создавая жесткие, заранее установленные рамки, в пределах которых реализуется гибкая процедура судебного производства. Их неизменность обеспечивает стабильность, предсказуемость и легитимность всего последующего движения уголовного дела.

Данные условия формируют императивный, но внутренне противоречивый каркас производства. Подсудность, будучи частью принципа осуществления правосудия только судом, задает компетентностные рамки, однако ее территориальные аспекты создают правоприменительную неопределенность. Состав суда сочетает жесткую нормативную определенность с элементами диспозитивности. Наиболее проблемным звеном является нормативный вакуум в отношении срока производства, что системно нарушает формообразующие принципы производства и приводит к экономическим затратам на компенсацию за нарушение разумного срока судопроизводства. Анализ данных организационно-правовых условий требует применения ценностно-стратифицированного подхода, который позволяет дифференцировать их технико-процедурные характеристики, обеспечивающие эффективность и определенность, и аксиологические характеристики, гарантирующие реализацию принципов правосудия. Гармонизация условий процессуальных параметров необходима для обеспечения реальной процессуальной определенности и гарантированности прав участников.

Верховный Суд РФ определяет подсудность как конституционный принцип, получивший свое развитие в уголовно-процессуальном законе, гарантирующий доступность правосудия и право на рассмотрение дела *компетентным* (выделено автором), объективным и беспристрастным судом (п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 22 от 27.06.2023 г.)[1].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 22 «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

Суд обладает компетенцией, которая раскрывается через круг уголовных дел, подлежащих разрешению, что составляет его подсудность. В связи с этим отнесение дела к компетенции конкретного суда есть не что иное, как подсудность[1].

В научной литературе внимание уделялось совокупности юридических черт уголовного дела, в силу которых оно подлежит рассмотрению в конкретном судебном установлении[2]; строгому определению уголовной подсудности для упрочения должного порядка в отправлении правосудия[3]; определению компетентного суда для рассмотрения каждого уголовного дела[4]. Ученые-процессуалисты отмечают, что правозащитный потенциал подсудности в значительной степени зависит от того, насколько полно и адекватно урегулирован ее механизм[5]. Поэтому строгое соблюдение правил подсудности обеспечивает правильное осуществление правосудия[6], а осознание человеком равного доступа к правосудию независимо от каких бы то ни было обстоятельств и невозможности передачи уголовного дела в силу чьей-либо прихоти в иной суд, чем это установлено законом[7], выступает гарантией решения задач производства в суде первой инстанции и достижения его цели.

В рамках интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу подсудность выступает нормативной формой реализации принципа осуществления правосудия только судом. Она представляет

---

[1] Дикарев И.С. Уровни подсудности в уголовном процессе // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. М.: МГИМО, 2024. С. 52.

[2] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. С. 198–199.

[3] Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. С. 12.

[4] Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Госюридиздат, 1962. С. 211.

[5] Бехало С.В. О некоторых вопросах процессуального порядка изменения территориальной подсудности уголовных дел. // Юго-западный юридический форум 15-16 октября 2021 года: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума. Выпуск 1. М.: МГЮА, 2021. С. 74.

[6] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. М.: Норма, 2020. С. 318.

[7] Пупышева Л.А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. 2021. № 1(96). С. 100–101.

собой единство технико-процедурного компонента (алгоритмы распределения дел) и аксиологического содержания, выражающего ценностный ориентир на рассмотрение дела компетентным и законным составом суда. Таким образом, ее правильное определение гарантирует не только процессуальную точность, но и соответствие социальному запросу на легитимное и справедливое правосудие.

Ценностное измерение придают подсудности, по мнению Л.В. Головко, следующие признаки: рассмотрение уголовного дела по существу вышестоящей судебной инстанцией неизбежно влияет на инстанционный потенциал пересмотра приговора и возможности обвиняемого по его обжалованию; изменение территориальной подсудности, которое может стать способом давления на обвиняемого или средством создания дополнительных и не установленных законом мер пресечения; невозможность изменения подсудности, если речь идет о гипотетическом или реальном давлении на суд, прежде всего давлении политическом или даже физическом[1].

Несмотря на ряд научных исследований, позиций Конституционного Суда РФ и социально ценностную составляющую подсудности[2] ее нормативное понятие, виды, задачи и назначение в законе не закреплены. Некоторая недооцененность условия подсудности, рассмотрение ее с сугубо технической стороны порождают все большее количество споров, связанных с интерпретацией ч. 1 ст. 47

---

[1] Головко Л.В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса». Москва: Юрлитинформ, 2024. С. 8–11.

[2] Бехало С.В. Институт подсудности уголовных дел // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 102; Постановления Конституционного Суда РФ: от 16.03.1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 УПК РСФСР и статьи 123 ГПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ.1998. № 12. Ст. 1459; от 19.04.2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276; от 20.07.2012 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.Г. Мишиной» // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4618.

Конституции РФ. Ученые дискутируют о новых видах подсудности в связи с изменением военно-политической обстановки в государстве. Так, суды первой инстанции, прежде всего военные суды, столкнулись со сложностями при определении подсудности, возникшими в ходе проведения специальной военной операции (СВО) и в связи с вхождением в состав России новых регионов[1]. Как верно замечено, подсудность уголовных дел военным судам по сути является предметно-ситуационной[2].

Одним из значительных шагов на пути к решению ряда существующих задач для судов первой инстанции стало впервые принятое в России в 2023 г., специально посвященное данной проблеме Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих подсудность уголовного дела»[3]. Однако некоторые вопросы остается неразрешенными и доктринально не обоснованными в приближении к производству по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции.

Подсудность в производстве суда первой инстанции представляет собой инструмент реализации уголовно-правовой политики, правила которой изменяются синхронно с трансформацией материального права. Подсудность, будучи формальным техническим правилом распределения дел, одновременно выступает носителем высших процессуальных ценностей – доступности правосудия и рассмотрения дела законным судом. Ценностно-стратифицированный подход вскрывает коллизию между этими уровнями: нормативная неопределенность на техническом уровне (конкуренция критериев) системно обесценивает гарантии на аксиологическом уровне, подрывая доверие к судебной власти. Отсутствие законодательного

[1] Чекулаев Д.П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе РФ // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 159–162.

[2] Дикарев И.С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. 2020. № 6(275). С. 65.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 22 «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

определения порождает доктринальный и правоприменительный плюрализм, препятствующий формированию единого понимания ее сущности. Введение такой дефиниции в УПК РФ необходимо для придания ей статуса стабильного системообразующего условия, обеспечивающего предсказуемость и легитимность судебной процедуры.

В научных публикациях под подсудностью понимается совокупность правил, основанных на фактических и материально-правовых свойствах преступления, на процессуальных признаках уголовного дела[1]. Ряд авторов отмечает, что подсудностью следует считать признаки уголовного дела, определяющие его принадлежность к ве́дению конкретного суда[2], либо законодательное отнесение разрешения уголовного дела с учетом его юридических свойств суду надлежащей компетенции[3]. Встречаются также мнения о том, что подсудность – это признаки уголовного дела, позволяющие определить суд и его состав[4]; уполномоченный рассматривать вопрос, входящий в его компетенцию[5]. Законодатель подходит к определению рассматриваемой категории, перечисляя круг уголовных дел, которые относятся к подсудности того или иного суда.

В рамках интегративной модели производства подсудность реализуется через двухуровневый механизм: внешнее (детерминированное) регулирование, обеспечивающее системную доступность и предсказуемость правосудия, и внутреннее (адаптивное) регулирование, определяющее состав суда с учетом специфики поступившего дела. Данный механизм отражает диалектику между стабильностью судебной системы (внешний уровень) и гибкостью судебной процедуры

---

[1] Пупышева Л.А. Указ. соч. С. 105.

[2] Порцева О.Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 5.

[3] Бехало С.В. Институт подсудности уголовных дел // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 104.

[4] Ковалева Н.Ю. Определение подсудности уголовных дел. // Эволюция государства и права: история и современность: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного гос. ун-та / отв. ред. С.Г. Емельянов. Курск: ЮЗГУ, 2017. С. 262.

[5] Коновалова Е.Е. Реализация в российском уголовном процессе права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2025. С. 13.

(внутренний уровень), что в совокупности составляет необходимое условие эффективной и легитимной реализации правосудия в суде первой инстанции.

Система внешнего регулирования подсудности основана на принципе субсидиарного процессуального контроля, распределяющего ответственность между его участниками. Инициируемое следователем предварительное определение создает основу для последующего решения прокурора, которое, в свою очередь, подвергается окончательной верификации судом на стадии подготовки. Данный многоуровневый механизм гарантирует, что подсудность как качественная характеристика правосудия будет соблюдена до начала рассмотрения дела по существу. Суд вполне реально реализует данное ему законом полномочие по передаче уголовных дел по подсудности (в 2024 г. по подсудности и подведомственности направлено свыше 22,5 тыс. уголовных дел, что составляет около 2,8 % от общего количества уголовных дел, поступивших в суды общей юрисдикции по первой инстанции; в 2023 г. таких дел было свыше 21 тыс. или около 3 %; в 2022 г. – свыше 29,7 тыс. или около 3,6 %)[1]. Очевидна тенденция к снижению передачи уголовных дел по подсудности и подведомственности, однако следует подчеркнуть, что при игнорировании судом данного положения уголовное дело будет рассмотрено незаконным судом.

Одним из показательных примеров является отмена Определением № 72-УДП21-12-К8 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговора, апелляционного определения в отношении Б., М., К. и Н. и определения судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции в отношении Б., возвращение уголовного дела прокурору в порядке

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http:// www. cdep.ru (дата обращения: 26.06.2025); Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 26.06.2025); Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 26.06.2025).

ст. 237 УПК РФ. Основанием для принятия такого решения послужило нарушение положений п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в редакции, действовавшей на момент направления дела в суд, а именно: обвинительное заключение по уголовному делу было утверждено прокурором района, а дело, подсудное краевому суду, рассмотрено районным судом. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала на нарушение ст. 297 УПК РФ, в соответствии с которой приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым; ч. 3 ст. 8 УПК РФ, согласно которой подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде или тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, в соответствии с которым рассмотрение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 126 УК РФ, вменяющихся в вину осужденным, подсудно краевому суду. В нарушение всех указанных норм уголовное дело было принято к производству и рассмотрено по существу районным судом, а в нарушение требований п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ обвинительное заключение по данному уголовному делу утверждено ненадлежащим прокурором[1].

Внутреннее урегулирование вопросов подсудности, с одной стороны, связано с составом суда и определяется при распределении уголовных дел внутри суда, с другой – связано с организацией деятельности суда. Обратившись к норме ст. 30 УПК РФ, устанавливающей состав суда, следует отметить совокупность факторов, влияющих на внутреннее урегулирование подсудности, кроме организационного распределения уголовных дел внутри суда.

Урегулирование подсудности осуществляется двумя видами правил:

1) основанными на доступности правосудия, заранее известных сроках судебного разбирательства, осуществлении правосудия только судом, практически способствующими созданию условий, упорядочивающих систему распределения

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.09.2021 г. № 72–УДП21–12–К8 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения: 28.08.2022).

уголовных дел для производства в суде первой инстанции между судами (внешнее урегулирование);

2) основанными на разнообразии состава суда для рассмотрения и разрешения поступившего уголовного дела в конкретный суд (внутреннее урегулирование).

Подсудность представляет собой нормативную систему, детерминированную конституционными основами правосудия и выражающую публично-правовую природу судебной власти. Как составная часть и качественная характеристика принципа осуществления правосудия только судом, она требует законодательного закрепления в качестве условия производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, обладающего не только организационно-техническим, но и социально-ценностным содержанием. Ее регулирование осуществляется на двух уровнях: внешнем (распределение дел между судами) и внутреннем (определение состава суда), на которые влияют факторы места совершения преступления, квалификации деяния, статуса участников процесса и системной организации судебной власти. Данные факторы формируют основу видов подсудности и подчеркивают необходимость ее четкой правовой регламентации.

Принято рассматривать три вида подсудности: территориальную, предметную (родовую) и персональную[1]. Однако в научной литературе высказываются предложения о дополнении этого перечня дискреционной[2], альтернативной подсудностью[3], подсудностью по связи дел[4], инстанционной подсудностью и подсуд-

---

[1] Кондрашин П.В. Проблемы реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел в мировой юстиции // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 51.

[2] Абабков А.В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 16.

[3] Порцева О.Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 5.

[4] Уголовный процесс России: особенная часть: учебник для вузов / ред. В. З. Лукашевич. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2005. С. 294.

ностью по составу суда[1]. Одним из новых видов является исключительная подсудность – отнесение определенной категории уголовных дел к подсудности только одного или нескольких судов одного звена (к подсудности Московского и Северо-Кавказского окружных военных судов был отнесен ряд особо тяжких преступлений)[2].

В рамках настоящего исследования представляется необходимым провести системный анализ видов подсудности с целью определения их практико-ориентированной ценности для организации правосудия. Такой анализ позволит выявить процессуальные и материально-правовые последствия ошибок в ее определении, которые способны повлечь за собой нарушение принципа законности, отмену судебных решений и нарушение прав участников процесса. Конечной задачей является разработка унифицированных правил подсудности, направленных на устранение конкуренции норм и формирование непротиворечивого механизма внешнего и внутреннего регулирования как гарантии реализации принципа осуществления правосудия только судом.

Территориальная подсудность определяется местом, то есть территорией. Правила о территориальной подсудности позволяют осуществить производство по уголовному делу в том месте, где имеется наибольший объем информации о совершенном преступлении, что обеспечивает быстрое, полное, объективное рассмотрение и разрешение уголовного дела[3]. Территориальная подсудность нуждается в переосмыслении как комплексный критерий, а не монополия места совершения преступления. Нормативная неопределенность, порождаемая конкуренцией факторов (место расследования, проживания участников и др.), дестабилизирует процессуальную компетенцию суда. Для обеспечения процессуальной адекват-

---

[1] Лукожев Х.М., Арсельгов Р.З. Проблемы института подсудности в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. 2019. № 3(133). С. 47.

[2] Ст. 31 УПК РФ была дополнена частью 6.1 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

[3] Мусиенко Т.В. Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 236.

ности и преодоления законодательного пробела (отсутствие правила при неустановленном месте преступления) необходимо закрепить императивное правило подсудности по месту окончания предварительного расследования по аналогии с делами, расследованными в РФ, но совершёнными за ее пределами.

Наиболее сложными являются правила изменения территориальной подсудности, несмотря на их законодательное закрепление. В 2023 г. областными и равными им судами рассмотрено 1,6 тыс. производств по ходатайствам об изменении территориальной подсудности, удовлетворены ходатайства по 71,8 % материалов, оконченных производством (1,5 тыс., 66,4 %). В 2022 г. – 1,5 тыс., удовлетворены – 86,8 % материалов, в 2021 г. – 6,4 тыс., или 98,4 %[1].

Система территориальной подсудности страдает от внутренней противоречивости и декларативности, что трансформирует ее из объективного условия в сферу субъективного прокурорского усмотрения. Конкуренция критериев (тяжесть, место совершения преступления, место жительства участников) и отсутствие четких правил для коллизий (включая дела с иностранными гражданами) дестабилизируют процессуальную компетенцию суда. Как отмечает Д.П. Чекулаев, при буквальном следовании ст. 32 УПК РФ «за бортом» правосудия могут остаться некоторые из рассматриваемых категорий уголовных дел[2]. Выходом является нормативная конкретизация: законодательное закрепление приоритетов и введение субсидиарного правила о подсудности по месту окончания предварительного расследования по аналогии с ч. 5.1 ст. 32 УПК РФ, что придаст данному условию необходимую определенность и предсказуемость.

---

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http:// www. cdep. ru (дата обращения: 28.08.2024); Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http:// www.cdep.ru(дата обращения: 28.08.2024); Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 28.08.2024).

[2] Чекулаев Д.П. Пробелы в легальном определении территориальной подсудности уголовных дел требуют устранения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 164.

Институт изменения подсудности Верховным Судом РФ по особо опасным преступлениям (ч. 4 ст. 35 УПК РФ), формально направленный на защиту участников процесса, нарушает принцип единства и предсказуемости судебной системы. Он создает презумпцию неэффективности правоохранительных органов по месту совершения преступления и искусственно изменяет траекторию движения дела, сокращая инстанционность. Институт изменения территориальной подсудности по решению Верховного Суда РФ является ярким примером ценностного конфликта. На техническом уровне он решает задачи безопасности и эффективности. Однако на аксиологическом уровне его неконкретизированное применение создает угрозу ценностям предсказуемости правосудия, равенства прав сторон и публичности, формируя прецедент избирательного подхода к определению компетентного суда.

Для сохранения баланса между безопасностью и принципами правосудия необходимо законодательно конкретизировать условия применения данного механизма, связав его с объективно установленной невозможностью обеспечения безопасности по месту подсудности, подтвержденной материалами уголовного дела.

Процессуалисты указывают также на конкретные случаи изменения территориальной подсудности Верховным Судом РФ по ходатайству Генерального прокурора РФ по преступлениям, не указанным в ч. 4 ст. 35 УПК РФ, именуя ее дискреционной[1]. Уголовное дело направляется для рассмотрения и разрешения по месту нахождения обвиняемого в СИЗО с формулировкой основания изменения территориальной подсудности в виде обладания обвиняемым контактами с представителями власти, что не исключает возможности использования связей с целью влияния на ход судебного разбирательства. Но таким образом Верховный Суд РФ

[1] Абабков А.В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 16.

ставит под сомнение беспристрастность и объективность суда, который должен рассматривать уголовное дело по общим правилам определения подсудности[1].

Верховный Суд РФ подчеркнул необходимость учитывать мотивированность ходатайства, обоснованную основаниями, имеющимися в законе, при изменении территориальной подсудности и возвращать ходатайство, в котором не приведены конкретные, достаточные данные, указывающие на наличие законных оснований для изменения территориальной подсудности дела, либо в ходатайстве содержится ссылка на обстоятельства, которые не предусмотрены законом (п. п. 15, 16 Постановления Пленума ВС РФ № 22 от 27.06.2023 г.)[2].

В качестве примера можно привести уголовные дела, конкретизирующие факты, ставшие мотивом для изменения территориальной подсудности в связи с высокой степенью общественной опасности и реальной угрозой безопасности участников.

В 2018 г. заместитель Генерального прокурора РФ обратился с ходатайством об изменении территориальной подсудности дела, подлежащего направлению в Московский областной суд, в отношении 12 обвиняемых, совершивших большое количество тяжких и особо тяжких преступлений. Судья Верховного Суда РФ, удовлетворяя данное ходатайство, указал на наличие реальных угроз личной безопасности участников судебного разбирательства (было возбуждено несколько уголовных дел на стадии предварительного расследования; в отношении двоих потерпевших применены меры государственной защиты; шестеро скрывшихся от следствия участников преступного сообщества были объявлены в международный розыск). Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ подтвердила законность и обоснованность постановления судьи, указав на наличие достаточных оснований как для заявления вышеуказанного ходатайства заместителя Гене-

---

[1] Коновалова Е.Е. Территориальная подсудность уголовных дел по выбору стороны обвинения: delegelataet delegeferenda / Е.Е. Коновалова, Д.П. Чекулаев // Законодательство и практика. 2020. № 2. С. 28–30.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 22 «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

рального прокурора РФ, так и для его удовлетворения судьей Верховного Суда РФ. Данное решение подтвердила и апелляционная инстанция[1].

В 2022 г. Постановлением судьи Верховного Суда РФ было удовлетворено ходатайство Первого заместителя Генерального прокурора РФ о передаче подсудного Московскому областному суду уголовного дела в отношении 18 обвиняемых во 2-й Западный окружной военный суд. О наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства свидетельствовали факты поступавших угроз, несмотря на принятые соответствующие меры безопасности. Верховный Суд РФ удовлетворил ходатайство прокурора, посчитав, что лишь изменение территориальной подсудности уголовного дела выступит гарантией обеспечения безопасности, которая иными предусмотренными законом мерами обеспечена быть не может[2].

Показательным явилось уголовное дело, где основанием для изменения территориальной подсудности стало предположение о предвзятости суда. Органами предварительного расследования Г., в 2011–2012 гг. возглавлявший Правовое управление правительства Татарстана, обвинялся в особо крупном мошенничестве. Дело должно было рассматриваться в Казани. Однако Генеральная прокуратура РФ ходатайствовала об изменении территориальной подсудности, мотивируя это тем, что рассмотрение дела судами Татарстана объективного разбирательства не гарантирует. Ходатайство было удовлетворено и уголовное дело рассматривалось Тверским судом г. Москвы[3].

---

[1] Уголовное дело № 2-1/2023 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. [Электронный ресурс] / Официальный сайт 2-го Западного Окружного Военного Суда. URL: https:// 2zovs--msk. sudrf.ru/ modules. php? name=sud_delo (дата обращения 23.03.2025).

[2] Уголовное дело № 2-3/2024 // Архив 2-го Западного окружного военного суда: [Электронный ресурс] / Официальный сайт 2-го Западного Окружного Военного Суда. URL: https:// 2zovs--msk. sudrf.ru/ modules. php? name =sud_delo (дата обращения 23.03.2025).

[3] Постановление Верховного Суда РФ об изменении территориальной подсудности от 23.05. 2016 г. по делу № 11-УД16-14П. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения 02.02.2024); Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26.07.2016 г. по делу № АПЛ 16-310. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https: //vsrf. ru/ documents/own/ (дата обращения 02.02.2024).

Такие основания, как должностное положение и характер служебных полномочий обвиняемого или потерпевшего, длительность нахождения его в этом статусе и наличие механизмов влияния на общественное мнение и деятельность государственных органов, находящихся на территории юрисдикции суда, которому подсудно уголовное дело, указывает и Верховный Суд РФ[1].

Предметная подсудность связана с устройством судебной системы судов общей юрисдикции в России и характеризуется разными видами производств по уголовным делам по их процессуальной компетенции: производство в первой инстанции, а также апелляционное, кассационное, надзорное производства. Производство в суде первой инстанции, в зависимости от объема компетенции суда, предусмотрено для мировых судей, районных (городских) судов, верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и автономных округов РФ. В связи с этим выделяют звенья судебной системы. Статистические отчеты свидетельствуют о том, что из всей совокупности уголовных дел, оконченных производством по первой инстанции, мировыми судьями рассматривается и разрешается около 47,8 %, районными (городскими судами) – около 51 %, верховными судами республик, краевыми, областными судами, судами городов федерального значения, судом автономной области и автономных округов – около 0,16 % уголовных дел[2].

Поскольку характеристика предметной подсудности связана с родом и видом подготавливаемого или совершенного преступления, которые определяются на основании квалификации общественно опасного деяния[3], категорию преступления, размер наказания и юридические свойства деяния можно определить как

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 22 «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

[2] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019–2024 г.г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 29.06.2025).

[3] Любимова Е.В. Назначение и перспективы предметной подсудности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 110.

признаки предметной подсудности[1]. К факторам, оказывающим влияние на выбор суда в соответствии с предметной подсудностью, относятся характер и степень общественной опасности совершенного деяния, категория преступления, вид и размер наказания, предусмотренного уголовным законом за совершенное деяние.

Родовая подсудность представляет собой ценностно нагруженный процессуальный институт, связывающий материально-правовую квалификацию преступления (УК РФ) с организацией судебной деятельности (УПК РФ). Она обеспечивает соответствие судебной процедуры характеру и степени общественной опасности деяния, выступая инструментом реализации охранительной функции уголовного права и назначения уголовного судопроизводства. Введенное понятие звеньевой подсудности отражает зависимость распределения дел от иерархии судебной системы, квалификационных признаков деяния и специальных условий, связанных с личностью подсудимого или спецификой материалов дела.

Современное регулирование состава суда, будучи производным от родовой подсудности, носит формальный и фрагментарный характер, связывая его с перечнем преступлений или волей обвиняемого.

Действующее регулирование состава суда излишне формализовано на техническом уровне (связь с категорией преступления), но игнорирует аксиологический запрос на процессуальную адекватность. Ценностно-стратифицированный подход диктует необходимость увязки состава суда с объективной сложностью дела, что гарантирует не просто соблюдение нормы, но и реализацию ценности квалифицированного и беспристрастного правосудия. Данный подход не учитывает фактическую и юридическую сложность конкретного дела (объем, многоэпизодность, количество участников, сложность квалификации), что противоречит цели обеспечения профессиональной и объективной оценки. В рамках интегративной модели предлагается перейти к критериальной системе определения состава суда, основанной на объективных параметрах сложности дела, что позволит

[1] Мусиенко Т.В. Проблемы определения критерия предметной подсудности по уголовным делам // Законодательство. 2015. № 9. С. 69.

обеспечить процессуальную адекватность и беспристрастность правосудия, сохранив при этом гарантии публичности и состязательности.

Разрешение конкуренции правил подсудности путем оставления дела в производстве суда после начала разбирательства, основанное исключительно на воле подсудимого, представляет собой нарушение симметрии процессуальных гарантий в публично-состязательной модели. Игнорирование позиции потерпевшего как стороны, чьи права непосредственно затрагиваются, деформирует принцип равенства прав сторон. Восстановление баланса требует законодательного закрепления императива двустороннего волеизъявления (согласие подсудимого и потерпевшего) и обеспечения права на судебную проверку данного решения для стороны, не согласной с ним.

Подсудность как организационно-правовое условие носит исключительно публичный, императивный характер, что исключает любой элемент диспозитивности или частного усмотрения. Ее определение строго регламентировано законом на основе объективных критериев, что обеспечивает предварительную осведомленность сторон о компетентном суде и исключает возможность выбора суда по соглашению или произвольного принятия дела судом. Этот принцип публичной предопределенности подчеркивает служебную роль подсудности как гаранта законности и легитимности состава суда, реализующего публичную функцию правосудия от имени государства. Конституционный Суд РФ в одном из постановлений подчеркнул, что известность суда, в котором будет рассмотрен и разрешен уголовно-правовой спор, до начала производства в суде способна снять социальную напряженность и реализовать цели уголовного наказания[1].

Наличие четко определенных и ясных правил определения подсудности прямым образом связано со сроками рассмотрения и разрешения уголовного дела,

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева // СЗ РФ. 2018. № 47. Ст. 7316.

поскольку изменение подсудности влечет за собой затягивание производства и нарушает права подсудимого и потерпевшего.

Строгая регламентированность нормами, установление определенных пределов осуществления, ограничение во времени процессуальными сроками отличает уголовный процесс от иных видов правовой деятельности[1]. Более того, сроки, в которые участники должны осуществить свою деятельность, их дисциплинируют[2]. Однако законодательно срок рассмотрения и разрешения уголовных дел в суде первой инстанции не установлен. Законом регламентированы, например, конкретные сроки принятия решения по поступившему в суд уголовному делу (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), сроки начала судебного разбирательства (ч. 1 ст. 233 УПК РФ) и др.

Точки зрения на целесообразность временно́й регламентации производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции заключаются в том, что каждое судебное дело является индивидуальным и четко определить временные рамки (разумные сроки) невозможно[3]; чрезмерная формализация сроков недопустима, так как для качественного отправления правосудия требуется необходимое и достаточное время[4]; установление временных рамок не только возможно, но и крайне необходимо[5], поскольку законодатель дает судье значительную свободу действий в ходе судебного разбирательства[6], то есть

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 22.

[2] Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород. 2022. С. 25–26.

[3] Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты права на судебное разбирательство в разумный срок // Российский судья. 2009. № 2. С. 9–10.

[4] Лебедева А.А. Принцип «разумный срок уголовного судопроизводства» // СтройМного. 2016. № 4 (5). С. 4.

[5] Кайгородов А.А. Сроки рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции // Российское правосудие. 2011. № 11 (67). С. 78.

[6] Зацепина М.Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 166.

схожие по сложности уголовные дела разными судьями рассматриваются с различной скоростью, иногда даже с разницей в месяцы[1].

Анализ решений, вынесенных по административным искам о компенсации за нарушение принципа разумного срока судопроизводства, позволил установить и обобщить признаки уголовных дел, за превышение сроков по которым была установлена компенсация, и оценить возможность установления сроков для производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции.

В качестве показательных примеров для анализа сроков в данном производстве можно привести следующие:

– на стадии досудебного производства действия органов предварительного следствия признаны неэффективными, что привело к сроку производства 13 лет 28 дней (срок судебного производства в Московском городском суде составил 1 год 21 день). В качестве компенсации за нарушение принципа разумного срока судопроизводства выплачены 1 млн 800 тыс. руб. (600 тыс. руб. каждому из трех потерпевших)[2];

– объявление в розыск обвиняемых по уголовному делу, рассматриваемому Верховным Судом Республики Коми, стало причиной общей продолжительности уголовного судопроизводства 9 лет 4 месяца 22 дня. При удовлетворении требований о компенсации – 70 тыс. руб. (заявлено по иску 4 млн 846 тыс. руб.) – Верховный Суд РФ учел такие доводы потерпевшего, как возникшее у него чувство неопределенности, беспокойства, разочарования, унижения, недоверия к действиям должностных лиц, вызванное необоснованной длительностью судебного разбирательства, тяжестью обвинения и отсутствием эффективных средств правовой

---

[1] Волынец К.В. Некоторые проблемы в правовом регулировании принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Вестник Удмуртского университета. Серия 2. Экономика и право. 2013. Вып. 1. С. 182.

[2] Решение Верховного Суда РФ от 10.03.2016 г. № АКПИ16-157. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

защиты в отношении нарушения требований о рассмотрении уголовного дела в разумный срок, *крушение надежды на справедливость* (выделено автором)[1];

– состояние здоровья судьи Новосибирского областного суда стало причиной, значительно повлиявшей на длительность производства, поскольку повлекло за собой его замену. Компенсация выплачена двум заявителям по 50 тыс. руб. (при требованиях 200 тыс. и 250 тыс. руб.)[2];

– спор о подсудности между Санкт-Петербургским городским судом и Псковским областным судом повлиял на нарушение разумного срока производства по уголовному делу с выплатой компенсации в размере 250 тыс. руб. (при требовании 10 млн. руб.)[3].

Выявленные факторы нарушения разумного срока раскрывают глубинную взаимосвязь организационных и процессуальных дефектов в системе производства. Нормативный вакуум в регулировании сроков судебного разбирательства – это системный дефект на техническом уровне, который приводит к прямой девальвации ценностей правовой определенности, справедливости и эффективности правосудия на аксиологическом уровне. Компенсация за нарушение разумного срока является последующей реакцией на утраченную ценность, но не заменяет своевременного стратифицированного регулирования, синхронизирующего процессуальные сроки с материально-правовыми гарантиями (сроками давности). Организационные проблемы (ресурсные, кадровые) создают среду, в которой процессуальные гарантии (своевременность, непрерывность) не могут быть реализованы. В свою очередь, процессуальные нарушения (неявка, некачественное досудебное производство) усугубляют организационную неэффективность, формируя порочный круг волокиты. Это подтверждает необходимость реформирования ор-

---

[1] Решение Верховного Суда РФ от 21.03.2019 г. № АКПИ19-38. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

[2] Решение Верховного Суда РФ от 23.11.2017 г. № АКПИ17-898. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

[3] Решение Верховного Суда РФ от 29.11.2021 г. № АКПИ21-845. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

ганизационно-правовых условий как единого комплекса для обеспечения реальной процессуальной экономии и эффективности правосудия.

В научной литературе к признакам, оказывающим влияние на продолжительность производства в суде первой инстанции, предлагается относить исключительные обстоятельства в уголовном деле[1] в виде различных ситуаций, объективно препятствующих своевременному завершению его рассмотрения и разрешения, на устранение которых может потребоваться значительное количество времени (стихийное бедствие, теракт, техногенная катастрофа и т. п.)[2].

Сроки в целом в уголовном процессе определяются как периоды времени, в течение которых участники уголовного судопроизводства приобретают и реализуют процессуальные права и обязанности. Они характеризуются как периоды времени, в течение которых производится единая по характеру процессуальная деятельность[3], как разновидность уголовно-процессуальных гарантий[4]. Выступая в тесной взаимосвязи с понятием разумного срока, формально определенные сроки и разумные сроки не могут совпадать в силу их концептуальной разницы[5], поэтому они являются разными категориями[6]. Понятию «разумности сроков» свойственны вероятностные признаки: необходимые и достаточные действия, выпол-

---

[1] Калиновский К.Б. Международные стандарты срочности уголовного процесса в практике Европейского суда по правам человека / К.Б. Калиновский, М.М. Ахмедов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Ч. 3 / под ред. М.К. Свиридова. Томск: издательство Томского университета, 2006. С. 47–50.

[2] Волынец К.В. Некоторые проблемы в правовом регулировании принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Вестник Удмуртского университета. Серия 2. Экономика и право. 2013. Вып. 1. С. 184.

[3] Некенова С.Б. Принцип обеспечения права лица в разумный срок уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 29.

[4] Зуев С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 190.

[5] Филатова М.А. Разумный срок рассмотрения дела и роль суда в его обеспечении // Закон. 2010. № 2. С. 173.

[6] Воронцов И.В. О категории «разумность» в юридической науке и в гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Современное право. 2009. № 7. С. 5.

няемые с надлежащей полнотой и объективностью для осуществления уголовного судопроизводства без необоснованных задержек и упрощенчества[1].

Срок производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу требует конкретики и ясности. Точки зрения ученых-процессуалистов на установление временных рамок производства в суде первой инстанции сводятся к следующим рассуждениям: предлагается установить срок в 2 месяца со дня начала судебного разбирательства с возможностью продления его председателями вышестоящих судов[2], 12 месяцев – по тяжким и 18 месяцев – по особо тяжким преступлениям[3], либо указать в законе конкретный период судебного разбирательства в судебном заседании[4].

В законодательстве некоторых зарубежных государств установлены нормы, регулирующие разумность сроков, а также продолжительность производства в суде. Так, во Франции на председательствующего возложена ответственность за порядок в судебном заседании и руководство им путем устранения всего, что может нарушить благочиние производства или затянуть его при отсутствии оснований рассчитывать на получение большей достоверности результатов (ст. 309 УПК Франции). В Республике Узбекистан продолжительность судебного разбирательства по уголовному делу не должна превышать 2 месяцев со дня начала судебного разбирательства, с возможностью продления до 6 месяцев (ст. 405 УПК Республики Узбекистан). В Кыргызской Республике уголовное дело о преступлении небольшой тяжести подлежит разрешению по существу судьей в срок не позднее 1 месяца, дела о менее тяжком, тяжком или особо тяжком преступлении – в 2-месячный срок, а по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, – в 3-месячный срок со дня поступления уголовного дела в суд. В случае невозможности

---

[1] Шишкина М.Н. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2. С. 455.
[2] Волынец К.В. Указ. соч. С. 181.
[3] Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 179.
[4] Аширбекова М.Т. О разумном сроке уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 84.

закончить судебное разбирательство в установленный срок, он продлевается каждый раз на срок до 2 месяцев (ч.ч. 2, 3 ст. 283 УПК КР)[1] В Республике Казахстан при рассмотрении дела, требующего продолжительного времени, может быть назначен запасной судья (ч. 1 ст. 333), присутствующий на всех судебных заседаниях и, в случае выбытия основного судьи, заменяющий его, что позволяет не рассматривать дело сначала, а продолжать процесс (ч. 2 ст. 333), не нарушая общее условие судебного разбирательства – неизменность состава суда (ст. 332 УПК РК). В республике Абхазия такая возможность тоже имеется (ст. 242.2 УПК Республики Абхазия). Запасной судья предусмотрен и в Республике Беларусь (ст. 289 УПК РБ). Сроки рассмотрения уголовных дел в зарубежных государствах можно привести следующие: простые уголовные дела рассматриваются в течение 15 недель, дела средней сложности могут рассматриваться в течение 30 недель, сложные – 50 недель (Великобритания). В Словакии установлена норма непревышения двух судебных слушаний по делу. В Дании применяются согласительные процедуры между судьей и прокурором в целях избежать отсрочек в рассмотрении дела[2].

В рамках интегративной модели производства связь процессуальных сроков и сроков давности приобретает принципиальное значение. Срок давности как материально-правовой лимит должен детерминировать максимально допустимую продолжительность судопроизводства, обеспечивая соразмерность. Отсутствие законодательной регламентации процессуальных сроков трансформирует эту связь в проблему судебного усмотрения, возлагая на суд несвойственную ему регулятивную функцию в условиях дефицита инструментов процессуального принуждения. Это указывает на необходимость введения императивных процессуальных сроков, синхронизированных с материально-правовыми гарантиями.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс КР от 28 октября 2021 г. № 129. [Электронный ресурс] URL: https: //prg. kz/ document/ ? doc_ id= 36639004 & pos =7; 201& doc_ id2 = 36639004 & pos 2 = 1215;149 (дата обращения: 14.03.2026).

[2] Жан Жан-Поль, Губанов Рамин Афад оглы. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: научное издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА 2015. С. 148, 150.

Анкетирование правоприменителей показало, что установление срока производства по уголовному делу, не превышающего 6 месяцев, с возможностью его продления, поддерживается 34 % судей, 15 % прокурорских работников, 18 % адвокатов. Поддержали идею об установлении временных рамок в зависимости от категории преступления (до 1,5 месяца при производстве по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести, до 3 месяцев при производстве по уголовному делу о преступлении средней тяжести, до 18 месяцев при производстве по уголовному делу об особо тяжком преступлении с возможностью продления до 24 месяцев) 16 % судей, 29 % прокурорских работников, 36 % адвокатов[1].

Временна́я организация производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции должна реализовывать принцип оптимальной процессуальной экономии, где количественное ограничение (срок) служит не самоцелью, а инструментом обеспечения качественных параметров правосудия: справедливости, полноты исследования и минимизации правовой неопределенности. Началом течения срока производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции следует считать дату первого судебного заседания по рассмотрению уголовного дела по существу. Общий срок производства – 3 месяца, с возможностью продления вышестоящим судом до 6 месяцев по уголовным делам о тяжких преступлениях, до 12 месяцев – по уголовным делам об особо тяжких преступлениях, дальнейшее продление (без ограничения количества раз) не более, чем на 1 месяц в случаях особой сложности уголовного дела, которая должна быть обоснована судом. Представляется, что особую сложность уголовного дела в данном случае следует обосновывать, беря во внимание критерий сложного уголовного дела[2]. То есть особо сложным будет

[1] Приложение № 2.

[2] Критерием правовой сложности уголовного дела является категория преступления (правовая природа уголовно-правового спора), критерием фактической сложности – реальный объем выполняемой работы судом и участниками производства при рассмотрении и разрешении его по существу.

считаться уголовное дело только по особо тяжкому преступлению, при обосновании конкретной выполняемой судом по делу работы.

Выводы по параграфу

Процессуальные параметры производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции структурируются системой взаимосвязанных организационно-правовых условий, которые формируют его каркас и гарантируют предсказуемость процедуры: 1) подсудность – отнесение уголовного дела к компетенции строго определенного суда на основе территориальных и звеньевых критериев, снимающее социальное напряжение посредством заблаговременной определенности; 2) место – территориальная юрисдикция суда, детерминированная местом расследования и утверждения обвинительного заключения, с учетом квалификации преступления, статуса подсудимого и правил разрешения конкуренции; 3) состав суда – нормативно установленное количество судей, обусловленное необходимой квалификацией судей для рассмотрения и разрешения уголовного дела в установленный срок, с учетом его сложности; 4) срок – темпорально сбалансированный период, необходимый для установления истинных обстоятельств уголовного дела и минимизации правовой неопределенности, составляющий 3 месяца с возможностью дифференцированного продления (до 6, 12 месяцев и далее ежемесячно) при наличии судебного обоснования сложности уголовного дела.

3.3 Коммуникативно-познавательные организационно-правовые условия

Производство по рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде первой инстанции реализуется в рамках динамической парадигмы познания, где традиционные условия (непосредственность, устность) интегрируются с цифровыми инструментами ИКТ, ТИИ. Их синтез формирует гибридную коммуникативно-познавательную модель, которая трансформирует способы фиксации, передачи и оценки доказательственной информации, обеспечивая соответствие процедуры

вызовам технологической эпохи при безусловном приоритете задач установления объективной истины и справедливого разрешения спора.

В основе динамической парадигмы судебного познания лежит синтез классических и цифровых организационно-правовых условий. Непосредственность как условие личного чувственного восприятия доказательств судьей в присутствии сторон гарантирует аутентичность и минимизирует искажения. В сочетании с устностью, фиксацией и цифровыми инструментами (ИКТ, ТИИ) она трансформируется в гибридную модель познания, где традиционные гарантии достоверности усиливаются технологическими возможностями анализа, сохранения и передачи информации. Это формирует новое качество процессуальной среды, делая ее объективной, эффективной, прозрачной и технологически оснащенной, что отвечает вызовам современного правосудия. Динамическая парадигма судебного познания, основанная на синтезе традиционных (непосредственность, устность) и цифровых условий (ИКТ, ТИИ), требует применения ценностно-стратифицированного подхода. Он позволяет анализировать технологические инновации не только на инструментальном уровне (повышение эффективности, точности фиксации), но и на аксиологическом: как они воздействуют на такие фундаментальные ценности правосудия, как достоверность, справедливость, доверие к процедуре и антропоцентричную природу судебной власти.

Практическое применение непосредственности сопряжено с определенными ограничениями, вытекающими из самой сущности уголовно-процессуального доказывания, имеющего преимущественно ретроспективный характер[1]. Поэтому процесс доказывания в публично-состязательном производстве в условиях непосредственности обеспечивает сторонам личную (на основе органов чувств) коммуникацию для аргументации своих позиций, позволяя использовать тактические приемы для убеждения суда.

---

[1] Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 41, 43.

Непосредственность и устность в судебном следствии выполняют системообразующую функцию, трансформируя абстрактное состязательное начало в конкретную процедуру установления обстоятельств дела. Их единство создает «поле достоверности», где доказательства исследуются сторонами в реальном времени, что является процессуальной формой реализации презумпции невиновности и свободы оценки доказательств. Критика особого порядка производства связана именно с редукцией этой познавательной парадигмы, когда внутреннее убеждение суда формируется вне полноценного непосредственного и устного контакта с доказательственной базой. Таким образом, данные условия выступают не только как технические требования, но и как гарантии эпистемологической состоятельности судебного решения, обеспечивающие его легитимность в рамках публично-состязательной модели.

Оглашение протоколов и иных документов, учитывая способ восприятия содержащейся в них информации, несколько «выбивается» из общего перечня судебных действий с личным участием носителей информации, направленных на соблюдение условия непосредственности. Однако суд, обязанный непосредственно исследовать все доказательства, имеет возможность, при наличии специальных оснований, огласить письменные протоколы произведенных в ходе предварительного следствия допросов, являющиеся полноценными доказательствами, при условии соблюдения всех уголовно-процессуальных форм, процедур и прав участников процесса[1]. Согласимся с критикой ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ, высказанной Л.В. Головко[2], в той части, что для оглашения судом показаний потерпевшего (свидетеля) требуется ознакомление с ними обвиняемого (подсудимого) на предыдущих, досудебных, стадиях производства. Представляется, что ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела в порядке ст. 247 УПК РФ вполне соответствует гарантии права на защиту.

---

[1] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 87.
[2] Там же. С. 88.

Устность, будучи имманентным элементом условия непосредственности (ст. 240 УПК РФ), выполняет ключевую эпистемологическую функцию в судебном познании. Она трансформирует процесс в живой диалогический акт, обеспечивая не только передачу информации, но и ее герменевтическое понимание через интонацию, эмоции и поведение говорящего. Это создает условия для формирования полноценного внутреннего убеждения суда и сторон. Оглашение показаний, напротив, представляет собой суррогатную форму восприятия, лишенную этого контекстуального слоя, что снижает качество оценки доказательств и ослабляет гарантии состязательности, делая процедуру менее аутентичной и прозрачной. Судья способен определить причины поведения человека, подлинные и мнимые его интересы, ложность и правдивость показаний, исключить злоупотребление правом, учесть и использовать добросовестность, честность участников производства[1]. Обладание судьей способностью учесть неоднозначность рассматриваемого дела, смысловую неопределенность представленных доказательств, выбор применяемой нормы права – позволит ему принимать во внимание нравственные нормы при вступлении в противоречие справедливости и законности[2]. Например, в Германии устность закрепляется в виде принципа и заключается в говорении участников и зачитывании вслух письменных документов (абз. 2 § 249 УПК ФРГ), а также в личном допросе всех участников производства без замены протоколами допросов участников или их письменными пояснениями (§ 250 УПК ФРГ).

В целях минимизации негативных последствий оглашения письменных показаний, которое ограничивает полноценное восприятие эмоционально-поведенческого контекста, необходимо системное внедрение современных ИКТ при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу. Использование видео-конференц-связи, интерактивных платформ и средств цифровой фиксации позволит обеспечить дистанционную непосредственность и сохранить преимуще-

[1] Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. С. 136.
[2] Шмелев А.Н. Судебная нуллификация нормативного правового акта: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 12–13.

ства устного общения, даже при невозможности физического присутствия участника. Это обеспечит соблюдение принципов состязательности и непосредственности, повысит достоверность оценки доказательств и оптимизирует сроки судопроизводства без ущерба для качества правосудия.

Таким образом, непосредственность и устность в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде первой инстанции следует трактовать как системные организационно-правовые условия, обеспечивающие аутентичность и качество судебного познания. Непосредственность гарантирует максимальную адекватность восприятия информации через личное чувственное взаимодействие с источниками доказательств, минимизируя риски искажений и вероятностных выводов. Устность, будучи неразрывно связанной с непосредственностью, активизирует вербальную коммуникацию, усиливает эмоционально-смысловой контекст и обеспечивает гласность, открытость и общедоступность процедуры. Ценность данных условий заключается в их способности обеспечивать прозрачность, объективность и доверие к правосудию через живую дискуссию и непосредственное исследование доказательств. Оценка их реализации возможна посредством системы критериев: 1) для непосредственности*:* чувственное восприятие доказательств участниками; недопустимость замены лиц и фальсификации; живое участие носителей информации; 2) для устности: звуковая презентация аргументов; возможность реального временного взаимодействия и коррекции позиций; 3) обеспечение открытости и понятности процесса для общества. Решение проблемы сохранения сущности публично-состязательного правосудия в современных условиях заключается в последовательной реализации данных условий, что позволяет преодолеть формализацию процесса, ограничить оглашение письменных показаний и обеспечить подлинное установление обстоятельств дела на основе непосредственного и устного диалога.

Следует отметить, что цифровые инструменты (видео-конференц-связь, аудиопротоколирование) трансформируют техническое исполнение условий непосредственности и устности, предлагая решение проблем доступности и фик-

сации. Однако ценностно-стратифицированный анализ выявляет риск редукции их аксиологического ядра: опосредованное восприятие может ослаблять формирование внутреннего убеждения судьи, основанного на живом контакте и контекстуальном (эмоциональном, невербальном) понимании, что составляет ценностную суть этих условий как гарантий достоверного познания и доверия к процедуре.

В системе организационно-правовых условий, обеспечивающих коммуникативно-познавательную среду судопроизводства, фиксация в протоколе судебного заседания выполняет ключевую легитимирующую и удостоверительную функцию. Несмотря на трудоемкость, она является процессуальной необходимостью, поскольку при доминировании устности и отсутствии полной видеофиксации протокол остается единственным формализованным источником, объективирующим непосредственное исследование доказательств и гарантирующим возможность последующего контроля за соблюдением процедуры.

Этимология понятия «протокол» заключается в описании его как документа с записью всего происходящего на заседании[1], а его значение состоит в объединении доказательств в единую процессуальную форму[2].

Протоколу судебного заседания впервые было уделено внимание в работе Л.Е. Владимирова, в которой он относит его к судебным протоколам и определяет как отчет, составленный компетентным лицом на месте для установления фактов[3].

Современное понимание протокола судебного заседания заключается в рассмотрении его в качестве основного источника информации о ходе судебного заседания[4], средства фиксации судебных решений[5], которое может использоваться

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд.; испр. и доп. М.: Азъ, 1994. С. 623.

[2] Васяев А.А. Протокол судебного заседания-доказательство? / А.А. Васяев, М.В. Пальчикова // Современное право. 2010. №. 4. С. 116.

[3] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. 3-е изд. СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. С. 354–359.

[4] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. М.: Норма, 2020. С. 282.

[5] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 145–150.

для проверки законности судебного разбирательства, поскольку без полного протокола вышестоящие инстанции не могут иметь представление об эффективности и качестве рассмотрения уголовного дела[1] и выступать гарантией права на защиту[2]. Протокол судебного заседания рассматривается также как вид доказательств[3].

В рамках интегративной модели производства протокол судебного заседания выполняет системообразующую удостоверительную и контрольную функцию. Будучи единственным легализованным отражением устного и непосредственного процесса, он материализует процедуру, обеспечивая ее верифицируемость и прозрачность. Это делает его необходимым условием легитимности приговора и фундаментальной процессуальной гарантией, позволяющей вышестоящим инстанциям осуществлять содержательный пересмотр судебных актов, тем самым защищая права участников процесса и укрепляя доверие к правосудию.

Протокол судебного заседания, требования к содержанию и срокам изготовления которого обеспечены процессуальной ответственностью беспристрастного секретаря, выполняет фундаментальную доказательственно-удостоверительную функцию. Будучи объективированной фиксацией хода производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, он не только документирует процедуру, но и формирует материальную базу для судебного познания, позволяя суду апеллировать к зафиксированным данным во время оценки доказательств при вынесении приговора. Таким образом, протокол выступает как необходимое звено, связывающее принципы непосредственности и устности с требованием обоснованности итогового судебного акта. Несоблюдение данного требования, по мнению Б.Т. Безлепкина, лишает стороны возможности эффективно обжаловать судебный акт[4]. Пленум Верховного Суда РФ, в свою очередь, отметил, что не нашедшие отражения в протоколе судебного заседания доказательства не

---

[1] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК Велби, 2005. Ч. II. С. 85.
[2] Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М.: Экзамен, 2022. С. 541.
[3] Россинский С.Б. Протоколы следственных действий и судебного заседания: постановка проблемы // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 2. С. 176–184.
[4] Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М.: Юрист, 2019. С. 322.

могут быть использованы судом в подтверждении своих выводов[1]. В связи с этим вынесение приговора при отсутствии изготовленного протокола судебного заседания является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и должно влечь за собой его отмену, поскольку, как замечено П.А. Лупинской, он выступает гарантией соблюдения прав участников производства[2]. Соответственно, протокол, изготовленный после вынесения приговора, утрачивает свое процессуально-правовое назначение.

Закон возлагает на секретаря судебного заседания обязанность полной фиксации происходящего от руки, машинописно или с помощью компьютера, устанавливая срок 3 суток (ч. ч. 2, 6 ст. 259 УПК РФ). Критика содержательной части протоколов судебного заседания в научной литературе основана на том, что доводы и аргументы участников, анализ судебной практики «зачастую заменяются убогой интерпретацией»[3], формальная и недобросовестная защита (обвинение) отражаются одинаково, речи судебных прений не отражают позиции сторон[4]. Протокол, с таким отношением к его содержанию, отражает лишь «субъективное восприятие секретаря судебного заседания в объеме, обусловленном его личными психофизическими качествами»[5]. С одной стороны, неполнота может быть связана с недостаточностью срока для изготовления полного, качественного, содержательно полноценного протокола судебного заседания. С другой стороны, длительное изготовление протокола будет существенным образом затягивать срок производства по уголовному делу.

---

[1] п. 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (с изменениями и дополнениями) (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 7.

[2] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 147.

[3] Наниев А. Точный протокол укрепит доверие к суду / [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 19.07.2025).

[4] Мамонт Г.Н. О протоколе судебного заседания / Г.Н. Мамонт, В.И. Никандров // Правоведение. 1990. № 1. С. 69.

[5] Наниев А. Указ. соч. С. 58.

В зарубежных государствах подходят к этому вопросу по-разному. Например, в Республике Беларусь срок изготовления протокола судебного заседания составляет 5 суток (ч. 6 ст. 308 УПК Республики Беларусь)[1]. В Армении участникам предоставляется копия компьютерной записи судебного заседания вместе с ее расшифровкой на основании письменного заявления лиц, участвующих в деле, немедленно после окончания судебного заседания, а копия бумажного носителя – не позднее следующего дня (ч. ч. 9, 10 ст. 315 УПК Армении)[2]. В Украине и вовсе ведется журнал судебного заседания для фиксации судебных действий и постановлений суда, вынесенных без удаления суда в совещательную комнату (ст. 108 УПК Украины)[3].

Аудиопротоколирование, инкорпорированное в уголовный процесс в 2019 г., является конкретным проявлением цифровизации правосудия, выполняющим двойную функцию: с одной стороны, оно выступает средством ускорения и повышения точности фиксации судебного разбирательства, с другой – инструментом снижения операционной нагрузки на аппарат суда. Его позитивное восприятие судебными работниками свидетельствует о практической успешности этой меры в рамках поступательной модернизации организационно-правовых условий производства. Порядок действий секретаря судебного заседания при использовании средств аудиозаписи (обращение с электронными носителями, их упаковка и приобщение к протоколу судебного заседания) установлены приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ[4]. В научной литературе отмечено, что аудиопротоколирование создает ряд трудностей, связанных с порядком реализа-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: https: // zakony-by. com/ ugolovno-protsessualnyj_ kodeks _ rb/ 308.htm (дата обращения: 08.11.2024).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Армении. [Электронный ресурс] URL: https:// www. arlis.am/hy/acts/82645 (дата обращения: 08.11.2024).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Украины. [Электронный ресурс]. URL: https: // continent-online. com/ Document/? doc_id =31197178 #pos=1985; -52 (дата обращения: 08.11.2024).

[4] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 2, № 3.

ции права заинтересованными лицами на ознакомление с протоколом, изготовленным с помощью аудиозаписи касательно подсудимого, находящегося под стражей, вручение которому флэш-носителя или компакт-диска не представляется возможным в силу режимных требований мест содержания под стражей, отсутствием обязанностей сотрудников ФСИН России обеспечивать реализацию права на ознакомление с аудиопротоколом и отсутствием технической возможности реализации такого права в СИЗО[1].

Представляется, что финансовые и временны́е затраты, связанные с доставлением подсудимого в суд для ознакомления с аудиозаписью протокола судебного заседания, могли бы быть использованы для обеспечения мест содержания под стражей соответствующими техническими устройствами для реализации подсудимыми права на ознакомление с протоколом.

Эволюция фиксации от бумажного протокола к аудио- и видеозаписи демонстрирует конфликт уровней в рамках ценностно-стратифицированного подхода. На техническом уровне цифровая фиксация обеспечивает беспрецедентную точность и полноту. На аксиологическом уровне она порождает новые вызовы: обеспечение подлинного доступа к записи для участников (особенно находящихся под стражей) становится новой процессуальной гарантией, а сама запись трансформируется из вспомогательного средства в потенциально ключевой носитель процедурной легитимности. Неоднозначно складывается и практика. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции посчитал, что вручение осужденному, содержащемуся под стражей, диска с аудиопротоколом без представления ему реальной возможности его прослушивания не свидетельствует об обеспечении его права на ознакомление с аудиозаписью[2]. Третий и Восьмой кассационные суды общей юрисдикции высказали мнение о том, что вручения копии аудиопротокола

---

[1] Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Особенности аудиопротоколирования и видео-конференц-связи при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 40, 41.

[2] Кассационное определение СК по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2021 г. по делу № 7У-9223/2021 [77-3093/2021] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 15.06.2025).

достаточно, а отсутствие у осужденного технической возможности для его воспроизведения не свидетельствует о нарушении закона[1].

Эволюция аудиопротоколирования закономерно ведет к вопросу о возможности и целесообразности замещения им традиционного бумажного носителя. Данная перспектива обусловлена способностью цифровых технологий гарантировать целостность и подлинность записи при одновременном достижении значительной процессуальной экономии. Таким образом, аудиопротокол может быть рассмотрен не только как вспомогательный инструмент, но и как потенциально самодостаточная форма процессуальной фиксации, соответствующая тренду на цифровизацию правосудия.

Фиксация судебного разбирательства эволюционирует от бумажного протокола к комплексной цифровой модели документации. Являясь процессуальным условием, она обеспечивает тождественность доказательственной базы независимо от носителя. Следующим этапом повышения эффективности и прозрачности должно стать внедрение системной видеофиксации, расширяющей возможности верификации процедуры. В этой парадигме бумажный протокол трансформируется из основного документа во вспомогательный, факультативный носитель, фиксирующий лишь ключевые результаты исследования доказательств в исключительных обстоятельствах.

Современное судопроизводство находится в состоянии цифровых трансформаций, обусловленных необходимостью интеграции ИКТ и ТИИ. Данные инновации перестают быть вспомогательным инструментарием, становясь структурным элементом организационно-правовых условий и функциональным механизмом обеспечения формообразующих принципов (публичности, состязательности и равенства прав сторон, разумного срока, гласности, справедливости). Их

---

[1] Кассационное определение СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2021 г. по делу № 7У-4397/2021 [77-1593/2021] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 15.06.2025), Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2021 г. по делу № 7У-1597/2021 [77-838/2021] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 15.06.2025).

применение формирует новую цифровую экосистему судопроизводства, где технология служит не только ускорению процедур, но и укреплению гарантий достоверности, прозрачности и доступности правосудия.

В научных публикациях дискуссия об использовании ИКТ в уголовном судопроизводстве ведется: 1) в направлении усиления состязательности с помощью применения технологий искусственного интеллекта; 2) в направлении изменения инструментария, используемого в ходе производства по уголовному делу[1]. Ученые отмечают, что уголовно-процессуальное доказывание оказалось не вполне готовым к «электронным» изменениям в общественной жизни[2], находясь пока на

---

[1] Александров А.С. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе / А.С. Александров, С.И. Кувычков // Уголовный процесс. 2013. № 5. С. 76–84; Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы научно-практической конференции. М.: Издательство МГЮА., 2019. С. 31–37; Бурдина Е.В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. 2018. № 7. С. 19–33; Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М.: Городец, 2000. С. 60–65; Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 73–100; Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева, канд. юрид. наук Д.В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 185–187; Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 25; Минбалеев А.В. К вопросу рассмотрения информации как юридической фиксации // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. С. 118–119; Муратова Н.Г. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт: монография / Н.Г. Муратова, М.С. Сергеев. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 210; Овчинникова О.В. Собирание электронных доказательств, размещенных в сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 46–50; Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 120–130; Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 150–175; Родивилина В.А. Использование видеоконференцсвязи при допросе в досудебном производстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалист. чтения. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. Вып. 2 (6). С. 133–137; Федюнин А.Е. Правовое регулирование технических средств в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 11–13; Цомая С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 8–9 и др.

[2] Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 253.

стадии осмысления и теоретического обоснования[1]. Налицо тенденция к расширению внедрения ИКТ в сферу производства по уголовному делу в суде первой инстанции. О.И. Андреева и О.А. Зайцев отмечают, что использование цифровых и информационных технологий, электронного документооборота стало одной из тенденций развития российского уголовного судопроизводства[2]. Требует совершенствования правовая организация уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровых инноваций, поскольку они позволяют генерировать огромные объемы информации, способные стать доказательствами в уголовном деле, усложняется процесс доказывания с помощью электронных доказательств[3]. Кроме того, нуждаются в разработке такие вопросы, как автоматизированный анализ приговоров для достижения единообразия правоприменительной практики[4], современное состояние оценки справедливости наказания по усмотрению суда[5], юридическая ответственность в сфере искусственного интеллекта[6], доступность и открытость уголовного судопроизводства[7]. Предлагается внедрение такого ресур-

---

[1] Григорьев В.Н. Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел РФ. 2017. № 2 (42). С. 39.

[2] Андреева О.И., Зайцев О.А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. Ч. 79. С. 4–16.

[3] Проект № 25–28–01341 «Совершенствование правовой организации уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий». [Электронный ресурс]. URL: https://www.rscf.ru/project/ (дата обращения: 16.03.2025).

[4] Проект № 23–78–10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)». [Электронный ресурс]. URL: https://www.rscf.ru/project/ (дата обращения: 06.12.2024).

[5] Проект № 20–78–00128 «Справедливость наказания в общественном сознании, в уголовном законе и усмотрении суда: исследование современного состояния и разработка направлений гармонизации». [Электронный ресурс]. URL: https:// www. rscf. ru/ project/ (дата обращения: 10.06.2025).

[6] Проект № 24–28–01112 «Разработка концептуальной модели юридической ответственности в сфере искусственного интеллекта и робототехники». [Электронный ресурс]. URL: https: // www. rscf.ru/project/ (дата обращения: 06.11.2024).

[7] Проект № 25–28–01190 «Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.rscf.ru/project/ (дата обращения: 06.07.2025).

са, как личный кабинет лица, использующего электронный документооборот[1]. Анкетирование правоприменителей показало, что 65 % судей и 64 % адвокатов считают положительной тенденцию использования ИКТ и ТИИ в производстве суда первой инстанции, 49 % прокурорских работников поддерживают использование ИКТ и ТИИ, поскольку они ускоряют производство, позволяя эффективно и качественно осуществлять разрешение уголовно-правового спора[2].

ИКТ в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции классифицируются: 1) в зависимости от предназначения и направленности воздействия – отражающие открытость правосудия, направленные на взаимодействие с отдельными лицами и на обеспечение деятельности суда (Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов и Р.Г. Бикмиев)[3]; 2) по хронологическому признаку в зависимости от частей производства – связанные с первоначальной организацией процесса судебного разбирательства, используемые непосредственно в процедуре судебного разбирательства для получения информации и фиксации процессуальных действий, для сохранения, пополнения и анализа результатов судебного разбирательства (Т.Г. Бородинова)[4].

Перспективным направлением в развитии судебной системы Председатель Верховного Суда РФ называет активное внедрение в работу судов аналитических программных комплексов на основе искусственного интеллекта для быстрого выявления противоречий в судебной практике и реагирования на них[5]. Анализ публикаций российских и зарубежных ученых свидетельствует о том, что они поддерживают правоприменителей. Научные дискуссии сводятся к тому, что ТИИ называют «интеллектуальной нефтью» современного общества и движущей силой

---

[1] Дикарев И.С. Использование информационных технологий и психологии принятия решений на предварительном следствии // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 120–127.
[2] Приложение № 2.
[3] Шарифуллин Р.А. Элементы электронного правосудия / Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев // Российский судья. 2018. № 6. С. 58.
[4] Бородинова Т.Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие. 2022. Т. 4. № 1. С. 80.
[5] Игорь Краснов провел совещание с председателями судов. [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/34762/ (дата обращения: 22.10.2025).

его экономического и социального развития[1]. Отмечается, что глобальная цифровизация привела к активному внедрению искусственного интеллекта во многие сферы, в том числе, в судопроизводство и разрешение споров[2]. Однако авторы исследований задаются рядом вопросов: может ли привести к ошибкам и искажениям использование промпта, написанного на языке, не соответствующем языку, на котором написана и натренирована технология[3]; в чем опасность «галлюцинации» технологий и отсутствия этических норм их применения[4]; как могут повлиять на правосудие дипфейки и генерирование доказательств сторонами[5].

На основании формирующейся практики применения искусственного интеллекта в судопроизводстве, Э. Тэмели и С. Филипсен было предложено четыре концепта: 1) искусственный интеллект для суда; 2) искусственный интеллект для сторон; 3) искусственный интеллект для судей; 4) искусственный интеллект как суд[6].

Интерес представляет также развивающийся и пока малоизвестный концепт аналитики судей – применения искусственного интеллекта как инструмента анализа поведения судей (AI-based Judge Analytics). Анализ практики по компенсационным искам выявил проблему субъективной оценки эффективности действий судей при рассмотрении дел, что затрудняет защиту права на разумный срок. Формирующийся концепт аналитики судей на основе искусственного интеллекта (AI-based Judge Analytics) представляет собой потенциальный инструмент преодоления субъективизма и непоследовательности в оценке судебной деятельности,

---

[1] Vial G., Cameron A.-F., Giannelia T., Jiang J. Managing artificial intelligence projects: Key insights from an AI consulting firm // Information Systems Journal. 2023. Volume 33, Issue 3. P. 669.
[2] Valeev D., Makolkin N. Digitization of Civil Legal Proceedings in the Russian Federation // Russian Law Journal. 2021. № 9 (4). P. 172.
[3] Pavel Weichbroth AI and the Law: Evaluating ChatGPT's Performance in Legal Classification // Preprint submitted to be determined. 2025. February 19. P. 15.
[4] Bradley (Brad) A. Hoppe, Kathleen (Katie) H. McGraw ChatGPT: write me a summary judgment motion // Ethics in Practice. 2025. June 6. 16 p.
[5] Maura R. Grossman. Paul W Grimm, Daniel G Brown, Molly Xu. The GPTJudge: Justice in a generative AI World // 23 Duke L. & Tech. Rev. 2023. Vol. 23. P. 1–35.
[6] Themeli E., Philipsen S. AI as the Court: Assessing AI deployment in Civil Cases // Éditions Thémis. 2021. № 32. P. 213–232.

выявленных при анализе практики о компенсации за нарушение разумных сроков. Его применение позволит трансформировать оценку эффективности действий судьи из умозрительной в количественно верифицируемую, что будет способствовать унификации судебной практики и усилению гарантий права на справедливое судебное разбирательство в рамках цифровой эволюции правосудия.

По-прежнему не сняты вопросы по правовому регулированию использования ИКТ, а интеграция ТИИ в судопроизводство остается вне правового поля, что противоречит общему вектору цифровизации государственного управления и создает дисбаланс между технологическими возможностями и процессуальными гарантиями.

Так, ст. 5 ФКЗ «О судебной системе в РФ» закрепляет принцип использования ИКТ в деятельности судов, являясь фундаментальной нормой, легитимизирующей цифровые инновации в судопроизводстве. Определение информационных технологий было сформулировано в ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в виде процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способов осуществления таких процессов и методов (ст. 2)[1]. Одним из первых Федеральных проектов РФ, содержащем конкретные «дорожные карты» и мероприятия, в том числе направленные на разработку и апробацию ТИИ в правоприменении и судопроизводстве, был проект «Искусственный интеллект» (в составе национальной программы «Цифровая экономика РФ»), успешно завершенный 31 декабря 2024 г. с уровнем достижения реализации – 99,97 % по сведениям Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры)[2]. Целевые показатели, в том числе «повышение эффективности судопроизводства» за счет использования ТИИ, содержит Национальная стратегия

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

[2] Национальная программа «Цифровая экономика РФ» [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Минцифры. URL: https:// digital.gov.ru/ target/ naczionalnaya -programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (дата обращения 09.11.2025).

развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019 г.)[1]. Следует отметить внутриведомственный документ Судебного департамента при Верховном Суде РФ – «Концепция единого цифрового контура судебной системы на основе информационной системы “Правосудие”»[2], – который описывает архитектуру и принципы построения единой цифровой среды для всех судов общей юрисдикции.

Интересными проектами, внедрившими экспериментальное правовое регулирование ТИИ, стали ФЗ от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ[3] и ФЗ от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ[4], создающие прецеденты правового режима для отработки технологий ИИ, включая потенциальное их применение в сфере государственных услуг, смежной с правосудием. Цифровые инструменты в гражданском и арбитражном судопроизводстве регламентированы нормами гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального кодексов: использование искусственного интеллекта для анализа правовых позиций сторон и подготовки проектов судебных актов (ст. 71.1 ГПК РФ); использование искусственного интеллекта для анализа материалов дел и подготовки проектов судебных актов (ст. 41.1 АПК РФ). Ключевыми используемыми системами в сфере судопроизводства в судах общей юрисдикции в настоящее время являются единая информационная государственная автоматизированная система для судов общей юрисдикции «Правосудие», сервис «Электронное правосудие».

---

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019). Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. // СПС «Гарант» (дата обращения 09.11.2025).

[3] Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

[4] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

В мировом сообществе использование ИКТ в производстве суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел идея не новая. В 2002 г. в США впервые была организована презентация совершения преступления с использованием очков для трехмерного видения, экранов, аудиосистем, технологий голографии и видео-конференц-связи с тремя судами, находящимися на различных континентах[1]. В Республике Казахстан предусмотрен формат использования цифровых технологий наряду с традиционными. Уголовное судопроизводство может вестись как в бумажном, так и в электронном форматах. (ст. 45-1 УПК РК). Замечания на протокол судебного заседания также могут подаваться в письменной форме или в форме электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью заявителя (ст. 348 УПК РК). Не исключены были случаи негативного использовании информационных технологий, повлекшие за собой несоблюдение равноправия сторон, поскольку не все участники судопроизводства имели специальную технику, владели техническими средствами, навыками их использования и не смогли своевременно перестроиться на онлайн-правосудие, оказавшись в неравных условиях, как это получилось во время реформы в Англии и Уэльсе[2]. В попытках тотального перевода всей информации, в том числе судебной, в цифровую форму, Л.В. Головко усматривает проблему несанкционированного доступа к информации, поскольку ее «цифровым» держателем является провайдер, контролирующий соответствующие серверы, где расположены технические средства аккумулирования «больших данных». Такое положение позволило США признать провайдера участником уголовного судопроизводства[3].

Модернизация ИКТ, повсеместное распространение их в общественных отношениях естественным образом приводят к совершенствованию законодательства в сфере их использования. Процедура применения видео-конференц-связи при

---

[1] Клементьев А.С. Телекоммуникационное обеспечение уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 55.

[2] Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 94.

[3] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 65.

допросе свидетеля и потерпевшего (ст. 277, 278.1 УПК РФ), как и возможность использования этой технологии в рамках непосредственности и устности судебного разбирательства, была закреплена в 2011 г. (ФЗ от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ). Применение видео-конференц-связи при производстве в суде первой инстанции законодательное закрепление получило в 2011 г. в отношении свидетеля и потерпевшего. В 2023 г. суды общей юрисдикции по первой инстанции рассмотрели около 105,5 тыс. уголовных дел с использованием видео-конференц-связи, количество дней судебных заседаний с использованием этой технологии составило около 129,5 тыс. В 2022 г. рассмотрено порядка 116 тыс. уголовных дел с использованием видео-конференц-связи, количество дней судебных заседаний – около 147,3 тыс.[1]

Повсеместное внедрение ИКТ наряду с традиционными бумажными «носителями» информации, использование современных систем связи в полной мере соответствуют балансу публичного и частного интересов в уголовном процессе[2]. Представляется, что абсолютно допустимо использование видео-конференц-связи для участия при производстве в суде первой инстанции гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, эксперта и специалиста, а также государственного обвинителя и защитника.

В 2021 г. (ФЗ от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ) законодатель сделал существенный шаг в сторону применения технологии видео-конференц-связи на предварительном расследовании, закрепив норму, регулирующую особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ). Учеными исследовался данный порядок, как

---

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022–2023 г.г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 08.11.2024).

[2] Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 31–37.

прогрессивный, но имеющий ряд проблемных вопросов[1]. Представляется, что подобную технологию можно использовать для проведения судебных действий.

Использование систем видео-конференц-связи при производстве в суде первой инстанции было значительно реформировано в 2022 г. (ФЗ от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ): расширен круг участников судебного разбирательства с применением видеоконференц-связи, а также судебных действий, которые могут быть произведены с использованием данной технологии, что существенно оптимизирует по временны́м и трудовым затратам уголовно-процессуальную деятельность, способствуя ее продуктивности. В процессе использования ИКТ возможно: 1) ограничение гласности, которое связано с тем, что к участию в судебном онлайн-заседании рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу допускаются исключительно только те пользователи, которые авторизованы и имеют учетную запись[2]; 2) снижение эмоционального восприятия участниками производства обстоятельств дела; 3) увеличение материальных затрат для технического оснащения помещений судов необходимым оборудованием; 4) отсутствие объективной возможности использования видео-конференц-связи в режиме реального времени в связи с часовыми поясами на территории РФ. Однако использование видео-конференц-связи не противоречит справедливому и публичному слушанию дела при соблюдении условий осуществления своих прав подсудимым в виде предоставленной ему возможности следить за ходом процесса, видеть и слышать участников, быть заслушанным сторонами и судом[3].

---

[1] Азаренок Н.В. Вопросы практической реализации положений ст. 189.1 УПК РФ // Уголовное право. 2022. № 8. С. 77–78.

[2] Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 13.04.2012 г. № 107 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» // Российская газета. 2012. 18 мая. № 112.

[3] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

Применение ИКТ и ТИИ в судопроизводстве в целом и в производстве суда первой инстанции в частности способствует развитию научных дискуссий. Так, В.Д. Зорькин подчеркнул, что внедрение искусственного интеллекта в область правосудия может спровоцировать восприятие судьи в качестве операциониста, проштамповывающего решения[1]. Однако, опираясь на понимание ТИИ, приведенное в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, в виде комплекса технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека[2], следует подчеркнуть неизбежность их использования в правосудии, которое стремится отвечать запросу общества в эпоху цифровых инноваций.

К числу объективных характеристик, которые должны учитываться при определении современных пределов использования ТИИ, следует отнести уникальность некоторых способностей человеческого мозга и сознания, отсутствующих у самых совершенных машин[3], а ключевой предпосылкой внедрения ТИИ в деятельность по составлению процессуальных документов должна быть необходимость оперативного и качественного анализа значительного массива данных[4]. При любых новых явлениях, основанных на современных информационных технологиях, следует не разрушать принципиальную основу уголовного судопроиз-

---

[1] Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. С. 249, 299.

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[3] Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5(150). С. 97.

[4] Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева, канд. юрид. наук Д.В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 187.

водства[1], так как правосудие в сознании россиян воспринимается в совокупности не только с правом, но и с совестью[2].

Тенденцией к расширению внедрения ИКТ в сферу рассмотрения и разрешения уголовных дел невозможно пренебречь, с оговоркой, что новые информационные элементы уголовно-процессуальной формы должны сочетать в себе стабильность (прогностичность) и динамичность (гибкость) и не противоречить нормам уголовно-процессуального регулирования с учетом особенностей использования достижений научно-технического прогресса[3].

Например, в Республике Беларусь предусмотрена возможность допроса участников процесса, опознание лиц и (или) объектов в ходе судебного разбирательства с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) в случае необходимости обеспечения наиболее быстрого, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 434.1 УПК РБ). В научной литературе предлагается закрепить понятие технических средств в ст. 5 УПК РФ, включив норму в положения о доказывании, и указать в ней условия использования технических средств в виде формулировки «воспроизводимость и особый порядок получения»[4].

Системное внедрение ТИИ на уровнях организации судебной системы, непосредственной судебной деятельности и оценки ее результатов формирует основу для качественной трансформации правосудия («цифрового правосудия»). Такой подход направлен не только на операционную эффективность (снижение нагрузки, сокращение сроков), но и на достижение системного эффекта: повышение ка-

---

[1] Масленникова Л.Н. К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 311.

[2] Панкова О.В. Развитие доктринальных основ правосудия в дореволюционной России // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 171.

[3] Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 281.

[4] Даровских С.М. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при использовании информационно-коммуникационных технологий // Проблемы права. 2015. № 6(54). С. 157.

чества судебных актов, обеспечение единообразия практики и создание инструментов предиктивного управления судебным временем, что соответствует современным вызовам и социальным ожиданиям.

Современное развитие ТИИ в правосудии демонстрирует сущностную трансформацию: от инструментов цифровизации процедур (электронное делопроизводство, виртуальные заседания) к системам интеллектуального усиления судебной деятельности. Ключевыми направлениями являются внедрение ТИИ для анализа доказательств и составления мотивированных решений (при условии разработки этических стандартов взаимодействия судьи и ТИИ) и создание аналитических систем для унификации судебной практики и оптимизации процессуальных сроков. Это формирует новую интегративную модель – «правосудие, усиленное искусственным интеллектом».

Сравнительный анализ позволяет выявить фундаментальные, неустранимые различия между судьей как носителем человеческого разума и ТИИ как инструментальным разумом, что предопределяет их принципиально разные роли в правосудии. ТИИ имеет преимущество в обработке больших данных, поиске формальных противоречий и рутинных операциях. Однако ключевые для отправления правосудия компетенции остаются эксклюзивной прерогативой судьи: 1) контекстуальная мудрость и понимание справедливости, выходящее за рамки формально-логического анализа; 2) эмпатия и нарративное понимание, позволяющее интерпретировать невербальные сигналы, искренность раскаяния и человеческую драму; 3) этическая ответственность и «бремя решения» (existential burden)[1] как личная моральная ответственность за судьбу человека; 4) интуиция и способность работать в условиях неопределенности и противоречивых доказательств; 5) понимание социокультурного контекста и «здравого смысла», необходимого для легитимации решения в обществе.

[1] Термин введен датским философом Сереном Кьеркегором, подразумевающим под «бременем решения» право выбора при его принятии и несения за него ответственности // См.: Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. с датск. яз. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб.: СПб. ун-т, 2005. С. 520–521.

Таким образом, ТИИ не может заменить судью, но должен быть интегрирован как «компаньон-помощник» для разгрузки от рутинных, информационно-аналитических и контрольных задач, высвобождая время и ресурсы судьи для осуществления тех уникальных функций, которые составляют саму суть человеческого правосудия.

ТИИ в судебной деятельности выступает как инструментальное расширение возможностей судьи, беря на себя задачи по обработке больших данных, формально-логическому анализу и предварительной юридической аргументации. Это позволяет судье сконцентрироваться на сущностной компоненте правосудия – принятии решений, требующих мудрости, этического выбора и понимания человеческой природы, что остается областью исключительно человеческого духа и профессиональной интуиции. Не подменяя судейское усмотрение, ТИИ должны стать мощным инструментом аналогичным в своем потенциале внедрению цифровой криминалистики или DNA-экспертизы[1].

На основе сравнительного анализа Судья–ТИИ может быть предложена универсальная формула использования ТИИ в деятельности судьи, учитывающая этику взаимодействия судьи с ТИИ, определяя пределы применения ТИИ при отправлении правосудия:

ТИИ (МБД+, КЧ-) + С (МБД-, КЧ+) = СП (МБД+, КЧ+)

ТИИ – технологии искусственного интеллекта в виде аналитического комплекса, обладающего мегабазами данных;

МБД – мегабазы данных;

С – судья-человек, обладающий профессиональными знаниями, умениями и практическими навыками;

КЧ – качества человека: мудрость, эмпатия, этическая ответственность, интуиция, понимание социокультурного контекста;

СП – справедливое решение;

---

[1] Ткачева Н.В. Технические правила и этические принципы взаимодействия судьи с технологиями искусственного интеллекта // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1(48). С. 95.

Знак «+» – наличие;

Знак «-» – отсутствие.

Проведенный анализ выявляет диалектику цифровой трансформации правосудия: ТИИ предлагают инструментальное расширение возможностей суда, но одновременно несут системные вызовы его гуманитарной природе. Концепция ТИИ как «когнитивного помощника» судьи является операционализацией ценностно-стратифицированного подхода. Она закрепляет четкое разделение: технический уровень (анализ данных, поиск противоречий, черновая работа) делегируется технологии (ИИ), а аксиологический уровень – ответственность за этическое суждение, мудрость, оценка справедливости и принятие окончательного решения – остается исключительной прерогативой судьи (человека). Это предотвращает подмену ценности человеческого правосудия иллюзией объективности алгоритма.

Позитивный потенциал ТИИ связан с созданием «когнитивного помощника» для судьи – систем, оптимизирующих работу с информацией и способствующих формально-рациональной стороне процесса. Однако его реализация сдерживается фундаментальными рисками: субъектной ответственностью, скрытой алгоритмической предвзятостью, утратой контекстуального понимания справедливости. Следовательно, интеграция ТИИ в уголовный процесс возможна лишь как формирование асимметричного симбиоза «человек-машина», где судья сохраняет монополию на этическое суждение, мудрость и принятие окончательного решения, а искусственный интеллект выполняет функции верифицируемого, прозрачного и подконтрольного аналитического инструмента. Это требует разработки новой парадигмы регулирования, основанной на примате человеческого духа над инструментальным разумом в сфере правосудия.

Внедрение ТИИ в производство по уголовным делам в суде первой инстанции, являясь элементом формируемой интегративной процессуальной формы, требует создания специального техно-этического каркаса – совокупности правил технического и этического регулирования использования ТИИ в правосудии. Его целью является минимизация системных рисков и актуализация преимуществ

ТИИ (повышение эффективности и аналитической состоятельности). Данные правила призваны институционализировать примат аксиологического уровня (ценности верховенства права, человеческого достоинства, справедливости) над техническими возможностями системы. Принципы объяснимости, недискриминации и служебной роли ТИИ выступают в качестве юридических «буферов», защищающих гуманитарную сущность правосудия от колонизации инструментальной логикой алгоритмов.

Ключевым компонентом данного каркаса выступает система этических принципов синергического взаимодействия судьи и ТИИ, обеспечивающая сохранение антропоцентричной природы правосудия. Принципы структурируются в три группы: 1) статусные – принцип *служебной (вспомогательной) роли ТИИ*, закрепляющий за судьей монополию на принятие судебных решений, а за системой – функцию «цифрового помощника»; 2) правоохранительные – принцип *верховенства права и человеческого достоинства*; принцип *беспристрастности и недискриминации*, требующий обязательной независимой аудиторской проверки алгоритмов; 3) технологические и гарантирующие – принцип *транспарентности и объяснимости*, исключающий системы «черного ящика»; принцип *контроля и персональной ответственности судьи*; принцип *безопасности и конфиденциальности данных*.

Реализация данных принципов в процессуальном законодательстве и судебной практике является необходимым условием для легитимации ТИИ как элемента гибридной интеллектуальной системы «Судья-ТИИ» в рамках интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции.

Проведенное исследование существующих цифровых инструментов на основе ИИ, потенциально релевантных для судопроизводства, позволяет выделить две ключевые группы: 1) специализированные зарубежные юридические платформы (Sonix, LawToolBox, Blue J), демонстрирующие вектор развития узконаправленных систем для транскрибирования, анализа прецедентов, управления

сроками и прогнозирования правовых позиций; 2) универсальные генеративные ИИ-модели (YandexGPT, GigaChat, DeepSeek), обладающие общеаналитическим потенциалом, но не адаптированные к специфике уголовно-процессуальной деятельности и не интегрированные в защищенные контуры правосудия.

В контексте формирования интегративной модели особый научный и практический интерес представляет отечественный пилотный проект AI-ассистента, запланированный к внедрению в 2026 г.[1]. Его ключевыми интеграционными характеристиками, соответствующими концепции диссертации, являются функционирование в защищенном контуре; прямая интеграция с системами электронного правосудия (ГАС «Правосудие»); выполнение специализированных процессуальных функций (анализ материалов дела, распознавание речи, автоматизированная генерация проектов протоколов). Данный проект представляет собой прообраз специализированного аналитического комплекса, воплощающего в себе как технологический потенциал аналогов, так и критически важные требования безопасности, специализации и процессуальной встроенности, что соответствует разрабатываемой модели гибридной («Судья-ИИ») интеллектуальной системы поддержки принятия решений.

Практическим воплощением использования ТИИ в уголовном судопроизводстве при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу может стать норма, закрепленная в уголовно-процессуальном кодексе.

Статья 241.2. Использование технологии искусственного интеллекта судьей в уголовном судопроизводстве

1. Судья вправе использовать информационные системы, основанные на технологиях искусственного интеллекта (далее – ТИИ), в качестве вспомогательного средства для анализа больших массивов данных, поиска правовых норм и судебной практики, проверки на соответствие формальным требованиям процессу-

[1] Al помощник для российский судов [Электронный ресурс] URL: https://xn--80aaxridipd.xn--p1ai/ai-pomoshhnik-dlya-rossijskih-sudov/ (дата обращения: 20.12.2025).

альных документов, выявления возможных противоречий в доказательствах, научного обоснования выводов, для составления проектов судебных решений.

2. Использование ТИИ не допускается в целях:

1) оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи;

2) квалификации преступления и назначения вида и меры наказания;

3) принятия итоговых процессуальных решений, влекущих за собой разрешение уголовного дела по существу либо ограничивающих права и свободы личности;

4) замены непосредственного восприятия доказательств судьей в ходе судебного разбирательства.

3. Любые выводы, сгенерированные ТИИ, носят справочный, информационно-рекомендательный характер и не являются обязательными для судьи. Судья обязан критически оценивать рекомендации ТИИ и мотивировать свое несогласие с ними в судебном решении, если такие рекомендации не были приняты.

4. ТИИ, используемые в судопроизводстве, должны быть сертифицированы в установленном законом порядке и соответствовать следующим критериям:

1) объяснимость: обеспечение возможности предоставления понятного для судьи отчета о логике и данных, на основе которых был сформирован вывод;

2) недискриминация: отсутствие в алгоритме и обучающих данных дискриминационных предубеждений, подтвержденное результатами независимого аудита;

3) безопасность и конфиденциальность: гарантия защиты обрабатываемых данных от несанкционированного доступа и утечки.

5. Использование ТИИ и получение рекомендаций от них не освобождает судью от обязанности самостоятельно исследовать и оценивать все доказательства по уголовному делу на основе внутреннего убеждения, руководствуясь законом, совестью, и ответственности за законность, обоснованность, мотивированность и справедливость принятого судебного решения.

Не подменяя судейское усмотрение, ТИИ должны стать мощным инструментом, аналогичным в своем потенциале внедрению цифровой криминалистики или DNA-экспертизы. Эффективность использования ТИИ судьей напрямую зависит от качества «запроса» – промпта. Без научного подхода к его составлению мы получим либо красивый, но бесполезный текст, либо, что хуже, выводы, вводящие в заблуждение.

Исходя из принципов уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), теории доказательств и практики применения логических законов (тождества, противоречия, исключенного третьего), можно сформулировать правила и примеры составления промптов для судьи[1].

Принцип «усиления без подмены» представляет собой итоговую максиму ценностно-стратифицированного подхода при внедрении ТИИ в судебную систему. Он позволяет не отвергать технологический прогресс, но подчинять его высшей цели – сохранению и усилению антропоцентричных основ правосудия: судейского внутреннего убеждения, совести, мудрости и персональной ответственности. Таким образом, ценностная стратификация выступает не только как аналитический инструмент, но и как философско-правовой фундамент для построения цифрового правосудия, адекватного вызовам эпохи и неизменным гуманитарным идеалам.

Выводы по параграфу

Управление интеграцией цифровых технологий в правосудии осуществляется посредством фундаментального теоретического обоснования взаимодействия искусственного интеллекта и человеческого разума с помощью разработанных этических и нормативных рамок для интеграции технологий искусственного интеллекта в судебное познание.

Парадигма управляемой синергии основана на принципе усиления без подмены, предполагающем, что искусственный интеллект должен расширять аналитические возможности судьи, выявлять противоречия в доказательственной базе,

[1] Приложение № 5.

предлагать альтернативные интерпретации фактов, но никогда не принимать за судью решение о виновности, справедливости наказания или других ключевых правоприменительных вопросах.

К конкретным этическим нормам относятся: 1) прозрачность алгоритма – понимание судьей логики функционирования ТИИ, не допуская «черные ящики» в критических функциях; 2) контролируемость – функционирование ТИИ в подчиненной роли, где судья остается единственным источником авторитета в вынесении решения; 3) верифицируемость – рекомендации ТИИ воспроизводимы и объяснимы, доступны для критики сторонами; 4) совместимость с совестью – система способствует, а не подавляет судейское внутреннее убеждение и совесть.

Использование ТИИ представляет собой ответ на вызовы цифровизации, предлагая не технократическое вытеснение человека, а гуманистическую модель взаимодействия между искусственным и естественным интеллектом.

3.4 Организационно-правовое условие предметных и деятельностных пределов

В рамках интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции предметные и деятельностные границы определяются через пределы судебного производства и выступают как процессуальная гарантия, обеспечивающая реализацию конституционного права на справедливое судебное производство. Их установление и соблюдение формируют нормативные и фактические границы, в которых осуществляется проверка и оценка доказательств по делу, что является необходимым условием для эффективной защиты личности от необоснованного уголовного преследования и обеспечения ее прав и свобод. Методологический анализ данных границ предполагает их рассмотрение в диалектическом единстве предметного содержания (обвинения) и процедурной формы (совокупности судебных действий), что выступает основой для оптимизации познавательной деятельности суда.

Законодательная динамика, выраженная в расширении оснований для возврата уголовного дела прокурору для переквалификации обвинения, актуализирует системную проблему недостаточной регламентации данного института. Отсутствие доктринального единства и единообразной судебной практики в данной сфере свидетельствует о дефекте в конструкции, ведущем к правовой неопределенности и произвольному применению. Это создает дисбаланс между необходимостью обеспечения полноты судебного исследования и гарантиями от злоупотреблений.

Пределы судебного производства, обусловленные его формообразующими принципами, не позволяют осуществлять производство, выходя за рамки его предмета, устанавливая два предела: один на круг лиц, в отношении которых оно может осуществляться, – обвиняемый (ч. 1 ст. 252 УПК РФ), другой – на содержание предъявленного ему обвинения, изменение которого допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ч. 2 ст. 252 УПК РФ).

В научной литературе пределы судебного производства характеризуются как правила-требования его формата[1]; установленные законом процессуальные рамки, ограничивающие обстоятельства его предмета[2], гарантирующие законный порядок возложения на лицо уголовной ответственности и не нарушающие его право на защиту[3].

Анализ предметных и деятельностных границ производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции с применением ценностно-стратифицированного подхода позволяет выявить формально-процедурный слой этих границ (ч. 1, 2 ст. 252 УПК РФ), что позволит прийти к правовой определенности. Конфликт между жесткостью формальных рамок и

---

[1] Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 34.

[2] Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009. С. 507.

[3] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. С. 666.

необходимостью установления истины представляет собой не техническую коллизию, а ценностный выбор между стабильностью процедуры и субстантивной справедливостью, который должен разрешаться через призму иерархии процессуальных ценностей.

В рамках интегративной модели процессуальная активность суда является ключевым системообразующим элементом, обеспечивающим баланс между функциональными ограничениями, налагаемыми предметными и деятельностными пределами судебного разбирательства, и его итоговой целью – вынесением законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения. Определение оптимальной меры и направленности данной активности представляет собой методологическую основу для преодоления возникающего в правоприменении противоречия и формирования единообразных подходов к реализации судом своей обязанности по всестороннему исследованию обстоятельств дела в установленных законом границах.

Точки зрения ученых-процессуалистов относительно того, насколько широки должны быть полномочия суда, чтобы принимать справедливое решение, меняются сообразно изменениям уголовно-правовой политики. Так, М.С. Строгович в период действия советского уголовно-процессуального законодательства допускал возможность нарушения законности судом, если истина по уголовному делу не найдена[1]. В настоящее время учеными транслируется мнение об ограничении активности суда границами обвинения, сформулированного в обвинительном заключении[2]. Данные позиции являются достаточно дискуссионными. Концепция границ деятельности суда в судебном разбирательстве формируется на основе его гарантийной функции в правовом государстве. Ключевым проявлением этой функции в интегративной модели является процессуальная активность суда, направленная на устранение недостатков предварительного расследования в уста-

[1] Строгович М.С. Курс уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 329.
[2] Хохряков М.А. Исторические модели пределов судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2 (23). С. 232.

новленных пределах. Подобная активность, не нарушающая баланса состязательности, детерминирована современным пониманием принципа *in dubio pro reo*, который трансформируется из пассивного правила оценки доказательств в императив активных судебных действий по обеспечению справедливости и эффективной защиты прав человека.

Судебные реформы в России привели к существенным изменениям уголовно-процессуальной функции суда и не прекращающимся научным дискуссиям по этому поводу. Отрицание активной роли суда, что сужает его роль до функции обеспечения процессуальной формы посредством организации производства и руководства им, С.А. Пашин, например, считает не отражением мирового опыта, как это было заявлено в концепции судебной реформы, а заимствованием отдельных положений зарубежного законодательства[1]. По мнению Л.В. Головко, отказ от всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, по сути, от установления истины означает выбор американского вектора развития взамен характерной для нас европейской уголовно-процессуальной традиции[2].

В научной литературе отмечаются отрицательные последствия отказа законодателя от установления объективной истины, лишившего суд процессуальной самостоятельности, стойкого иммунитета, ориентированного на объективность, легко делающего суд орудием субъективизма и произвола[3]. Отсутствие у суда дискреционной функции и активной роли в собирании и проверке доказательств по делу зачастую приводит к нарушению права подсудимого на защиту и права

---

[1] Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / ред. кол.: Л.М. Карнозова - отв. ред. и др.; предисл. С.А. Пашина. М.: Изд-во Международного комитета содействия правовой реформе, 1995. С. 312–322.

[2] Головко Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Алексеева / под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 63, 64.

[3] Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 9–11.

потерпевшего на доступ к правосудию[1]. При этом есть точки зрения авторов, считающих, что активность суда прямо связана с восполнением недостатков расследования и выполнением судом функции обвинения, что противоречит принципам состязательности и презумпции невиновности[2]. Альтернативными можно считать мнения об установлении в судебном разбирательстве конвенциальной истины (соглашения, когда независимо от реального положения вещей, пока не доказана виновность подсудимого, он считается невиновным)[3] или судебной истины (достоверное соотношение между установленными судом обстоятельствами уголовного дела и фактами, имевшими место в действительности, нашедшими свое выражение в судебном решении)[4]. Вопрос об установлении объективной или юридической истины тесно связан с пределами компетенции суда и до сих пор четко не сформулированной мерой его активности, не посягающей на достоинства состязательности[5].

Закрепляя принцип состязательности в УПК РФ (ст. 15) и общее условие судебного разбирательства – равенство прав сторон (ст. 244), – законодатель в то же время фиксирует внимание правоприменителей на принципе презумпции невиновности и распределении бремени доказывания как его составляющей (ст. 14). Обязывая государственные органы выступать субъектами доказывания, ограждая подсудимого от доказывания своей невиновности, государство завуалированно не исключает тот самый принцип полноты, всесторонности и объективности уста-

---

[1] Романов С.В. Процессуальная активность суда в судебном разбирательстве по уголовному делу: сравнительно-правовой и правозащитный аспекты // Закон. 2016. № 1. С. 39–50; Махов В.Н. К вопросу о типах (формах) уголовного процесса // Российский судья. 2016. № 9. С. 8–11.

[2] Зайцев О.А. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании / О.А. Зайцев, П.С. Пастухов // Уголовное право. 2014. № 6. С. 84–88.

[3] Карякин Е.А. Концептуальные основы формирования истины в судебном разбирательстве // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М.: Московская государственная юридическая академия, 2007. С. 226.

[4] Рябцева Е.В. Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 9.

[5] Кириллова Н.П. Дискуссия об установлении истин и выбор модели уголовного процесса // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КубГУ, 2018. С. 78.

новления всех обстоятельств уголовного дела, который был прямо зафиксирован в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 20). Более того, Конституционный Суд РФ в целях разрешения полемики ученых о вопросах установления истины и трудностей в понимании закона правоприменителями, указал на гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина и обязанность дознавателя, следователя, прокурора и суда, осуществляя доказывание, принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к получению доказательств, подтверждающих как виновность, так и невиновность в совершении инкриминируемого преступления, которые должны ими устанавливаться и исследоваться (п. 4)[1]. Конституционный Суд РФ, используя терминологию «установление действительных обстоятельств дела судом», «правосудие по своей сути может признаваться таковым, только если оно отвечает общеправовым требованиям равенства и справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»[2], указывает на то, что миссия суда заключается в обеспечении эффективного восстановления в правах посредством установления действительных обстоятельств дела. Л.В. Головко отмечает, что всесторонность, полнота и объективность указывают на дух принципа материальной истины и обязывают государственные органы не состязаться с обвиняемым, а активно защищать его материально-правовые и процессуальные интересы, что не вступает в противоречие с активной ролью самого обвиняемого по установлению истины, а наоборот, становится институциональным идеалом[3].

Анализ норм уголовно-процессуального закона, предусматривающих возможность активной роли суда в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде первой инстанции, показал, что они вступают в противоречие с правовой позицией Конституционного Суда РФ, который неоднократно

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова») // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442.

[3] Головко Л.В. Указ. соч. С. 334, 336.

формулировал правовую позицию, касающуюся полномочий суда по собиранию и исследованию доказательств в рамках судебного следствия, основанную на принципах состязательности, равенства прав сторон и обязанности суда обеспечить всестороннее и объективное рассмотрение дела. Так, в соответствии с УПК РФ суд первой инстанции в состязательном процессе не собирает доказательства самостоятельно в традиционном смысле, но реализует свои полномочия по формированию доказательственной базы строго в рамках и по правилам судебного следствия. Ключевые механизмы и процессуальные основания определены следующими положениями закона: 1) истребование и приобщение доказательств по ходатайству сторон (ст. 86, ст. 271, ст. 286 УПК РФ) – суд не собирает доказательства по собственной инициативе, но обязан рассмотреть и удовлетворить ходатайство стороны (обвинения или защиты) об истребовании дополнительных доказательств (документов, предметов, вызове свидетеля), если оно имеет значение для дела (ст. 271); 2) назначение судебной экспертизы (ст. 283 УПК РФ) – суд вправе как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе назначить судебную экспертизу, если возникают вопросы, требующие специальных познаний. Это прямое активное действие суда, восполняющее недостающие доказательства; 3) проведение судебных действий в порядке ст. 284–290 УПК РФ – для непосредственного исследования обстоятельств дела суд (коллегия или судья) вправе и, при наличии ходатайства, обязан провести ряд процессуальных действий, результатом которых становятся доказательства, к которым относятся: осмотр местности, помещения, вещественных доказательств (ст. 287, 288, 289 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ), освидетельствование (ст. 290 УПК РФ).

Однако в законе заложено важное ограничение (ст. 274, 275 УПК РФ): суд исследует только те доказательства, которые представлены сторонами или истребованы по их ходатайству. Он не вправе по собственной инициативе восполнять пробелы предварительного расследования, его роль – создание условий для реализации сторонами их процессуальных прав и обязанностей, а также непосредствен-

ное восприятие и проверка доказательств в ходе судебных действий. Таким образом, основным способом «собирания» доказательств судом выступает удовлетворение ходатайств сторон и истребование доказательств, которые стороны объективно не могут получить самостоятельно, а также проведение судебных действий (осмотр, экспертиза и т. д.) для непосредственного их исследования.

Однако ключевые положения позиции Конституционного Суда РФ указывают на иное понимание роли суда в ходе судебного следствия. Так, Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П[1], явившееся одним из основополагающих решений по данному вопросу, содержит указание на то, что принцип состязательности не превращает суд в пассивного наблюдателя. Суд обязан принимать предусмотренные законом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Для устранения сомнений в правильности позиции сторон, имеющих значение для дела, суд вправе по собственной инициативе (или по ходатайству стороны) истребовать дополнительные доказательства и исследовать их (п. 3.1 мотивировочной части). Это подтверждает право суда на активные действия по наполнению совокупности доказательств в целях установления истины. В Постановлении от 16 июля 2015 г. № 22-П Конституционный Суд РФ подчеркнул, что суд первой инстанции является органом правосудия, а не стороной в споре. В связи с этим в целях правильного разрешения уголовного дела и вынесения законного и обоснованного приговора суд не только должен обеспечить сторонам возможность реализовать их процессуальные права, но и сам может проявлять разумную процессуальную активность. Эта активность направлена на восполнение пробелов в исследовании доказательств и устранение неясностей. Конституционный Суд РФ конкретизировал, что принцип состязательности не исключает, а предполагает судейское руководство процессом и принятие судом мер, направленных на установление фактических обстоятельств,

[1] Постановление Конституционного Суд РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

имеющих значение для дела. Суд вправе (и иногда обязан) задавать вопросы, предлагать сторонам представить дополнительные доказательства, а также истребовать их в случаях, предусмотренных законом (например, когда доказательства недоступны для сторон, но необходимы для справедливого разбирательства). Однако эти действия не должны подменять деятельность стороны обвинения по доказыванию виновности. Таким образом, Конституционный Суд РФ признает за судом право и обязанность на активные действия по формированию доказательственной базы (включая истребование и исследование доказательств), но строго в рамках его нейтральной и руководящей роли в состязательном процессе, исключающей подмену функций сторон.

Обобщая правовую позицию Конституционного Суда РФ, можно сделать вывод о том, что суд не является пассивным арбитром, наоборот, должен проявлять разумную процессуальную активность для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. Целью этой активности является установление объективной истины, обеспечение законности и обоснованности приговора, а не помощь одной из сторон. Пределы активности суда безусловно существуют, поскольку императив состязательности ограничивает суд в перекладывании на себя функции обвинения или защиты.

Представляется, что активность суда носит компенсационный характер в случаях недобросовестности или бездеятельности сторон, если установление действительных (истинных) обстоятельств уголовного дела прямо зависит от активной роли суда. Ключевым критерием активности суда, направленной на устранение неясностей и сомнений, имеющих существенное значение для дела, должна выступать соразмерность его инициативы справедливости решения.

В зарубежном законодательстве предусматривается активность суда, обеспеченная его дискреционными полномочиями. Так, например, в Германии, достаточно широкие дискреционные полномочия председательствующего по ведению судебного разбирательства обязывают его принять решение установив материальную истину, исследовав для этой цели все доступные доказательства, способные

иметь значение для принятия решения (§ 244 УПК ФРГ)[1]. УПК Республики Беларусь не содержит прямого упоминания об установлении истины, однако обязывает суд выносить решение о виновности либо невиновности подсудимого лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному, объективному исследованию и оценке (ч. 2 ст. 18).

В качестве методологического основания для определения оптимальной меры процессуальной активности суда в интегративной модели выступает его дискреционная функция. Эта функция, вытекающая из природы правосудия и подтвержденная позицией Конституционного Суда РФ, представляет собой устойчивый правовой критерий, позволяющий суду осознанно и ответственно использовать свои полномочия для установления действительных обстоятельств дела. Ее содержание диалектично: она одновременно ограничивает суд от злоупотребления правом, требуя объективности, и наделяет его достаточными инструментами для достижения конечной цели – вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого судебного решения.

Дискреционная функция суда является ключевым механизмом разрешения ценностных конфликтов, выявляемых стратифицированным подходом. На техническом уровне она проявляется в выборе конкретных процессуальных действий (истребование доказательств, возврат уголовного дела прокурору). На аксиологическом уровне эта дискреция служит гарантией реализации иерархически высшей ценности – законного и справедливого решения. Таким образом, необходимая и достаточная активность суда – это не произвол, а ценностно-обусловленное усмотрение, направленное на обеспечение примата субстантивной справедливости над формальной состязательностью в случаях их системного противоречия.

В дореволюционной доктрине, содержащейся в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., стремление к истине обосновывалось тем, что судьи призва-

---

[1] Головненков П. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. Головненков, Н. Спицина. Universitätsverlag Potsdam, 2012. С. 69.

ны устанавливать наиболее совершенные пути к отысканию истины, так как в основании судебной деятельности лежит стремление к истине настолько, насколько вообще человек может этого достигнуть (Д.Г. Тальберг, 1889); обязанность суда состоит в стремлении его к истине материальной, безусловной (И.Я. Фойницкий, 1912); судья должен стремиться к обнаружению истины путем оценки доказательств, не ограничиваясь мнением сторон, чтобы постановленное им решение воспринималось в общественном сознании как согласованное с истиной (В.К. Случевский, 1910)[1].

В начале судебной реформы 1991 г. И.Л. Петрухин писал, что, несмотря на видоизменение цели правосудия по мере формирования правового государства, если при всех усилиях суда истина остается неустановленной, он должен стремиться к ее установлению[2]. Для состязательного процесса, подчеркивает А.В. Смирнов, судейская активность в сочетании с дискреционными полномочиями сторон придаст уголовному судопроизводству мощный импульс, сообщив ему новое качество[3].

В научной литературе точки зрения о роли суда при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора сводятся к следующему: судья должен отталкиваться от категории истинности, поскольку состязательность заключается в споре, в ходе которого она достигается[4], при этом именно суд создает благоприятные условия для ее установления и принимает справедливое решение[5]; формируя доказательства, подтверждающие объективность проверяемой информации[6]; суд должен проявлять активность в познании и установлении истины как основы пра-

---

[1] Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие / авт.-сост. проф. Э.Ф. Куцова. 2-е изд. М., 2022. С. 131–138.
[2] Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М.: Наука, 1991. С. 87–91.
[3] Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. С. 224, 243.
[4] Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК 1997 г. // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 10.
[5] Камардина А.А. Роль суда в обеспечении состязательности и равноправия сторон при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 5 (49). С. 250.
[6] Снегирев Е.А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 9–10.

восудия[1], нести ответственность за ее установление[2] и, не подыгрывая ни одной из сторон, совершать проверочные действия, заключающиеся в оценке относимости, допустимости и достоверности доказательств, на которые ссылаются стороны. Научная полемика об установлении «объективной», «юридической» или «судебной» истины получает четкое разрешение в рамках ценностно-стратифицированного подхода. Технический уровень работы суда связан с установлением доказательственной достоверности (юридической истины). Аксиологический же уровень его миссии заключается в стремлении к материальной истине как к высшей ценности, обеспечивающей легитимность правосудия и восстановление нарушенных прав. Отказ от этой аксиологической установки в пользу чистой состязательности ведет к подмене ценности справедливости ценностью процедурной игры, что неприемлемо для континентальной (в том числе российской) правовой традиции.

Таким образом, в рамках интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции дискреционная функция суда (законное право на усмотрение и выбор решения в установленных правовых рамках), являясь гибким инструментом правового регулирования, выступает не только правом судьи, но и механизмом реализации его обязанности по установлению объективной истины.

Эта функция, осуществляемая через необходимую и достаточную процессуальную активность, усиливается в ситуациях системного дисбаланса – при выявленных существенных нарушениях предварительного расследования, которые не устраняются стороной обвинения или в условиях фактической пассивности защиты. Тем самым дискреция трансформируется из абстрактного права выбора в гарантийный инструмент интегративной модели, обеспечивающий достижение ее

---

[1] Комарова Н.А. Принцип состязательности и равноправия сторон должен быть эффективным средством установления объективной истины в судебном разбирательстве / Н.А. Комарова, В.З. Лукашевич // Правоведение. 2001. № 4. С. 156–162.

[2] Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1986. № 9. С. 62–66; Кореневский Ю. Нужна ли суду истина? // Российская юстиция. 1994. № 5. С. 20–22.

конечной цели – вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого судебного акта.

Методологической основой для установления критериев процессуальной активности суда является анализ конкретных проблем, возникающих при устранении препятствий к разрешению дела в условиях заданных процессуальных границ, что позволяет операционализировать его дискреционную функцию в рамках интегративной модели.

Анализ судебной практики показал, что одной из существенных проблем является *восполнение пробелов*, связанных с доказыванием обстоятельств уголовного дела. Следуя логике тех исследователей, которые предлагают рассматривать состязательность в виде конфронтации сторон, пытающихся убедить в своей правоте суд[1], которому отводится роль беспристрастного арбитра, наблюдающего за соблюдением правил спора[2], суд представляется в виде наблюдателя, который обязан вынести оправдательный приговор, невзирая на наличие доказательств виновности подсудимого, которые не были в достаточной степени обоснованы (аргументированы) стороной обвинения в поединке. Идеи эти заимствованы в американском уголовном процессе, где работа судьи в судопроизводстве сравнивается с работой рефери в футбольном матче, функции которого заключаются в том, чтобы привести «в действие правила честного соревнования команд, и конечно же, самому не бить по мячу»[3]. Однако, как верно замечено Т.К. Рябининой, ни судьи, ни прокуроры, ни следователи не были готовы к таким кардинальным изменениям, сопровождающимся судебной реформой, что обусловлено, в том числе, неспо-

---

[1] Брянская Е.В. Исследование доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3(66). С. 86.

[2] Брянская Е.В. Активность сторон при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2(65). С. 74.

[3] Mirjan R. Damaska. Evidance Law Adrift. Yale Universiti Press, 1997. // Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. С. 172.

собностью судей проявить свою власть, разорвав нить, десятилетиями связывавшую суды с органами исполнительной власти[1].

В дореволюционной и советской уголовно-процессуальной доктрине существовали механизмы устранения пробелов в виде права суда на истребование дополнительных сведений по уголовному делу[2]; обязанности по собственной инициативе выяснять обстоятельства, упущенные обвинителем, и восполнять представленные им доказательства[3].

После смены парадигмы уголовного судопроизводства в ходе судебной реформы 1991 г. предпринималась не увенчавшаяся успехом попытка вернуть институт установления объективной истины по уголовному делу, главной идеей которой были положения, обязывающие следователя, прокурора, суд в процессе доказывания по уголовному делу выяснять обстоятельства преступления такими, какими они были в действительности, то есть принимать меры к установлению объективной истины. Так, в феврале 2014 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»[4].

Следует заметить, что, например, в УПК Армении принцип состязательности предусматривает инициативу суда принимать необходимые меры к установлению истины по уголовному делу, сохраняя объективность, беспристрастность и создавая сторонам необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела (ст. 15 УПК Армении)[5].

---

[1] Рябинина Т.К. Институт возвращения уголовного дела прокурору: правовой и нравственный аспекты // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 67.

[2] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1. / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. С. 65.

[3] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 221.

[4] Бастрыкин А.И. Вернуть в уголовный процесс институт истины // Российская газета. 2012. № 5731. С. 15.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Армении. [Электронный ресурс]. URL: https:// www. arlis. am/hy/acts/82645 (дата обращения: 08.11.2024).

Современный взгляд ученых на проблему устранения препятствий для рассмотрения и разрешения уголовного дела судом первой инстанции состоит в следующих рекомендациях: наделение суда правом требования от сторон представления дополнительных материалов в случае невозможности полно исследовать обстоятельства уголовного дела для постановления приговора (Л.А. Воскобитова)[1]; предоставление суду возможности воздействовать на стороны с целью побуждения их к восполнению недостающих доказательств (М.К. Свиридов)[2] путем направления сторонам уведомления о представлении дополнительных сведений в подтверждение либо опровержение каких-либо обстоятельств, подлежащих доказыванию, после исследования всех представленных доказательств, во избежание риска вовлечения суда в процесс собирания сведений в интересах какой-либо стороны (С.Ю. Пашков)[3]. В.А. Лазарева, например, не усматривает нарушения принципа состязательности в собирании судом доказательств, рассматривая это как проявление судебного контроля за полнотой представленных обвинением доказательств и обоснованностью предъявленного обвинения[4]. Т.К. Рябинина подчеркивает возможность устранения нарушений судом самостоятельно, а при отсутствии такой возможности, возвращения уголовного дела прокурору[5]. Однако, по мнению Н.П. Кирилловой, суд вправе истребовать и исследовать доказательства лишь для проверки и оценки по своему внутреннему убеждению уже имеющихся в деле доказательств, не создавая дополнительной доказательственной базы со стороны

---

[1] Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. С. 48.

[2] Свиридов М.К. Установление истины и активность суда в состязательном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства. Томск: ТГУ, 2004. С. 186.

[3] Пашков С.Ю. Роль председательствующего в обеспечении всесторонности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 38–39.

[4] Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара: Издательство Самарского университета, 1999. С. 23.

[5] Рябинина Т.К. Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 522.

обвинения в случае его слабости, пассивности[1], при этом самостоятельно суд вправе устранить нарушения с целью восстановления нарушенных прав участников производства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу[2]. С.Б. Россинский подчеркивает, что прерогативой суда является познание, а доказыванием должны заниматься стороны[3].

Позицию об активной роли суда первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу разделяет Конституционный Суд РФ. Так, в определении от 23.01.2001 г. № 21-О[4] отмечено, что осуществление судом правосудия не исключает наличия у него права, в рамках предъявленного подсудимому обвинения, истребовать и исследовать доказательства, необходимые для проверки приводимых сторонами в обоснование своих позиций доводов, а принятие судом решения об истребовании новых доказательств не препятствует участникам судебного разбирательства, в том числе подсудимому, использовать любые предусмотренные законом средства защиты своих интересов в суде на началах состязательности и равноправия сторон, включая возражение против исследования этих доказательств в судебном заседании и оспаривание допустимости и достоверности уже исследованных доказательств.

Аналогичное мнение высказано Конституционным Судом РФ в определении от 06.03.2003 г. № 104-О[5]: в ходе судебного следствия устанавливаются не

---

[1] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2008. С. 9.

[2] Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Том 12. № 1. С. 119.

[3] Россинский С.Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 82.

[4] Определение Конституционного суда РФ от 23.01.2001 г. № 21-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина Константина Андреевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.06.2023).

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 г. № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского Ленинградской области о проверке консти-

только обстоятельства, подтверждающие доказанность обвинения, но и обстоятельства, смягчающие вину подсудимого или оправдывающие его, а равно и иные обстоятельства, необходимые для справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела по существу. Следовательно, собирание доказательств не только является прерогативой сторон, но и входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством для производства судебного следствия.

Институт возвращения уголовного дела прокурору, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ[1], выступает в интегративной модели ключевым и системным проявлением необходимой и достаточной активности суда. Этот механизм, активируемый в условиях невозможности самостоятельного устранения препятствий в рамках установленных пределов, представляет собой практическую реализацию дискреционной функции суда, направленную на обеспечение его конституционной обязанности – вынесения законного, обоснованного и справедливого итогового решения.

Основания возвращения уголовного дела прокурору, указанные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в обобщенном виде сводятся к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, затрагивающим принципы уголовного процесса и принципы правосудия[2]. Критический анализ отдельных позиций Верховного Суда РФ, ограничивающих инструментарий суда при возврате уголовного дела прокурору, выявляет внутреннюю коллизию в процессуальном регулировании. Жесткий формализм, исключающий судебную экспертизу и указание на возможную квалификацию, противоречит принципу разумного срока су-

---

туционности части первой статьи 86 УПК РФ». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.06.2023).

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 39 «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

[2] п.п. 1–7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 39 «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

допроизводства и сущности дискреционной функции суда как активного гаранта справедливости. В рамках интегративной модели необходим переход к инструментальной детализации данной функции, позволяющей суду, сохраняя объективность, инициировать экспертизу и формулировать правовую позицию для эффективного устранения неустранимых препятствий, тем самым реализуя свою активность как необходимое и достаточное условие правосудного разрешения уголовного дела. Диссонирует с принципом разумного срока судопроизводства также основание возвращения уголовного дела прокурору для ознакомления с недостающими материалами уголовного дела, которые были представлены в суд по инициативе суда. Представляется, что суду следовало бы разрешить своим решением обязывать прокурора ознакомить обвиняемого с недостающими материалами в перерыве судебного заседания в установленный, по согласованию с прокурором, судом срок не более 3 суток, не возвращая уголовное дело прокурору, что явно будет способствовать затягиванию его рассмотрения. Данная судебная инициатива является реальным механизмом ускорения правосудия.

Институт возвращения уголовного дела прокурору представляет собой практический инструмент разрешения ценностного конфликта. Формальный запрет суду указывать на переквалификацию (технический уровень) входит в противоречие с аксиологической обязанностью суда обеспечить вынесение законного и справедливого приговора. Расширение дискреции суда за счет права давать мотивированные рекомендации – это не нарушение состязательности, а восстановление ценностной иерархии, где гарантия правосудия по существу стоит выше формального разделения функций.

Обобщая случаи, не требующие возвращения уголовного дела прокурору, Верховный Суд РФ отмечает, что нарушения могут быть устранены в судебном заседании, когда это не влечет за собой изменения обвинения на более тяжкое ли-

бо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту[1].

Резюмируя проведенный анализ, можно сказать, что дискреционная функция суда представляет собой ядро его процессуальной активности в интегративной модели. Эта многогранная функция, проявляющаяся в истребовании доказательств и устранении существенных нарушений, служит основным инструментом для компенсации дисбаланса сторон и достижения объективной истины, обеспечивая гибкое и ценностно-ориентированное применение закона в рамках установленных границ судебного производства.

Проведенное обобщение судебной практики позволило дифференцировать процессуальные препятствия на две категории, что является эмпирической основой для критериев процессуальной активности суда в интегративной модели. Устранение нарушений первой группы (устранимых судом) реализуется через доказательственную активность и руководящую роль суда, что составляет содержание его необходимой и достаточной активности в рамках дискреционной функции. Препятствия второй группы, требующие возврата дела прокурору, выявляют системный дисбаланс, когда инициатива суда ограничена формальным запретом на формулирование правовой позиции, что парадоксально снижает эффективность этого инструмента и противоречит цели быстрого и качественного устранения нарушений. Выходом является расширение дискреции суда за счет права давать мотивированные рекомендации по квалификации и срокам, что оптимизирует процедуру возврата, не нарушая принципа состязательности, а напротив, усиливая гарантийную функцию суда в интегративной модели.

Прозрачно и четко право суда самостоятельно принимать решения об устранении нарушений при невозможности рассмотрения уголовного дела судом, сформулировано в УПК Армении. Суд вправе возвратить уголовное дело обвини-

---

[1] п.п. 8–12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 39 «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

телю в случае несоответствия обвинительного заключения требованиям закона (ч. 1 ст. 296 УПК Армении) или возвратить уголовное дело для дополнительного предварительного следствия, когда существенные нарушения невозможно устранить в ходе судебного разбирательства (ст. 297 УПК Армении). Вопрос с переквалификацией на более тяжкое обвинение или отличающееся от первоначального по фактическим основаниям решен с помощью права обвинителя ходатайствовать о возвращении уголовного дела для дополнительного предварительного следствия (ст. 311 УПК Армении). В Республике Беларусь предусмотрена возможность составления прокурором нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого в течение 10-дневного перерыва в судебном разбирательстве, объявленного судом. При этом прокурор вправе провести допросы необходимых участников, а судья вручает новое постановление обвиняемому и защитнику, предоставляя им право подготовиться к защите (ч. 2 ст. 301 УПК Республики Беларусь). Исключая таким образом волокиту в производстве по уголовному делу, государство стремится сократить его сроки несмотря на то, что принцип разумного срока судопроизводства в Республике Беларусь отсутствует.

Уголовно-процессуальный закон РФ не допускает переквалификации на более тяжкое преступление в ходе судебного заседания, требуя возвращения уголовного дела прокурору (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в Постановлении от 02.07.2013 № 16-П[1] свидетельствует о том, что положения ст. 237 УПК не соответствуют Конституции РФ в той мере, в какой они препятствуют суду самостоятельно выбрать подлежащие применению нормы уголовного закона, если фактические обстоятельства свидетельствуют о более тяжком преступлении. Представляется, что принцип независимости суда и самостоятельности судебной власти, установленные в ст. 120 Конституции РФ, ст. 8.1 УПК РФ предполагает, что именно суд осуществляет право-

[1] Постановление Конституционного Суд РФ от 02.07.2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СЗ Ф. 2013. № 28. Ст. 3881.

судие и применяет закон. Поэтому искусственное ограничение права суда на правильную квалификацию деяния фактически понуждает суд выносить заведомо незаконный приговор с неправильной квалификацией либо возвращать уголовное дело прокурору, затягивая производство и нарушая принцип разумного срока судопроизводства. Независимая оценка доказательств судом является не дискреционной, а обязательной в силу принципа публичности и возложенной на него государством функции защиты прав личности. Различая по смыслу «неустранимые» и «неустраненные» препятствия для рассмотрения уголовного дела по существу, следует заметить, что при соблюдении ряда условий, а именно: новое обвинение не выходит за пределы фактических обстоятельств, установленных в суде посредством активной позиции суда по установлению доказательственных дефицитов; стороне защиты предоставлено время для подготовки в связи с новыми установленными в ходе судебного исследования доказательствами; дело рассматривается не в особом порядке, суд вправе изменять квалификацию на более тяжкую без возврата дела прокурору, поскольку он выполняет свою функцию по установлению истины и реализует назначение уголовного процесса.

В рамках интегративной модели необходимая и достаточная активность суда операционализируется через три законодательно закрепленных критерия-полномочия: 1) самостоятельное устранение препятствий, не затрагивающих квалификацию, 2) самостоятельное устранение препятствий затрагивающий переквалификацию деяния при соблюдении условий: новое обвинение не выходит за пределы фактических обстоятельств, установленных в суде и стороне защиты предоставлено время для подготовки; 3) возврат дела прокурору с мотивированными рекомендациями по переквалификации, способам исправления нарушений и четкому сроку. Критерий, предполагающий активное формулирование судом правовой позиции, трансформирует возврат из формального акта в инструмент целевого процессуального управления, что составляет основу оптимизированной дискреционной функции в современном судопроизводстве, сконцентрированном на

установлении объективной истины, лежащей в основе законного и справедливого судебного решения.

Таким образом, интегративная модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции получает свою завершенность и внутреннюю согласованность благодаря компенсаторной функции суда, воспринимаемой не как отступление от состязательности, а как ее высшее проявление, направленное на реализацию системообразующей ценности – справедливого правосудия. Определение «необходимой и достаточной» меры процессуальной активности суда возможно лишь через постоянное взвешивание и соподчинение ценностей: правовой определенности, состязательности, эффективности и, как конечной цели, – справедливости судебного решения.

Выводы по параграфу

В рамках интегративной модели границы судебного производства определяются как нормативно заданные пределы профессионально-усмотрительной деятельности суда, выполняющей компенсаторную функцию по устранению доказательственных дефицитов. Данная функция не отменяет состязательности и нейтралитета суда как арбитра, а напротив, является гарантией их подлинной реализации. Закономерная и легитимная активность суда, направленная на установление действительных обстоятельств уголовного дела, преодолевает пассивность сторон, обладает критерием соразмерности конституционной цели правосудия – вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения.

3.5 Организационно-правовые условия функциональной дифференциации участников

Функциональная дифференциация участников производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу выступает системным условием и основой процессуального баланса формообразующих принципов в интегративной модели. Четкое законодательное закрепление персонифицированных прав и обя-

занностей, соответствующих специфической цели участия каждого субъекта производства, преобразует социальный конфликт в легитимное процессуальное состязание. В этой системе суд выполняет роль не только арбитра, но и институционального гаранта соблюдения правил производства, обеспечивая тем самым трансформацию уголовно-правового спора в упорядоченную процедуру установления объективной истины и вынесения законного решения. Функциональная дифференциация участников в интегративной модели, осмысленная через призму ценностно-стратифицированного подхода, позволяет разделить формально-ролевой уровень (предписанные законом субъективные права и юридические обязанности) и аксиологический уровень (ценностные цели и ориентиры, которые должны реализовываться через эти роли). Дисбаланс в уголовно-процессуальных функциях возникает при рассогласовании этих уровней.

В интегративной модели судейское усмотрение выступает практическим механизмом реализации конституционной независимости суда, обеспечивая материализацию общеправовых ценностей в процессе принятия решения через целенаправленную юридическую рефракцию норм права к обстоятельствам конкретного уголовного дела. Анализ полномочий суда первой инстанции в нормах УПК РФ показал, что усмотрение суда применяется лишь в 1 % случаев. Остальные полномочия суд реализует в 9 % случаев по инициативе сторон, в 6 % – по инициативе сторон или по собственной инициативе, оставшиеся 84 % – безотносительно чьей-либо инициативы, в силу требований закона[1].

Подход ставить возникновение и развитие ответственности в зависимость от усмотрения соответствующего государственного органа, подвергается критике. Исследователи полагают, что гарантией объективного применения права служит законодательная регламентация деятельности государственного органа[2]; так как каждый судья действует в соответствии с собственным пониманием того, что

[1] Приложение №3.
[2] Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2008. С. 89.

справедливо, а представления эти могут значительно различаться[1], нет никаких сомнений в том, что суд должен судить по закону или обычаю, а не по своему усмотрению, но этим отнюдь не исключается *творческое* (выделено автором) значение судебной практики[2].

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что, применяя общее правовое предписание (норму права) к конкретным обстоятельствам дела, судья дает собственное толкование нормы, принимает решение в пределах предоставленной ему законом *свободы усмотрения* (иногда весьма значительной) и зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него)[3].

Предпосылкой формирования внутреннего убеждения считается правосознание, определяемое как форма или область сознания, отражающая правовую действительность в виде правовых установок и ценностных ориентиров, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях[4]. Ценностный подход просматривается, например, в Японии, где, выступая нейтральным арбитром, суд по своему усмотрению вправе откладывать рассмотрение уголовного дела на неопределенный срок для покаяния и осознания подсудимым своей вины и возможности исправиться, добившись прощения потерпевшего (п. 1 ст. 320 УПК Японии)[5]. В Индии суд по своему усмотрению вправе дополнить или изменить

---

[1] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер с англ.; общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 77.

[2] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 359.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

[4] Гранат Н.Л. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. М.: Норма, 1998. С. 179.

[5] Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 116, 134.

выдвинутое обвинение или выдвинуть новое, которое должно быть зачитано обвиняемому (п. 227 гл. XVIII ч. VI УПК Индии)[1].

Эволюция правоприменения в рамках интегративной модели требует признания распределенной природы профессионального усмотрения, которое, будучи имманентным свойством не только суда, но и сторон обвинения и защиты, становится структурным элементом процессуального диалога, обеспечивающим адаптацию судопроизводства к новым социальным запросам и заполнение правовых лакун в обновленных условиях.

Обращаясь к семантике понятия «усмотрение», отметим, что оно толкуется через термины «решение», «заключение», «мнение»[2]. Синонимами слова «усмотрение» являются слова «суждение», «рассудительность»[3]. В контексте интегративной модели судопроизводства необходимо проводить строгое разграничение между обыденным (психологическим) пониманием усмотрения как свободного выбора по внутреннему убеждению и профессиональным (процессуальным) усмотрением. Последнее представляет собой не произвольный, а структурированный правовой институт – метод принятия решений в рамках дискреционной функции, детерминированный законом, доказательствами, правовыми принципами и ценностями, что исключает произвол и формирует основу для процессуальной активности суда и сторон в установленных границах.

Казуистичность права сужает формальные пределы усмотрения, но институты аналогии расширяют его содержательно, обеспечивая гибкость интегративной модели при восполнении пробелов на основе принципов права и сходного регулирования.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Индии (Закон Индии № XLV, 1860 г.); в ред. закона № 16/2016 от 20.01.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wipolex.wipo.int/ru/text/578917 (дата обращения: 12.11.2022).

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. С. 828.

[3] Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. С. 457.

Переход к абстрактным правовым нормам в интегративной модели судопроизводства расширяет дискреционное пространство профессиональных участников, делегируя им право на обоснованный выбор. Это требует высокого уровня правосознания для корректного применения общих предписаний к конкретным правоотношениям, что трансформирует усмотрение в инструмент реализации принципа справедливости и индивидуализации правосудия.

Законодательное определение судейского (единоличного) или судебного (коллективного) усмотрения отсутствует. Усмотрение государственного обвинителя и адвоката также законом не закреплено, а в научной литературе их толкование встречается крайне редко.

Под судебным (судейским) усмотрением в публикациях ученых понимается право более свободного истолкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и веления судейской совести[1]; в виде свободы анализа и выбора единственно возможного варианта решения[2]. На пределы полномочий суда обращает внимание К.П. Ермакова, определяя судейское усмотрение как относительно свободный выбор возможных правовых решений, ограниченных правом[3]. В.М. Бозров, сравнивая судейское усмотрение со справедливостью, заметил, что оно является следствием реализации воли судьи, данной ему властью принимать решения по правовым вопросам, в пределах которых он обязан (а не вправе) выбирать одно-единственное верное по отношению к конкретному делу решение[4].

Обобщение понятий позволяет утверждать, что внутреннее убеждение обуславливается профессиональными знаниями предмета и психологическими особенности человека, являясь понятием многофакторным. На его системность ука-

---

[1] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 90.
[2] Гук П.А. Независимость и судейское усмотрение // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 46.
[3] Ермакова К.П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 50.
[4] Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральской государственной юридической академии», 2012. С. 61.

зывает А.В. Кудрявцева, отмечая такие элементы, как индивидуальные знания субъекта; процесс познания информации; осознание субъектом оценки степени своей независимости; эмоциональное состояние субъекта; его волевой стимул; внешняя обоснованность и аргументированность принятого решения[1].

Полагаем, что одним из факторов, оказывающих влияние на внутреннее убеждение, является интуиция как одна из форм познания. Без сомнения, остроумные догадки, не проверенные и, не подтвержденные реальными фактами, сведениями, останутся игрой ума[2], и интуиция при оценке достоверности фактических данных носит вспомогательный характер[3], но строить версии, рассматривать их, оценивать, обосновывать («ломать голову») и вести по пути аргументации интуиция способна. Представляется, что, имея одинаковый смысл, определение усмотрения профессиональных участников производства в суде первой инстанции обладает рядом специфических признаков.

В контексте интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции судейское (судебное) усмотрение определяется как структурированный правовой институт – легитимное профессиональное суждение, основанное на внутреннем убеждении, свободном от внешнего воздействия, но детерминированное законом, доказательствами, правовыми принципами и совестью. Судейское усмотрение в рамках ценностно-стратифицированного подхода предстает как ключевой механизм синтеза технического и аксиологического уровней отправления правосудия. На техническом уровне оно реализуется через выбор конкретных процессуальных действий. На аксиологическом уровне оно детерминировано и ограничено иерархией ценностей: верховенством закона, справедливостью, защитой человеческого достоинства. Таким образом, усмотрение – это не свобода от права, а свобода в праве для

---

[1] Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. С. 200.

[2] Ратинов А.Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации // Вопросы кибернетики и право. М.: Наука, 1967. С. 198.

[3] Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. С. 211.

реализации его высших ценностей в уникальных обстоятельствах дела, что и составляет суть профессионального (а не обыденного) судейского усмотрения. Таким образом, судейское усмотрение – легитимное профессиональное суждение, основанное на внутреннем убеждении, свободном от внешнего воздействия, детерминированное законом, доказательствами, совестью и правовыми принципами, выражающими ценностную стратификацию правосудия.

Будучи формой реализации процессуальной активности суда, судейское усмотрение реализуется посредством дискреционных полномочий суда для преодоления коллизий между формальными пределами судебного разбирательства и материальной обязанностью установить объективную истину, обеспечивая тем самым выполнение уголовно-процессуальной функции рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. Полномочия суда ограничены пределами судейского усмотрения, сущность которых, по мнению ученых, определяется указаниями закона и конкретными условиями[1], границами полномочий[2], ограничением свободы выбора[3], обстоятельствами дела[4], границами компетенции органа[5], справедливостью и целесообразностью[6], конкретными законодательными конструкциями[7], процедурными и материальными ограничениями[8], особым правовым инструментарием[9]. Обращает на себя внимание также то, что сущность пределов су-

---

[1] Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 50.

[2] Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 71–72.

[3] Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. М.: Юридическая литература, 1978. С. 78–79.

[4] Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 41.

[5] Дубовицкий В.Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении / ред. А.Е. Лунев. Минск: Наука и техника, 1984. С. 81.

[6] Антропов В.Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект): автреф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 1995. С. 19–20.

[7] Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Спарк, 2002. С. 52–54.

[8] Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. / вступ. ст. М. В. Баглая. Москва: НОРМА, 1999. С. 31–32.

[9] Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 95.

дейского усмотрения определяется также правовыми юридическими средствами[1], правовыми ограничениями[2], разумностью, добросовестностью, нормами морали[3]. Необходимым элементом интегративной модели является система гарантированных полномочий суда, объем которых должен быть достаточен для реализации его дискреционной функции в целях устранения существенных нарушений предварительного расследования и злоупотребления безынициативностью стороны защиты. Данные полномочия активизируются в условиях процессуального дисбаланса, вызванного бездействием стороны обвинения или пассивностью защиты, и служат правовым инструментом обеспечения судебной активности для восстановления нарушенных прав и достижения объективного разрешения уголовного дела. Деятельность суда первой инстанции в интегративной модели производна от его конституционной функции, а ее эффективность обеспечивается дискреционными полномочиями, позволяющими суду через усмотрение активно устанавливать истину и принимать легитимные решения.

Процессуальный статус государственного обвинителя в интегративной модели характеризуется функциональным дуализмом, сочетающим в едином лице полномочия по надзору за законностью предварительного расследования и функцию уголовного преследования. Функциональный дуализм государственного обвинителя (надзор плюс преследование) порождает не просто ролевой конфликт, но и потенциальный конфликт ценностей, выявляемый стратифицированным анализом. Ценность всеобъемлющей законности (надзор) может вступать в противоречие с ценностью процессуальной эффективности и состязательной победы (преследование). Профессиональное усмотрение прокурора и должно служить инструментом разрешения этого внутреннего ценностного конфликта в пользу иерархически высшей цели – обеспечения законного, обоснованного, мотивиро-

---

[1] Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 183.

[2] Ермакова К.П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 51.

[3] Кажлаев С.А. Судебное усмотрение в деятельности Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 54.

ванного и справедливого приговора, даже если это требует полного или частичного отказа от обвинения.

Эта внутренняя двойственность порождает потенциальный ролевой конфликт, создающий системный вызов для поддержания состязательного баланса, и требует четкой процессуальной дифференциации данных направлений деятельности прокурора в рамках его уголовно-процессуальной функции для обеспечения эффективности и справедливости судебного производства. В научной литературе высказываются мнения, что, участвуя в производстве суда первой инстанции, прокурор осуществляет не только функцию уголовного преследования, но и правозащитную функцию (Н.П. Кириллова, А.А. Черушева)[1]. После утверждения обвинительного заключения прокурор становится стороной (государственным обвинителем) и осуществляет функцию уголовного преследования (обвинения), сохраняя надзорные полномочия лишь в высшем (идеологическом) смысле (Л.В. Головко)[2].

Ученые-процессуалисты дореволюционного периода характеризовали прокурора как блюстителя закона и орган правительства, преследовавшего в общественных интересах лиц, совершивших преступления, для раскрытия истины во имя закона беспристрастно участвующего в предварительном расследовании, обвиняющего в суде, где его права уравновешивались с правами подсудимого[3]. В советский период прокурор был строго отнесен к стороне обвинения[4] и являлся определяющей фигурой во время формирования позиции обвинения при произ-

---

[1] Кириллова Н.П., Черушева А.А. Судебный контроль и проблемы уголовно-процессуального статуса прокурора // Значение прокуратуры в гражданском обществе: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В.А. Шуняевой. Тамбов: ИД «Державинский», 2022. С. 37.

[2] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 285–286.

[3] Дореволюционные юристы о прокуратуре. Сборник статей. / Науч. ред. и сост. С.М. Казанцев. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 105.

[4] Крюков В.Ф. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам: современность и перспективы // Журнал российского права. 2007. № 10. С. 14–15.

водстве в суде первой инстанции[1], а деятельность по поддержанию обвинения являлась одной из форм прокурорского надзора за законностью[2].

Интегративная модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции строится из того, что рассмотрение и разрешение уголовного дела представляет собой организуемую судом целенаправленную деятельность сторон. В этой системе от государственного обвинителя как субъекта доказывания (ч. 5 ст. 246 УПК РФ) закон «ожидает» активных действий по обоснованию обвинительного тезиса. Однако принцип состязательности позволяет государственному обвинителю самостоятельно выбирать тактику поддержания государственного обвинения.

Правоприменительная практика реализации уголовно-процессуальной функции государственным обвинителем выявляет ряд дискуссионных положений, требующих осмысления в контексте обеспечения процессуального баланса принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон.

Во-первых, подлинная состязательность и достижение цели правосудия возможны лишь при условии профессиональной самостоятельности государственного обвинителя. Это предполагает его независимое, основанное на внутреннем убеждении формирование позиции по делу в результате исследования всех доказательств, как обвинительных, так и оправдательных. Ключевым проявлением такой самостоятельности и профессионального усмотрения является право принимать решение о достаточности доказательств для поддержания обвинения или об отказе от него, даже если это решение входит в диссонанс с позицией вышестоящего прокурора. Только таким образом публичная функция обвинения реализуется ответственно и объективно.

---

[1] Ткачева Н.В. Общенаучный аспект понятия «функция» // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сборник статей / [Абрамочкин В.В. и др.]. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 15.

[2] Государственный обвинитель в советском суде / М.М. Гродзинский, А.Н. Васильев, И.Г. Сапожников, Л.Н. Смирнов. М.: Госюриздат, 1954. С. 45; Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1968. С. 21.

Во-вторых, в целях соблюдения принципа разумного срока судопроизводства необходимо законодательно детализировать основания невозможности участия государственного обвинителя в судебном заседании. Безосновательная неявка или частая замена приводят к институциональной нестабильности процесса, его затягиванию и нарушению прав участников. В качестве таких оснований должны рассматриваться исключительные обстоятельства (тяжелая болезнь, обстоятельства непреодолимой силы), а опоздание более чем на 15 минут должно признаваться дисциплинарным проступком, влекущим за собой процессуальные последствия. Это дисциплинирует участников и способствует уважению суда.

В-третьих, действующий запрет на дополнение обвинения в суде (ст. 252 УПК РФ) вступает в противоречие с принципом публичности и нивелирует профессиональные качества обвинителя, лишая его возможности адекватно реагировать на ход судебного исследования. В рамках интегративной модели представляется обоснованным предоставление государственному обвинителю права на дополнение обвинения в суде, но с соблюдением гарантий права на защиту. Это право, наряду с поддержанием или отказом от обвинения, стало бы инструментом обеспечения полноты и объективности судебного исследования, исключая фактор неоправданного затягивания процесса.

Наиболее полно профессиональное усмотрение и мастерство государственного обвинителя реализуются в судебных прениях, где на основе внутреннего убеждения он аргументирует свою позицию.

Таким образом, в интегративной модели профессиональное усмотрение государственного обвинителя, по сути, является публично-обвинительным видом усмотрения и понимается как его законная, обоснованная и независимая позиция, формируемая с максимальной степенью объективности на основе всесторонней оценки доказательств и высокого уровня правосознания. Осуществление уголовного преследования в производстве по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции представляет собой реализацию публично-состязательной функции через систему диспозитивных полномочий, позна-

вательных и коммуникативных приемов, направленных на обоснование сформулированного обвинительного тезиса. Представляется, что под публично-обвинительным усмотрением следует понимать профессиональное усмотрение государственного обвинителя, предполагающее ценностно-обоснованную законную позицию, формируемую с учетом мнения потерпевшего, и объективно допускающую несогласие с вышестоящим руководителем. Таким образом, участие государственного обвинителя в производстве суда первой инстанции предопределено необходимостью реализации уголовно-процессуальной функции обвинения и выражается в осуществлении от имени государства публичного уголовного преследования через поддержание уголовно-правовой претензии, сформулированной в установленном законом порядке. Его процессуальный статус в интегративной модели производства должен обеспечивать баланс между эффективностью уголовного преследования, гарантиями прав личности и обязанностью способствовать установлению объективной истины.

В интегративной модели уголовного судопроизводства баланс частного и публичного интересов обеспечивается через синергию прав потерпевшего и обязанностей государства, основанную на принципе доступности правосудия. Однако эффективная реализация процессуального статуса потерпевшего сопряжена с рядом дискуссионных вопросов, требующих разрешения для достижения подлинного процессуального равенства прав сторон.

Во-первых, несвоевременное или необоснованное признание лица потерпевшим подрывает фундамент судебного исследования. Для обеспечения полноты и объективности принцип незамедлительности должен быть конкретизирован: постановление о признании потерпевшим должно выноситься незамедлительно после установления причинно-следственной связи между событием преступления и любым видом вреда, подтвержденной достаточными доказательствами. Это создает процессуальную определенность и гарантирует реализацию прав с момента их возникновения.

Во-вторых, критического осмысления требует концепция субсидиарного (дополнительного) обвинителя, иногда применяемая к потерпевшему в научной литературе. Данная конструкция является методологически ошибочной, поскольку частный интерес потерпевшего (возмещение вреда и восстановление справедливости) является самостоятельным и первичным, а не дополняющим публичное обвинение. Государственный обвинитель, защищая публичный интерес, обязан обеспечивать потерпевшему доступ к правосудию, информируя его о правах и разъясняя правовую позицию, которая может не совпадать с частным требованием. В свою очередь, потерпевший вправе действовать автономно, в том числе через представителя, и его видение исхода дела может существенно отличаться от позиции обвинения, что является нормальным проявлением диалогичной природы интегративной модели. Ошибочность концепции «субсидиарного обвинителя» становится очевидной в рамках ценностно-стратифицированного подхода. Частный интерес потерпевшего (восстановление справедливости, возмещение вреда) представляет собой самостоятельную и фундаментальную ценность, отличную от публичного интереса в наказании виновного. Их смешение на техническом уровне ведет к подмене ценностей и ущемлению прав потерпевшего. Признание автономии частного интереса требует от суда не пассивного наблюдения за конфликтом прокурора и потерпевшего, а активной ценностно-ориентированной дискреции, направленной на защиту этого интереса даже при отказе прокурора от обвинения. Правовая позиция Конституционного суда РФ однозначно указывает на то, что государство обязано обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми, не запрещенными законом способами, иное означало бы умаление чести и достоинства личности самим государством[1].

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2024 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Ткаченко» // СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

В-третьих, существующий пробел в полномочиях суда при отказе государственного обвинителя от обвинения, с которым не согласен потерпевший, нарушает принцип справедливости и эффективности судебной защиты. Интегративная модель предполагает, что суд должен обладать дискреционным правом по ходатайству потерпевшего и при наличии достаточных оснований продолжить разбирательство для разрешения гражданского иска и установления обстоятельств, связанных с причинением вреда. Это позволит преодолеть ситуацию, когда формальный отказ обвинения оставляет частный интерес без судебной защиты. Мнение о невозможности отстаивать свою точку зрения потерпевшим перед судом, несмотря на значительный объем прав[1], в связи с чем обвинение перестает существовать при отказе государственного обвинителя его поддерживать[2], дискуссионное. Поскольку потерпевший поддерживает обвинение от своего имени и в своих интересах, совместность деятельности прокурора и потерпевшего является институциональной нормой[3]. Например, в Германии потерпевший наряду с прокурором является сообвинителем (§§ 244, 232 УПК ФРГ), в республике Беларусь производство по уголовному делу подлежит прекращению в судебном заседании при отказе государственного обвинителя от обвинения, если от него отказались также потерпевший, гражданский истец или их представители (ч. 1 ст. 303 УПК Республики Беларусь). В научной литературе предлагается обязать суд разрешить уголовное дело на общих основаниях при желании потерпевшего самостоятельно поддерживать обвинение[4] и закрепить за потерпевшим возможность участия в качестве сообвинителя по всем категориям дел[5]. Высказываются также мнения о привлече-

---

[1] Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. С. 97.
[2] Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: материалы научной конференции, 22–23 января 2002 г., Москва: Проспект, 2002. С. 12.
[3] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 359.
[4] Лазарева В.А. Проблемы реализации потерпевшим права на справедливую судебную процедуру при отказе прокурора от обвинения / В.А. Лазарева, В.В. Иванов. Самара: Издательство Самарского университета, 2005. С. 58–59.
[5] Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. С. 87.

нии государственного обвинителя к уголовной ответственности, отождествляя его отказ от обвинения с незаконным освобождением подсудимого от уголовной ответственности[1], предоставляя потерпевшему право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого посредством осуществления субсидиарного обвинения[2], сменив статус на частного обвинителя[3]. Следует согласиться с Н.П. Кирилловой, которая подчеркивает, что государственный обвинитель является процессуально самостоятельной фигурой, и, если обвинение не находит подтверждения в суде, то он не только вправе, но и обязан отказаться от обвинения или изменить его в сторону смягчения[4]. В тоже время, должна быть возможность исправления ошибки, допущенной при отказе от обвинения, в виде права на обжалование постановления суда о прекращении уголовного дела[5]. Право на обжалование действий прокурора, отказавшегося от обвинения, потерпевшим (п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) приобретает смысл при условии, что вышестоящий прокурор возьмет на себя ответственность признать отказ государственного обвинителя необоснованным[6]. Разрешение данной проблемы возможно путем наделения суда бóльшей мерой активности, выраженной в судебном усмотрении и учете мнения потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения.

В-четвертых, в рамках интегративной модели защита прав потерпевшего посредством гражданского иска носит комплексный, межотраслевой характер. Критическое различие в бремени доказывания, возлагаемом на потерпевшего в

---

[1] Холоденко В. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 50.
[2] Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. С. 99.
[3] Гриненко А. Потерпевший должен иметь не меньше прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 52; Петрова Н.Е. Наделить потерпевшего правом уголовного преследования // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 55–60.
[4] Кириллова Н.П., Назаров А.Д. Поддержание государственного обвинения в суде как элемент прокурорской власти в Германии и России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3(48). С. 106.
[5] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 123.
[6] Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара: Самарский университет, 2007. С. 74.

гражданском процессе, обуславливает необходимость процессуально-гарантийной активности суда в уголовном деле. Данная активность должна включать в себя обязанность суда не только разъяснить право на предъявление иска и выяснить позицию потерпевшего, но и обеспечить доказательственный синергизм путем фиксации в судебном акте всех установленных по иску обстоятельств и доказательств. Это создает процессуальный мост для их последующего использования в гражданском судопроизводстве, реализуя принцип процессуальной экономии и эффективности судебной защиты.

Таким образом, в интегративной модели потерпевший выступает не как вспомогательная фигура, а как носитель автономного частного интереса, встроенного в систему публичного судопроизводства. Его процессуальный статус требует четкой регламентации моментов возникновения, гарантий самостоятельности и наделения суда корректирующими полномочиями для обеспечения подлинной, а не декларативной, защиты нарушенных прав.

Наличие обвинения порождает право на защиту, обеспечивающее подсудимому право самостоятельно или с помощью защитника возражать против него. Подсудимый – обязательный участник производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу, однако обязательность его участия имеет *допущения* и *исключения,* не противоречащие цели производства.

В научной литературе защита понимается как возможность защищаться от уголовного преследования, а предметом права на защиту выступают законные субъективные интересы и реально нарушенные субъективные права[1]. Поскольку

---

[1] Конин В.В. Процессуальные и тактические аспекты деятельности защитника в состязательном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 96; Кудрявцев В.Л. Процессуальные и криминалистические основы деятельности адвоката-защитника в российском уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 40–48; Кречетова Л.В. Защитник в уголовном процессе. Оренбург: Изд. центр ОГАО, 2000. С. 50–58; Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2008. С.11–12; Арабули Д.Т. Право защитника собирать и представлять доказательства: понятия, способы, проблемы реализации: монография. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 57; Бородинова Т.Г. Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: РГУП, 2010. С. 123–139.

законные интересы человека охраняются государством, выражающим волю общества, закрепляя объекты охраны в УК РФ, защите подлежат только те интересы, которые связаны с правами и свободами, охраняемыми государством. Соответственно, предметом защиты подсудимого являются его права, свободы, законные интересы, закрепленные в законе.

Функция защиты в интегративной модели реализуется как диалектическое единство средств (правовой статус) и способов (профессиональные методики), основанное на диспозитивных полномочиях и юридическом усмотрении защитника. Этот институт служит ключевым механизмом поддержания процессуального баланса, трансформируя частный интерес подсудимого в легитимное правовое воздействие на формирование судейского убеждения через целенаправленную критику обвинения и аргументацию в пользу оптимального для защищаемого лица исхода дела. Многоаспектность взаимоотношений между защитником и подсудимым придает их правоотношениям определенные особенности[1].

Наряду с нормами права, адвокат осуществляет свою деятельность, руководствуясь этическими нормами (честно, разумно, добросовестно отстаивает права и законные интересы доверителя)[2]. Ценности общества ложатся в основу смысла *согласованности позиции* защитника с позицией подсудимого. Противоречивые мнения встречаются на этот счет в научных дискуссиях. Так, утверждается, что представительство, осуществляемое защитником, выражается в определенной его самостоятельности по отношению к подсудимому[3], поэтому он вправе разойтись с позицией обвиняемого, если для этого имеются основания[4], поскольку дея-

---

[1] Ткачева Н.В. Природа правоотношений подсудимого и защитника на этапе производства в суде первой инстанции // Вестник Сибирского юридического института МВД РФ. 2024. № 4(57). С. 185.

[2] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 247.

[4] Перлов И.Д. Защита и правосудие / Роль и задачи советской адвокатуры / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Госюриздат, 1972. С. 124–153.

тельность адвоката не может идти вразрез с законом, вводить суд в заблуждение[1]. Однако есть мнения в пользу тождественности (единства) интересов адвоката и его доверителя, поскольку он участвует в уголовном процессе исключительно от его имени и в интересах подсудимого[2], поэтому они должны действовать как единый субъект уголовно-процессуального правоотношения[3].

В русском (российском) менталитете совесть всегда была выше закона, а личная порядочность и обязательность – выше профессиональных знаний, поэтому в глазах общества добиться высокого престижа адвокат может лишь нравственной безупречностью слова и дела[4]. Справедливым на этот счет представляется мнение о том, что границы служения клиенту не беспредельны[5].

В интегративной модели согласование позиции защитника с позицией подсудимого является ключевым диалогическим механизмом, в котором профессиональное усмотрение адвоката, направленное на анализ доказательств и выработку единой линии защиты, получает санкцию доверителя, обеспечивая тем самым легитимность и эффективность реализации уголовно-процессуальной функции защиты. Профессиональное усмотрение защитника в ценностно-стратифицированной модели по своей сути является видом правозащитного усмотрения, предполагающего не просто тактический выбор, а этически и аксиологически обусловленную деятельность. На техническом уровне оно реализуется через выбор средств защиты. На аксиологическом уровне оно ограничено и предопределено двумя ключевыми ценностями: 1) ценностью максимальной защиты прав и законных интересов доверителя (клиентоцентризм) и 2) ценностью служения право-

---

[1] Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие / авт.-сост. проф. Э.Ф. Куцова. 2-е изд. М., 2022. С. 178.

[2] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Бобров В.К., Божьев В.П., Бородин С.В., Демидов В.В., и др.; под общ. ред.: Лебедев В.М.; науч. ред.: Божьев В.П. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 136.

[3] Алиев Н.А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Правоведение. 2005. № 6. С. 113.

[4] Адвокатская деятельность и адвокатура в России. Введение в специальность / под ред. И.Л. Трунова. М.: Эксмо, 2006. С. 402.

[5] Зинатуллин Т.З. Этика адвоката-защитника. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. С. 14.

судию и закону (профессиональная этика). Разрешение потенциальных конфликтов между этими ценностями (например, при просьбе клиента о недобросовестной защите) и составляет главный вызов для усмотрения адвоката, требующий высшего профессионального и этического суждения. Таким образом, под профессиональным усмотрением защитника следует понимать ценностно-обоснованный, согласованный с подсудимым выбор защитной позиции, основанной на законе и допускающей диссонанс с другими защитниками по уголовному делу. Выбор защитной позиции реализуется посредством процессуального статуса защитника в суде первой инстанции, обладающего существенными особенностями, определяющими его роль в интегративной модели.

Во-первых, признание за защитником права собирать доказательства (с введением УПК РФ 2001 г.) является принципиальным шагом к реальной состязательности. Однако правоприменительная практика, требующая судебной процедуры приобщения таких сведений, и доктринальная идея «свободных доказательств» указывают на неурегулированный статус доказательственной инициативы защиты, что требует законодательного закрепления автономности и процедуры включения этих материалов в основу судебного решения.

Во-вторых, отсутствие четких законодательных оснований для замены защитника и мер ответственности за его неявку или опоздание подрывает принцип разумного срока судопроизводства и стабильность производства. Закрепление исчерпывающих оснований замены (воля подсудимого, обстоятельства непреодолимой силы) и введение процессуальных санкций за нарушение распорядка являются необходимыми элементами процессуальной дисциплины и гарантией эффективности защиты.

В-третьих, профессиональное усмотрение защитника представляет собой легитимный дискреционный механизм, основанный на его правозащитной уголовно-процессуальной функции. Оно определяется как согласованная с подсудимым, стратегически выверенная и процессуально активная позиция, формируемая на основе максимального использования дозволенных законом средств и способов

защиты. Данное усмотрение детерминировано высоким уровнем профессионализма, правосознания и этической ответственности адвоката и является автономным, что может закономерно порождать его диссонанс с позициями других защитников по тому же уголовному делу, выступая тем самым как гарантия индивидуализированной и эффективной защиты.

В контексте интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции процессуальные статусы (роли) ключевых участников определяются через совокупность их прав, обязанностей и ответственности, не исключающей дискреционное начало. Условиями реализации этих статусов являются: 1) дискреционная уголовно-процессуальная функция суда – структурированное законом право на профессиональное суждение и активные действия для установления истины и преодоления процессуальных дефицитов в рамках установленных границ производства; 2) обязательное участие подсудимого, предусматривающее исключения, не нарушающие законность процедуры производства; 3) профессиональное усмотрение государственного обвинителя – независимая и объективная позиция по поддержанию обвинения или отказу от него, формируемая на основе оценки всех доказательств и допускающая диссонанс с позицией вышестоящего руководителя; 4) автономная диспозитивность потерпевшего – факультативное право на отстаивание частного интереса, включая право на несогласие с позицией обвинения, и обязанность суда учитывать позицию потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения; 5) процессуальная автономия защитника – согласованная с подсудимым и профессионально обоснованная тактика защиты, реализуемая через активное использование всех законных способов и средств и допускающая расхождения с позициями других защитников по уголовному делу.

Совокупность данных условий образует систему сдержек и противовесов, в которой усмотрение каждого участника, будучи ограничено законом и профессиональной этикой, направлено на достижение общей цели – вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого судебного решения.

Таким образом, интегративная модель обретает свою системную целостность и динамическое равновесие благодаря ценностно-стратифицированному пониманию функциональной дифференциации участников. Динамический баланс состязательности обеспечивается не механическим сложением формальных прав, обязанностей и ответственности, а взаимодействием как профессионального, так и непрофессионального усмотрения, каждое из которых служит воплощению своей иерархии ценностей. Право на усмотрение, предопределенное правовыми и этическими рамками, гарантирует баланс публичных и частных интересов при осуществлении справедливого правосудия.

Выводы по параграфу

В интегративной модели функциональная дифференциация ключевых участников реализуется через дискреционное начало реализации ими своих прав, обеспечивая не пассивное соблюдение формальных ролей, а взаимодействие структурированных видов как профессионального усмотрения – гарантийно-арбитрального (суд), публично-обвинительного (государственный обвинитель), правозащитного (защитник), так и обыденного (непрофессионального) – присущего потерпевшему и подсудимому. Их согласованное применение, ограниченное законом и профессиональной этикой, формирует механизм процессуального диалога, направленный на преодоление доказательственных дефицитов, устранение противоречий и достижение общей цели – вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого судебного решения.

3.6 Организационно-правовые условия движения уголовного дела

Организационно-правовые условия движения уголовного дела в производстве по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции формулируются законодателем через принятие судом промежуточных решений (определений, постановлений), которые, не разрешая дело по существу, выполняют служебно-обеспечительную функцию по отношению к итоговому ре-

шению. Факультативные сценарии, реализуемые через институты отложения, приостановления или прекращения уголовного дела, отражают адаптационный потенциал процессуальной формы, позволяя ей гибко реагировать на возникающие препятствия для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу и обеспечивать достижение целей правосудия в изменяющихся условиях.

От промежуточных решений во многом зависит законность, обоснованность, мотивированность, справедливость итогового решения, поскольку, как отмечено П.А. Лупинской, иные решения суда способствуют достижению задач уголовного судопроизводства, приобретая тем самым социальное значение[1].

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует о разнообразии определений и постановлений, вынесенных по уголовным делам судом первой инстанции. В 2024 г. вынесено свыше 171,6 тыс. решений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, что составляет около 22 % от общего количества оконченных уголовных дел; частных определений (постановлений) – свыше 11 тыс.; решений о соединении уголовных дел – 1,5 тыс.; о розыске лиц – 3,9 тыс.; о приостановлении уголовных дел – 11,4 тыс.; об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – 17,5 тыс.; об освобождении из-под стражи – 4,3 тыс.; о продлении заключения под стражу – 4,3 тыс.; о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий – около 630[2].

Многообразие промежуточных судебных решений в интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции представляет собой системный процессуальный инструментарий, обеспечивающий управление движением уголовного дела. Классификация данных актов по формальным и функциональным основаниям является необхо-

---

[1] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 13.

[2] Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.06.2025).

димым методологическим приемом, позволяющим выявить их природу как гибридных правовых явлений, выражающих диалектическое единство судейского усмотрения и волеизъявления сторон. Такая систематизация создает основу для анализа их роли в оперативной корректировке процедуры производства для достижения его конечной цели.

Условно судебные акты делятся на протоколы судебных заседаний и судебные решения[1]. В свою очередь, судебные решения состоят из основных и промежуточных, то есть вспомогательных[2]; выносимых в виде отдельных процессуальных документов и протокольные[3]. Выделяют также судебные акты-решения, удостоверения, решения фиксации факта, хода, результатов процессуального действия, а также прошения, информационно-уведомительные и уведомительно-распорядительные акты[4].

М.В. Пальчиков систематизирует постановления и определения суда первой инстанции по нескольким характеризующим основаниям (признакам), к числу которых относит субъектов, их выносящих, форму и содержание, преследуемые цели[5]. По форме, функциональному назначению и порядку обжалования классифицирует промежуточные решения В.А. Константинова[6]. Результатом реализации полномочий суда обуславливает деление судебных актов С.В. Бурмагин[7].

Предлагаемая классификация промежуточных судебных решений в интегративной модели основана на функционально-целевом критерии, отражающем их роль в управлении движением уголовного дела. Она систематизирует акты по конкретным задачам, решение которых необходимо в определенной фазе произ-

---

[1] Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 361.
[2] Лупинская П.А. Указ. соч. С. 46, 53.
[3] Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 38.
[4] Сухова О.А. Правовая природа, понятие, значение и классификация процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве: лекция. Саранск: Красный октябрь, 2007. С. 10.
[5] Пальчиков М.В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 87.
[6] Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 11.
[7] Бурмагин С.В. Уголовный суд России: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 117.

водства для достижения его цели: 1) решения, регулирующие динамику (прекращение, отложение, возврат уголовного дела прокурору); 2) решения, определяющие статус участников; 3) решения, нормирующие содержание процессуальной деятельности (порядок исследования доказательств, производство судебных действий, разрешение ходатайств). Каждая группа решений служит не только управленческим задачам, но и защите специфической иерархии ценностей. Например, решения о приостановлении балансируют между ценностью процессуальной экономии и ценностью недопустимости лишения потерпевшего возможности реализовывать свои права. Классификация, таким образом, отражает не только логику управления делом, но и систему ценностных приоритетов, которыми должен руководствоваться суд при выборе того или иного процессуального инструмента[1].

Решения, регулирующие динамику (прекращение, отложение, возврат уголовного дела прокурору), вынужденно временно его прерывают. В научной литературе ученые опираются на законодательно закрепленное понятие отложения как временного перерыва в судебном заседании с назначением новой даты для продолжения разбирательства (ст. 253 УПК РФ), приостановления – полного прекращения процессуальных действий на неопределенный срок (ст. 238 УПК РФ). При этом авторы подчеркивают, что основания должны быть объективными и уважительными, чтобы исключить злоупотребление правом, приводящее к затягиванию производства[2], а суд обязан принять меры к вызову или приводу отсутствующих лиц, восполнению пробелов в доказывании[3]. Злоупотребление правом откладывать или приостанавливать производство по уголовному делу неограниченное количество раз является одним из оснований, выявленных в практике Верховного Суда РФ о компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства[4]. От-

---

[1] Ткачева Н.В. Промежуточные решения в производстве по уголовному делу суда первой инстанции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 4. С. 36.

[2] Григорьев В.Н., Победкин А.В. Уголовный процесс России. М.: «Эксмо», 2021. С. 387.

[3] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебное пособие. М.: Норма, 2023. С. 412.

[4] Статистика и анализ приводятся в третьем параграфе второй главы диссертации при исследовании вопроса о соблюдении принципа разумного срока судопроизводства.

ложение не должно превращаться в инструмент затягивания процесса. То есть отложение – мера временная, при которой дата следующего судебного заседания известна. Приостановление полностью прекращает движение уголовного дела, пока препятствия его рассмотрения по существу не будут устранены. Прекращение движения уголовного дела оставляет как подсудимого, так и потерпевшего в состоянии неопределенности. Выявленные правоприменительные коллизии (неединообразие медицинской документации, тактическое злоупотребление правом на отложение, неопределенность сроков приостановления) свидетельствуют о системном дефиците процессуального инструментария суда в рамках интегративной модели. Для их преодоления необходима конкретизация дискреционных полномочий суда, позволяющих: 1) устанавливать обязательные требования к форме документов, обосновывающих ходатайства сторон; 2) оперативно пресекать злоупотребления процессуальными правами, носящие тактический характер; 3) определять четкие и разумные временные рамки для приостановления производства. Это обеспечит эффективное управление движением дела, предотвратит необоснованное затягивание процесса и реализует гарантийную функцию суда как арбитра, ответственного за соблюдение разумного срока судопроизводства.

Суд обязан периодически проверять обоснованность продолжения розыска и при отсутствии результатов рассматривать вопрос о возобновлении производства с учетом принципа разумных сроков судопроизводства, чтобы приостановление уголовного дела в связи с розыском обвиняемого не приводило к неограниченному по времени лишению потерпевшего доступа к правосудию. Суд вправе отказать в отложении, если затягивание процесса необоснованно нарушает интересы других участников, когда отложение судебного заседания по ходатайству стороны защиты для представления дополнительных доказательств превращается в злоупотребление процессуальными правами. Суд должен рассмотреть альтернативные варианты рассмотрения уголовного дела по существу, если состояние здоровья обвиняемого не позволяет завершить процесс в разумный срок, а приостановление дела из-за психического расстройства подсудимого исключает право по-

терпевшего на судебную защиту. Позиции судов высших инстанций однозначны в том, что отложение допустимо для устранения технических препятствий (неявка свидетелей, истребование доказательств), а злоупотребление сторонами правом, приводящее к затягиванию процесса, недопустимо.

Таким образом, в интегративной модели функциональное различие между отложением и приостановлением производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции заключается в характере воздействия на динамику процесса. Отложение является инструментом оперативного регулирования, временно сохраняющим движение уголовного дела для избавления от устранимых препятствий, приостановление выступает как мера блокировки производства на неопределенный срок ввиду неустранимости препятствий судом и сторонами в данное время. Реализация данных институтов возлагает на суд контрольно-гарантийную обязанность по недопущению чрезмерной длительности, требующую от него активной и вдумчивой оценки оснований каждого промежуточного решения для обеспечения соблюдения разумного срока судопроизводства.

Дифференциация отложения и приостановления производства, проводимая по формальным критериям, в свете ценностно-стратифицированного подхода раскрывается как инструментальное выражение разных способов балансирования конкурирующих ценностей. Отложение как инструмент оперативного регулирования призвано обеспечить ценность полноты и всесторонности исследования (через устранение временных препятствий), минимизируя ущерб для ценности процессуальной экономии. Приостановление как стратегическая мера вынужденно жертвует экономией и определенностью ради сохранения в будущем возможности реализовать ценности справедливости и восстановления прав, что порождает риск длительной неопределенности. Активная контролирующая роль суда при применении этих институтов – это практика ценностно-ориентированного усмотрения, направленного на предотвращение подавления одной фундаментальной ценности другой.

Решение о прекращении уголовного дела влечет за собой освобождение от уголовной ответственности, являясь нетипичной формой завершения правоотношений в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде первой инстанции. Верховный Суд РФ под освобождением от уголовной ответственности предлагает понимать отказ государства от применения уголовно-правовых мер воздействия в отношении лица, совершившего преступление[1].

В научной литературе отмечено, что «уголовно-процессуальный закон не всегда последователен и логичен в вопросах правовой регламентации института прекращения уголовного дела при производстве в суде первой инстанции, что препятствует его должной реализации и вызывает ошибки в правоприменительной деятельности»[2].

Решение о прекращении уголовного дела в интегративной модели представляет собой самостоятельный вид судебного акта, обладающий двойственной природой: оно носит окончательный характер для конкретного производства, но не является итоговым в материально-правовом смысле, не разрешая уголовно-правовой спор по существу. Эта двойственность обуславливает его пресекательную функцию и требует специального процессуального регулирования, отличного как от промежуточных решений, так и от приговора.

Природа промежуточного решения суда первой инстанции связана с его управленческим характером, поскольку применение права – это управленческая деятельность, направленная на обеспечение реализации юридических норм, индивидуальное регулирование общественных отношений, являющаяся определяющим звеном правоприменительной деятельности[3], а уголовно-процессуальные ак-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

[2] Лавнов М.А. Проблемы правовой регламентации прекращения уголовного дела в суде первой инстанции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1(39). Часть 1. С. 133.

[3] Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1973. Т. 2. С. 278.

ты имеют все признаки формы реализации публично-правовых функций государства и правовых актов управления[1].

Процессуальное решение является не только выполнением обязанностей должностного лица и органа государства, оно выступает и как способ реализации прав участниками процесса[2], так как именно в судебных решениях проявляется властный характер полномочий суда как носителя судебной власти по разрешению самых разнообразных правовых вопросов или споров[3]. Процессуальное судебное решение в обширном смысле объемлет все ответы, которые даются судебной властью по какому бы то ни было вопросу, возникающему в данном деле и подлежащему судебному рассмотрению[4]. Процессуальное судебное решение традиционно понимается в научной литературе как правовой акт, выраженный в установленной законом процессуальной форме, в котором суд разрешает возникающие в процессе рассмотрения дела правовые вопросы, направленные на достижение назначения уголовного судопроизводства[5]. Поскольку семантика слова «акт» означает действие или его оформление (фиксацию)[6], вынесенный судом первой инстанции судебный акт (промежуточное судебное решение) по уголовному делу свидетельствует о властно примененной правовой норме и распространении ее на факт для конкретизации прав и обязанностей участников производства.

Промежуточное решение о прекращении уголовного дела – это властный судебный акт, пресекающий дальнейшее движение дела без разрешения его по

---

[1] Россинский Б.В. Уголовно-процессуальные акты как формы государственного управления / Б.В. Россинский, С.Б. Россинский // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 249.

[2] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1975. С. 42–62; Элькинд П.С. Толкование и применение уголовно-процессуального права. М.: Юридическая литература, 1967. С. 150–170.

[3] Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 304.

[4] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 341.

[5] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 15, 36–37.

[6] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: АСТ, 1984. С. 22.

существу, что определяет его особое место в системе процедурных инструментов интегративной модели.

Прекращение уголовного дела в интегративной модели – это пресекательный процессуальный акт, который деактуализирует спор без его разрешения по существу. Его вынесение, основанное на исчезновении юридических оснований для преследования (и часто требующее согласия подсудимого), отражает дискреционную функцию суда и принцип процессуальной экономии, отличаясь от приговора отсутствием оценки виновности.

Обнаруженная системная коллизия между ст. 254 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ выявляет внутреннюю противоречивость законодательной регламентации окончания производства в суде первой инстанции. Системные коллизии в институте прекращения уголовного дела (противоречие ст. 254 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ) с позиций ценностно-стратифицированного подхода предстают как следствие законодательной нечеткости в определении иерархии процессуальных ценностей. Технический уровень предлагает две взаимоисключающие процедуры. Аксиологический уровень показывает глубинное противоречие между ценностью процессуальной экономии и правовой определенности (быстрое пресечение производства) и ценностью легитимации государственного вмешательства через полноценную судебную оценку доказательств (приговор). Разрешение этой коллизии требует сознательного законодательного выбора, основанного на четком ценностном ранжировании: в каких случаях приоритетом является экономия и окончательность, а в каких – незыблемость цели – справедливое разрешение уголовного дела по существу.

Норма ч. 8 ст. 302 УПК РФ предписывает суду при установлении оснований, идентичных предусмотренным ст. ст. 24 и 27 УПК РФ (отсутствие события / состава преступления, непричастность, истечение давности), не прекращать дело, а рассматривать его по существу с вынесением приговора. Это создает правовую неопределенность и дублирование процедур, ставит под сомнение самостоятельную природу института прекращения дела и ведет к разноречивой судебной практике, нарушая принципы процессуальной экономии и единообразия правоприме-

нения в рамках интегративной модели. Данный дефект требует законодательной гармонизации для четкого разграничения пресекательных и разрешающих производство решений.

Согласимся с авторами, которые высказывают относительно данных коллизий следующие мнения: законодатель стирает различия между понятиями «освобождение от ответственности» и «освобождение от наказания», также данные нормы входят в противоречие с УК РФ, согласно которому по истечении сроков давности или применения акта амнистии лица освобождаются от ответственности, а освобождение от наказания допускается в отношении осужденных лиц[1]. Нет ясности, почему при выявлении данных оснований в вышестоящих судебных инстанциях уголовное дело подлежит прекращению[2].

Одним из неоднозначных, вызывающих дискуссию в науке, является основание прекращения уголовного дела судом первой инстанции при отказе государственного обвинителя от обвинения. Дискуссия о форме окончания дела при отказе государственного обвинителя от обвинения является наглядным примером ценностного конфликта, выявляемого стратифицированным подходом. Техническое решение (прекращение дела) обеспечивает ценности процессуальной экономии и формального окончания спора. Однако оно может противоречить аксиологической миссии суда как гаранта материальной справедливости и защиты публичного интереса, которая в данном случае требует итоговой оценки несостоятельности обвинения через оправдательный приговор. Абсолютно прав И.С. Дикарев, который отмечает, что в соответствии с вытекающим из принципа презумпции невиновности правовым последствием о том, что недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности, оправдательный приговор должен выноситься «в тех случаях, когда суд не располагает положительным знанием о

---

[1] Лавнов М.А. Проблемы правовой регламентации прекращения уголовного дела в суде первой инстанции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). Часть 1. С. 134.

[2] Хабарова Е.А. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 20.

картине происшедшего криминального события и роли в нем подсудимого[1]. Предлагаемое расширение дискреции суда – это не ослабление состязательности, а усиление его роли как арбитра, ответственного за высшую ценность правосудности, особенно когда сторона обвинения отказывается от выполнения своей функции, оставляя публичный интерес и права потерпевшего без защиты.

П.А. Лупинская писала о необходимости вынесения оправдательного приговора при отказе государственного обвинителя от обвинения[2]. И это не случайно. Представляется, что, несмотря на общее следствие в виде права на реабилитацию, природа оправдательного приговора и постановления о прекращении дела принципиально различна: приговор разрешает уголовно-правовой спор по существу, тогда как прекращение дела носит пресекательный характер. Отказ государственного обвинителя от обвинения, подтверждая несостоятельность обвинительного тезиса, одновременно выявляет дефицит дискреционных полномочий суда, лишающий его возможности завершить производство приговором. Данная коллизия подтверждает необходимость законодательного расширения процессуальной активности суда, предоставив ему право при отказе прокурора от обвинения по собственной инициативе постановить оправдательный приговор либо мотивированно прекратить уголовное дело, реализуя тем самым свою гарантийную функцию в достижении материальной истины и процессуального баланса в рамках интегративной модели.

Обладает рядом особенностей прекращение уголовного дела при производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Несмотря на то что вопрос о привлечении к уголовной ответственности не ставится в данном случае, судебное производство проводится в силу осуществления уголовного преследования в отношении лица. Поэтому мнение о том, что применение мер медицинского характера не является формой реализации уголовной ответственности, так

---

[1] Дикарев И.С. Истинность оправдательного приговора // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 23–24.
[2] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 37.

как производство об их применении не является уголовным преследованием[1], считаем дискуссионным. А положения закона, касающиеся прекращения уголовного дела судом, если лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию (ч. 2 ст. 443 УПК РФ), нарушают положения о назначении уголовного судопроизводства в части незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод личности, а также нарушают права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Конституционный Суд РФ изложил свою позицию по данному вопросу и указал, что необходимо уличить лицо в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, после чего решается вопрос о реализации уголовной ответственности[2]. Кроме того, несмотря на то, что в ч. 3 ст. 443 УПК РФ указаны все основания прекращения уголовного дела, предусмотренные ст. ст. 24–28 УПК РФ, не учитывается, что примирение сторон и деятельное раскаяние означают осознание лицом своего деяния, совершение активных действий, направленных на заглаживание вины с целью примириться с потерпевшим, что вряд ли возможно при любом психическом заболевании лица, независимо от его характера.

Представляется, что нарушением прав подсудимого следует считать непрекращение уголовного дела в предварительном расследовании при наличии основания его прекращения в виде деятельного раскаяния. Деятельное раскаяние воспринимается органами расследования как способствующее раскрытию преступления, и при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением выступает как основание направления уголовного дела в суд для рассмотрения и разрешения его в особом порядке. Такое положение нарушает указания Верховного Суда РФ, в соответствии с которыми судам необходимо обращать внимание на недопустимость ограничения прав участников судебного разбирательства при рассмотрении

---

[1] Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 240.

[2] п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // СЗ РФ. 2007. № 48(2 ч.). Ст. 6030.

уголовных дел в особом порядке и устанавливать отсутствие оснований для прекращения уголовного дела[1].

Предлагаемая система правил будет способствовать разрешению коллизий в институте прекращения уголовного дела судом: 1) принцип недопустимости смешения видов окончания производства – нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела исключают постановление оправдательного приговора; 2) императив пресечения производства при исключении ответственности – уголовное дело подлежит прекращению в случае истечения сроков давности уголовного преследования или издания акта амнистии; 3) расширение дискреционных полномочий суда при отказе от обвинения – в случае отказа государственного обвинителя от обвинения суду должно быть предоставлено право по собственной инициативе постановить оправдательный приговор или прекратить уголовное дело, с обязательным изложением мотивированной правовой оценки доказательств и обоснования несостоятельности обвинения; 4) специальный режим прекращения при применении принудительных мер медицинского характера – уголовное дело в отношении лица, в котором рассматривается вопрос о применении принудительной меры медицинского характера, прекращается, если его психическое состояние не представляет опасности. При этом основания в виде примирения сторон и деятельного раскаяния к данной категории дел не применяются; 5) приоритет особого порядка судопроизводства – при реализации особого порядка принятия судебного решения (гл. 40 УПК РФ) основания для прекращения уголовного дела должны быть законодательно исключены.

Таким образом, управление движением уголовного дела через отложение, приостановление и прекращение в рамках интегративной модели может быть системно осмыслено и оптимизировано только на основе ценностно-стратифицированного подхода. Он раскрывает эти институты как механизмы су-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

дебного усмотрения, направленного на постоянный баланс между конкурирующими ценностями: процессуальной экономией, справедливостью, правовой определенностью, доступностью правосудия и защитой прав участников. Предложенная система правил для разрешения коллизий представляет собой не просто технические корректировки, а осознанную расстановку ценностных приоритетов, где в одних ситуациях верховенствует справедливость и защита прав (отказ обвинителя), а в других – правовая определенность и экономия (прекращение по нереабилитирующим основаниям). Именно это ценностное наполнение превращает совокупность процедурных условий в гибкий, но внутренне согласованный механизм реализации дискреционной функции суда.

Выводы по параграфу

Движение уголовного дела в интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению по существу в суде первой инстанции обеспечивается тремя взаимосвязанными нормативными условиями, каждое из которых выполняет специфическую функцию: 1) отложение выступает как инструмент оперативного регулирования, обеспечивающий прерывание производства на определенный срок для устранения временных препятствий и создания условий для его законного продолжения; 2) приостановление выполняет роль инструмента стратегического управления, влекущего за собой блокировку производства на неопределенный срок ввиду неустранимых препятствий и возлагающего на суд контрольно-координационные полномочия в отношении органов, обязанных их устранить; 3) прекращение представляет собой институт пресечения производства без разрешения уголовно-правового спора по существу, окончательно завершающий движение дела по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям.

Совокупность данных условий образует гибкий механизм судебного контроля за динамикой процесса, реализующий дискреционную функцию суда и направленный на баланс между процессуальной экономией, соблюдением прав участников и достижением целей правосудия.

Глава IV. Процессуальный механизм реализации интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции

4.1 Организационно-подготовительная деятельность суда

Организационно-подготовительная деятельность суда в подготовительной части производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде первой инстанции представляет собой системообразующий этап процедуры, закладывающей основу для последующей коммуникативно-познавательной деятельности его участников.

Данная часть производства характеризуется выполнением логически взаимосвязанных и последовательных действий суда и секретаря судебного заседания, направленных на формирование процессуальных условий для эффективного рассмотрения всех обстоятельств уголовно-правового спора. На технико-процедурном уровне эти действия формализованы и заключаются в открытии судебного заседания, проверке явки участников, разъяснении им прав. На аксиологическом уровне каждое из этих действий является основой, гарантирующей фундаментальные ценности судопроизводства: законность, справедливость, равенство прав сторон, уважение человеческого достоинства и процессуальной экономии. Таким образом, подготовительная часть – это не только деятельность по управлению процедурой, но и аксиологический фундамент всего последующего рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. Ключевую роль здесь играет дискреционное усмотрение суда, которое позволяет адаптировать формальные требования к обстоятельствам конкретного уголовного дела, обеспечивая начало производства по уголовному делу.

В научных публикациях подчеркивается особое значение усмотрения суда в данной части судебного производства[1], создающее необходимые условия для подготовки к правильному, нормальному течению судебного разбирательства в последующем[2]. Дискреционное усмотрение суда в подготовительной части, анализируемое через ценностно-стратифицированный подход, предстает как механизм оперативного разрешения потенциальных конфликтов между формальными предписаниями и высшими ценностями правосудия. Оценивая уважительность неявки, решая вопросы об отводах или определяя состав доказательств, суд осуществляет не произвольный выбор, а ценностно-ориентированное суждение, направленное на обеспечение приоритета таких ценностей, как справедливость (через допуск релевантных доказательств), беспристрастность (через разрешение отводов) и разумный срок (через пресечение тактических злоупотреблений).

Целью (назначением) подготовительной части судебного заседания традиционно считается обеспечение достижения истины по делу[3], создание условий для исчерпывающего исследования доказательств[4], проведения судебного заседания[5] и правильного разрешения уголовного дела[6]. Н.П. Кириллова отмечает, что процессуальные правила данной части производства по уголовному делу являются

---

[1] Тихий А.В. Усмотрение суда в подготовительной части судебного разбирательства // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 158.

[2] Крюков В.Ф. Участие государственного обвинителя в подготовительной части судебного разбирательства: уголовно-процессуальный аспект // Российский судья. 2011. № 1. С. 12.

[3] Дудукина Т.Г. Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 7.

[4] Кудрявцева А.В. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам / А.В. Кудрявцева, В.Л. Сысков. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 148; Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 174.

[5] Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А.И. Карпова. М.: Юрайт-Издат, 2008. С. 188.

[6] Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. С. 75.

строго продуманной системой норм, взаимно обусловливающих и дополняющих друг друга, органически и тесно между собой связанных[1].

Организационно-подготовительная часть производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции в интегративной модели представляет собой системный проверочно-обеспечительный этап. Через последовательную совокупность регламентирующих, разъяснительных и обеспечительных действий, осуществляемых председательствующим и секретарем, создаются необходимые процессуальные условия для эффективного состязательного рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. Анализ этих действий позволяет сформулировать критерии процессуальной эффективности в начальной части производства, что является основой для последующей коммуникативно-познавательной деятельности суда и сторон.

К первой группе действий относится открытие судебного заседания председательствующим в строго назначенное время. Особое юридическое значение данная процедура имеет в силу того, что последующие процессуальные действия суд может совершать только после открытия судебного заседания, а стороны могут пользоваться соответствующими процессуальными правами[2]. Право совершать предусмотренные законом процессуальные действия у суда, сторон и иных участников судебного разбирательства возникает только после открытия судебного заседания[3]. Для осуществления этого действия председательствующий заранее, в установленные законом сроки, выносит решение о назначении судебного заседания. Данное решение выносится судом при отсутствии для этого препятствий, при так называемом благоприятном пути движения уголовного дела.

---

[1] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 186.

[2] Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А.И. Карпова. М.: Юрайт-Издат, 2008. С. 188.

[3] Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. С. 76.

Постановление о назначении судебного заседания в интегративной модели представляет собой ключевой процессуальный акт, сочетающий в себе информативную, обеспечительную и ограничительную функции. При вынесении постановления после предварительного слушания его содержание дополняется исключительной функцией – санкционированием допустимой совокупности доказательств, что определяет дальнейшие границы судебного исследования.

Доклад секретаря о неявке участников активирует дискреционную функцию суда по оценке возможности начала производства по уголовному делу. Отсутствие формального перечня уважительных причин требует от суда взвешенного подхода, ориентированного на соблюдение разумного срока судопроизводства, который суд вправе обеспечить санкциями в виде мер принуждения (привод, денежное взыскание) или вынесением частного определения.

Действия по установлению личности подсудимого и проверка своевременности вручения ему обвинительного документа в подготовительной части непосредственно связаны с реализацией принципа права на защиту. В рамках интегративной модели данное действие носит двойственный характер: оно является обязательным формальным условием легитимации процесса, но его содержание ограничивается целесообразным минимумом (идентификация личности и проверка ключевых процессуальных гарантий). Более глубокий сбор и исследование характеризующих данных переносятся в последующие части производства, что обеспечивает процессуальную экономию при условии обязательного уведомления сторон о возможности их предоставления. Такой подход реализует принцип поэтапной коммуникативно-познавательной деятельности суда и сторон, направленный на экономию временно́го ресурса и эффективность производства.

Решение вопроса об отводах становится одним из важнейших действий в подготовительной части производства. Гарантия права на отвод поддержана позицией Конституционного Суда РФ в Определении от 25 января 2005 г. № 46-О и заключается в том, что суд не является в этом смысле исключением, поскольку закон не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств, которые могут свиде-

тельствовать о личной, прямой или косвенной заинтересованности судьи, не исключается возможность заявления отвода судье по обстоятельствам, свидетельствующим о проявившихся в его действиях предвзятости и необъективности[1].

Разъяснение прав участникам в подготовительной части представляет собой гарантийный механизм процедуры, посредством которого суд адаптирует процессуальную форму к конкретному составу участников и закладывает основы для их равноправной и эффективной деятельности в последующем состязательном производстве. Институт разъяснения прав в подготовительной части с позиции ценностной стратификации является ключевым механизмом трансляции абстрактных правовых ценностей в плоскость конкретного процессуального статуса участника производства. Технически это действие обеспечивает информированность. Аксиологически оно реализует ценности равенства прав сторон, доступа к правосудию и уважения человеческого достоинства, преобразуя участников из пассивных объектов процесса в активных субъектов, способных осознанно защищать свои интересы. Предоставленные подсудимому права имеют реальное значение, если он знает о них и понимает их содержание, поэтому в обязанности суда входит разъяснение ему прав, относящихся непосредственно к судебному разбирательству[2].

Анализ второй группы действий подготовительной части (разъяснение прав и ответственности) выявляет системные проблемные точки, требующие оптимизации. К ним относятся приоритетность разъяснения прав переводчику как гарантии принципа языка судопроизводства; терминологическое несоответствие в УПК РФ («разъяснение прав» против «прав и ответственности»), требующее редакционной гармонизации; необходимость взвешенного применения мер ответственности к подсудимому, балансирующих между поддержанием порядка и его правом

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 г. № 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

[2] Загорский Г.И. Указ. соч. С. 84–85.

на защиту; дифференциация момента и объема разъяснения прав для вспомогательных участников (эксперт, специалист) в целях процессуальной экономии; а также целесообразность дополнения обязанностей суда по активному разъяснению потерпевшему права на примирение, заявление гражданского иска, заявление требований председателю суда об ускорении производства по уголовному делу. Совокупность этих аспектов определяет качество адаптивной настройки процессуальной формы на начальном этапе.

Третья группа действий в подготовительной части производства направлена на определение совокупности доказательств для исследования в судебном следствии и связана с правами сторон на заявление ходатайств. Действия по заявлению и разрешению ходатайств о дополнении совокупности доказательств в подготовительной части в рамках ценностно-стратифицированного подхода представляют собой столкновение и балансировку процессуальных ценностей. Ценность состязательности и равноправия сторон требует обеспечить им широкие возможности для заявлений. Однако ценность процессуальной экономии и эффективности производства требует от суда активного усмотрения для отсева явно необоснованных или тактических ходатайств, явно затягивающих производство по уголовному делу. Разрешение этого конфликта в пользу «допуска с последующей проверкой» отражает ценностный приоритет полноты исследования и права на защиту над риском временны́х затрат.

В научной литературе есть мнение о том, что разнообразие ходатайств должно ограничиваться относимостью их к существу дела[1]. Однако в данной части производства суд не вправе решать вопрос об относимости, поскольку исследованием он не занимается[2]. Полагаем, что суд вправе выслушать мнение сторон по заявленным ходатайствам, проявляя свою объективность и беспристрастность,

[1] Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2004. С. 89.
[2] Загорский Г.И. Указ. соч. С. 89.

удовлетворить их путем приобщения к делу дополнительных документов и исследовать в судебном следствии.

Одним из характерных признаков подготовительной части производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции является достаточная активность суда, поскольку он обязан принимать по своей инициативе меры и создавать условия для надлежащего рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу[1]. Подобного мнения придерживаются А.В. Кудрявцева и В.Л. Сысков[2]. В контексте интегративной модели судопроизводства наделение суда правом по собственной инициативе вызывать свидетелей и приглашать специалистов является необходимым элементом его дискреционной функции, направленной на активное установление объективных обстоятельств уголовного дела. Данное полномочие выступает инструментом преодоления доказательственных дефицитов и пассивности сторон, обеспечивая реализацию конституционной обязанности суда по вынесению законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения, и не противоречит принципу состязательности, а дополняет его в рамках судебного руководства процессом, реализуя принцип публичности.

Таким образом, организационно-подготовительная деятельность суда в интегративной модели, осмысленная через ценностно-стратифицированный подход, предстает как комплексный акт ценностно-процедурного формирования дальнейшей процедуры производство по уголовному делу. Каждое дискреционное решение суда на этом этапе – от открытия заседания до разрешения ходатайств – представляет собой акт взвешивания и имплементации базовых ценностей правосудия в суть материалов конкретного уголовного дела. Именно на этом этапе закладыва-

---

[1] Дудукина Т.Г. Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 7.

[2] Кудрявцева А.В. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам / А.В. Кудрявцева, В.Л. Сысков. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 149.

ется аксиологический каркас всего производства, определяющий последующую процедуру подлинного достижения справедливости.

Выводы по параграфу

Организационно-подготовительная деятельность суда в подготовительной части производства формирует последующую процедуру производства. Реализуя дискреционные полномочия через систему удостоверительных, проверочных, разъяснительных и обеспечительных действий, суд формирует публично-состязательные и организационно-правовые условия для последующей коммуникативно-познавательной деятельности в судебном следствии. Ценность данной части производства определяется его преобразующей функцией: она трансформирует формальные предписания постановления о назначении судебного заседания в конкретные процессуальные гарантии, оптимизируя тем самым дальнейшее исследование доказательств и способствуя достижению целей правосудия.

4.2 Исследовательская деятельность суда и сторон в судебном следствии

Судебное следствие выступает как ключевой механизм формирования доказательственной согласованности позиций участников производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции об обстоятельствах уголовного дела в условиях состязательности. В этой части производства интегративной модели исследовательская активность суда и сторон, направленная на установление истинных обстоятельств уголовного дела через гласное и непосредственное исследование доказательств, преобразует процессуальное состязание в общее знание, служащее основой для правосудного решения. Судебное следствие как ключевой механизм формирования достоверного знания на технико-процедурном уровне представляет собой совокупность регламентированных действий по исследованию доказательств, а на аксиологическом – оно направлено на реализацию таких ценностей правосудия, как установление истины, обеспечение справедливости, защита человеческого достоинства, доверие к

правосудию. Каждый тактический прием или судебное действие должны оцениваться не только по эффективности, но и по тому, какую ценность они воплощают и защищают.

Дореволюционные и советские ученые-процессуалисты под судебным следствием понимали процедуру представления и проверки судебных доказательств (М.Н. Гернет)[1]; процесс их рассмотрения (К.К. Арсеньев)[2]; а также их исследование и оценку (М.С. Строгович)[3].

В современной научной литературе судебное следствие называют центральным звеном, фундаментом, на котором основано правосудие (В.Ф. Попов)[4]; его содержательным элементом (С.П. Гришин)[5]; эпицентром рассмотрения уголовного дела по существу (В.А. Азаров)[6]; циклом познания в последовательном движении к справедливому разрешению конфликта в сфере права (Р.А. Александров и др.)[7]; институтом уголовно-процессуального права, имеющим особый предмет правового регулирования, системность, целостность элементов, связанных друг с другом и зависимых друг от друга, но всегда различных в силу объективных и субъективных факторов, выполняющих особые функции в целях получения полезного результата (О.В. Левченко и др.)[8].

---

[1] Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под ред. М.Н. Гернета. М.: Скатертный, 1916. Вып. 4. С. 965.

[2] Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. С. 340.

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1968. С. 440.

[4] Попов В.Ф. Судебное следствие: проблемы оптимизации: монография / под ред. Н.Н. Ковтуна. Н. Новгород, 2000. С. 16.

[5] Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспект). М.: Юрлитинформ, 2008. С. 13.

[6] Азаров В.А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2. С. 51.

[7] Александров Р.А. Предварительное и судебное следствие в России: проблемы соотношения / Р.А. Александров, И.Н. Кондрат, Т.П. Ретунская // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 138.

[8] Левченко О.В. Судебное следствие как институт уголовно-процессуального права / О.В. Левченко, А.А. Хайдаров // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 163–164.

Н.П. Кириллова отмечает, что именно в момент начала судебного следствия, государственный обвинитель и подсудимый (или его защитник) формулируют свою позицию по делу[1]. О.А. Машовец обращает внимание на познавательную сущность судебного следствия, связанную с удовлетворением потребности суда в выяснении фактов и обстоятельств, необходимых для правильного применения материального закона и разрешения дела по существу[2]. Н.А. Селедкина подчеркивает процедурную сущность судебного следствия, отмечая важность реализации на данном этапе условий судебного разбирательства и принципов уголовного процесса[3]. М.К. Гочияев, акцентируя внимание на судебном следствии как составной части судебного разбирательства, состоящей из совокупности процессуальных действий, направленных на собирание и проверку доказательств[4]. А.А. Хайдаров замечает, что содержанием судебного следствия являются правоотношения, возникающие между участниками, а также судебные и иные процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом[5].

Структура судебного следствия в интегративной модели выступает как организующий каркас для эпистемического процесса, где исследование доказательств в условиях состязательности позволяет преобразовать конфликтующие позиции в обоснованное внутреннее убеждение суда, формируемое в установленные сроки с помощью оптимальных процессуальных инструментов.

---

[1] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 193.

[2] Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста РФ А.Д. Прошлякова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 7, 38.

[3] Селедкина Н.А. Судебное следствие в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 30.

[4] Гочияев М.К. Судебное следствие как объективная основа законного и обоснованного приговора: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 40.

[5] Хайдаров А.А. Сущность и содержание судебного следствия в уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 7. С. 56, 60.

Совокупность исследованных в судебном разбирательстве доказательств, наряду с законом, внутренним убеждением и совестью, составляет основу принципа свободы оценки доказательств, закрепленного в ст. 17 УПК РФ.

Следует отметить, что в научных исследованиях в последние годы к принятию решения на основе внутреннего убеждения и совести прослеживается неоднозначное отношение. Так, обсуждается потребность в переходе на точные и понятные сторонам спора стандарты доказывания. Замечено, что при позиционировании эквивалентности внутреннего убеждения и некоего стандарта доказывания возникают вопросы относительно разных «порогов» доказанности фактов; возможности сосуществования в рамках конкретной процессуальной отрасли или института права нескольких стандартов доказывания; условий выполнения критерия внутреннего убеждения[1]. В контексте интегративной модели категории «внутреннее убеждение» и «совесть» нуждаются не в упразднении, а в процедурной институционализации. Этого можно достичь посредством внедрения итеративного алгоритма оценки доказательств, который упрощает и делает прозрачной познавательную деятельность суда. Такой алгоритм, потенциально усиленный технологиями искусственного интеллекта, структурирует процесс доказывания, направленный на формирование целостной доказательственной картины, и способствует выработке критериев продуктивности судебного следствия для своевременного и обоснованного перехода к последующим частям производства.

В науке уголовного процесса к особенностям судебного следствия относят: 1) его цель – установление фактических обстоятельств дела (С.А. Насонов)[2]; 2) опосредованность познания явлений действительности, произошедших в прошлом, вне места судебного разбирательства (А.А. Давлетов)[3]; 3) активность процесса доказыва-

---

[1] Проект № 24-28-00565 «Стандарты доказывания в российской правовой системе». [Электронный ресурс] URL: https: //pureportal. spbu. ru/ ru/ projects /- 2024 -1(3d2739c4-b32a-4b63-a4e6-77b9e807aa26).html (дата обращения 06.02.2025 г.).

[2] Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: особенности и проблемные ситуации (теория, законодательств, практика): дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1999. С. 24.

[3] Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. С. 17.

ния, характеризующегося исследованием доказательств, проверкой их достоверности и достаточности для вывода о виновности подсудимого (Ю.В. Кореневский)[1]; 4) формирование внутреннего убеждения судьи для вынесения законного и обоснованного решения по делу (Т.В. Козина)[2]; 5) единство практико-мыслительной деятельности суда и сторон, осуществляемой в форме доказывания (В.Ф. Попов)[3].

В судебном следствии, осуществляемом в публично-состязательной форме, суд, стороны и иные участники выполняют свою уголовно-процессуальную функцию, вступая в коммуникации, познавая события прошлого (обстоятельства преступления) по фактическим данным, содержащимся в уголовном деле. Поскольку познание является процессом приобретения человеком нового знания о событиях, явлениях, вещах реального мира[4], познавательная деятельность участников осуществляется посредством судебных действий, позволяющих с достаточной глубиной и полнотой исследовать обстоятельства уголовного дела, подлежащие доказыванию.

Опираясь на определения уголовно-процессуального познания как деятельности субъекта познания, приобретающего знания о явлениях для достижения целей, стоящих перед ним, с помощью различных средств и способов[5]; выведения нового знания на основе исследованного[6]; доказывания[7]; перехода от незнания к

---

[1] Кореневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЦентрИнформМ, 2002. С. 6.

[2] Козина Т.В. Судебное следствие и обоснование приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1992. С. 15.

[3] Попов В.Ф. Судебное следствие: проблемы оптимизации: монография / под ред. Н.Н. Ковтуна. Н. Новгород, 2000. С. 20, 29.

[4] Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 18.

[5] Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. С. 15.

[6] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 10.

[7] Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: БГУ, 1969. С. 24; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы / З.З. Зинатуллин, Т.З. Егорова, Т.З. Зинатуллин. Ижевск: Детектив-Информ, 2002. С. 10.

знанию путем изменения и преобразования фрагмента действительности[1], судебное познание в интегративной модели характеризуется как структурированная процессуальная деятельность с четырьмя ключевыми признаками: *целеполаганием* (разрешение спора), *специфическим субъектным составом* и активными коммуникациями в рамках процессуальных функций, *строгими границами и формализацией* способов доказывания, а также *обязательным документированием* для обеспечения верифицируемости. Это познание осуществляется всеми участниками в установленных процедурах и направлено на формирование достоверного знания об обстоятельствах дела через состязательную аргументацию сторон и вспомогательное содействие, при этом ведущая организующая роль, своеобразная кросс-функция принадлежит суду, реализующему свое устойчивое стремление к установлению истины.

В интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции процедуры судебного следствия – судебные и процессуальные действия – должны быть понятным и логичным для всех участников инструментарием судебного познания. Их тактический выбор судом и сторонами детерминирован целью формирования легитимной совокупности доказательств и подчинен критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Данные процедуры обеспечивают непосредственное чувственное восприятие и легальное собирание доказательств, что является необходимым условием для достижения эпистемического консенсуса и последующего вынесения законного решения по существу уголовно-правового спора.

Используемые как судом, так и сторонами тактические приемы и средства судебного следствия обусловлены разнообразным набором судебных действий, специфика которых предопределена состязательностью и равноправием сторон,

[1] Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский университет, 1986. С. 20; Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. С. 10.

гласностью, порядком исследования доказательств[1], и зависят от формы и способа действия участников судебного следствия[2].

Проведенный эмпирический анализ позволяет заключить, что тактические средства судебного следствия (организационно-процессуальный набор действий участников) и приемы (конкретное поведение, направленное на максимизацию информационного результата) в современной практике реализуются неполно и стереотипно. Преобладание узкого круга действий (допрос, оглашение) свидетельствует о дефиците тактической вариативности и ограниченной реализации дискреционной функции суда. Выявленный дефицит тактической вариативности в судебном следствии (доминирование оглашения) с позиции ценностно-стратифицированного подхода свидетельствует о рассогласовании между техническим и аксиологическим уровнями. Узкий набор действий может формально соответствовать закону (технический уровень), но подрывает ценности непосредственности, состязательности и полноты, всесторонности познания (аксиологический уровень), что препятствует достижению подлинного эпистемического согласования. Оптимизация тактического инструментария должна способствовать восстановлению баланса, обеспечивая техническими средствами реализацию высших процессуальных ценностей.

В результате исследования выявлено, что наиболее распространенными судебными действиями оказались: оглашение показаний – 54 % случаев, оглашение протоколов следственных действий – 63 %, оглашение документов в виде характеристик, справок, писем, пояснений – 75 %, оглашение заключения эксперта – 83 % случаев[3]. К редким относится назначение судебной экспертизы, к крайне редким – следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование, осмотр местности и помещений. Анкетирование показало, что около 3 % судей использовали в своей практике осмотр местности и помещений, следственный экспери-

---

[1] Кириллова Н.П. Поддержание государственного обвинения в суде. СПб.: Ред.-изд. отдел Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2003 С. 73.
[2] Сычева О.А. Тактика судебного следствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 10.
[3] Приложение № 2.

мент, предъявление для опознания, освидетельствование, а в практике некоторых судей они не использовались ни разу[1].

Несмотря на такую тактику использования судебных действий, исключать из перечня редко используемые нельзя, а вот дополнить перечень целесообразно теми, в которых нуждаются участники производства в связи с изменяющейся парадигмой и социальным запросом на публичность и справедливость. Так, допросу любого участника производства с помощью систем видео-конференц-связи как альтернативе оглашения их показаний предпочтение отдали 65 % судей, 79 % прокурорских работников, 79 % адвокатов; вызов свидетеля по инициативе суда поддержали 93 % судей, 50 % прокурорских работников, 4 % адвокатов[2].

На вопрос, почему судьи не используют имеющиеся судебные действия в процессе судебного доказывания, а применяют чаще всего оглашение, при котором нет непосредственного, чувственного восприятия, отсутствует эмоциональная окраска, присущая живой коммуникации участников, респонденты ответили следующее: 56 % судей пояснили, что они готовы исследовать имеющиеся или представленные сторонами доказательства и проводить судебные действия, позволяющие стремиться к познанию истины; около 20 % – высказали мнение, что тщательное изучение материалов уголовного дела по разработанной ими методике позволяет разобраться в доказательствах на этапе подготовки к судебному разбирательству и в судебном следствии требуется лишь их проверить и оценить[3].

Однако не только мыслительная, но и духовная деятельность судьи происходит в судебном следствии, замечают германские процессуалисты, подчеркивая, что доказывание – это совокупность выводов судьи, формирующих его убеждение посредством чувственного восприятия показаний участников судебного след-

[1] Приложение № 2.
[2] Там же.
[3] Там же.

ствия, осмотров объектов внешнего мира, других доказательств с помощью сложного аппарата выводов[1].

Получение новых или закрепление имеющихся знаний об обстоятельствах уголовного дела осуществляется в процессе доказывания, активное участие в котором принимают все участники посредством реализации своих уголовно-процессуальных функций.

Процесс доказывания происходит посредством условно-знаковых систем, важнейшей из которых является устная и письменная речь[2]. Особенностью судебного познания является получение знания о прошлом путем чувственного, эмпирического восприятия и выстраивание умозаключения посредством законов мышления о не наблюдаемом лично событии, а по оставленным им следам в окружающем мире. Поэтому познание в судебном следствии осуществляется посредством логических правил. Эти правила априори известны участникам судебного следствия, поскольку, как замечено С.Б. Россинским, уголовно-процессуальное доказывание носит комплексный, синтетический характер, основанный на философских закономерностях гносеологии, имеющих естественное происхождение и никоим образом не зависящих от искусственно созданных юридических законов и правил[3]. Традиционно выделяется четыре закона логики, являющиеся законами мышления и компонентами логической компетентности человека, распространяющиеся на все сферы его когнитивной деятельности, не исключая процесс доказывания по уголовному делу. Это законы тождества; исключительного третьего; непротиворечия; достаточного основания[4].

---

[1] Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М.: Спарк, 1994. С. 74.

[2] Россинский С.Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и «невербального» способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 100.

[3] Россинский С.Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 9 (166). С. 64–65.

[4] Ходикова Н.А. Закон достаточного основания в коммуникативной деятельности государственных служащих // Язык государственной службы. Лингвистические вопросы теории и практики: сборник материалов Международного круглого стола. М.: Академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2020. С. 156.

Поскольку доказывание – это всегда процесс рассуждений, суждений, путем которого выводится какое-либо положение, подтверждается что-либо[1] посредством мыслительной деятельности, связанной с собиранием и исследованием доказательств, протекающей в строгих логических формах[2], которые не могут игнорироваться исследователем[3], использование логических законов позволит участнику мыслительной деятельности исследовать обстоятельства последовательно, быть устойчивым и постоянным в рассуждениях и высказываниях, исключая подмену понятий и их признаков. Более того, доказывание обстоятельств уголовного дела заметно отличается от иных правовых механизмов и процедур, составляющих содержание уголовного судопроизводства и входящих в предмет уголовно-процессуального регулирования[4].

В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, как соотносятся строгие законы логики с философской категорией «совесть» в процессе судебного доказывания и формирования выводов суда, поскольку УПК РФ не приводит понятие «совести». П.А. Лупинская отмечала, что «Этическая категория “совесть” призвана побуждать лиц, оценивающих доказательства и принимающих решение (особенно при праве на его выбор), учитывать правовые требования и нравственные предписания. Это должно предупреждать от формирования убеждения, которое не основано на анализе доказательств, а продиктовано своекорыстными интересами, предубеждением, предвзятостью»[5]. А.А. Тарасов, П.В. Анисимов отмечают: «Область судейского усмотрения – это территория не только профессионального, но и нравственного выбора. Когда судья, руководствуясь ст. 17 УПК РФ или 12 ГПК РФ, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению и сове-

---

[1] Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 2.
[2] Эйсман А.А. Логика доказывания. М.: Юридическая литература, 1971. С. 8.
[3] Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. М.: Госюриздат, 1958. С. 226.
[4] Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 47.
[5] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 171, 172.

сти, он принимает на себя колоссальную моральную ответственность. Право на особое мнение является логическим продолжением и правовой гарантией этой “совестной” составляющей его статуса, позволяя зафиксировать свой нравственный выбор в процессуальном документе»[1]. Н.В. Тарасова рассматривает становление судейской совести через непрерывную инкультурацию и отмечает: «Образование закладывает когнитивную основу, культура (включая правовые мифы, образ “идеального судьи” в искусстве) формирует эмоционально-ценностное отношение, а СМИ ежедневно актуализируют и конкретизируют коллективные запросы к правосудию. Через эту триаду каналов осуществляется трансляция того самого коллективного эмоционально-нравственного отношения к праву, которое служит внешним источником для выработки внутреннего нравственного ориентира – совести»[2].

Традиционно понятие «совесть» рассматривается как *система этико-правовых презумпций.*

Во-первых, как внутренний этический регулятор совесть представляет собой психическое образование, основанное на презумпции наличия у индивида врожденной или социально сформированной способности к моральной самооценке. В праве совесть не является объективным фактором, а выступает презумпцией о должном состоянии нравственного сознания личности, поскольку законодатель исходит из способности дееспособного индивида отличить добро от зла[3]. Данная презумпция находит отражение в ряде правовых институтов. С.С. Алексеев, раскрывая механизм правового регулирования, писал о том, что право апеллирует к сознанию и совести индивидов, выступая «в качестве средства социального регулирования в условиях цивилизации», и указывал на наличие внутренних, психологических механизмов восприятия права, что формирует презумпцию их наличия у

---

[1] Тарасов А.А., Анисимов П.В. Судейская этика в системе гарантий независимости судебной власти: монография. М.: Норма, 2024. С. 156.

[2] Тарасова Н.В. Социокультурные детерминанты профессионального сознания судьи: монография. М.: Проспект, 2022. С. 155.

[3] Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. СПб.: Питер Пресс: Питер, 2008. С. 250.

субъекта[1]. Данная презумпция проявляется, например, в конституционной норме, обязывая граждан «не осуществлять свои права и свободы, нарушая права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). Закон предполагает, что совесть будет удерживать индивида от злоупотребления правом.

Во-вторых, в уголовном судопроизводстве ключевое значение приобретает презумпция добросовестности участника процесса, выступая процессуальной проекцией понятия совести. Данная презумпция означает, что до тех пор, пока не доказано обратное, суд, следователь обязаны исходить из того, что свидетель, потерпевший, обвиняемый действуют добросовестно, т. е. сообразно своей совести, стремясь к установлению истины, а не к введению правоприменителя в заблуждение. М.С. Строгович подчеркивал, что «обязанность доказывания лежит на обвинителе, а не на обвиняемом», что косвенно свидетельствует о презумпции добросовестности последнего в его взаимодействии со следствием и судом, пока его вина не установлена приговором[2]. Отказ от этой презумпции привел бы к тотальному недоверию ко всем показаниям и превратил бы процесс в формальность. Однако данная презумпция является опровержимой. Ложные показания, заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) – это и есть юридически значимые проявления «дефекта совести».

В-третьих, одна из центральных презумпций в праве – презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ) – содержит мощный этико-правовой компонент, непосредственно связанный с совестью. Требование к обвинителю нести «бремя доказывания» и толкование всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого – это не только процессуальное правило, но и этический императив, обращенный к совести правоприменителя. Судьи, будучи не в состоянии до конца проникнуть в сознание обвиняемого, обязаны действовать *так, как если бы* они исходили из его потенциальной невиновности, руководствуясь не только законом, но и профессиональной и человеческой совестью. И.Л. Петрухин прямо связывал

---

[1] Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 205.
[2] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 312.

презумпцию невиновности с нравственными началами правосудия, отмечая, что она «охраняет не только гражданина от необоснованного обвинения, но и правоприменителя от нравственной деградации, от соблазна осуждения без твердой уверенности в вине»[1]. Представляется, что совесть судьи, выступая этическим измерением, является последним фильтром перед вынесением обвинительного приговора, когда формальные доказательства могут быть недостаточно убедительными, но и не опровергнуты полностью.

В-четвертых, на презумпции пробуждения совести у правонарушителя прямо основан институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) или примирением сторон (ст. 76 УК РФ). Устанавливая данные нормы, законодатель исходит из презумпции добровольности лица под влиянием пробудившейся совести повиниться, способствовать раскрытию преступления, загладить вред. Право оценивать искренность раскаяния и его мотивы оставляет за судом право сделать вывод о состоянии внутреннего мира подсудимого, опираясь на внешние, объективные факторы. А.В. Наумов рассматривает деятельное раскаяние как «акт нравственного очищения», который закон поощряет, предполагая, что за ним стоит искреннее внутреннее перерождение личности[2]. Законодатель, формулируя эту норму, исходит из презумпции того, что такое поведение мотивировано искренним раскаянием и пробуждением совести.

В-пятых, совесть судьи функционирует в рамках презумпции его независимости и внутреннего убеждения. Выступая краеугольным камнем оценки доказательств, внутреннее убеждение формируется не только на основе логического анализа доказательств, но и под влиянием совести – чувства моральной ответственности за принимаемое решение. Закон презюмирует, что судья обладает необходимой нравственной зрелостью и профессиональной честностью, чтобы его внутреннее убеждение было свободным и соответствовало не только букве, но и

---

[1] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть II. // Государство и право. 2005. № 5. С. 35.

[2] Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3-х т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 156.

духу закона. В.А. Радьков определяет внутреннее убеждение как сплав правовых знаний, профессионального опыта и нравственных начал. Совесть здесь выступает как внутренний критерий оценки справедливости[1].

В контексте интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции «совесть» представляет собой фундаментальную этико-правовую презумпцию, выполняющую системообразующую регулятивную функцию. Представленная система этико-правовых презумпций, основанных на совести, является ядром ценностно-стратифицированного регулирования судебного познания. Она функционирует как механизм, который имплицитно вводит ценности добросовестности, справедливости и нравственной ответственности в сущность процессуальных отношений. Например, презумпция добросовестности участника или презумпция пробуждения совести при деятельном раскаянии – это не просто юридические фикции, а нормативные выражения базовых аксиологических ожиданий от правосудия, которые направляют и ограничивают усмотрение суда на ценностном уровне.

Категории «внутреннее убеждение» и «совесть», осмысленные через ценностно-стратифицированный подход, предстают как связующее звено между технико-доказательственным уровнем судебного следствия и его аксиологическим фундаментом. Они являются теми механизмами, через которые судья осуществляет ценностную рефлексию, переводя формальный анализ доказательств в решение, сообразное справедливости. Предлагаемая институционализация этих категорий через итеративный алгоритм и законодательное определение – это не их упразднение, а возведение на новый уровень: превращение интуитивно-личностных ценностных ориентиров в структурированные, транспарентные и верифицируемые элементы профессиональной процедуры, что усиливает легитимность решения. Совесть выступает: 1) внутренним нравственным основанием процессуального статуса личности, гарантирующим добросовестность; 2) этическим ядром презумпции невиновности, обращенным к суду; 3) критерием искрен-

[1] Радьков В.А. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2015. С. 289.

ности в институтах освобождения от ответственности; 4) необходимым компонентом внутреннего убеждения судьи. Данная система взаимосвязанных презумпций трансформирует моральную абстракцию в рабочий инструмент правового регулирования, обеспечивая антропоцентричность и справедливость судебного решения в рамках интегративной процессуальной формы.

Совесть в уголовном процессе является операциональным этико-правовым инструментом, который обеспечивает воплощение социальной справедливости в судебном решении. Этот внутренний механизм позволяет суду преодолевать ограниченность формально-юридических критериев, индивидуализировать правоприменение и наполнять абстрактные нормы конкретным нравственно-правовым содержанием в рамках интегративной модели.

Во-первых, совесть выступает трансцендентальной основой справедливости, выходя за пределы чувственного опыта и доступного познания. И. Кант рассматривал совесть как «сознание внутреннего судилища в человеке», что является априорной основой для понимания долга и справедливости[1]. То есть судья, сталкиваясь с ситуацией, где формальная логика приводит к явно несправедливому результату, апеллирует не только к закону, но и к внутреннему чувству справедливости, то есть к совести. Е.В. Васьковский указывал на необходимость для судьи, в случае пробелов или неясности закона, обращаться к «чувству справедливости, живущему в его душе»[2]. По сути, это прямая научная легитимация совести как источника правоприменительного решения.

Во-вторых, совесть выступает критерием индивидуализации справедливости (справедливость в конкретном деле). Социальная справедливость в правосудии является принципом, а не абстракцией, поскольку она требует учета обстоятельств дела, личности подсудимого и потерпевшего, мотивов их поведения. Совесть как инструмент позволяет суду применить юридическую рефракцию, то есть

---

[1] Кант И. Критика практического разума. Соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 1997. Т. 3. С. 283–733.
[2] Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. (Репринт с изд. 1913 г.). С. 148–155.

адаптировать абстрактную норму права к конкретным социальным реалиям в пределах диспозитивности правового регулирования, оценочных категорий законодательства, пределов судейского усмотрения. Р. Дворкин пишет, что судья обязан апеллировать к моральным принципам, которые являются фундаментом права. Эти принципы и живут в правосознании судьи как его совесть, поскольку, принимая решение в «сквозных» (hard cases) делах, он должен конструктивно интерпретировать правовую систему в ее «наилучшем свете», что невозможно без обращения к моральным принципам, то есть к совести[1].

В-третьих, совесть как правовая категория выступает критерием профессионального стандарта. Традиционно в российском праве совесть закреплена непосредственно в законе. Например, ГК РФ предусматривает применение норм права по аналогии, а при ее невозможности – исходя из «общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» (п. 1 ст. 6). Требование «справедливости» в этом контексте неотделимо от судейской совести как внутреннего мерила. УПК РФ закрепляет принцип свободы оценки доказательств, согласно которому судья оценивает доказательства по своему «внутреннему убеждению», основанному на совокупности имеющихся доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17). Это прямое законодательное предписание, превращающее совесть из абстрактной категории в профессиональный стандарт и критерий легитимности судебного акта.

Связь совести и критериев социальной справедливости в правосудии носит системный, трехмерный характер. Гносеологически совесть выступает как внутренний нравственный орган познания, позволяющий судье постигать конкретное содержание справедливости за пределами формально-логических конструкций. Функционально она является легализованным инструментом преодоления правовых пробелов и коллизий, обеспечивая индивидуализацию правоприменения. Ак-

[1] Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. А.Л. Соболева; под ред. Л.Б. Макеевой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 82–112.

сиологически совесть служит конечным фильтром, гарантирующим не только законность, но и моральную легитимность судебного решения, что обуславливает его восприятие обществом как справедливого.

Диалектическое единство совести и общественного правосознания в правосудии носит функционально-гносеологический характер. Общественное правосознание служит социальным источником и внешним корректирующим контуром для формирования индивидуальной совести судьи. В свою очередь, совесть представляет собой экзистенциальное ядро правосознания – внутренний механизм, который осуществляет индивидуализацию и конкретизацию общих правовых и нравственных принципов применительно к уникальным обстоятельствам дела, обеспечивая тем самым легитимность судебного решения в восприятии социума.

Во-первых, общественное правосознание выступает как коллективный нравственно-правовой фундамент совести. Совесть судьи наполняется теми ценностями, идеями, оценками правомерного и неправомерного, которые доминируют в общественном правосознании на данном историческом этапе. Р. Иеринг подчеркивал, что чувство права – это не пассивное состояние, а активная позиция, вырабатываемая обществом в борьбе за свои интересы, осознаваемые как справедливые. «Чувство права», выработанное в общественной борьбе, и является питательной средой для индивидуальной совести, которая, в свою очередь, готова «бороться» за право внутри судебного процесса[1].

Во-вторых, совесть актуализирует и персонализирует правосознание в судебном решении, поскольку она выступает как механизм конкретизации и применения общественного правосознания, так как в момент вынесения судебного решения судья пропускает нормы права и обстоятельства дела через призму своего внутреннего убеждения, которое и формируется под влиянием совести. С.С. Алексеев отмечал, что правосознание, наряду с законом, является источником права при восполнении пробелов. При этом он подчеркивал, что роль «правовых чувств, инту-

[1] Иеринг Р. фон. Борьба за право / перевод с 13-го немецкого издания Ершов С.И. М.: Феникс, 1991. С. 26.

иции» и «внутреннего убеждения» судьи является проявлением совести как квинтэссенции его профессионального и общечеловеческого правосознания[1]. Е.А. Лукашева доказывает, что «совесть представляет собой способность личности осуществлять нравственный самоконтроль..., базирующийся на усвоенных личностью общественных идеалах и нормах»[2]. Таким образом, совесть судьи – это инструмент, с помощью которого общественное правосознание в виде усвоенных правовых идеалов осуществляет самоконтроль в рамках конкретного судебного процесса.

В-третьих, совесть судьи, находясь в диалектическом взаимодействии с общественным правосознанием, выраженная в решениях, способна оказывать обратное влияние на него, поднимая его на новый уровень понимания справедливости. А. Барак, анализируя роль судьи, пишет: «Судья должен быть частью своего общества ... но он также должен сохранять независимость... Иногда его роль заключается в том, чтобы идти впереди общественного мнения, а не следовать за ним»[3]. Именно совесть позволяет судье, опираясь на глубинные, а не сиюминутные пласты правосознания, вынести решение, которое может быть непопулярным сегодня, но станет ориентиром для правосознания завтрашнего дня.

Симбиоз общественного правосознания и судейской совести в интегративной модели представляет собой ключевой механизм легитимации правосудия. Правосознание служит внешним корректирующим контуром, а совесть – внутренним транслятором общих ценностей в конкретное решение. Их взаимозависимость предотвращает как субъективный произвол, так и отрыв права от социальной реальности, обеспечивая мудрое и справедливое правоприменение. Как верно замечено Н.С. Мановой, наличие оценочных категорий вынуждает правоприменителя трактовать их содержание по личному усмотрению, вкладывать в них смысл, соответствующий их собственным представлениям, что в ряде случаев

---

[1] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 312–315.
[2] Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. С. 147.
[3] Барак А. Судья в демократическом обществе / пер. с англ. М.В. Антонова. М.: Статут, 2018. С. 114–115.

приводит к необоснованному ограничению прав и свобод участников уголовного судопроизводства[1].

Интеграция цифровых инноваций в уголовное судопроизводство не отменяет, а институционализирует традиционные оценочные категории «совесть» и «внутреннее убеждение» через их алгоритмизацию. Внедрение итеративных алгоритмов и ТИИ для оценки доказательств способствует минимизации субъективизма и повышению транспарентности правосудия, оставаясь при этом инструментом реализации дискреционной функции суда. Таким образом, совесть трансформируется из абстрактного нравственного ориентира в операционализируемый эпистемический инструмент, направляющий судью к справедливому решению в рамках конституционных принципов и интегративной процессуальной модели.

Практико-ориентированным предложением должна стать норма уголовно-процессуального закона, регламентирующая понятия внутреннего убеждения и совести:

Статья 17.1. Внутреннее убеждение и совесть

1. Внутреннее убеждение суда формируется на основе беспристрастного, полного и всестороннего исследования доказательств в их совокупности.

2. Совесть как правовая категория представляет собой нравственно-этический ориентир, направляющий судью на принятие справедливого решения.

3. Суд обязан отразить в описательно-мотивировочной части приговора мотивы сформированного внутреннего убеждения с указанием доказательств, повлиявших на его формирование, и использованных научных методов познания.

Коммуникация в судебном следствии – это процессуально опосредованное выражение познавательной деятельности участников, осуществляемое в соответствии с их процессуальной функцией и профессиональными компетенциями через

[1] Манова Н.С. «Ситуация, не терпящая отлагательства» как оценочная категория в законодательстве и практике уголовного судопроизводства // LegalConcept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 43.

письменные и устные формы взаимодействия и направленное на достижение тактических целей в состязательном установлении истины.

Под компетентностью принято понимать способность человека на основании имеющихся у него знаний, умений и практического опыта выстраивать связь между задачей, которую требуется разрешить, и накопленными у него знаниями с целью выработки системы действий для ее решения. В философии компетентность определяют как интегративное качество человека, то есть динамическую совокупность его компетенций, с помощью которых он способен выполнять свои профессиональные обязанности в условиях быстро меняющейся ситуации[1]. Профессионализм традиционно рассматривается как особое свойство людей систематически, эффективно и надежно выполнять сложную (профессиональную) деятельность в самых разнообразных условиях[2], то есть его способность обрабатывать массивы информации, полученной из разных источников, выстраивать диалог, донося до противоположной стороны собственную аргументированную позицию, формулируя обоснованные ответы на вопросы в рамках профессии. Компетентностный профессионализм участника судебного следствия – это интегративная способность осуществлять продуктивную познавательную деятельность и транслировать ее результаты через эффективную коммуникацию, целенаправленно формируя внутреннее убеждение суда и сторон в ходе установления обстоятельств дела. Предмет судебного следствия учеными определяется через главный факт доказывания, то есть то, что обуславливает разрешение уголовного дела по существу, такой позиции придерживались, например, В.Д. Арсеньев[3], В.Я. Лив-

---

[1] Ходикова Н.А. Закон достаточного основания в коммуникативной деятельности государственных служащих // Язык государственной службы. Лингвистические вопросы теории и практики: сборник материалов Международного круглого стола. М.: Академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2020. С. 115.

[2] Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Изд. 2-е. М.: URSS, Издательство ЛКИ, 2008. С. 49.

[3] Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964. С. 21.

шиц[1], П.И. Люблинский[2] и др.; на обстоятельства дела, подлежащие доказыванию обращали внимание Е.Г. Веретехин[3], Е.Г. Мартынчик[4], В.Ф. Попов[5], И.Д. Перлов[6] и др. Под объектом судебного следствия в научной литературе понимается текстовая реальность, то есть высказывания лиц, имеющих на это право, удостоверяющих в соответствии с законом имевшие место обстоятельства[7]; объективная реальность, которую познают участники судебного следствия[8]. В связи с этим представляется необходимым определить объект, предмет и пределы доказывания в судебном следствии, что позволит детализировать процесс доказывания для дальнейшей его алгоритмизации, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта.

Обобщенное определение предмета доказывания дано Н.В. Жогиным, под ним автор предлагает понимать систему обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства[9]. В.А. Лазарева подчеркивает, что предметом (объектом) исследования (предметом познания) является само расследуемое преступление, не нуждающееся в специальном определении, и познается предмет путем выявления его юридически значимых признаков. Автор отмечает, что, так как все обстоятельства ст. 73 УПК РФ

---

[1] Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1949. С. 49.

[2] Стифен Д. Очерк доказательственного права. СПб.: Сенат. тип., 1910. С. 28.

[3] Веретехин Е.Г. Проблемы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. С. 9.

[4] Мартынчик Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев: Штиинца, 1975. С. 102.

[5] Попов В.Ф. Судебное следствие: проблемы оптимизации: монография / под ред. Н.Н. Ковтуна. Н. Новгород, 2000. С. 16.

[6] Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955. С. 55.

[7] Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. С. 186.

[8] Уголовно-процессуальное право / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Велби: Проспект, 2006. С. 246; Тарасов А.А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве // Новый УПК России в действии: материалы круглого стола, 13 ноября 2003 г. / отв. ред. И.Ф. Демидов. М.: ТК Велби, 2004. С. 71.

[9] Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М.: Юридическая литература, 1973. С. 139.

имеют значение для правильного разрешения уголовного дела, то любой из элементов предмета доказывания может стать предметом спора, следовательно, все они нуждаются в обосновании[1]. Подобного мнения придерживается А.В. Руденко, указывая на невозможность выделения главного и второстепенного фактов среди обстоятельств, входящих в предмет доказывания, вследствие того, что совокупность данных обстоятельств имеет тесную взаимосвязь и выделение среди них менее либо более значимых недопустимо[2]. Ряд ученых выходит за рамки предмета доказывания как отдельного его элемента, указывают на доказательственные факты как на средства установления обстоятельств, определенных ст. 73 УПК РФ, и относят их к пределам доказывания[3].

Пределы доказывания в научной литературе определяются как круг доказательств, необходимых для достоверного, истинного установления соответствующих фактов и обстоятельств[4]. Связывают пределы доказывания с глубиной познания, то есть необходимой степенью конкретизации обстоятельств, подлежащих доказыванию[5], с уровнем исследования сведений, устанавливающих обстоятельства, подлежащие доказыванию, и с фактическим объемом обстоятельств, подлежащих доказыванию[6].

Ф.Н. Фаткуллин, обращая внимание на судебное познание, отмечает, что предметом судебного познания и судебного доказывания служат только факты, имеющие юридическое значение для рассматриваемого дела, а правовая и общественно-политическая (моральная) оценка в содержание истины, устанавливаемой

---

[1] Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 89, 138.

[2] Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. М.: Проспект, 2013. С. 213.

[3] Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград: Министерство внутренних дел СССР, 1998. С. 11–20; Хмыров А.А. Теория доказывания: общая часть: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. С. 9–10, 25.

[4] Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. С. 303.

[5] Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 65.

[6] Громов Н.А. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / Н.А. Громов, С.А. Зайцева, А.Н. Гущин. М.: Приор, 2006. С. 16.

судом, не входит[1]. А.В. Руденко настаивает на разграничении обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и обстоятельств, находящихся в пределах доказывания, поскольку пределы доказывания соотносятся с его предметом как средство с целью, так как пределы доказывания предопределяются и обуславливаются его предметом[2].

Внутреннее убеждение суда о достижении пределов доказывания, понимаемых как границы необходимого познания, служит операциональным критерием для завершения доказательственной деятельности в интегративной модели. Прекращение доказывания при установлении обстоятельств с высшей степенью достоверности отражает реализацию принципа процессуальной достаточности в рамках судебного познания.

Продуктивность судебного познания в интегративной модели определяется системой взаимосвязанных качественных и количественных параметров деятельности участников. К качественным показателям относятся компетентностный профессионализм, когнитивные способности, коммуникативные навыки, процессуальная активность, качество доказательств и своевременность принятия решений. К количественным – оптимальное использование судебных действий, упрощение процедур и ускорение доказывания. Совокупность этих показателей может быть трансформирована в итеративный алгоритм[3] (чек-листы, методологические ориентиры), структурирующий интеллектуально-волевую деятельность судьи. Такой алгоритм минимизирует временные затраты и риски ошибок, обеспечивая достижение эпистемического консенсуса в рамках дискреционной функции суда.

Семиэтапный итеративный алгоритм оценки доказательств представляет собой научно-методологический инструмент логической последовательности действий, раскрывающих, поясняющих процесс использования ключевых оценочных категорий уголовного процесса – «совести» и «внутреннего убеждения» судьи.

---

[1] Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 70, 43.
[2] Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. М.: Проспект, 2013. С. 213.
[3] Приложение № 4.

Разработанный семиэтапный итеративный алгоритм оценки доказательств с позиций ценностно-стратифицированного подхода представляет собой формализованную модель для синтеза технического и аксиологического уровней судейского усмотрения. Его этапы (лимитизация, состязательность, анализ, синтез, аксиологическая оценка и др.) раскрывают не только логические операции с доказательствами, но и последовательное включение ценностных фильтров (например, проверка на соответствие не только принципам уголовного процесса, но и принципам права в целом). Таким образом, алгоритм выступает как технология гарантированного воплощения ценностей в процессе принятия решения, минимизируя разрыв между профессиональной процедурой и нравственным императивом.

Данный алгоритм, выступая гибкой, но структурированной рамкой, трансформирует интуитивно-психологический акт в рационально-обоснованную и воспроизводимую интеллектуальную процедуру. Последовательные и взаимовлияющие этапы – от лимитизации информации и обеспечения состязательности до критического анализа, синтетической проверки, аксиологической оценки и фиксации мотивов – воплощают в себе принципы интегративной модели: активную роль суда, публичность, гласность и достижение эпистемического консенсуса. Алгоритм не ограничивает судейское усмотрение, а наполняет его содержательной методологией, обеспечивая прозрачность, проверяемость и, как следствие, легитимность итогового судебного решения.

Цифровизация судопроизводства через интеграцию итеративного алгоритма оценки доказательств и специализированных ИИ-инструментов создает практический механизм институционализации ключевых оценочных категорий – «совести» и «усмотрения» судьи. Реализация данного подхода в форме методических рекомендаций (включая работу с промптами[1]) и специализированных программ повышения квалификации[2] трансформирует этические и профессиональные стандарты из области неформальной практики в структурированный, воспроизводи-

[1] Приложение № 5.
[2] Приложение № 6.

мый и контролируемый социально-правовой институт. Это обеспечивает повышение предсказуемости, транспарентности и легитимности судебных решений в рамках интегративной модели, сохраняя при этом антропоцентричный характер правосудия.

Таким образом, преодоление субъективизма в судебном следствии через институционализацию «судейского усмотрения» и «совести» посредством итеративного алгоритма является ключевым результатом применения ценностно-стратифицированного подхода в интегративной модели. Этот подход позволяет трансформировать имплицитные, скрытые ценностные основания судебного решения (уровень совести и внутреннего убеждения) в эксплицитные, структурированные и контролируемые элементы процессуальной деятельности. Алгоритмизация, таким образом, служит не обезличиванию правосудия, а напротив, его гуманизации и легитимации, обеспечивая, чтобы каждый шаг судебного познания был не только технически корректен, но и аксиологически осмыслен и направлен на достижение высшей цели – справедливого и истинного решения.

Выводы по параграфу

Преодолеть проблему субъективизма в судебном познании способен итеративный алгоритм, не редуцирующий судейское решение к механическому применению правил, но превращая его в прозрачный, поддающийся внешней проверке процесс. Предложенный алгоритм трансформирует категории «совесть» и «внутреннее убеждение», традиционно рассматриваемые как имплицитные (скрытые) факторы, влияющие на судебное решение, но остающиеся неконтролируемыми и непроверяемыми, в эксплицитные (явные), структурированные и верифицируемые компоненты процесса формирования решения, включающие в себя: 1) систематическое фиксирование всех доказательств и их взаимосвязей; 2) поэтапное выявление оценочных суждений судьи с указанием на источник этого суждения (нормативное требование, судебная практика, внутреннее убеждение); 3) обоснование логической цепочки от доказательств к выводам посредством явно сформу-

лированных предпосылок; 4) рефлексивное отражение роли совести и этических соображений в правоприменении.

4.3 Доказательственная деятельность сторон в судебных прениях и репликах

Судебные прения и реплики сторон представляют собой кульминационную фазу аргументативной конвергенции в интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции. В этой части производства состязательное влияние сторон на формирование судейского убеждения достигает максимальной интенсивности через развернутые речи и краткие реплики. На технико-процедурном уровне судебные прения и реплики сторон представляют собой последовательность речей и реплик, регламентированных законом, а на аксиологическом уровне данная часть производства выполняет функцию ценностного синтеза, где сталкиваются и уравновешиваются конкурирующие ценности, заложенные в позициях сторон: публичный интерес в наказании виновного (обвинение) и ценность презумпции невиновности, защиты личности от ошибки (защита). Таким образом, прения и реплики сторон – это не только спор о фактах, но и дискуссия о том, какая из фундаментальных ценностей правосудия должна получить приоритет в данном конкретном случае. Процесс произнесения речей и высказывания реплик выполняет функцию трансформации противостоящих позиций обвинения и защиты в целостную основу для формирования окончательной правовой позиции суда и вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения.

«Прения» – это обсуждение, открытый спор по каким-нибудь вопросам[1], а «реплика» – ответ, возражение, замечание на слова собеседника, говорящего[2]. В

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. С. 573.
[2] Там же. С. 666.

УПК РФ понятие «прения» не определено, в отличие от понятия «реплика», под которой понимается замечание участника прений сторон относительно сказанного в речах других участников (п. 36 ст. 5 УПК РФ).

Ученые-процессуалисты судебные прения толкуют как часть судебного разбирательства, в которой участники обращаются к суду с просьбами и предложениями по поводу итогового судебного решения (А.Р. Белкин)[1]; публичное обсуждение виновности или невиновности подсудимого с анализом и оценкой исследованных судом доказательств, высказанных мнений по квалификации инкриминируемого подсудимому деяния, назначению наказания (С.П. Желтобрюхов)[2]. Реплика понимается как высказывание, адресованное высказавшему свое мнение участнику в прениях, касающееся ранее сказанного им, без сообщения новой информации (В.М. Лебедев)[3]. Н.П. Кириллова отмечает, что именно в судебных прениях и репликах стороны получают возможность сформировать у суда внутреннее убеждение в правильности и обоснованности своей позиции[4].

Судебные прения и реплики представляют собой завершающую аргументативную фазу доказывания, в которой доказательственная деятельность сторон качественно трансформируется: от исследования доказательств – к их системной интерпретации и убедительной аргументации в рамках сформированной правовой позиции. Это обеспечивает эпистемический синтез материалов дела перед вынесением итогового решения.

О предмете судебных прений и реплик сторон в научной литературе сложилась дискуссия между сторонниками континентальной и англосаксонской формы производства. Это не случайно, поскольку континентальная модель предполагает

---

[1] Белкин А.Р. Еще о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 31.

[2] Желтобрюхов С.П. Прения сторон и последнее слово подсудимого // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 30.

[3] Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2011. С. 395.

[4] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 220.

активную роль суда и сторон, поэтому прения и реплики необходимы сторонам для закрепления своего мнения, не позволяя сказать суду что-то новое[1], в отличие от англосаксонской формы, где аргументация своей позиции и активное убеждение суда продолжается и в процессе произнесения речей и высказывания реплик.

Интегративная модель производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции обеспечивает процессуальную гибкость, позволяя суду, в случае сообщения сторонами в прениях новых значимых обстоятельств или заявления о необходимости исследования новых доказательств, вернуться к судебному следствию. Этот механизм реализует принцип полноты исследования и отражает активную роль суда в управлении процессом при сохранении баланса публичности и состязательности. Такой механизм обязателен, поскольку исследование обстоятельств уголовного дела не входит в предмет судебных прений и реплик сторон, новые сведения по поводу подлежащих разрешению судом вопросов при подведении итогов судебного доказывания[2] чреваты ошибкой суда в судебных прениях и репликах, являющейся ценой отмены приговора[3].

Состав участников судебных прений и реплик также вызывает научную дискуссию. Практически все участники со стороны обвинения и защиты имеют право давать оценку ранее исследованным доказательствам в своей речи в судебных прениях или реплике. Обязанностью председательствующего является выяснение желания участников выступить в судебных прениях и произнести реплики в соответствии с установленной законом последовательностью[4]. Поскольку субъекты доказывания постоянно подвергают имеющиеся сведения оценке в процессе доказывания, желание высказать свое мнение по услышанному в ходе производ-

---

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. С. 943.
[2] Шакитько Т.В. К вопросу о судебных прениях // Современное право. 2018. № 4. С. 73–75.
[3] Цветков Ю.А. Не последнее слово о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 11.
[4] Якимович Ю.К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: учебное пособие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. С. 105.

ства может возникнуть у них на любом этапе, замечено А.В. Руденко[1]. На разрешительную функцию суда по составу участников прений и реплик указывает И.Л. Петрухин[2]. Однако право участника высказаться в прениях или репликах не может быть ограничено, отмечал В.М. Лебедев[3].

Судебная практика подтверждает, что право на участие в судебных прениях носит фундаментальный, гарантийный характер. Его ограничение представляет собой существенное процессуальное нарушение, искажающее саму структуру состязательной аргументации и препятствующее формированию полноценной правовой позиции суда как гаранта соблюдения принципа публичности. Как следствие, такое нарушение является безусловным основанием для отмены судебного решения, поскольку подрывает легитимность итогового акта и противоречит принципу справедливости. Пример из дела Иркутского областного суда свидетельствует о том, что нарушение гарантий участия в судебных прениях является не формальным, а существенным дефектом процессуальной формы. Невыполнение судом обязанности разъяснить права и выяснить позиции сторон (подсудимых, потерпевших) создает процессуальный дисбаланс, искажающий саму возможность формирования всесторонней аргументации. Как отмечает Верховный Суд РФ, это напрямую влияет на законность, обоснованность и справедливость приговора, подтверждая, что право на прения имеет не технический, а конститутивный характер, обеспечивающий состязательность и легитимность итогового решения[4].

---

[1] Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. М.: Проспект, 2013. С. 151.
[2] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть II. // Государство и право. 2005. № 5. С. 27.
[3] Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2004. С. 127; Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2011. С. 382.
[4] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2003 год» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https:// vsrf. ru/ documents/ own/ (дата обращения: 05.11.2022).

Нормативное регулирование участия в судебных прениях (ст. 292 УПК РФ) и последствий его нарушения (ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ) выявляет системный дисбаланс в процессуальных гарантиях сторон защиты и обвинения. Нормативное регулирование участия в прениях, выявляющее дисбаланс между гарантиями для подсудимого и потерпевшего, является ярким примером рассогласования технического и аксиологического уровней в рамках ценностно-стратифицированного подхода. Технически закон предоставляет разные объемы прав. Аксиологически же это создает угрозу базовой ценности равноправия сторон и справедливости процедуры, где частный интерес потерпевшего в возмещении вреда и восстановлении справедливости может быть оставлен без адекватной процессуальной формы для его защиты. Унификация статуса – это не просто техническое исправление, а восстановление ценностного баланса между публичным и частным началом в правосудии.

Предоставление подсудимому права на участие в прениях наряду с защитником признает его полноправным субъектом аргументативной деятельности, а нарушение этого права является безусловным основанием для отмены приговора. Однако аналогичная гарантия для потерпевшего отсутствует, что противоречит принципу равной защиты прав, закрепленному в ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Данная коллизия требует унификации процессуального статуса подсудимого и потерпевшего в судебных прениях в рамках интегративной модели для обеспечения подлинной состязательности и справедливости производства. Позиция Верховного Суда РФ (Постановление Пленума от 29.06.2010 г. № 17, п. 11[1]) и единое мнение ученых-процессуалистов[2] подтверждают, что право потерпевшего на участие в судебных прениях и репликах является неотъемлемым элементом принципа состязательности и равноправия сторон. Ущемление этого права рассматривается как суще-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

[2] Вус А.В. Некоторые вопросы правовой регламентации судебных прений и последнего слова подсудимого // Аллея науки. 2018. № 11 (27). С. 608–612; Белкин А.Р. Еще о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 30.

ственное нарушение процессуальной симметрии, которое деформирует механизм аргументативной конвергенции в интегративной модели и препятствует формированию полной и сбалансированной правовой позиции суда при постановлении приговора.

Право на участие в судебных прениях в рамках интегративной модели представляет собой гарантию процессуальной симметрии, реализующую принцип состязательности. Его предоставление сторонам является обязательным, а добровольный отказ от использования не должен ограничивать возможность полноценного изложения позиции письменно и доведения ее до суда, что обеспечивает формирование сбалансированной основы для итогового судебного решения.

Не обязывает закон государственного обвинителя и защитника участвовать в судебных прениях и репликах, устанавливая лишь их структуру в виде речей. Так, Н.П. Кириллова подчеркивает, что отказ от реплики не означает согласия с оппонентом, а предметом реплики могут быть лишь принципиальные разногласия, когда защитник искажает фактические обстоятельства, применяет недобросовестные методы ведения защиты[1]. Возможно, на этом основаны мнения ученых об обязанности государственного обвинителя и защитника принять участие в судебных прениях[2], в которых высказываются мнения по вопросам, разрешаемым судом[3]. По мнению М.А. Жадяева, отказ от прений или реплики защитника подсознательно у участников процесса может быть истолкован как отсутствие доводов против аргументов государственного обвинителя[4].

Верховный Суд РФ высказал позицию, согласно которой государственный обвинитель в силу возложенных на него законом обязанностей не вправе отка-

---

[1] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 240–241.

[2] Комментарий к УПК РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 482; Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е издание. М.: Проспект, 2020. С. 375.

[3] Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД РФ, 2022. С. 266.

[4] Жадяева М.А. Нюансы защитительной речи адвоката // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 29.

заться от участия в прениях сторон, поскольку это может рассматриваться как отказ от обвинения, который должен быть сформулирован в соответствующем документе[1].

Дискуссия об обязательности участия государственного обвинителя и защитника в прениях в свете ценностно-стратифицированного подхода предстает как спор о том, какая ценность является верховной в данной процессуальной фазе. Технический отказ возможен (формальное право). Однако аксиологически он вступает в конфликт с ценностями публичности (для обвинителя – обязанность отчитаться перед обществом в обоснованности преследования) и эффективной защиты (для защитника – обязанность использовать все средства для защиты подзащитного). Позиция Верховного Суда РФ, трактующая отказ от прений и реплик как невыполнение уголовно-процессуальной функции, отражает ценностный приоритет субстантивного содержания правосудия над формальной диспозитивностью.

Отказ защитника от участия в прениях и репликах также не поддержан Верховным Судом РФ и означает, в соответствии с его позицией, невыполнение обязанности по защите, лишение подсудимого права на защиту, гарантированного Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала обоснованными содержащиеся в кассационной жалобе осужденного доводы о нарушении его права на защиту, в силу требований ст. 381 УПК РФ, отменила вынесенный в отношении него приговор Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики и направила дело на новое судебное рассмотрение. Причиной отмены стало отсутствие ходатайства об отказе от помощи защитника подсудимого, при том, что в деле было заявление адвоката Б. о том, что его подзащитный является профессиональным адвокатом и по их договоренности сам выступит в судебных прениях. Со-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

гласно ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого, указал Верховный Суд РФ[1].

Не отказом, но исключительной краткостью показателен пример, когда по уголовному делу с объемом протокола судебного заседания 9 томов на 4347 страницах защитник выступил в прениях с речью в одно предложение[2].

Государственный обвинитель и защитник в судебных прениях реализуют дискреционное право на профессиональную аргументацию, включая определение объема выступления или тактический отказ от него. Эта автономия является элементом состязательности и служит формированию итоговой правовой позиции в рамках интегративной модели[3]. Представляется, что участие в прениях своего рода форма проявления диспозитивности в уголовном процессе, которая, по мнению И.С. Дикарева проявляется в закрепленном в законе или вытекающем из смысла закона диспозитивном праве участника уголовного судопроизводства, действующего в своих личных, защищаемых или представляемых интересах[4]. Государственный обвинитель и защитник играют центральную роль в аргументативной конвергенции судебных прений, их профессиональное усмотрение и качество речей напрямую формируют внутреннее убеждение суда. Выработка критериев эффективности их выступлений позволяет повысить продуктивность этой заключительной фазы доказывания и обеспечить обоснованность итогового решения в интегративной модели. Так, например, в УПК Республики Беларусь для тщательной подготовки речи предусмотрен перерыв при заявлении сторонами ходатайства,

---

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2008 год» [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https: // vsrf.ru/ documents/ own/ (дата обращения: 27.10.2022).

[2] Калинкина Л.Д. Размышления по поводу речи адвоката в одно предложение // Адвокатская практика. 2019. № 1. С. 25.

[3] Ткачева Н.В. Участие в прениях сторон: право или обязанность участников в производстве суда первой инстанции // Российский следователь. 2023. № 2. С. 28–31.

[4] Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград. 2004. С. 8.

объявляемый судом, срок перерыва определяется с учетом сложности и объема уголовного дела (ч. 1 ст. 345).

Последовательность выступлений в прениях (обвинитель, затем защитник) является инструментом процессуального баланса в интегративной модели: она обеспечивает право защиты на опровержение и использует психологический эффект заключительной речи для формирования сбалансированного судейского убеждения.

При множественности участников прений дискреционная функция председательствующего по организации порядка выступлений становится механизмом обеспечения состязательности и процессуальной эффективности в рамках интегративной модели.

В научной литературе ученые-процессуалисты высказывают рекомендации, которые можно сгруппировать в следующем виде: выступления одного из государственных обвинителей будет достаточно (Л.Н. Масленникова)[1]; защитник, изобличающий не своего подзащитного, должен выступать первым, поскольку это может ухудшить положение подсудимого, а приглашенные подсудимым наряду с адвокатом иные лица в качестве защитников – после него (В.М. Лебедев)[2]; слово должно быть предоставлено всем защитникам, участвующим в уголовном деле (Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина)[3], однако содержание их речей не должно повторяться (А.Р. Белкин)[4].

Ограничение права защитника на участие в судебных прениях, как это имело место в практике Краснодарского краевого суда, представляет собой суще-

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. С. 598.

[2] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Бобров В.К., Божьев В.П., Бородин С.В., Демидов В.В., и др.; под общ. ред.: Лебедев В.М.; науч. ред.: Божьев В.П. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 774.

[3] Комментарий к УПК РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 600–605; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации … С. 784.

[4] Белкин А.Р. Еще о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 30.

ственное нарушение процессуальной формы, деформирующее саму конструкцию состязательности. Позиция Верховного Суда РФ, отменившего приговор, подтверждает, что данное право (ст. 248 УПК РФ) имеет императивный характер и включает в себя возможность оценки всех исследованных доказательств, включая те, в отношении которых суд ранее отказал в признании их недопустимыми. Такое ограничение лишает защитника возможности исполнить свою ключевую функцию в аргументативной конвергенции – сформировать и донести до суда целостную позицию по существу обвинения, что подрывает основы справедливого судебного разбирательства и легитимность итогового решения[1].

Организационная деятельность председательствующего в прениях представляет собой гарантийный механизм, обеспечивающий реализацию сторонами их процессуальных функций через участие в аргументативной конвергенции, что является обязательным элементом интегративной модели.

Требований к форме, содержанию, структуре, интонации произнесения, предъявляемых законом к речи участника судебных прений и реплик, нет. А.Ф. Кони характеризовал произнесение речей в прениях как самую подвижную, живую, изменчивую часть судебного разбирательства[2]. И.Я. Фойницкий отмечал, что содержание речей образуют как фактические, так и юридические данные и доводы, основанные на совокупности доказательств, проверенных судебным следствием[3]. Законодатель установил существенные требования, предъявляемые к тем доказательствам, на которые могут ссылаться участники.

В научной литературе обращается внимание на то, что речи участников судебных прений и реплик по своему содержанию должны отвечать требованиям соблюдения нравственных и этических норм, уважительности по отношению к суду, участникам процесса, иным лицам, соответствовать общепринятым прави-

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.01.2020 г. № 18-АПУ19-29. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2023).

[2] Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1910. С. 317.

[3] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. 3-е изд. СПб.: Сенатская типография, 1910. С. 427.

лам поведения, принципам уголовного процесса, общим условиям судебного разбирательства и правилам регламента судебного заседания[1], а истинное красноречие судебных ораторов заключается в деловом разборе доказательств, а не в изложении всякого вздора, увеличивающего трудности в процессе[2].

Содержание речей в прениях, анализируемое через ценностно-стратифицированный подход, выступает полем реализации не только процессуальных, но и этических ценностей. На техническом уровне речь должна быть аргументирована и основана на доказательствах. На аксиологическом уровне она является носителем ценностей уважения к достоинству личности (даже оппонента), профессиональной честности, служения праву, объективности. Этические требования к речи, критика бессмысленной полемики выступают как защита ценностного ядра правосудия, основанного на уважении оппонента как представителя противоположной стороны и суда как представителя судебной власти.

В целях учета доводов сторон, указанных в их речах, Н.П. Кириллова, опираясь на точку зрения Т.З. Зинатуллина, предлагает прикладывать письменные тексты выступлений сторон к протоколу судебного заседания[3].

Таким образом, эффективная аргументация в судебных прениях и репликах обеспечивается синергией профессиональных компетенций (правовых знаний, процессуальных умений, профессиональных навыков) и личностно-коммуникативных качеств участников. Эта совокупность позволяет точно и убедительно транслировать правовую позицию суду и другим участникам процесса, непосредственно влияя на формирование судейского убеждения и легитимность итогового решения.

---

[1] Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2011. С. 388–389.

[2] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. 3-е изд. СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. С. 174.

[3] Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 250–251.

В интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции выступления сторон в судебных прениях и репликах выполняют функцию когнитивно-аргументативной концентрации доводов сторон в процессе формирования судебного решения. Представляя сконцентрированные правовые позиции, они не просто информируют суд, а активно структурируют его внутреннее убеждение, выделяя иерархию значимости исследованных доказательств. Таким образом, финальная аргументация становится ключевым элементом эпистемической трансформации, непосредственно влияющим на содержательное наполнение итогового судебного акта в рамках механизма состязательной конвергенции.

В рамках интегративной модели содержательное различие речей сторон обвинения и защиты в судебных прениях обусловлено функциональной дивергенцией их уголовно-процессуальных целей. Речь государственного обвинителя носит систематизирующе-доказывающий характер, направленный на консолидацию доказательств и обоснование обвинительного тезиса. Речь защитника имеет критико-альтернативную направленность, нацеленную на деструкцию логики обвинения, выявление противоречий и формирование разумных сомнений. Это содержательное противостояние является движущим механизмом аргументативной конвергенции, обеспечивающим суду возможность сформировать сбалансированное внутреннее убеждение на основе состязательного диалога.

Функциональное противостояние речей государственного обвинителя и защитника в судебных прениях объективно обусловлено их процессуальными целями и служит механизмом баланса между исследованными доказательствами и ключевыми ценностями уголовного процесса. Речь обвинителя актуализирует ценности публичной справедливости, неотвратимости ответственности и защиты общества. Речь защитника – ценности индивидуальной свободы, презумпции невиновности и защиты личности от ошибки государства. Их столкновение в прениях – это не просто спор, а процедурно оформленный механизм достижения цен-

ностно взвешенного решения, где суд призван найти баланс между этими конкурирующими, но фундаментальными благами.

Государственный обвинитель, реализуя публичную функцию, формулирует систематизированную аргументацию, подтверждающую обвинительный тезис на основе исследованных доказательств, что может завершиться отказом от обвинения. Защитник, реализуя право на сомнение, строит критическую деструкцию этой аргументации. Такое содержательное противоборство представляет собой завершающую фазу аргументативной конвергенции, где каждая сторона через структурированную речь, как отмечено З.Ш. Гатауллиным[1], целенаправленно воздействует на формирование внутреннего убеждения суда, обеспечивая тем самым полноту и объективность итогового решения.

Речь защитника в судебных прениях интегративной модели представляет собой целенаправленную реактивную аргументацию, структурно и содержательно производную от обвинительного тезиса. Ее ядро составляет системное опровержение или смягчение обвинения через анализ исследованных доказательств, характеристику личности подсудимого и иных благоприятных обстоятельств. Как отмечает Л.Д. Калинкина[2], такая речь должна отличаться содержательностью, аргументированностью и правовым обоснованием, отражая результаты профессиональной мыслительной деятельности адвоката. Таким образом речь защитника выполняет функцию квалифицированной правовой помощи, трансформируя материалы дела в целостную защитительную позицию, что является необходимым элементом аргументативной конвергенции для формирования сбалансированного судебного решения.

В интегративной модели согласование защитником своей позиции с подсудимым в судебных прениях является не только этическим императивом (ст. 9 Ко-

---

[1] Гатауллин З.Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 45–48.

[2] Калинкина Л.Д. Размышления по поводу речи адвоката в одно предложение // Адвокатская практика. 2019. № 1. С. 24, 27.

декса профессиональной этики адвоката[1]), но и конститутивным элементом легитимности процессуальной деятельности защиты. Нарушение этого требования, выражающееся в выступлении защитника с позицией, противоречащей позиции подсудимого (например, ходатайство о наказании при непризнании вины), расценивается судебной практикой (например, Волгоградский областной суд[2]) как существенное нарушение права на защиту, ведущее к отмене судебного решения. Таким образом, согласованность выступает гарантией подлинной состязательности и обеспечения баланса сторон, что необходимо для вынесения справедливого и законного итогового решения.

Речи государственного обвинителя и защитника зависят от многих обстоятельств, к которым можно отнести сложность дела, количество и особенности личностей участников, их поведение, собранные доказательства, тактику обвинения или защиты. Ученые-процессуалисты отмечают недостатки речей профессиональных участников, которые существенным образом могут сказаться не только на качестве реализации ими уголовно-правовой функции, но и на их репутации. К недостаткам можно отнести отсутствие аргументов, непоследовательность, ссылки на недопустимые доказательства, косноязычие, несоблюдение профессиональной этики (М.А. Жадяева)[3]; непрофессиональный полемический раж, ставящий под сомнение престиж профессии (И.В. Ревина)[4]; грубости, неуважительный тон, унижение чести и достоинства, оскорбления (С.П. Желтобрюхов)[5]. Для исключе-

---

[1] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утв. II Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.; III Всероссийским съездом адвокатов 5 апреля 2007 г.; VI Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2013 г.; VII Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2015 г.; VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.; X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г.; XII Всероссийским съездом адвокатов 18 апреля 2025 г.) // Библиотечка Российской газеты. 2003. Выпуск № 4. (дата обращения 09.11.2025).

[2] Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 2 полугодие 2017 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Волгоградского областного суда URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru(дата обращения: 03.11.2022).

[3] Жадяева М.А. Нюансы защитительной речи адвоката // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 29.

[4] Ревина И.В. Нравственные критерии судебных прений // Адвокатская практика. 2016. № 5. С. 37–40.

[5] Желтобрюхов С.П. Прения сторон и последнее слово подсудимого // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 34.

ния недостатков речи и повышения качества выступления профессиональных участников представляется необходимым предоставить им время для подготовки к судебным прениям в виде права на заявление об этом ходатайств.

В интегративной модели выступления непрофессиональных участников в судебных прениях и репликах характеризуются повышенной степенью диспозитивности и информационной неструктурированности, что обусловлено отсутствием профессиональных навыков системного анализа доказательств. В связи с этим контролирующая и направляющая функция председательствующего приобретает ключевое значение для сохранения процессуальной формы и целесообразности выступлений. При этом представляется необходимым снять излишние ограничения на содержание реплик (дополнения к сказанному, обращения к участникам, не выступавшим в прениях), что позволит оптимизировать аргументативную конвергенцию без ущерба для состязательности.

Право сторон представлять в судебных прениях письменные формулировки по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ), является дополнительным инструментом формализации и структурирования их правовых позиций в интегративной модели. Однако ограничение объема этих формулировок лишь вопросами, указанными в п. 1–6 ст. 299 УПК РФ, неоправданно сужает их потенциал. Предоставление сторонам возможности высказываться также по вопросам вида и размера наказания, режима его отбывания, освобождения от наказания и иным значимым аспектам усиливает состязательную аргументацию, не связывая суд мнением сторон, но обогащая доказательственную основу для принятия итогового решения.

Продуктивная деятельность участников судебных прений и реплик в интегративной модели определяется системой взаимосвязанных реперных точек, обеспечивающих эффективность аргументативной конвергенции. К ним относятся: 1) стратегическое формулирование позиции в соответствии с уголовно-процессуальной функцией (обоснование обвинения или его оспаривание); 2) доказательственная аргументация на основе исследованных материалов; 3) динамическая речевая коммуника-

ция, включающая в себя критический ответ на доводы оппонента; 4) целевое использование риторико-эмоциональных средств для усиления убедительности при сохранении логики; 5) соблюдение процессуального регламента. Совокупность этих элементов формирует механизм целенаправленного воздействия на внутреннее убеждение суда, что является необходимым условием достижения эпистемического консенсуса и легитимности итогового решения.

Критерии продуктивной деятельности в судебных прениях (аргументированность, логичность, убедительность, критический анализ, регламент, готовность к диалогу, этичность) представляют собой систему параметров, оптимизирующих аргументативную конвергенцию в интегративной модели. Их соблюдение обеспечивает эффективное формирование правовой позиции суда и переход к постановлению приговора в установленные сроки.

Таким образом, судебные прения и реплики в интегративной модели, осмысленные через ценностно-стратифицированный подход, предстают как завершающий акт аргументативного синтеза. На этом этапе технические средства аргументации (логика, риторика, ссылки на доказательства) используются сторонами для актуализации и защиты конкретных иерархий процессуальных ценностей. Критерии продуктивности (аргументированность, логичность, этичность) не только служат оценке мастерства оратора, но и являются индикаторам того, насколько полно в процессе конвергенции были представлены и взвешены все значимые для уголовного дела ценности. Именно этот ценностно насыщенный синтез, а не просто сумма доказательств формирует ту эпистемическую и аксиологическую основу, которая позволяет суду вынести решение, воспринимаемое не только как законное, но и как внутренне справедливое.

Выводы по параграфу

В рамках интегративной модели судебные прения и реплики сторон представляют собой заключительную фазу аргументативной конвергенции. В этой части производства стороны, используя диспозитивные права (устно или письменно), посредством вербальных и невербальных коммуникативных форм целена-

правленно трансформируют исследованные доказательства в сконцентрированные правовые позиции, непосредственно влияя на формирование внутреннего убеждения суда. Эффективность данного механизма, оцениваемая через систему критериев (аргументированность, логичность, критический анализ, этичность и др.), определяет качество эпистемического синтеза и легитимность основы для вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого итогового судебного решения.

4.4 Субъективная легитимация подсудимого в последнем слове

Последнее слово подсудимого характеризуется как финальная интроспекция, в ходе которой подсудимый через самоанализ и морально-правовую оценку собственных действий осуществляет персональное волеизъявление, обращенное к суду и участникам процесса.

Последнее слово подсудимого, анализируемое через ценностно-стратифицированный подход, предстает как уникальный институт, синтезирующий различные уровни процессуальных ценностей. На технико-процедурном уровне это гарантированное законом право выступить, на аксиологическом – оно выполняет несколько функций: этическую (возможность раскаяния или моральной самооценки), гуманистическую (признание субъектности и достоинства личности), легитимирующую (обеспечение восприятия приговора как справедливого самим осужденным). Таким образом, последнее слово подсудимого является частью производства, завершающего состязательную аргументацию и обеспечивающего антропоцентричность правосудия и легитимность итогового судебного акта.

Исследование и познание человеком своих мыслей, образов, чувств, переживаний восходит к работам Дж. Локка[1], который отмечал, что существует два

[1] Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций. М.: Издательство АСТ, 1996. С. 34.

источника всех наших знаний: объекты внешнего мира, на которые мы направляем свои внешние чувства, получая в результате впечатления и деятельность собственного ума – мышление, сомнение, вера, рассуждения, желания, познаваемые с помощью особого, внутреннего чувства – рефлексии[1], то есть интроспекции[2]. По сути, подсудимый в последнем слове осуществляет интроспективную деятельность посредством произнесения самозащитной речи. Право на последнее слово подсудимому разъясняется наряду со всеми остальными правами[3]. Право подсудимого на последнее слово в интегративной модели является ключевой гарантией процессуальной интроспекции. Его ограничение (кроме пресечения нерелевантных высказываний) – это системное нарушение, искажающее принципы состязательности, права на защиту и противоречащее гуманистической сущности правосудия.

В научных дискуссиях ученые указывают на казусы, нарушающие право подсудимого на последнее слово, что чревато отменой приговора. Вмешательство потерпевшего, технические ошибки, забывчивость судьи[4] выявляют риски деформации института последнего слова и одновременно подтверждают обязанность суда предпринимать все возможные меры для его восстановления. Это доказывает, что данное право носит не формальный, а сущностный характер в процедуре субъективной легитимации итогового решения, и его обеспечение является критерием процессуальной законности и справедливости.

---

[1] Дж. Локк. Опыт о человеческом разуме. Избранные философские произведения в двух томах. Т. I. М., 1960. С. 159.

[2] Интроспекция – самонаблюдение (от лат. introspecto – смотреть внутрь) // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. С. 245.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

[4] Цветков Ю.А. Не последнее слово о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 11–12.

Систематическая отмена приговоров, включая практику Верховного Суда РФ (например, по делу Нижегородского областного суда[1]), по причине нарушения права подсудимого на последнее слово подтверждает, что данный институт в интегративной модели обладает статусом императивной процессуальной гарантии. Осмысление отмены через ценностно-стратифицированный подход демонстрирует конфликт между ценностями: с одной стороны, ценность процессуальной экономии и формальной окончательности приговора, с другой – иерархически более высокие ценности гарантированного права на защиту, защиту человеческого достоинства и субъективной легитимности решения. Позиция Верховного Суда РФ, трактующая это нарушение как существенное, свидетельствует о законодательном и судебном признании примата аксиологического уровня (гуманизм, справедливость) над узкотехническим, что является прямым воплощением ценностной стратификации в правоприменении.

Ограничение выступления подсудимого без законных оснований (ч. 2 ст. 293 УПК РФ) расценивается как существенное нарушение, затрагивающее ядро права на защиту. Такая практика демонстрирует, что последнее слово рассматривается высшей судебной инстанцией не как формальность, а как неотъемлемый элемент процессуальной интроспекции и состязательности, нарушение которого ведет к утрате легитимности всего судебного решения. Так, например, Верховный Суд РФ отменил приговор суда в связи с тем, что на основании плохого самочувствия подсудимый обратился к суду с ходатайством о возможности произнести последнее слово в другой день, однако суд посчитал это отказом от него[2].

Верховный Суд РФ рассматривает произвольное прерывание последнего слова подсудимого как системное нарушение, ведущее к деформации процедуры процессуальной интроспекции и лишающее приговор легитимности. Это под-

---

[1] Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 5-АПУ15-72. Текст определения официально опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.11.2023).

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.10.1996 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 5.

утверждает, что последнее слово подсудимого является не формальной частью производства, а ключевым элементом реализации права на защиту и субъективной легитимации судебного решения[1].

Восьмым кассационным судом общей юрисдикции существенным нарушением признаны действия судьи Красноярского апелляционного суда, не предоставившего подсудимому последнего слова и удалившегося в совещательную комнату, в процессе рассмотрения дела путем проведения видео-конференц-связи, в связи с чем прокурором было подано кассационное представление, осужденным – кассационная жалоба на основании ч. 2 ст. 389.14 УПК РФ[2].

Право подсудимого на последнее слово представляет собой уникальный институт процессуальной самозащиты, исторически укорененный (как в случае с речью Сократа, который был оправдан посредством речи, подготовленной для него известным логографом, изложившим в ней неопровержимые доказательства[3]) и сохраняющий актуальность в интегративной модели. Его особенность заключается в персональном, не опосредованном характере выступления, что отличает его от обвинительной и защитительной речи профессионалов. Эффективность данной самозащиты зависит от способности подсудимого к аргументации, для развития которой ему должна быть гарантирована возможность получения профессиональной помощи и предоставлено разумное время на подготовку (например, до 3 суток в зависимости от сложности уголовного дела). Это обеспечивает не формальную, а содержательную реализацию данного права как элемента справедливого производства по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в суде первой инстанции с акцентом на антропоцентричность правосудия.

Присутствие защитника при последнем слове подсудимого, обусловленное риском заявления новых обстоятельств (п. 17 Стандарта осуществления адвокатом

---

[1] Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 марта 2023 г. № 19-УД22-33-К5. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2023).

[2] Обзор судебной практики по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции за 2022 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 06.11.2023).

[3] Сергеич П. Искусство речи на суде. М.: Юрайт, 2009. С. 23.

защиты в уголовном судопроизводстве[1]), является обязательной гарантией непрерывности защиты. Его отсутствие – существенное нарушение, ведущее к утрате легитимности приговора в рамках интегративной модели.

Исключительное право подсудимого заявить в последнем слове о новых обстоятельствах или доказательствах представляет собой специальный процессуальный механизм, направленный на преодоление возможных дефектов судебного следствия. Эта прерогатива, не предоставленная иным участникам, возлагает на суд обязанность реагировать путем возобновления исследования, реализуя тем самым принципы полноты, объективности, всесторонности и судейской активности в установлении истины по уголовному делу. Данное положение служит дополнительной гарантией против судебной ошибки и укрепляет состязательное начало процесса, обеспечивая окончательность и легитимность приговора.

В рамках ценностно-стратифицированного подхода это механизм ценностного «корректора», позволяющий преодолеть возможный дефект на техническом уровне (неполнота следствия, тактические ошибки защиты) ради обеспечения ценностей более высокого порядка: материальной истины и максимизации защиты. Это право является ярким примером того, как процедура может содержать исключительные обстоятельства, реагировать на которые суд обязан в силу предотвращения судебной ошибки, обеспечивая справедливость в ущерб экономии временно́го ресурса.

Последнее слово подсудимого выступает логическим продолжением судебных прений сторон[2]. Однако особенность его, несмотря на архаичность, в том, что оно выступает инструментом раскаяния подсудимого[3]. Как коммуникативно-психологическая категория последнее слово позволяет подсудимому через адек-

---

[1] Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 г.) // Новая адвокатская газета. 2017. Май. № 9.

[2] Захарова Г.А. Прения сторон и последнее слово подсудимого в судебном разбирательстве // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2023. Спецвыпуск № 1.1 (37). С. 59.

[3] Накаев Б.Р. Процессуальное положение подсудимого по уголовно-процессуальному праву РФ // Евразийский научный журнал. 2017. № 4. С. 91–92.

ватный подбор средств выражения не только изложить свою позицию, но и установить психологический контакт с судом и присутствующими. Субъективная легитимация выражена правом подсудимого посредством признания вины, раскаяния или просьбы об оправдании либо непризнания вины реализовать свою экзистенциальную оценку производства.

Несмотря на устный характер коммуникации подсудимого при выражении последнего слова, самозащитная речь, направленная на поиск обстоятельств, смягчающих и исключающих наказание, либо обстоятельств, влекущих за собой освобождение от наказания, он вправе предоставлять суду письменные тезисы речи, способствующие усилению позиции защиты. Такая тактика подсудимого, как считает В.А. Лазарева, способна повысить шанс принятия к сведению учета мнения подсудимого и использовать при вынесении приговора не только собственно просьбу, но и ее обоснование[1].

Предмет последнего слова подсудимого – это синтез правовой позиции и личностной рефлексии, служащий финальным актом субъективной легитимации в рамках интегративной модели. Он обеспечивает завершение процессуальной интроспекции и антропоцентричность правосудия.

Содержание последнего слова подсудимого в рамках интегративной модели представляет собой структурированный монолог, синтезирующий правовую аргументацию (опровержение или признание обвинения), социально-психологическую саморепрезентацию (акцент на личностных и социальных характеристиках) и эмоционально-экзистенциальную рефлексию. Его подготовка может следовать классическим риторическим этапам (инвенция, композиция, элокуция, мемория, произнесение[2]), что позволяет трансформировать личный опыт в убедительное выступление. Данный конструкт выполняет ключевую функцию финальной субъективной легитимации, усиливая антропоцентричность правосудия и способствуя восприятию приговора как справедливого и легитимного.

---

[1] Лазарева В.А. Теория судебной речи. Самара: Издательство Самарского университета. 2009. С. 191.
[2] Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. М.: Флинта, Наука. 2011. С. 26–30.

Содержание последнего слова, структурированное как синтез правовой аргументации, социально-психологической саморепрезентации и экзистенциальной рефлексии, является практическим воплощением ценностно-стратифицированного подхода в коммуникативной практике. Оно отражает переход от чисто правового диалога (уровень норм и доказательств) к диалогу, включающему в себя этические (раскаяние, просьба о прощении) и антропологические (личная история, мотивы) ценности. Эта многослойность позволяет последнему слову выполнять уникальную функцию «субъективной легитимации», обращаясь не только к разуму, но и к чувствам судьи, моральным и нравственным нормам общества.

Кроме содержания речи, важное значение для обеспечения ее убедительности имеет искренность[1]. Подготовка подсудимого к последнему слову должна основываться на рекомендациях, структурирующих его финальное выступление. Эти рекомендации включают в себя: 1) краткое резюмирование своей позиции; 2) в случае признания вины – выражение раскаяния и просьбу о прощении у потерпевшего; 3) в случае оспаривания обвинения – акцент на несогласии и указание на ключевые смягчающие обстоятельства. Такой структурированный подход позволяет подсудимому эффективно реализовать право на процессуальную интроспекцию, усиливает коммуникативную ясность выступления и способствует формированию восприятия приговора как взвешенного и справедливого акта.

Необходимость подготовки подсудимого к последнему слову и обязательное присутствие защитника в рамках ценностно-стратифицированного подхода обосновываются необходимостью преодоления разрыва между формальным наличием права (технический уровень) и реальной возможностью его содержательной, ценностно-насыщенной реализации (аксиологический уровень). Защитник здесь выступает не как «автор» речи, а как фасилитатор, помогающий подсудимому структурировать свою личностную рефлексию и правовую позицию, чтобы донести их в убедительной форме. Это обеспечивает подлинную, а не фиктив-

[1] Сергеич П. Искусство речи на суде. М.: Юрайт, 2009. С. 38.

ную реализацию гуманистической и легитимирующей ценности последнего слова подсудимого.

Таким образом, последнее слово подсудимого представляет собой самостоятельный, эксклюзивный и императивно гарантированный институт интегративной модели. Его самостоятельность подтверждается тремя критериями: 1) наличием уникального предмета и монопольного статуса подсудимого как единственного безусловного участника; 2) признанием нарушения данного права существенным процессуальным дефектом, влекущим за собой отмену приговора; 3) наделением подсудимого правом инициировать возобновление судебного следствия через заявление новых обстоятельств. Эксклюзивность этапа заключается в его персонально-интроспективной природе, требующей от подсудимого осознанной аргументативной подготовки для реализации функции финальной субъективной легитимации судебного решения.

Полную теоретическую экспликацию и практическую направленность институт последнего слова подсудимого получает именно благодаря ценностно-стратифицированному подходу. Он позволяет системно выявить и согласовать все ценностные уровни, которые данный институт призван обслуживать: от императивной процессуальной гарантии (уровень формальных прав) через гуманистический императив (уровень человеческого достоинства) до экзистенциально-легитимирующей функции (уровень личностного принятия решения). Предлагаемая система гарантий (время, условия, помощь защитника) направлена на то, чтобы техническое осуществление процедуры неизменно вело к реализации ее высшего аксиологического предназначения – превращению подсудимого из объекта процесса в субъекта, чей голос становится неотъемлемой частью легитимной основы правосудного решения.

Выводы по параграфу

В рамках интегративной модели производства последнее слово подсудимого представляет собой завершающий этап процессуальной интроспекции, выполняющий функцию финальной субъективной легитимации судебного решения.

Данный институт, будучи логическим продолжением аргументативной конвергенции на этапе прений и реплик сторон, обеспечивает антропоцентричность правосудия через персональное выражение позиции подсудимого (самозащитной речи, раскаяния или оспаривания обвинения). Гарантии реализации этого права (подготовка, создание комфортных условий, обучение защитников оказанию содействия подзащитному при подготовке речи, регуляция времени, учет в приговоре) образуют систему процессуальных условий, предотвращающих формализацию и превращающих последнее слово подсудимого в действенный инструмент защиты, восстановительной функции и достижения воспринимаемой справедливости итогового судебного акта.

4.5 Оценочная деятельность суда при постановлении приговора

Вынесение итогового судебного решения (приговора) судом первой инстанции характеризуется реализацией исключительной компетенции суда по разрешению уголовно-правового спора на основе всестороннего, полного, объективного исследования доказательств. Постановление приговора на технико-процедурном уровне представляет собой акт властной нормативной конкретизации, подчиненный формальным требованиям (структура, порядок), на аксиологическом уровне – результат дискреционной оценочной деятельности суда, направленной на восстановление нарушенных прав и социальной справедливости. В связи с этим становится очевидным, что приговор – это не просто применение нормы, но и акт ценностного суждения, синтезирующий закон, доказательства и совесть судьи.

Сущность приговора заключается в его двойственной природе. С одной стороны, это акт властной нормативной конкретизации, выражающий государственную волю, с другой – результат дискреционной оценочной деятельности суда, направленной на финальную легитимацию исхода дела и удовлетворение социального запроса на справедливость. Поскольку сторонами и судом доказательства оцениваются по-разному, при обосновании позиции государственного обви-

нителя, адвоката-защитника и судьи необходимо учитывать как теоретические разработки, посвященные такому свойству доказательств, как допустимость, так и судебную практику признания доказательств недопустимыми при постановлении приговора[1].

Дореволюционные юристы называли приговор конечным моментом процесса, в отношении которого все предыдущие моменты имеют лишь значение подготовительных действий и коим окончательно разрешается вопрос о виновности и о наказании на основании произведенного в суде исследования уголовных доказательств (В.К. Случевский)[2]; актом правосудия, исходящим от судей, соответствующим определенным условиям, при отсутствии которых о судебном решении не может быть и речи (И.Я. Фойницкий)[3]. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. подчеркивалось, что приговоры составляются по каждому делу особо и пишутся по установленной форме от имени Императорского Величества[4].

В научной литературе советского и нашего времени под приговором понимается: выносимое судом от имени государства и основанное на законе и данных судебного разбирательства дела положительное или отрицательное решение вопроса о виновности подсудимого и применении к нему наказания, которым определяется его судьба[5]; решение, вынесенное судом в судебном заседании, дающее политическую и юридическую оценку действиям лиц, привлеченных к уголовной ответственности, выражающее отношение государства к преступлению и к лицам, его совершившим[6]; процессуальный акт государственной власти, оценивающий совершенные деяния, выра-

---

[1] Кириллова Н.П. Следственные ошибки и допустимость доказательств // КриминалистЪ. 2009. № 2 (5). С. 49.

[2] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. Судопроизводство / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 374.

[3] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. 3-е изд. СПб.: Сенатская типография, 1910. С. 341.

[4] Случевский В.К. Указ. соч. С. 384.

[5] Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Госюриздат, 1962. С. 406.

[6] Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М.: Госюриздат, 1953. С. 280–281.

жающий отношение государства к лицам, преданным суду[1]; акт судебной власти[2], вынесенный в судебном заседании, являющийся единственным процессуальным актом, который выносится судом от имени государства, так как признает подсудимого преступником[3]; акт государственной (судебной) власти[4], являющийся итоговым документом стадии судебного разбирательства[5]; важнейший процессуальный документ судебной власти, который выносится от имени государства[6], обладающего монополией на правосудие[7]. Приговор, независимо от доктринальных нюансов его определения, обладает системообразующими признаками, которые единодушно признаются в теории: он является 1) властным актом, вынесенным от имени государства, и 2) результатом оценочной (интроспективной) деятельности суда, дающим окончательную правовую квалификацию деянию. Эта двойственная природа приговора отражает его сущность как итогового решения, завершающего уголовно-правовой спор и реализующего дискреционную функцию суда в рамках правоприменительного познания.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет приговор как решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (п. 28 ст. 5)[8].

Анализ ранее действовавших уголовно-процессуальных законов показал, что в УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. под приговором понималось решение, выне-

---

[1] Советский уголовный процесс / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.В. Бородина. М.: Акад. МВД СССР, 1982. С. 421.

[2] Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. М.: Проспект, 2009. С. 11.

[3] Уголовный процесс России: особенная часть: учебник для вузов / ред. В.З. Лукашевич. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2005. С. 413.

[4] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. С. 723.

[5] Чайковская М.А. Свойства приговора: монография. М.: Проспект, 2013. С. 3.

[6] Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2011. С. 406.

[7] Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 21.

[8] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

сенное судом в судебном заседании, по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого (п. 9 ст. 23 УПК 1922 г., п. 9 ст. 23 УПК 1923 г.). В УПК РСФСР 1960 г. понятие приговора было сформулировано как решение, вынесенное судом в заседании по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о применении или неприменении к нему наказания (п. 10 ст. 34). То есть на первом месте во всех трех приведенных законах указывается принятие решения по вопросу виновности, а затем уже невиновности лица, и только в УПК РФ 2001 г. на первое место законодатель поставил принятие решения о невиновности, а затем уже виновности (п. 28 ст. 5).

По-разному именовалось и само действие, осуществляемое судом в процессе разрешения уголовно-правового спора: в уголовно-процессуальных законах 1922 г., 1923 г. – провозглашение приговора (ст. 342 УПК 1922 г., ст. 338 УПК 1923 г.); в УПК РСФСР 1960 г. – вынесение приговора (ст. 300); в УПК РФ 2001 г. – постановление приговора (ст. 296). Во всех законах приговор провозглашается / выносится / постановляется от имени государства. Интересно, что, например, в Германии приговор выносится именем народа (абз. 1 § 268 УПК ФРГ). Представляется, что данный факт подчеркивает легитимность судебной власти и гарантию охраны и защиты ею народных (общественных) ценностей. Верховный Суд РФ определил приговор как важнейший акт правосудия, по отношению к которому все другие процессуальные акты имеют вспомогательное значение[1].

Анализ Постановлений Пленума Верховного Суда СССР и РФ, касающихся вопросов постановления приговора с 1950 по 2016 гг.[2], позволил сделать следующие выводы:

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 г. «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанции» (с изменениями и дополнениями) (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 3.

[2] Постановления Пленума Верховного Суда СССР: от 28.07.1950 г. № 13/9/у «О судебном приговоре» // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам / сост. и авт. коммент.: А.С. Михлин и др.; отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. М.: БЕК, 1999. С. 220; от 30 июня 1969 г. № 4 «О судебном приговоре» (в редакции от 27 июля 1990 г.) (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда

1) все указанные Постановления акцентируют внимание на том, что приговор является важнейшим актом правосудия, вынесенным от имени государства;

2) в 1950 г. Пленум отмечал, что приговор – это акт социалистического правосудия, требующий от судей особой ответственности за его правильное политическое содержание, в 1969 г. – усматривал большое воспитательное и общественно-политическое значение приговора;

3) в 1996 г. значение приговора уже связывается с принципом презумпции невиновности;

4) в 2016 г. Пленум отмечает важность постановления приговора с учетом положений ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

Приговор суда первой инстанции является правосудным актом, реализующим уголовно-процессуальную функцию суда через итоговую оценку деяния от имени государства и гарантирующим защиту общественных ценностей, охраняемых государством, выраженных в правах, свободах и законных интересах. Свойство судебного решения правосудность связано с силой решения. Поддерживая точку зрения И.С. Дикарева на понимание силы судебного решения, выраженной в совокупности имманентно присущих судебному решению свойств – неопровержимости, общеобязательности и исключительности[1], правосудность приговора обеспечивается системой взаимосвязанных требований, образующих единый гарантийный механизм.

Правосудность приговора обеспечивается системой взаимосвязанных требований, образующих единый гарантийный механизм. Данная система включает в себя требования-свойства, определяющие качество решения (законность, обоснованность, мотивированность, справедливость); требования-формы, обеспечиваю-

---

СССР. 1969 № 4; Постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 08.09.1976 г. № 3 «О судебном приговоре» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1976. № 12; от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[1] Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 71.

щие формальное единообразие и структурированность акта; требования-порядка, гарантирующие соблюдение процессуальных прав участников при вынесении и провозглашении приговора. Соблюдение этих требований придает приговору характер легитимного итогового акта, разрешающего уголовно-правовой спор.

Однако исторически перечень данных требований в уголовно-процессуальных законах, Постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и РФ, в научной литературе формулировался по-разному.

Историко-правовой анализ эволюции требований к приговору в российском уголовном процессе (ст. 323 УПК РСФСР 1922 г., ст. 319 УПК РСФСР 1923 г., ст. 301 УПК РСФСР 1960 г., ст. 297 УПК РФ 2001 г.) демонстрирует постепенную нормативную формализацию критериев его правосудности.

Произошел переход от акцента на субъективном внутреннем убеждении суда как основном основании приговора к формированию системы объективных нормативных требований (законность, обоснованность, мотивированность, а затем и справедливость). Историко-правовая эволюция требований к приговору (от внутреннего убеждения к тетраде: законность, обоснованность, справедливость, мотивированность), осмысленная через ценностно-стратифицированный подход, отражает процесс постепенной формализации и гармонизации технического и аксиологического уровней судебной деятельности. Законодательное закрепление этих требований представляет собой попытку перевести высшие ценности правосудия (справедливость, обоснованность) в плоскость объективных, проверяемых критериев, не отменяя, а структурируя судейское усмотрение. Это движение подчеркивает направление государственной воли от интуитивной «правосудности» к системной гарантии легитимности.

Такая эволюция отражает развитие процессуальной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции в сторону гармонизации судейского усмотрения (дискреции) и формально-правовых гарантий, обеспечивающих единообразие, предсказуемость и легитимность итогового судебного решения.

Несмотря на отсутствие прямого указания в ст. 297 УПК РФ, требование мотивированности приговора является системным элементом его правосудности в интегративной модели. Устойчивая правоприменительная позиция Пленума Верховного Суда (Постановления № 1, 3, 4, 55), предписывающая детальное мотивирование всех выводов суда, свидетельствует о нормативном характере данного требования, обеспечивающего прозрачность, контролируемость и общественное доверие к правосудию. Внедрение итеративного алгоритма оценки доказательств, в том числе с использованием ТИИ, способно операционализировать и структурировать процесс мотивирования, трансформируя его из доктринального принципа в рабочий инструмент легитимации итогового судебного решения. Конституционный Суд РФ указывает мотивированность наряду с законностью и справедливостью как неотъемлемые признаки правосудного приговора[1].

Требование мотивированности приговора, прямо не закрепленное в ст. 297 УПК РФ, но выводимое из системного толкования закона и позиций высших судов, является классическим примером «аксиологического императива», требующего закрепления на уровне технико-процедурного регулирования. Ценностно-стратифицированный подход показывает, что мотивированность служит ключевым мостом между внутренним убеждением суда (уровень интроспекции и ценности) и внешней контролируемостью, легитимностью решения (уровень процедуры и социального доверия). Прозрачность приговора с точки зрения мотивированности, достичь которой можно посредством предложенного ранее итеративного алгоритма оценки доказательств судом, используя ТИИ, способна сделать обоснованность приговора максимально явной и верифицируемой.

Ученые-процессуалисты отмечают, что мотивированность приговора объясняется обоснованием выводов суда анализом всех исследованных при произ-

[1] п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442.

водстве в суде первой инстанции доказательств[1]; содержанием совокупности доводов суда для обоснования приговора[2]; аргументированностью судом выводов о фактических обстоятельствах дела, основанных на применении закона, результатах оценки доказательств и внутреннем убеждении[3].

В зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве присутствует требование мотивированности, например, в УПК Республики Армения указано, что мотивировке подлежат все выводы и решения, излагаемые судом в приговоре (ч. 4 ст. 358). Требование мотивированности к приговору предъявляется также и в УПК Республики Беларусь (ч. 3 ст. 350).

Изучение мнения правоприменителей показало, что дополнение требований-свойств мотивированностью поддерживают 51 % судей, 15 % прокурорских работников, 54 % адвокатов, о необходимости закрепления понятий законности, обоснованности, мотивированности, справедливости в законе положительно высказались 71 % судей, 29 % прокурорских работников, 87 % адвокатов[4].

Требование мотивированности приговора является имманентным и логически необходимым элементом его правосудности в интегративной модели, несмотря на его отсутствие в тексте ст. 297 УПК РФ. Его системная роль подтверждается: 1) структурой приговора, включающей в себя описательно-мотивировочную часть; 2) обязанностью суда отвечать на вопросы, перечисленные в ч. 1 ст. 299 УПК РФ; 3) устойчивой правоприменительной практикой, требующей мотивирования выводов (п. 1, 4 Постановления Пленума ВС РФ № 55). Мотивированность, понимаемая как письменная демонстрация логического вывода суда на основе исследованных доказательств, обеспечивает обоснованность и однозначность решения. Ее законодательное закрепление и прозрачность, обеспеченная итеративным

---

[1] Уголовный процесс России: особенная часть: учебник для вузов / А. И. Александров [и др.]; под ред. В.З. Лукашевича. Санкт-Петербург: Издательский Дом СПбГУ, 2005. С. 415–416.
[2] Трахов Р.А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 9.
[3] Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 6–7.
[4] Приложение № 2.

алгоритмом, позволят трансформировать это требование из доктринального принципа в действенный инструмент легитимации итогового решения.

Несмотря на устоявшиеся формулировки требований к приговору – законности, обоснованности, справедливости – в контексте интегративной модели они приобретают системное, наряду с мотивированностью, взаимообусловленное значение. Законность выступает как императивное соблюдение материальных и процессуальных норм; обоснованность – как внутренняя убежденность суда, сформированная в ходе когнитивной деятельности; справедливость – как аксиологический результат, достигаемый через дискреционную рефракцию правовых норм в соответствии с ценностными ориентирами государства и общества. В совокупности эти требования образуют тетраду (систему четырех взаимосвязанных требований к приговору) правосудности итогового решения, отражающую единство формальной определенности, эпистемической достоверности и социальной легитимности в рамках интегративной модели. Наряду с указанными требованиями, к приговору предлагается применять требование истинности. Так, О.В. Качалова отмечает, что поскольку судебное решение должно быть вынесено на основе фактических обстоятельств, установленных в соответствии с тем, как они имели место в действительности, то то вынесенное на основе их анализа решение можно считать истинным[1].

Вторая группа предъявляемых к приговору как к правосудному решению требований состоит из формальных, обуславливающих единообразие всех приговоров как итоговых решений, устанавливая их строгую структуру независимо от вида, состоящую из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей.

Проведенный историко-правовой анализ эволюции законодательного регулирования видов приговоров (от отсутствия деления в УПК РСФСР 1922–1923 гг. до последовательности «оправдательный – обвинительный» в УПК РФ 2001 г.)

[1] Качалова О.В. Критерии качества судебных решений в уголовном судопроизводстве / О.В. Качалова, М.В. Беляев // Российское правосудие. 2024. № 3. С. 84.

свидетельствует о системной трансформации уголовного процесса в сторону усиления гарантий принципа презумпции невиновности. Изменение редакционного приоритета, а также детализация структуры и содержания приговора отражают становление интегративной модели, в которой формально-процессуальные требования (включая императив мотивированности) и последовательность видов решений подчинены задаче обеспечения баланса между обвинением и защитой, что реализуется через функцию суда в рамках состязательной процедуры.

Историко-правовой анализ эволюции формальных требований к приговору (УПК РСФСР 1922/1923 г. г., 1960, УПК РФ 2001 г.) демонстрирует системную трансформацию его структуры в направлении усиления процессуальной определенности и обоснованности. Ключевым изменением стало законодательное закрепление в УПК РФ 2001 г. трехчастной конструкции приговора, включающей в себя описательно-мотивировочную часть, что является прямым нормативным подтверждением мотивированности как императивного требования-свойства. Данная эволюция отражает развитие модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу, в которой формальные требования (структура) и содержательные критерии (тетрада: законность, обоснованность, мотивированность, справедливость) образуют единый гарантийный механизм, обеспечивающий легитимность и контролируемость итогового судебного решения.

Обнаруженная системная асимметрия в требованиях к содержанию оправдательного и обвинительного приговоров (сравнение ст. 305 и ст. 307 УПК РФ) создает нормативный дисбаланс, противоречащий принципу презумпции невиновности (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Обнаруженная системная асимметрия в требованиях к обвинительному и оправдательному приговорам с позиций ценностно-стратифицированного подхода представляет собой не просто технический дефект, а симптом скрытого ценностного дисбаланса, укорененного в правовой культуре. Требование обосновывать оправдание, но не обвинение, неявно ставит под сомнение ценность презумпции невиновности как верховенствующего прин-

ципа. Гармонизация требований – это не только процедурное исправление, но и аксиологическая коррекция, направленная на восстановление примата ценности защиты личности от судебной ошибки над инерцией обвинительного уклона.

Обязанность суда указывать в оправдательном приговоре «основания оправдания» (п. 3 ч. 1 ст. 305 УПК РФ) при отсутствии аналогичного требования к изложению «оснований обвинения» в обвинительном приговоре (п. 2 ст. 307 УПК РФ) смещает акцент с обязанности обвинения доказывать вину на необходимость для суда аргументировать невиновность. Для устранения этого противоречия и усиления гарантий справедливого разбирательства предлагается гармонизировать ст. 307 УПК РФ, дополнив ее требованием об изложении «оснований обвинения подсудимого и доказательств, их подтверждающих». Это приведет требования к обоим видам приговоров в соответствие с духом и буквой презумпции невиновности.

Третья группа предъявляемых к приговору как к правосудному решению требований касается порядка его вынесения и провозглашения: тайна совещания судей, право судьи на особое мнение, срок постановления приговора, его устное оглашение, разъяснение участникам порядка вступления приговора в силу и обжалования.

Тайна совещания судей является ключевой процессуальной гарантией в интегративной модели, обеспечивающей реализацию дискреционной функции суда. Она создает необходимое пространство для формирования независимого и беспристрастного внутреннего убеждения, свободного от внешнего воздействия, что служит основой для вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого приговора. Данный институт выступает как механизм защиты судебной независимости и неотъемлемый элемент процедурной чистоты итогового решения, поскольку, как отмечено И.В. Михайловым, общение судей из совеща-

тельной комнаты с внешним миром, воздействие на них извне порождают сомнение в законности приговора[1].

Тайна совещательной комнаты обеспечивается соционормативным комплексом, включающим в себя как формальные процессуальные гарантии (УПК РФ), так и неформальные регуляторы – профессиональную этику судьи (Кодекс судейской этики, п. 6 ст. 11). Поскольку абсолютная изоляция судей на практике недостижима, именно этический императив конфиденциальности и личная профессиональная ответственность судьи становятся ключевыми дополняющими механизмами, гарантирующими независимость внутреннего убеждения, свободного от неправомерного влияния, и тем самым – легитимность итогового решения.

Тайна совещания не предполагает исключений, поскольку этимология слова «тайна» означает нечто скрываемое от других, неизвестное другим, секрет[2]. Однако ученые-процессуалисты указывают на случаи, когда тайна, по их мнению, должна быть раскрыта: исключением из правила о тайне совещания судей является ситуация, когда ведется производство по обвинению одного из судей в злоупотреблении при постановлении приговора (М.С. Строгович)[3]. Совещание является тайным, позволяющим судье, осознавая свою независимость, принимать решение по внутреннему убеждению. Однако при изложении своей точки зрения в особом мнении, которое по сути является частью приговора, оно должно быть доступно для всех участников производства в суде первой инстанции.

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что с доводами о нарушении тайны совещания судей в суды апелляционной и кассационной инстанции поступают около 26 % жалоб и представлений. Участникам производства, имеющим право на жалобы и представления такого рода, установить нарушение тайны совещания не представляется возможным, поскольку единственным

---

[1] Михайлов И.В. Тайна совещания судей – важнейшая гарантия социалистического правосудия // Правоведение. 1975. № 2. С. 137.

[2] Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 776.

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1968. С. 336.

документом, в котором может быть отражено нарушение тайны совещания, является протокол судебного заседания. Однако это не мешает сторонам обращаться с жалобами и представлениями. Анализ судебной практики о нарушении / ненарушении тайны совещания судей показал:

– не свидетельствуют о нарушении тайны совещания судей неточности при оглашении председательствующим текста приговора, поскольку они не затрагивают существа приговора, не меняют смысла сделанных судом выводов[1];

– отложенные уголовные дела при постановлении приговора по рассмотренному уголовному делу свидетельствуют о ненарушении тайны совещательной комнаты[2].

В жалобах или представлениях сторон довод о нахождении секретаря судебного заседания или помощника судьи в совещательной комнате встречается достаточно часто несмотря на то, что установить представителям сторон данный факт практически невозможно. В научной литературе поднимается дискуссия о функции помощника судьи. Есть мнения о том, что, подготавливая проект судебного решения, помощник судьи предлагает свой вариант оценки доказательств[3], что вызывает опасность перехода функции правосудия из рук судьи к зачастую недостаточно подготовленным людям, которые недавно окончили вузы[4] и не могут быть наделены правом выполнять данную функцию[5]. Подготовка проекта судебного решения помощником судьи представляет собой допустимый и целесообразный вспомогательный механизм, не нарушающий принципов независимости

---

[1] Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2023 г. № 14-УД23-6-А1. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 10.09.2024).

[2] Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07 ноября 2024 г. по делу № 7У-8939/2024 [77-4160/2024] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». (дата обращения 10.12.2024).

[3] Александров Р.А. К вопросу о помощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях / Р.А. Александров, Д.А. Гусаров // Российский судья. 2019. № 4. С. 30–31.

[4] Верещагин А., Румак В. У нас есть много вещей, которые выглядят как настоящие, только не работают // Закон. 2019. № 4. С. 8–11.

[5] Фоков А.П. Современный статус помощника судьи по обеспечению судебной деятельности // Российский судья. 2012. № 4. С. 2–3.

судей и свободы внутреннего убеждения. Критическими признаками, исключающими подмену судейского усмотрения, являются отсутствие в проекте оценки доказательств, формулирования итоговых умозаключений и его предварительный, необязательный характер. Данная деятельность соответствует статусу помощника как лица, содействующего правосудию (удачно сформулированному в ст. 54 АПК РФ), и оптимизирует процедурную сторону вынесения приговора, оставляя за судьей монополию на принятие мотивированного окончательного решения на основе собственного убеждения.

Тайна совещания судей представляет собой системную гарантию, обеспеченную принципом независимости судей и создающую специальные условия конфиденциальности. Эти условия обеспечивают защиту от внешнего воздействия и позволяют суду сформировать внутреннее убеждение, свободное от постороннего влияния, что является необходимым элементом для вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого приговора в рамках интегративной модели.

Срок совещания судей законом не регламентирован. Однако в судебной практике есть примеры отмены приговора в связи с нахождением суда в совещательной комнате 50 минут[1]. Представляется, что срок нахождения в совещательной комнате должен быть решен каждый раз в начале совещания судей, путем соотнесения его с общей продолжительностью прошедшего судебного заседания, сложностью уголовного дела, опытом судей и подобными факторами.

Совещание судей предполагает коммуникацию, обсуждение мнений, возможно, даже спор, поэтому тайна совещания приобретает особое значение при коллегиальном составе суда. Судья, не согласившийся с мнением большинства, имеет право письменно изложить свое особое мнение во время или после совещания. Особое мнение называют дискуссионным вопросом в уголовном судопроиз-

[1] Апелляционное определение СК по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 10 октября 2018 г. по делу № 22К-5088/2018 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 26.08.2024).

водстве, поскольку выражать и отстаивать свое мнение – это эмоционально и психологически тяжелая миссия, всегда серьезный внутренний конфликт[1].

О форме изложения особого мнения в литературе высказаны различные точки зрения. Одни авторы считают, что оно может быть выражено письменно или устно[2], другие, что исключительно письменно, поскольку особое мнение порождает определенные процессуальные последствия и должно быть изготовлено не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора[3].

Полагаем, что особое мнение излагается одновременно с приговором в письменной форме, в виде приложения к нему, как неотъемлемая его часть. Подобную позицию высказал Конституционный Суд РФ, указав, что особое мнение судьи не является самостоятельным актом, а вышестоящие суды имеют право исследовать письменно изложенное особое мнение и учесть приведенные в нем доводы при оценке правильности принятых по уголовному делу решений[4].

Особое мнение отражает мнение одного из трех судей, придерживающегося иной позиции, поэтому не является предметом обжалования (опротестования), не подлежит отмене или изменению вышестоящим судом. Однако оно должно быть доступным для ознакомления наряду с приговором всеми участниками производства по уголовному делу. Детальная его регламентация, как справедливо замечено И.С. Дикаревым, необходима для повышения качества правосудия и предотвращения произвольного толкования приговоров[5].

В уголовно-процессуальной литературе имеет место дискуссия вокруг тайности особого мнения. Так, одни считают, что участники не должны знать об особом

---

[1] Кононов А.Л. Право на особое мнение // Закон. 2006. № 11. С. 44.

[2] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 646.

[3] Смолькова И.В. Тайна совещания судей и особое мнение судьи // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 173.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 г. № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

[5] Дикарев И.С. Особое мнение судьи: вопрос о правовых последствиях // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 56–58.

мнении одного из судей, поскольку оно относится к тайне их совещания[1], оно должно приобщаться к делу в закрытом конверте[2]. Другие считают, что особое мнение должно обладать признаками гласности и открытости: должно быть известно не только участникам судебного разбирательства, но и всем присутствующим в зале судебного заседания[3], поскольку престиж правосудия и законная сила приговора от этого не пострадают[4]; с особым мнением могут ознакомиться все лица, уполномоченные изучать материалы дела[5]. Третья позиция связана с тем, что особое мнение предназначено только для вышестоящего суда при проверке законности и обоснованности приговора[6].

В ряде зарубежных государств установлена обязанность оглашения резолютивной части особого мнения судьи при провозглашении принятого по уголовному делу приговора, а также опубликование и приобщение его к материалам уголовного дела (ст. 301 УПК Республики Абхазия). В соответствии с УПК Республики Беларусь, особое мнение судьи оглашению не подлежит, однако является основанием направления уголовного дела председателю вышестоящего суда для решения вопроса о принесении кассационного протеста после вступления приговора в законную силу (ч. 6 ст. 354).

Полагаем, что, поскольку судья, выразивший особое мнение, имеет тот же статус, что и другие судьи состава, его мнение, в целом означающее согласие с приговором (он его подписал), должно быть оглашено наряду с приговором, по-

---

[1] Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в современном уголовном процессе. Харьков: Вища шк., 1979. С. 59.

[2] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 646.

[3] Макарова З.В. Гласность уголовного процесса. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. техн. ун-та, 1993. С. 150.

[4] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. М.: ТК Велби, 2005. Ч. II. С. 115.

[5] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2004. С. 532.

[6] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Бобров В.К., Божьев В.П., Бородин С.В., Демидов В.В., и др.; под общ. ред.: Лебедев В.М.; науч. ред.: Божьев В.П. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 523; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Можякова. М.: Изд-во «Экжамен», 2004. С. 630.

скольку является официальным процессуальным документом и содержит не опровержение приговора, а собственное обоснование и мотивацию согласия с ним. Поэтому подписывать особое мнение должен только сам судья.

Особое мнение судьи представляет собой институционализированную форму реализации дискреционной функции судьи на индивидуальном уровне, воплощающую его экзистенциальный долг перед собственной совестью[1]. Институты тайны совещания судей и особого мнения, анализируемые через ценностно-стратифицированный подход, выполняют взаимодополняющие функции в обеспечении легитимности приговора. Тайна совещания защищает технический процесс формирования внутреннего убеждения от внешнего давления, создавая пространство для свободного ценностного выбора судьи. Особое мнение, будучи инструментом публичной легитимации, выводит внутренний ценностный конфликт или альтернативную аргументацию в публичное поле, демонстрируя состязательность и рефлексивность судейского мышления. Вместе они обеспечивают баланс между конфиденциальностью, необходимой для независимости, и транспарентностью, необходимой для доверия. Ценность особого мнения судьи в условиях тайны совещания судей заключается не в опровержении приговора, а в функции публичного контроля и легитимации: оно выносит внутреннюю судейскую дискуссию в публичное поле, демонстрируя состязательность мышления внутри коллегии, повышает качество итогового решения через экспертную рефлексию и служит гарантией подлинной независимости судей, укрепляя доверие к правосудию в рамках интегративной модели.

Таким образом, постановление приговора в интегративной модели, осмысленное через ценностно-стратифицированный подход, предстает как кульминационный акт сложного взаимодействия всех уровней процессуальной формы. Технико-процедурный уровень (структура, сроки, тайна совещания) создает необходимые рамки. Уровень профессионального усмотрения и познания (внутреннее

[1] Ткачева Н.В. Особое мнение судьи: от формального права к экзистенциональному долгу, диктуемому совестью // Право и политика. 2025. № 12. С. 255–260.

убеждение, оценка доказательств) наполняет эти рамки содержанием. Аксиологический уровень (справедливость, мотивированность, совесть) придает этому содержанию высший смысл и легитимность. Предложенная тетрада требований, идея гармонизации приговоров и инструменты прозрачности, ясности деятельности суда (итеративный алгоритм) направлены на укрепление связей между этими уровнями, обеспечивая, чтобы итоговый акт правосудия был не просто законным, а подлинно правосудным – воплощением права, мудрости и справедливости.

Выводы по параграфу

Постановление приговора в интегративной модели представляет собой акт интроспективного правоприменения, в котором дискреционная функция суда реализуется через вынесение от имени государства правосудного решения. Этот акт выполняет социально-восстановительную и ценностно-гарантийную функции, оценивая деяние и восстанавливая нарушенные права, свободы и законные интересы, воспринимаемые обществом как ценности.

Критериями правосудности приговора является система взаимосвязанных требований, включающих: требования-свойства, обеспечивающие качество приговора (законность, обоснованность, мотивированность, справедливость); требования-формы, предопределяющие единообразие приговоров (четырех-частная структура, включающая наряду с вводной, описательной и резолютивной частями, мотивировочную часть); требования-процедуры (тайна совещания судей, право судьи на особое мнение).

Мотивированность приговора понимается как результат структурированного письменного изложения логики судебного вывода, достигаемый за счет интеграции итеративного алгоритма оценки доказательств и технологий искусственного интеллекта. Это облегчает процесс формирования внутреннего убеждения суда и делает его прозрачным, проверяемым и способствующим общественному доверию.

Особое мнение судьи является институционализированной формой реализации индивидуального дискреционного начала, трансформирующей формальное

право в экзистенциальный долг перед совестью. Его наличие укрепляет легитимность приговора, демонстрирует состязательность внутри судейской коллегии и выступает дополнительным инструментом контроля качества правоприменения.

Вынесение приговора в интегративной модели есть завершающий акт сложной оценочной деятельности, где суд, руководствуясь внутренним убеждением и совестью, в рамках строгой системы требований и с использованием современных методик (итеративный алгоритм, ТИИ) формулирует решение, призванное легитимно разрешить уголовно-правовой спор и восстановить социальную справедливость.

Заключение

Применение надлежащих методов научного познания, исчерпывающего анализа значительного объема научной литературы, национального и зарубежного законодательства, судебной практики и статистики, репрезентативных эмпирических данных позволяют сформулировать итоговые выводы, в которых научная новизна диссертации предстает как целостный результат, объединенный единой методологической концепцией – интегративного ценностно-стратифицированного подхода.

Данный подход раскрывает производство по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции как целостную динамичную систему, отражающую эволюцию общественных приоритетов в условиях сопряжения национальных ценностей (справедливость, соборность, державность, патернализм, духовность, стремление к истине) с современными процессуальными императивами (публичность, состязательность и равенство прав сторон, защита прав личности, эффективность и качество правосудия) и усилением государственных гарантий защищенности личности, сохраняющих ценностное ядро правосудия в условиях цифровой трансформации.

В результате диссертационного исследования осуществлен теоретико-правовой анализ детерминант преобразования уголовно-процессуальной формы производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, позволивший установить прямую зависимость этапов ее развития от доминирующей в конкретный исторический период иерархии правовых ценностей.

Раскрыто содержание и правовая природа обновленной парадигмы данного производства, заключающейся в переходе от конкуренции принципов публичности и состязательности к их диалектическому синтезу и процессуальному балансу. Введена трехмерная критериальная система верификации их баланса, через принцип субстантивного равенства и социальную легитимность судебного решения.

Установлены существенные особенности уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих и развивающихся в производстве по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, где в качестве ключевых факторов выделены дуальный объект (единство материально-правового и процессуально-результативного компонентов) и функциональная иерархия субъектов, системообразующим элементом которой выступает активная арбитральная кросс-функция суда, детерминирующая правила субординации судебного внимания.

Разработан итеративный алгоритм, трансформирующий имплицитные оценочные категории (внутреннее убеждение, судейское усмотрение, совесть) в эксплицитные, структурированные и верифицируемые компоненты процесса доказывания.

Обоснованы этические и нормативные правила использования технологий искусственного интеллекта в судебном познании. Сформулирован подход управляемого взаимодействия судьи и технологий искусственного интеллекта, основанный на принципах прозрачности, контролируемости, верифицируемости и совместимости с судейской совестью.

Разработаны правила стратегического управления судебным временем в виде двухуровневого регулирования (процессуальный и организационно-управленческий), трактующие время как системный ресурс, оптимизирующий качество правосудия при соблюдении разумных сроков.

Раскрыт функционал категории «гласность», как механизма социальной легитимации производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции, позволивший трансформировать ее из процедурного инструмента в самостоятельный принцип, для реализации которого разработана модель безопасной цифровой инфраструктуры, обеспечивающей баланс прозрачности и приватности.

Установлен потенциал категории «справедливость» как принципа, формирующего доверие к правосудию через синтез нормативной определенности, социальной адекватности и индивидуализации правоприменения.

Осуществлена функционально-целевая систематизация и классификация организационно-правовых условий производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции**,** создающая единый нормативный режим механизма его реализации.

Являясь фундаментальным методологическим стержнем диссертационного исследования, интегративный ценностно-стратифицированный подход позволил интегрировать разрозненные новации в целостную теоретическую конструкцию – интегративную модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции. На методологическом уровне интегративная модель преодолевает не соответствующие современным вызовам дихотомии, на теоретическом – выстраивает внутренне непротиворечивую систему правоотношений и критериев их верификации, а на практико-ориентированном – предлагает конкретные инструменты (алгоритмы, классификации, понятийный аппарат) для совершенствования законодательства и правоприменения.

Концептуальные основы, ядро принципов, организационно-правовые условия и механизм реализации интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции отражается в ее ключевых процессуальных элементах, образующих логически завершенную систему.

1. Уголовно-процессуальная форма интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции предполагает ценностно-стратифицированное переосмысление роли государства в современной концепции публичной власти, отражающей усиление государственных гарантий защищенности личности при сохранении процедурной прозрачности правосудия и основано на формировании теории диалектического единства и процессуального баланса взаимозависимых принципов:

– публичность как нормативно-властное основание государственной стратегии уголовного правосудия, предопределяющее системную целостность модели и интегрирующее активную арбитральную кросс-функцию суда;

– состязательность, трансформируемая из процедурного противовеса в содержательный механизм, обеспечивающий вербально-коммуникационную конструкцию и раскрытие позиций сторон в диалогическом взаимодействии;

– субстантивное равенство прав сторон, реализуемое через функциональную иерархию судебного внимания, где мера активности суда обратно пропорциональна процессуальным возможностям и усмотрительной инициативе сторон, создавая не формальное, а материально обеспеченное равенство.

Критериальная система верификации публично-состязательного диалектического единства и процессуального баланса принципов представляет собой отсутствующую ранее трехмерную систему ценностно-стратифицированных регуляторов. Процессуальный критерий (беспристрастность) обеспечивает легитимность активной деятельности суда путем установления объективных, проверяемых показателей его нейтральности. Этот критерий позволяет качественно отличить справедливую судебную инициативу от нарушения беспристрастности, создавая правила, согласно которым активность суда для компенсации доказательственных дефицитов, обладая критерием соразмерности конституционной цели правосудия – вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения, – остается совместимой с его ролью независимого арбитра. Функциональный критерий (реальное равенство прав сторон) переходит от формального к субстантивному пониманию равенства, устанавливая иерархическую последовательность судебного внимания, превращая интуитивно применяемые судом подходы из латентных практик в явные, основанные на: 1) приоритете защиты (судебная активность в обеспечении возможности компенсации доказательственного дефицита стороны защиты как ключевой механизм реализации конституционного права на защиту); 2) гарантии прав потерпевшего (судебная обязанность по учету его позиции при отказе государственного обвинителя от обвине-

ния); 3) вспомогательности по отношению к обвинению (судебная активность при очевидных процессуальных упущениях государственного обвинителя, выступающая не обвинением, а исполнением функции правосудия, направленной на установление обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого). Результативный критерий (социальная и юридическая легитимность) интегрирует право и справедливость, требуя, чтобы итоговое решение суда одновременно было формально законным и фактически воспринималось общественностью как справедливое. Этот критерий обращается к социологической реальности доверия к правосудию, которое достигается через мотивированность судебного решения, требующую глубокого погружения суда в социальный контекст и ценностное измерение обстоятельств конкретного уголовного дела.

Уголовно-процессуальная структура интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции детерминирована его публично-состязательной формой и представляет собой самостоятельную стадию уголовного процесса, состоящую из иерархически организованной системы взаимосвязанных, но автономных частей: подготовительная часть судебного заседания, судебное следствие, прения и реплики сторон, последнее слово подсудимого и постановление приговора. Эффективность данной стадии как механизма реализации интегративной модели обусловлена качественным воплощением нормативного регламента внутри каждой части, обладающей уникальной функциональной нагрузкой и специфическим набором процедур, что в совокупности обеспечивает установление объективной истины и достижение цели производства.

Особенностями уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих и развивающихся в интегративной модели производства при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу в суде первой инстанции, являются:

1) системообразующий фактор их возникновения в виде уголовно-правового отношения;

2) дуалистичность объекта, материально-правовым компонентом которого выступает установление объективной истины по уголовному делу, определение виновности и назначение справедливого наказания, а процессуально-результативным компонентом – достижение конкретных промежуточных результатов в каждой части производства;

3) функциональная иерархия субъектов, где суд выступает центральным субъектом с государственно-властными полномочиями, активность которого определяется на основе объективных критериев процессуальной слабости защиты или несостоятельности обвинения, требующих компенсации доказательственных дефицитов для справедливого разрешения уголовного дела; обязательные субъекты сторон обвинения и защиты, реализующие публично-состязательное диалогическое взаимодействие; факультативные субъекты, участники, содействующие установлению действительных обстоятельств уголовного дела, подтверждающие гибкость модели;

4) динамическая темпоральность и обратимость содержания, характеризующаяся нелинейностью правоотношений и способностью их, возникнув в определенной части производства, возвращаться в предшествующие его части или стадии уголовного процесса без прекращения своего существования, изменяться, сохраняя свою идентичность.

Функциональная дифференциация участников интегративной модели производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции реализуется через систему специализированных субъективных прав и юридических обязанностей, образующих динамический баланс состязательности. Данный баланс обеспечивается диалогическим взаимодействием участников производства, основанном на их профессиональном усмотрении. Согласованное применение гарантийно-арбитрального (профессионального усмотрения судьи), публично-обвинительного (профессионального усмотрения государственного обвинителя) и правозащитного (профессионального усмотрения защитника) видов профессионального усмотрения формирует процессуальный ме-

ханизм преодоления доказательственных дефицитов в уголовном деле, способствующий рассмотрению и разрешению его по существу. Публично-обвинительное усмотрение – профессиональное усмотрение государственного обвинителя, предполагающее ценностно-обоснованную законную позицию, формируемую с учетом мнения потерпевшего и объективно допускающую несогласие с вышестоящим руководителем. Правозащитное усмотрение – профессиональное усмотрение защитника, предполагающее ценностно-обоснованный, согласованный с подсудимым выбор защитной позиции, основанной на законе с учетом профессиональной этики, допускающей диссонанс с другими защитниками по уголовному делу. Процессуальный механизм преодоления доказательственных дефицитов в уголовном деле выражен правом суда самостоятельно устранять препятствия рассмотрения и разрешения его по существу путем исследования в судебном следствии вновь установленных по инициативе суда или сторон фактических обстоятельств совершенного деяния, соблюдая условие предоставления стороне защиты времени на подготовку к судебному заседанию.

Процессуальная формализация оценочных категорий «усмотрение судьи», «совесть», «внутреннее убеждение» в интегративной модели преодолевает проблему субъективизма путем их институционализации посредством понятийного аппарата и разработанного итеративного алгоритма оценки доказательств.

Понятийный аппарат трансформирует эти категории, традиционно рассматриваемые как имплицитные (скрытые) факторы, влияющие на судебное решение, но остающиеся неконтролируемыми и непроверяемыми, в эксплицитные (явные): 1) совесть – моральная категория, представляющая собой нравственные и этические ориентиры, направляющие судью на принятие справедливого решения; 2) внутреннее убеждение – феномен, синтезирующий в себе наряду с рациональными элементами (профессиональные знания и анализ доказательств) также психологические составляющие (эмоциональное состояние, волевой стимул, интуицию как вспомогательную форму познания), выступая субъективной основой для объективного и справедливого выбора в рамках, очерченных законом, превращая усмотрение из

психологического акта в структурированный правовой институт; 3) усмотрение судьи – основанное на внутреннем убеждении, свободное от внешнего воздействия легитимное профессиональное суждение, формирование которого гарантировано принципом свободы совести, как правовой предпосылкой независимости, но детерминированное законом, доказательствами, национальными ценностями и правовыми императивами.

Итеративный алгоритм превращает деятельность судьи в прозрачный, поддающийся внешней проверке процесс, структурируя и верифицируя его компоненты, к которым относятся: 1) систематическое фиксирование всех доказательств и их взаимосвязей; 2) поэтапное выявление оценочных суждений судьи с указанием на источник этого суждения (нормативное требование, судебная практика, внутреннее убеждение); 3) обоснование логической цепочки от доказательств к выводам посредством явно сформулированных предпосылок; 4) рефлексивное отражение принципа свободы совести в правоприменении.

Использование технологий искусственного интеллекта в судебном познании в интегративной модели предполагает гуманистическую процессуальную конструкцию управляемого взаимодействия между искусственным и естественным интеллектами с помощью разработанных этических правил и правовых норм. Управляемое взаимодействие основано на принципе усиления без подмены, предполагающем расширение аналитических возможностей судьи с помощью искусственного интеллекта посредством выявления противоречий в совокупности доказательств, предложения альтернативной интерпретации фактов, подготовки проекта судебного акта, при этом не происходит принятие за судью решения о виновности / невиновности и справедливости наказания. Этические правила включают в себя: 1) прозрачность алгоритма – понимание судьей логики функционирования системы искусственного интеллекта; 2) контролируемость – функционирование искусственного интеллекта в подчиненной роли, где судья остается единственным источником авторитета в вынесении судебного акта, принимая на себя «бремя решения», осознавая правовую и этическую ответственность; 3) верифицируе-

мость – рекомендации искусственного интеллекта воспроизводимы и объяснимы, доступны для критики сторонами; 4) совместимость с принципом свободы совести – система способствует, а не подавляет внутреннее убеждение судьи.

Стратегическое управление судебным временем в интегративной модели основано на разработке комплексной системы, переходящей от пассивного фиксирования нарушений процессуальных сроков к активному, стратегическому управлению временны́м ресурсом как инструментом повышения качества правосудия, сочетающим гарантии полноты исследования доказательств с требованиями разумности и экономии. Преодолевая традиционный подход к срокам как формальным ограничениям, нарушение которых влечет за собой процессуальные санкции, предложенные правила вводят двухмерное регулирование времени: 1) процессуальный уровень, предполагающий четко определенные, но гибкие сроки, соответствующие принципам судопроизводства в разумный срок и справедливости; 2) организационно-управленческий уровень, представляющий собой систему стимулов и санкций для судов, прокуроров, защитников и иных участников, поощряющих надлежащее использование времени и предотвращающих как бюрократическое их затягивание, так и недобросовестное ускорение.

Трансформация гласности и справедливости из процедурных требований в инструменты социальной легитимации и доверия к правосудию в интегративной модели обоснована через функциональную иерархию «гласность – справедливость», где гласность выступает как базовый принцип прозрачности процедуры, а справедливость – как высший синтезирующий принцип, наполняющий ее ценностным содержанием. Реализацией гласности служит концепция безопасной цифровой инфраструктуры, которая балансирует открытость судебной информации с защитой приватности участников производства, формируя информированное доверие граждан к судебной власти. Справедливость раскрывается как динамическая категория, синтезирующая нормативную определенность, социальную адекватность и индивидуализацию правоприменения, что позволяет суду осу-

ществлять юридическую рефракцию, применяя нормы права с опорой на процессуальные императивы и национальные ценности.

Систематизации нормативного режима деятельности суда, сторон и иных участников производства в интегративной модели способствует пятичленная функционально-целевая классификация организационно-правовых условий, производных от ее формообразующих принципов и инструментально воплощающих их: 1) условия организационно-процессуальных параметров (подсудность, место, время, срок, состав суда); 2) коммуникативно-познавательные условия – механизмы взаимодействия между участниками и судом для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела; 3) условия предметно-деятельностных пределов – установление границ предмета исследования и судебной активности; 4) условия функциональной дифференциации участников – определение правомочий (как меры возможного поведения) и обязанностей (как меры должного поведения) каждого участника; 5) условия порядка движения уголовного дела – алгоритм переходов между частями производства.

Дифференциация процессуальной формы интегративной модели представляет собой ценностно-ориентированный механизм, где каждый особый порядок производства материализует конкретный иерархический комплекс национальных ценностей и процессуальных императивов, отражая государственную уголовно-процессуальную политику, адаптирующуюся к эволюции общественного правосознания.

Рефлексивность интегративной модели обеспечивается ее ценностно-стратифицированной конструкцией, которая позволяет системе ее элементов реагировать на трансформации: 1) в государственной политике – за счет акцента на функции суда как активного гаранта справедливости, что соответствует усилению защитной роли государства в правосудии; 2) в социальном запросе – через легитимацию модели национальными ценностями и процессуальными императивами, отвечая на запрос общества на безопасность и доверие к правосудию; 3) в технологических инновациях – путем использования информационно-коммуника-

тивных технологий и технологий искусственного интеллекта как инструментов цифрового правосудия.

Адаптивность интегративной модели к динамике социально-правовой реальности обеспечивается дифференциацией ее уголовно-процессуальной формы. Выступая в качестве ценностно-ориентированного механизма, оснащенного совокупностью особых порядков производства, форма материализует конкретный иерархический комплекс национальных ценностей и процессуальных императивов, отражая государственную уголовно-процессуальную политику, эволюционирующую под влиянием общественного правосознания.

Универсальность интегративной модели позволяет экстраполировать ее ключевые элементы (принципы, организационно-правовые условия, критерии, понятийный аппарат), материализующие интегративный ценностно-стратифицированный подход, на иные судебные стадии уголовного судопроизводства, обогащая целостное понимание судебной власти через диалектику легитимирующих ее национальных ценностей и процессуальных императивов.

Свойствами интегративной модели, определяющими ее как методологическую и нормативную рамку для совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в условиях ценностной стратификации общества выступают: 1) антропоцентричность (обусловленность элементов иерархией ценностей, где защита личности определяет смысл и содержание судебной деятельности); 2) системная целостность (рассмотрение производства как единого уголовно-процессуального механизма); 3) сбалансированность формообразующих и содержательных принципов (публичность, состязательность и равенство прав сторон, гласность, справедливость, разумный срок судопроизводства); 4) наличие функциональной иерархии участников (классификация, обеспечивающая субстантивное равенство прав участников посредством активной арбитральной кросс-функции суда); 5) верифицируемость и легитимность (обеспечение прозрачности и обоснованности); 6) гибридность интеллектов (усиление процессуальных возможностей судьи с помощью технологий искусственного интеллекта); 7) адаптивность к динамике со-

циально правовой реальности (способность уголовно-процессуальной формы дифференцироваться с учетом эволюции общественного правосознания); 8) универсальность (применяемость на иных судебных стадиях); 9) рефлексивность социальным запросам (способность реагировать на ценностные изменения в обществе); 10) практико-ориентированность (наличие инструментов в виде понятийного аппарата, алгоритмов, критериев, правил управления качеством и эффективности для законотворчества и правоприменения).

Разработанная и фундаментально обоснованная на основе интегративного ценностно-стратифицированного подхода интегративная модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции способна адаптироваться к эволюции общественного правосознания, реагируя на комплексный запрос современного общества и государства – достижение правосудия, являющегося одновременно законным (ценность порядка), эффективным (ценность оптимального использования ресурсов) и подлинно справедливым (гуманистическая ценность).

Преодоление системного противоречия дисбаланса формообразующих и содержательных принципов производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции и разработанный внутренне непротиворечивый нормативный режим данного производства и обогащение его новыми конструктами задают новый вектор исследований, смещающий фокус на рефлексивное правосудие, адаптивное управление его качеством на фоне технологических и социополитических вызовов. Положения, выводы и суждения применимы для совершенствования уголовно-процессуального закона и законодательства о судоустройстве РФ, при разработке предложений Пленуму Верховного Суда РФ и прочих практических рекомендаций, предполагаемых к использованию судьями, прокурорами, адвокатами.

Список использованной литературы и источников

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru/.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря. – № 235.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 1. – С. 3–28.

4. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

5. Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в РФ» от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 898.

6. Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 08.12.2020 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1; 2020. – № 50 (ч. I). – Ст. 8029.

7. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 г. № 2202-I (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

8. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: от 30.03.1998 № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

9. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и до-

полнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

11. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.

12. Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6217.

13. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.

14. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2335.

15. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных дан-

ных» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

16. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5017.

17. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

18. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

19. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (с изм. и доп. от 18.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

20. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик») // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

21. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

22. Постановление Верховного Совета РСФСР № 1801-I от 24.10.1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

23. Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 годы» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4623.

24. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на

2007–2012 годы» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 41. – Ст. 4248.

25. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

26. Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р (с изм. от 25.12.2025) «Программа фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021–2030 г. г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 3. – Ст. 609.

27. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 13.04.2012 г. № 107 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» // Российская газета. – 2012 г. – 18 мая. – № 112.

28. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 сентября 2017 г. № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (с изменениями и дополнениями). Текст приказа официально опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 27.11.2022).

29. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2018. – № 2, № 3.

30. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утв. II

Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.; III Всероссийским съездом адвокатов 5 апреля 2007 г.; VI Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2013 г.; VII Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2015 г.; VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.; X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г.; XII Всероссийским съездом адвокатов 18 апреля 2025 г.) // Библиотечка Российской газеты. – 2003. – Выпуск № 4.

31. Кодекс судейской этики от 19.12.2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г.) Текст Кодекса официально опубликован не был. [Электронный ресурс]. // СПС «Гарант» (дата обращения: 27.11.2022).

32. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019). Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. // СПС «Гарант» (дата обращения 09.11.2025).

33. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 167 «Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 9.

34. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 г.) // Новая адвокатская газета. – 2017. – Май. – № 9.

35. Уголовно-процессуальный кодекс Армении. [Электронный ресурс]. – URL: https: //www.arlis.am/hy/acts/82645 (дата обращения: 08.11.2024).

36. Уголовно-процессуальный кодекс Бразилии от 03.10.1941 г. [Электронный ресурс]. – URL: https: //wipolex. wipo. int/ ru/ legislation/details/18680 Бразилия (дата обращения: 12.11.2022).

37. Уголовно-процессуальный кодекс Индии (Закон Индии № XLV, 1860 г.); в ред. закона № 16/2016 от 20.01.2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: https: // wipolex.wipo.int/ru/text/578917 (дата обращения: 12.11.2022).

38. Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана от 04.07.2014 г. № 231-VЗРК (с изм. и доп. от 11.07.2021) [Электронный ресурс]. – URL: https: //online. zakon. kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1;-16 (дата обращения: 13.09.2022).

39. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Абхазия. 30.12.2007 г. (с изм. от 04.08.2023) [Электронный ресурс]. – URL: https: //vs-ra.org/ images/ DOCS/ Reglament/UPK_RA.pdf (дата обращения 08.05.2025).

40. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – URL: https:// zakony-by. com/ ugolovno-protsessualnyj_ kodeks _ rb/ 308.htm (дата обращения: 08.11.2024).

41. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утв. законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII (с изм. и доп. от 03.01.2018) [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/? doc_ id=30421101 (дата обращения: 22.02.2022).

42. Уголовно-процессуальный кодекс Украины. [Электронный ресурс]. – URL: https:// continent- online. com/ Document/? doc_id =31197178 #pos=1985; -52 (дата обращения: 08.11.2024).

43. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ от 01.02.1877 г.; ред. от 09.10.2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.gesetze-im-internet. de/stpo/ BJNR006290950.html (дата обращения: 18.10.2020).

44. Уголовно-процессуальный кодекс КР от 28 октября 2021 г. № 129 // [Электронный ресурс] URL: https://prg.kz/document/? doc_id=36639004&pos =7;201&doc_ id2=36639004 &pos2= 1215;149 (дата обращения: 14.03.2026).

Монографии, учебные пособия

1. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе – М.: Спарк, 2002. – 176 с.

2. Адвокатская деятельность и адвокатура в России. Введение в специальность / под ред. И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2006. – 527 с.

3. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / коллектив авторов; под ред. В.М. Бозрова. – М., 2017. – 568 с.

4. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. – 420 с.

5. Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 361 с.

6. Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Советский уголовный процесс. – Л.: Ленин. ун-т, 1989. – 472 с.

7. Алексеев С.С. Философия права. – М.: Норма, 1997. – 201 с.

8. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. – М.: Юрид. лит, 1982. – Т. 2. – 360 с.

9. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М.: Юрид. лит, 1961. – 185 с.

10. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 958 с.

11. Алексеев С.С. Проблемы теории права. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1973. – Т. 2. – 401 с.

12. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.

13. Алексис де Токвиль. О демократии в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

14. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. – М.: «Флинта», «Наука». – 2011. – 292 с.

15. Арабули Д.Т. Право защитника собирать и представлять доказательства: понятия, способы, проблемы реализации: монография. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 190 с.

16. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1964. – 179 с.

17. Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. – 361 с.

18. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 256 с.

19. Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 132 с.

20. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) – 2-е изд., доп. – М.: Право и государство, 2005. – 544 с.

21. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 257 с.

22. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 420 с.

23. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. / вступ. ст. М. В. Баглая. – Москва: НОРМА, 1999. – 364 с.

24. Барак А. Судья в демократическом обществе / пер. с англ. М.В. Антонова. – М.: Статут, 2018. – 376 с.

25. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М.: ЛексЭст, 2001. – 240 с.

26. Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2008. – 304 с.

27. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. – М.: Юрист, 2019. – 730 с.

28. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 15-е издание. – М.: Проспект, 2020 – 825 с.

29. Бейсенов Б.С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М.: Юридическая литература, 1981. – 200 с.

30. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. Б.Г. Капустина; отв. ред. д.ю.н. В.С. Нерсесянц. – М.: Республика, 1998. – 415 с.

31. Бернам У. Правовая система США. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.

32. Библия. Книга Судей: 4,5 [Электронный ресурс]. URL: https: // allbible. info/bible/ sinodal/ jud/4/ (дата обращения: 11.07.2021).

33. Боботов С.В. Введение в правовую систему США / С.В. Боботов, И.Ю. Жигачев. – М.: Норма, 1997. – 333 с.

34. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. – М.: Юридическая литература, 1975. – 176 с.

35. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральской государственной юридической академии», 2012. – 96 с.

36. Бозров В.М. Проблема справедливости в правосудии по уголовным делам. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iuaj.net/node/525 (дата обращения 17.01.2025).

37. Бурмагин С.В. Уголовный суд России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 388 с.

38. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 312 с.

39. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. – М.: Юрайт, 1913. – Т. 1. – 691 с.

40. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – (Репринт с изд. 1913 г.). – 508 с.

41. Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.

42. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимания социологии. – Т. III. Право. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – 336 с.

43. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 809 с.

44. Веретехин Е.Г. Проблемы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 88 с.

45. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М.: Городец, 2000. – 248 с.

46. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. – 438 с.

47. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. – М.: Норма, 1998. – 527 с.

48. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – 3-е изд. – СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. – 400 с.

49. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. – М.: Норма, 2017. – 288 с.

50. Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. – М.: Госюриздат, 1962. – 255 с.

51. Гальперин И.М. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву / И.М. Гальперин, В.З. Лукашевич. – М.: Юридическая литература, 1965. – 150 с.

52. Гегель Г.В. Ф. Философия права. М.: Издательство Мысль, 1990. – 528 с.

53. Гегель Г.В. Сочинение: в 15 т.– М.: Соцэкгиз, 1959. – Т. 1. – 440 с.

54. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций. – М.: Издательство АСТ, 1996. – 320 с.

55. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 2001. – 240 с.

56. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.

57. Головко Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. – М.: Городец, 2022. – 464 с.

58. Головко Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.

59. Головненков П. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. Головненков, Н. Спицина. – Universitätsverlag Potsdam, 2012. – 1280 с.

60. Горобец В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу РФ: учебное пособие. – Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1998. – 60 с.

61. Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. – 303 с.

62. Государственный обвинитель в советском суде / М.М. Гродзинский, А.Н. Васильев, И.Г. Сапожников, Л.Н. Смирнов. – М.: Госюриздат, 1954. – 307 с.

63. Гранат Н.Л. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. – М.: Норма, 1998. – 200 с.

64. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. – Л.: ЛГУ, 1981. – 83 с.

65. Григорьев В.Н., Победкин А.В. Уголовный процесс России. – М.: «Эксмо», 2021. – С. 387.

66. Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. – 2-е изд., перераб. – М.: Юрайт, 2009. – 308 с.

67. Гриненко А.В. Уголовный процесс учебник и практикум для прикладного бакалавриата. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 333 с.

68. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспект). – М.: Юрлитинформ, 2008. – 472 с.

69. Громов Н.А. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / Н.А. Громов, С.А. Зайцева, А.Н. Гущин. – М.: Приор, 2006. – 80 с.

70. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в современном уголовном процессе. – Харьков: Вища шк., 1979. – 144 с.

71. Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. – Оренбург: ОГУ, 2002. – 108 с.

72. Гюго В. Отверженные: в 5 томах / пер. под ред. и с вступит. статьей А.К. Виноградова, Жан Вальжан. – Москва: Academia, 1931. – 535 с.

73. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. – 152 с.

74. Давлетов А.А. Программа уголовного судопроизводства / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 208 с.

75. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие. – Екатеринбург: УрЮИ МВД РФ, 2022. – 348 с.

76. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер. с английского О.В. Полторацкая; редактор П.Г. Виноградов. – 2-е изд., прижизн. изд., пер. доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1907. – 718 с.

77. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. А.Л. Соболева; под ред. Л.Б. Макеевой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 392 с.

78. Декларация прав человека и гражданина от 26.08.1789 г. / Документы истории Великой французской революции. – М.: Норма, 1992. – 119 с.

79. Дж. Локк. Опыт о человеческом разуме. Избранные философские произведения в двух томах. Т. I. – М., 1960. – С. 153–162.

80. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 175 с.

81. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. – М.: Юридическая литература, 1971. – 200 с.

82. Дубовицкий В.Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении / ред. А.Е. Лунев. – Минск: Наука и техника, 1984. – 141 с.

83. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1908. – 288 с.

84. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1910. – 437 с.

85. Духовской М.В. Русский уголовный процесс: сокращенный курс лекций. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1897. – 278 с.

86. Жан Жан-Поль, Губанов Рамин Афад оглы. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: научное издание. – М.: ЮНИТИ-ДАНА 2015. – 331 с.

87. Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учебно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2011. – 312 с.

88. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер с англ.; общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.

89. Зиммель Г. Религия: Социально-психологический этюд / пер. с нем. Бердоносова и О. Лямбекъ. – М.: Издание М. и С. Сабашниковыхъ, 1909. – 82 с.

90. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы / З.З. Зинатуллин, Т.З. Егорова, Т.З. Зинатуллин. – Ижевск: Детектив-Информ, 2002. – 228 с.

91. Зинатуллин Т.З. Этика адвоката-защитника. – Ижевск: Удмуртский университет, 1999. – 136 с.

92. Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. – СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. – 382 с.

93. Зуев С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 668 с.

94. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 120 с.

95. Иеринг Р. фон. Борьба за право / перевод с 13-го немецкого издания Ершов С.И. – М.: Феникс, 1991. – 64 с.

96. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева, канд. юрид. наук Д.В. Бахтеева. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 216 с.

97. Ишимов П.Л. Производство предварительного слушания в суде первой инстанции. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 152 с.

98. Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1968. – 68 с.

99. Кандыба Д.В. Психологический гипноз наяву. Теория и техника. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 608 с.

100. Кант И. Критика практического разума. Соч. на нем. и рус. яз. – М.: Наука, 1997. – Т. 3. – 733 с.

101. Кант И. Метафизика нравов. Соч.: в 6 т. Т. 4(2). – М.: Мысль, 1965. – 438 с.

102. Кант И. Сочинения – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – 478 с.

103. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. – Волгоград: Министерство внутренних дел СССР, 1998. – 65 с.

104. Карякин Е.А. Концептуальные основы формирования истины в судебном разбирательстве // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. – М.: Московская государственная юридическая академия, 2007. – 296 с.

105. Качалов В.И. Рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: научно-практическое пособие: / В.И. Качалов, О.В. Качалова, Е.В. Марковичева. – М.: Проспект, 2023. – 93 с.

106. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.

107. Кириллова Н.П. Поддержание государственного обвинения в суде. – СПб.: Ред.-изд. отдел Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2003. – 148 с.

108. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. – 404 с.

109. Ключевский В.О. Курс русской истории. – Ч. 1. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1911. – 464 с.

110. Книга о судах и судьях. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах. – М.: Восточная литература, 1975. – 287 с.

111. Ковтун Н.Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации: учебное пособие / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. – 296 с.

112. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1971. – 160 с.

113. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: избранное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 687 с.

114. Колоколов Н.А. Сущность судебно-властных правоотношений в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 1038 с.

115. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Можякова. – М.: Изд-во «Экжамен», 2004. – 954 с.

116. Комментарий к УПК РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 823 с.

117. Комментарий к УПК РФ / ред. А.Я. Сухарев. – М.: Норма, 2004. – 1104 с.

118. Конин В.В. Процессуальные и тактические аспекты деятельности защитника в состязательном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 197 с.

119. Конституционное право / под ред. А. Е. Козлова. – М.: Юрист, 1996. – 154 с.

120. Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. – М.: Юридическая литература, 1978. – 144 с.

121. Кореневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: ЦентрИнформ, 2002. – 197 с.

122. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – 2-е изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 456 с.

123. Кречетова Л.В. Защитник в уголовном процессе. – Оренбург: Изд. центр ОГАО, 2000. – 87 с.

124. Крыленко Н.В. Судоустройство в РСФСР. – М.: Тип. МКХ, 1924. – 406 с.

125. Кудрявцев В.Л. Процессуальные и криминалистические основы деятельности адвоката-защитника в российском уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 176 с.

126. Кудрявцева А.В. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам / А.В. Кудрявцева, В.Л. Сысков. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 256 с.

127. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 411 с.

128. Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. – 176 с.

129. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юридическая литература, 1989. – 640 с.

130. Курс советского уголовного процесса: общая часть / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, А.Д. Бойков и др.; под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юридическая лит., 1989. – 640 с.

131. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. – М.: Статут, 2016. – 1280 с.

132. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко; Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Статут, 2025. – 1041 с.

133. Курс уголовного судопроизводства: учеб. в 3-х т. Т. 2 «Досудебное и судебное производство» / под ред. В.А. Михайлова. – М.: Московский психол.-соц. ин-т, 2006. – 854 с.

134. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. – Минск: БГУ, 1969. – 204 с.

135. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. Документы. Том. 3. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. – М.: Спутник, 2003. – 443 с.

136. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. Документы. Том. 1. Начала формирования судебной власти. – М.: Спутник, 2003. – 623 с.

137. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. – М.: Проспект, 2006. – 672 с.

138. Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов. – М.: Юридическая литература, 1986. – 224 с.

139. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. с датск. яз. Н. Исаевой, С. Исаева. – СПб.: СПб. ун-т, 2005. – 680 с.

140. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. – М.: Высшее образование, 2009. – 344 с.

141. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. – Самара: Самарский университет, 2007. – 303 с.

142. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие для магистров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 295 с.

143. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара: Издательство Самарского университета, 1999. – 136 с.

144. Лазарева В.А. Теория судебной речи. – Самара: Издательство Самарского университета. – 2009. – 123 с.

145. Лазарева В.А. Проблемы реализации потерпевшим права на справедливую судебную процедуру при отказе прокурора от обвинения / В.А. Лазарева, В.В. Иванов. – Самара: Издательство Самарского университета, 2005. – 176 с.

146. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. – М.: Российская академия правосудия, 2000. – 386 с.

147. Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало-М, 2008. – 340 с.

148. Ленский А.В. Дифференциация уголовного процесса / А.В. Ленский, Т.В. Трубникова, Ю.Г. Якимович. – М.: Эконом. развитие, 2000. – 300 с.

149. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. – М.: Смысл, 1992. – 17 с.

150. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. 2. (Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР) / под редакцией В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. – М.: «Педагогика», 1983. – 320 с.

151. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. – М.: АН СССР, 1949. – 207 с.

152. Лившиц Ю.Д., Кудрявцева А.В. Вопросы использования специальных познаний в уголовном процессе: научно-практическое пособие. – Челябинск: НТЦ НИИОГР, 2001. – 95 с.

153. Ллойд Д. Идея права. – М.: Книгодел, 2007. – 416 с.

154. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 144 с.

155. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М.: Наука, 1986. – 264 с.

156. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 240 с.

157. Макарова З.В. Гласность уголовного процесса. – Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. техн. ун-та, 1993. – 234 с.

158. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.

159. Мартынчик Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. – Кишинев: Штиинца, 1975. – 219 с.

160. Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста РФ А.Д. Прошлякова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 456 с.

161. Миттермайер К.Ю. Суд присяжных в Европе и Америке / под редакцией Н.И. Ламанского. – М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1865. – 170 с.

162. Миттермайер К.Ю. Уголовное производства в Англии, Шотландии и Северной Америке. – М.: Типография Грачева и Комп., 1864. – 446 с.

163. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда: уголовно-политическое исследование. – Томск: Тип. И.И. Макушина, 1905. – 346 с.

164. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 215 с.

165. Муратова Н.Г. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт: монография / Н.Г. Муратова, М.С. Сергеев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 264 с.

166. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном процессе. – М.: ФЛИНТА: Моск. психолого-соц. ин-т, 2008. – 144 с.

167. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3-х т. Т. 1: Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 496 с.

168. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Бобров В.К., Божьев В.П., Бородин С.В., Демидов В.В., и др.; под общ. ред.: Лебедев В.М.; науч. ред.: Божьев В.П. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 2004. – 1151 с.

169. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2004. – 448 с.

170. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 552 с.

171. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. – М.: Московское психологическое общество, 1902. – 296 с.

172. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 398 с.

173. Пальчиков М.В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 400 с.

174. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 352 с.

175. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / ред. кол.: Л.М. Карнозова-отв. ред. и др.; предисл. С.А. Пашина. – М.: Изд-во Международного комитета содействия правовой реформе, 1995. – 384 с.

176. Перлов И.Д. Защита и правосудие / Роль и задачи советской адвокатуры / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: Госюриздат, 1972. – 220 с.

177. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1955. – 248 с.

178. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. – М.: Проспект, 2009. – 192 с.

179. Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. – М.: Наука, 1991. – 206 с.

180. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. – М.: ТК Велби, 2005. – Ч. II. – 192 с.

181. Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. – М.: Наука, 1979. – 392 с.

182. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1964. – 266 с.

183. Платон Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 864 с.

184. Плетнев В.Д. Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1909. – 270 с.

185. Побегайло Г.Д. Судебные прения в советском уголовном процессе. Общие положения: учебное пособие. – М.: ВЮЗИ, 1982. – 39 с.

186. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 351 с.

187. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. – М.: Изд-во Московского университета, 1956. – 271 с.

188. Попов В.Ф. Судебное следствие: проблемы оптимизации: монография / под ред. Н.Н. Ковтуна. – Н. Новгород, 2000. – 142 с.

189. Попова А.Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX – XXI вв. в контексте модернизации. – М.: Новый хронограф, 2009. – 360 с.

190. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28.07.1950 г. № 13/9/у «О судебном приговоре» // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным

делам / сост. и авт. коммент.: А.С. Михлин и др.; отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. – М.: БЕК, 1999. – 634 с.

191. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Г.С. Русман, д-ра юрид. наук, проф. С.М. Даровских. – М., 2022. – 348 с.

192. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2011. – 512 с.

193. Протасов В.Н. Правоотношение как система. – М.: Юридическая литература, 1984. – 143 с.

194. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 248 с.

195. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Госюриздат, 1961. – 277 с.

196. Радьков В.А. Теория государства и права: учебник. – М.: Проспект, 2015. – 822 с.

197. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 388 с.

198. Риккерт Г. Наука о природе и наука о культуре / под ред. С.И. Гессена. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

199. Риккерт Г. Философия жизни. – К.: Издательство «Ника-Центр», 1998. – 505 с.

200. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. – 2-е изд., изм. и доп. – СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. – 548 с.

201. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 232 с.

202. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с.

203. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. – М.: Проспект, 2013. – 280 с.

204. Русская философия и социология права / авт.-сост. Агафонов Ю.А., Шалин В.В., Зимонина Н.А. – Ростов н/Д: Феникс, Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005. – 400 с.

205. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 156 с.

206. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. – М.: Экзамен, 2022. – 943 с.

207. Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 416 с.

208. Сабо И. Социалистическое право. – М.: Прогресс, 1964. – 396 с.

209. Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации: учебное пособие для вузов. – М.: БЕК, 1996. – 218 с.

210. Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 593 с.

211. Сергеич П. Искусство речи на суде. – М.: «Юрайт», 2009. – 395 с.

212. Сердюков С.В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива. – М.: Юркнига, 2006. – 126 с.

213. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I. Судоустройство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 400 с.

214. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. Судопроизводство / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 488 с.

215. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб.: «Наука», ООО «Издательство Альфа», 2000. – 224 с.

216. Смирнов А.В. Состязательный процесс. – СПб.: Альфа, 2001. – 320 с.

217. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.

218. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебное пособие – М.: Эксмо, 2022. – 368 с.

219. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебное пособие – М.: Норма, 2023. – 368 с.

220. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. – 8-е изд., перераб. – М.: Норма, 2020. – 784 с.

221. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. – М.: Госюриздат, 1953. – 228 с.

222. Советский уголовный процесс / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.В. Бородина. – М.: Акад. МВД СССР, 1982. – 578 с.

223. Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. – 204 с.

224. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М.: Астрель, 2006. – 618 с.

225. Спенсер Г. Справедливость / пер. со 2-го англ. изд.; под ред. Н. Глаголева. – СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1897. –177 с.

226. Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. – М.: Госюриздат, 1958. – 235 с.

227. Стифен Д. Очерк доказательственного права. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – 271 с.

228. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств: сравнительное теоретико-правовое исследование: англо-американской и романо-германской правовых систем: монография. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. – 264 с.

229. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1968. – 420 с.

230. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1968. – 470 с.

231. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 383 с.

232. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 152 с.

233. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском процессе / отв. ред.: Гродзинский М.М. – М.: АН СССР, 1951. – 191 с.

234. Строгович М.С. Уголовный процесс. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 511 с.

235. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А.И. Карпова. – М.: Юрайт-Издат, 2008. – 732 с.

236. Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 176 с.

237. Судоустройство и правоохранительные органы / под ред. Л.В. Головко: учебник. 2-е изд. – М.: Издательский Дом «Городец», 2022. – 816с.

238. Судоустройство и правоохранительные органы в Российской Федерации / под ред. В.И. Швецова. – М.: Проспект, 1996. – 352 с.

239. Сухова О.А. Правовая природа, понятие, значение и классификация процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве: лекция. – Саранск: Красный октябрь, 2007. – 76 с.

240. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – изд. 2-е. – М.: URSS, Издательство ЛКИ, 2008. – 168 с.

241. Татьянина Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрайт, 2011. – С. 431.

242. Тарасов А.А., Анисимов П. В. Судейская этика в системе гарантий независимости судебной власти: монография. – М.: Норма, 2024. – 288 с.

243. Тарасова Н.В. Социокультурные детерминанты профессионального сознания судьи: монография. – М.: Проспект, 2022. – 320 с.

244. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. – М.: Юридическая литература, 1966. – 584 с.

245. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. – М.: Юридическая литература, 1973. – 736 с.

246. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Вища школа, 1985. – 446 с.

247. Титова Е.В. Правомерное поведение в российском конституционном праве: монография. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 480 с.

248. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М.: Юстицинформ, 2001. – 355 с.

249. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. – М.: Манускрипт, 1994. – 140 с.

250. Толмачев Е.П. Александр II и его время. Книга первая. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998. – 432 с.

251. Толстой Ю.К. К теории правоотношений. – Л.: ЛГУ, 1959. – 88 с.

252. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1991. – 240 с.

253. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 132 с.

254. Уголовно-процессуальное право / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Велби: Проспект, 2006. – 1032 с.

255. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юристъ, 2004. – 797 с.

256. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю.К. Якимович. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 420 с.

257. Уголовный процесс: учебник для вузов / Алексеева Л.Б., Давыдов В.А., Дьяченко М.С. и др.; под общ. ред. П.А. Лупинской. – Москва: Юристъ, 1995. – 544 с.

258. Уголовный процесс России: особенная часть: учебник для вузов / ред. В.З. Лукашевич. – СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2005. – 702 с.

259. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. –1072 с.

260. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2013. –1008 с.

261. Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. – 704 с.

262. Уголовный процесс России: особенная часть: учебник для вузов / А.И. Александров [и др.]; под ред. В. З. Лукашевича. – Санкт-Петербург: Издательский Дом СПбГУ, 2005. – 701 с.

263. Уголовный процесс России: Общая часть: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.; под ред. В.В. Лукашевича. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. Гос. ун-та, 2004. – 448 с.

264. Уголовный процесс РСФСР / под общ. ред. В.Е. Чугунова, Л.Д. Резоа. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. – 392 с.

265. Уголовный процесс: учебник / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Проспект (ТК Велби), 2001. – 520 с.

266. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Дашков, 2003. – 776 с.

267. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 2000. – 304 с.

268. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под ред. М.Н. Гернета. – М.: Скатертный, 1916. – Вып. 4. – 1193 с.

269. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 206 с.

270. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. – М.: Тип. В. Рихтер, 1915. – 432 с.

271. Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. – М.: Спарк, 1994. – 157 с.

272. Философия: учебник / В.Н. Лавриненко, Г.И. Иконникова, В.П. Ратников, В.В. Юдин; под ред. В.Н. Лавриненко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; Высшее образование, 2009. – 561 с.

273. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Альфа, 1996. – 607 с.

274. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1. / под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Альфа, 1996. – 607 с.

275. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2 – 3-е изд. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 583 с.

276. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – СПб.: Питер Пресс: Питер, 2008. – 384 с.

277. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 351 с.

278. Хмыров А.А. Теория доказывания: общая часть: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. – 125 с.

279. Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие / авт.-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – 2-е изд. – М., 2022. – 304 с.

280. Циховский А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск: Наука, 1998. – 392 с.

281. Чайковская М.А. Свойства приговора: монография. – М.: Проспект, 2013. – 176 с.

282. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Госюридиздат, 1962. – 503 с.

283. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Альфа, Равена, 1995. – 846 с.

284. Черепанова Е.С. Философия конфликта. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 195 с.

285. Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы). – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. – 134 с.

286. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. – 240 с.

287. Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. – Саратов: Саратовский университет, 1986. – 189 с.

288. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 220 с.

289. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.

290. Шундиков В.Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела. – Саратов: Саратовский университет, 1974. – 157 с.

291. Эйсман А.А. Логика доказывания. – М.: Юридическая литература, 1971. – 112 с.

292. Элькинд П.С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. – М.: Госюриздат, 1959. – 111 с.

293. Элькинд П.С. Сущность советского уголовного процесса. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 171 с.

294. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно процессуальном праве. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. – 142 с.

295. Юрченко Л.В. Оценочные действия судьи на этапе подготовки к судебному заседанию. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 208 с.

296. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976. – 287 с.

297. Якимович Ю.К. Особое и дополнительное производство в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во Томского университета, 1998. – 104 с.

298. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. – Томск: Изд-во Томского университета, 2015. – 168 с.

299. Якимович Ю.К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: учебное пособие. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. – 124 с.

300. Якимович Ю.К. Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 252 с.

301. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. – 176 с.

302. Якуб Н.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. – М.: Норма, 1960. – 169 с.

303. Якуб Н.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Юридическая литература, 1981. – 144 с.

Научные статьи

1. Абабков А.В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. – М.: Юрлитинформ, 2024. – С. 15–32.

2. Азаренок Н.В. Вопросы практической реализации положений ст. 189.1 УПК РФ // Уголовное право. – 2022. – № 8. – С. 75–80.

3. Азаров В.А. Предварительное и судебное следствие в контексте типологической характеристики уголовного процесса России // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 2. – С. 50–51.

4. Александров А. Объективность и беспристрастность при обращении к присяжным заседателям с напутственным словом (история одной экспертизы) / А. Александров, А. Босов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 6 (11). – С. 363–373.

5. Александров А.С. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе / А.С. Александров, С.И. Кувычков // Уголовный процесс. – 2013. – № 5. – С. 76–84.

6. Александров А.С. Основания и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 43–52.

7. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 162–178.

8. Александров Р.А. К вопросу о помощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях / Р.А. Александров, Д.А. Гусаров // Российский судья. – 2019. – № 4. – С. 30–34.

9. Александров Р.А. Предварительное и судебное следствие в России: проблемы соотношения / Р.А. Александров, И.Н. Кондрат, Т.П. Ретунская // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 134–140.

10. Алекси Р. Существование прав человека / Р. Алекси; пер. с англ. С.И. Максимова // Правоведение. – 2011. – № 4. – С. 21–31.

11. Алиев Н.А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 109–123.

12. Андреева О.И., Зайцев О.А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – Ч. 79. – С. 4–17.

13. Аширбекова М.Т. О разумном сроке уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 2 (21). – С. 81–85.

14. Баранов В.М., Худойкина Т.В. Теория юридического конфликта: философские и социолого-правовые аспекты // Юрист-Правовед. – 2000. – № 1. – С. 22–28.

15. Баршев С.И. Задачи присяжных в деле уголовного суда // Русский вестник. –1863. – Т. 45. – С. 98–126.

16. Баршев С.И. О необходимых гарантиях уголовного суда // Русский вестник. – 1859. – Т. 20. – С. 185–220.

17. Бастрыкин А.И. Вернуть в уголовный процесс институт истины // Российская газета. – 2012. – № 5731. – С. 15.

18. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: материалы научно-практической конференции – М.: Издательство МГЮА., 2019. – С. 31–37.

19. Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Особенности аудиопротоколирования и видео-конференц-связи при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции // Судебная власть и уголовный процесс. – 2021. – № 1. – С. 39–45.

20. Бедняков И.Л. Пути оптимизации рассмотрения судом первой инстанции уголовных дел в свете обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. Р.А. Ромашов. – Самара: Самарский государственный юридический институт, 2014. – С. 113–116.

21. Белкин А.Р. Еще о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 3. – С. 29–34.

22. Бехало С.В. Институт подсудности уголовных дел // Российское правосудие. – 2019. – № 2. – С. 101–105.

23. Бехало С.В. О некоторых вопросах процессуального порядка изменения территориальной подсудности уголовных дел. // Юго-западный юридический

форум 15-16 октября 2021 года: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума. – Выпуск 1. – М.: МГЮА, 2021. – С. 69–74.

24. Богословская Е.В. Скорый суд в разумный срок // Вестник академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 3 (41). – С. 113–118.

25. Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право. – 1979. – № 6. – С. 41–50.

26. Бородинова Т.Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 71–86.

27. Брянская Е.В. Исследование доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 3 (66). – С. 85–91.

28. Бурдина Е.В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. – 2018. – № 7. – С. 19–33.

29. Васечкина А.В. Состязательность и равноправие сторон: спорные вопросы применения на практике // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 12 (168). – С. 130–134.

30. Васяев А.А. Протокол судебного заседания-доказательство? / А.А. Васяев, М.В. Пальчикова // Современное право. – 2010. – № 4. – С. 116–119.

31. Верещагин А., Румак В. У нас есть много вещей, которые выглядят как настоящие, только не работают // Закон. – 2019. – № 4. – С. 8–21.

32. Виршич Ж.И. Общеправовые принципы защиты прав и законных интересов человека в уголовном судопроизводстве // Право и демократия: сборник науч. тр. Вып. 12 / отв. ред. В.Н. Бибило. – Минск: Белорусский государственный университет, 2002. – С. 111–137.

33. Волынец К.В. Некоторые проблемы в правовом регулировании принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Вестник Удмуртского университета. Серия 2. Экономика и право. – 2013. – Вып. 1. – С. 181–187.

34. Воронцов И.В. О категории «разумность» в юридической науке и в гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Современное право. – 2009. – № 7. – С. 3–5.

35. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. – 2019. – № 5 (150). – С. 91–104.

36. Вус А.В. Некоторые вопросы правовой регламентации судебных прений и последнего слова подсудимого // Аллея науки. – 2018. – № 11 (27). – С. 608–612.

37. Гатауллин З.Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 45–48.

38. Глазкова М.Е. Компенсация за нарушение разумного срока в арбитражном процессе: цели внедрения и проблемы правоприменения // Адвокат. – 2010. – № 9. – С. 35–43.

39. Головко Л.В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса». – Москва: Юрлитинформ, 2024. – С. 8–11.

40. Головко Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Алексеева / под ред. Н.Г. Стойко. – СПб., 2015. – С. 60–68.

41. Горбань В.В. Функция судебного контроля как необходимое условие развития демократических основ // Российская юстиция. – 2007. – №3. – С. 35–37.

42. Григорьев В.Н. Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел РФ. – 2017. – № 2 (42). – С. 38–46.

43. Грось Л.А. О федеральных законах, принятых с целью обеспечить реализацию права на судопроизводство в разумный срок // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 9. – С. 2–6.

44. Гук П.А. Независимость и судейское усмотрение // Российская юстиция. – 2008. – № 11. – С. 46–52.

45. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 31–37.

46. Давлетов А.А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. – 2012. – № 6. – С. 97–102.

47. Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Вопросы психологии. – 2003. – № 2. – С. 42–49.

48. Даровских С.М. Некоторые дискуссионные вопросы реализации принципа состязательности в суде первой инстанции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2008. – Вып. 16. – № 28. – С. 37–41.

49. Даровских С.М. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при использовании информационно-коммуникационных технологий // Проблемы права. – 2015. – № 6 (54). – С. 155–158.

50. Дикарев И.С. О роли суда в доказывании по уголовным делам, рассматриваемым в порядке главы 40 УПК Российской Федерации // Вестник военного права. – 2020. – № 2. – С. 34–38.

51. Дикарев И.С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: субъектный состав и процедура заключения // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – №1 (79). – С. 49–58.

52. Дикарев И.С., Гордеев П.С. Разумность процессуальных сроков – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2012. – № 5. – С. 115–118.

53. Дикарев И.С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. – 2020. – №6 (275). – С. 63–69.

54. Дикарев И.С. Использование информационных технологий и психологии принятия решений на предварительном следствии // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21. – №3. – С. 120–127.

55. Дикарев И.С. Истинность оправдательного приговора // Российская юстиция. – 2018. – № 11. – С. 23–24.

56. Дикарев И.С. Особое мнение судьи: вопрос о правовых последствиях // Российская юстиция. – 2014. – №10. – С. 56–59.

57. Дикарев И.С. Уровни подсудности в уголовном процессе // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. – М.: МГИМО, 2024. – С. 52–64.

58. Дореволюционные юристы о прокуратуре. Сборник статей. / Науч. ред. и сост. С.М. Казанцев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 287 с.

59. Дорошков В.В. Особенности уголовного судопроизводства у мировой судьи // Материалы международной научно-практическойконференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред.: П.А. Лупинская, Г.В. Дашков. – М.: Профобразование, 2002. – С. 195–198.

60. Ермакова К.П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. – 2010. – № 8. – С. 50–55.

61. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 81–87.

62. Жадяева М.А. Нюансы защитительной речи адвоката // Адвокатская практика. – 2021. – № 2. – С. 28–30.

63. Желтобрюхов С.П. Прения сторон и последнее слово подсудимого // Российская юстиция. – 2018. – № 9. – С. 30–34.

64. Зайцев О.А. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании / О.А. Зайцев, П.С. Пастухов // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 84–88.

65. Захарова Г.А. Прения сторон и последнее слово подсудимого в судебном разбирательстве // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2023. – Спецвыпуск № 1.1 (37). – С. 57–61.

66. Кайгородов А.А. Сроки рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции // Российское правосудие. – 2011. – № 11 (67). – С. 77–79.

67. Калибина Е.Г. Кросс-функциональные команды как инструмент развития знаниевого потенциала компании// Вестник СПбГУ. – 2020. – Том 19. – Вып. 3. – С. 336–361.

68. Калинкина Л.Д. Размышления по поводу речи адвоката в одно предложение // Адвокатская практика. – 2019. – № 1. – С. 23–27.

69. Калиновский К.Б. Международные стандарты срочности уголовного процесса в практике Европейского суда по правам человека / К.Б. Калиновский, М.М. Ахмедов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. – Ч. 3 / под ред. М.К. Свиридова. – Томск: издательство Томского университета, 2006. – С. 47–50.

70. Камардина А.А. Роль суда в обеспечении состязательности и равноправия сторон при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2014. – № 5(49). – С. 250–252.

71. Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1(62). – С. 141–149.

72. Качалова О.В. Критерии качества судебных решений в уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова, М. В. Беляев // Российское правосудие. – 2024. – № 3. – С. 82–90.

73. Качалова О.В. Суд может рассмотреть дело в особом порядке без признания обвиняемого // Уголовный процесс. – 2021. – № 8(200). – С. 9.

74. Качалова О.В. Национальная идентичность российского уголовного судопроизводства: социальная обусловленность и факторы детерминации // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1(83). – С. 45–53.

75. Кириллова Н.П. Следственные ошибки и допустимость доказательств // КриминалистЪ. – 2009. – № 2(5). – С. 45–54.

76. Кириллова Н.П. Дискуссия об установлении истин и выбор модели уголовного процесса // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: КубГУ, 2018. – С. 74–80.

77. Кириллова Н. П., Назаров А. Д. Поддержание государственного обвинения в суде как элемент прокурорской власти в Германии и России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 3 (48). – С. 102–107.

78. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Том 12. – №1. – С. 116–127.

79. Кириллова Н.П., Черушева А.А. Судебный контроль и проблемы уголовно-процессуального статуса прокурора // Значение прокуратуры в гражданском обществе: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В.А. Шуняевой. – Тамбов: ИД «Державинский», 2022. – С. 35–45.

80. Кирюхин Д.И. Справедливость как aequitas и justitia в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2013. – № 3. – С. 65–77.

81. Ковалева Н.Ю. Определение подсудности уголовных дел / Н.Ю. Ковалева // Эволюция государства и права: история и современность: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного гос. ун-та / отв. ред. С.Г. Емельянов. – Курск: ЮЗГУ, 2017. – С. 261–264.

82. Комарова Н.А. Принцип состязательности и равноправия сторон должен быть эффективным средством установления объективной истины в судебном разбирательстве / Н.А. Комарова, В.З. Лукашевич // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 156–162.

83. Кондрашин П.В. Проблемы реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел в мировой юстиции // Уголовная юстиция. – 2019. – № 14. – С. 51–53.

84. Коновалова Е.Е. Территориальная подсудность уголовных дел по выбору стороны обвинения: delegelataet delegeferenda / Е.Е. Коновалова, Д.П. Чекулаев // Законодательство и практика. – 2020. – № 2. – С. 27–31.

85. Кононов А.Л. Право на особое мнение // Закон. – 2006. – № 11. – С. 43–46.

86. Коржанский Н.И. Развитие уголовно-правовой науки об охране социалистических общественных отношений // XXIV съезд КПСС о задачах дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка: сборник материалов конференции / отв. ред. Т.Н. Радько. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1972. – С. 95–100.

87. Круглик Н.А. Семантическое значение приставки para- в латинском языке // Материалы научно-практической конференции молодых ученых МГЛУ – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 123–126.

88. Крюков В.Ф. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам: современность и перспективы // Журнал российского права. – 2007. – № 10. – С. 14–15.

89. Крюков В.Ф. Участие государственного обвинителя в подготовительной части судебного разбирательства: уголовно-процессуальный аспект // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 12–15.

90. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 121–127.

91. Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. – 1980. – № 2. – С. 12–20.

92. Лавнов М. А. Проблемы правовой регламентации прекращения уголовного дела в суде первой инстанции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1(39). – Часть 1. – С. 133–136.

93. Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК 1997 г. // Российская юстиция. – 1997. – № 9. – С. 9–11.

94. Лебедева А.А. Принцип «разумный срок уголовного судопроизводства» // СтройМного. – 2016. – № 4(5). – С. 4.

95. Левченко О.В. Судебное следствие как институт уголовно-процессуального права / О.В. Левченко, А.А. Хайдаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 162–165.

96. Лукожев Х.М., Арсельгов Р.З. Проблемы института подсудности в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 3 (133). – С.45–49.

97. Любимова Е.В. Назначение и перспективы предметной подсудности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 2(24). – С. 107–116.

98. Мамонт Г.Н. О протоколе судебного заседания / Г.Н. Мамонт, В.И. Никандров // Правоведение. – 1990. – № 1. – С. 69–71.

99. Манова Н.С. «Ситуация, не терпящая отлагательства» как оценочная категория в законодательстве и практике уголовного судопроизводства // Legal-Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 42–48.

100. Манова Н.С. Особый порядок судебного разбирательства в контексте современных цивилизационных трансформаций процессуально-правовых подходов / Н.С. Манова, Н.А. Соловьева // LegalConcept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22. – № 1. – С. 13–20.

101. Манова Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблемы соотношения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 34–40.

102. Манова Н.С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение уголовно-процессуальной деятельности / Н.С. Манова, М.А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Выпуск 45. – С. 564–594.

103. Масленникова Л.Н. К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 309–312.

104. Масленникова Л.Н. Факторы, определяющие развитие уголовного судопроизводства в России // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012. – 140 с.

105. Махов В. Н. К вопросу о типах (формах) уголовного процесса // Российский судья. – 2016. – № 9. – С. 8–11.

106. Мизулина Е.Б. Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве: сборник научных трудов. – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1990. – С. 139–148.

107. Минбалеев А.В. К вопросу рассмотрения информации как юридической фиксации // Вестник ЮУрГУ. – 2006. – № 13. – С. 118–119.

108. Миронова Г.И. О судебной власти, правосудии и судебном контроле / Г.И. Миронова, С.М. Васильев // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4(8). – С. 7–13.

109. Мирошников Ю.И. История аксиологии: от Платона до Канта // Первые Лойфмановские чтения: аксиология науч. познания: материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 1. – 2006. – С. 96–105.

110. Михайлов И.В. Тайна совещания судей – важнейшая гарантия социалистического правосудия // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 136–142.

111. Морщакова Т.Г. К вопросу о восстановительном правосудии // Неволя. – 2005. – № 4. – С. 25–34.

112. Мусиенко Т.В. Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 2. – С. 236–240.

113. Мусиенко Т.В. Проблемы определения критерия предметной подсудности по уголовным делам // Законодательство. – 2015. – № 9. – С. 67–73.

114. Накаев Б.Р. Процессуальное положение подсудимого по уголовно–процессуальному праву Российской Федерации // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 4. – С. 91–92.

115. Наниев А. Точный протокол укрепит доверие к суду / [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 19.07.2025).

116. Нешатаева Т.Н. Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: судебная практика // Российское правосудие. – 2009. – № 10. – С. 29–42.

117. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализама: сборник статей / под ред. П.И. Новгородцева. – М.: Московское психологическое общество, 1902. – 521 с.

118. Овчинникова О.В. Собирание электронных доказательств, размещенных в сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4. – С. 46–50.

119. Панкова О.В. Развитие доктринальных основ правосудия в дореволюционной России // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 3. – С. 170–189.

120. Петрова Н.Е. Наделить потерпевшего правом уголовного преследования // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 55–60.

121. Петрухин И.Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась // Законодательство. – 2006. – № 3. – С. 69–70.

122. Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: материалы научной конференции, 22–23 января 2002 г., Москва: Проспект, 2002. С. 6–17.

123. Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 27–45.

124. Проценко Е.Д. Содержание процессуально-ограничительных правоотношений / Е.Д. Проценко, Б.В. Макогон // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – С. 147–153.

125. Пупышева Л.А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. – 2021. – № 1(96). – С. 100–108.

126. Ратинов А.Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации // Вопросы кибернетики и право. – М.: Наука, 1967. – С. 180–199.

127. Ревина И.В. Нравственные критерии судебных прений // Адвокатская практика. – 2016. – № 5. – С. 37–40.

128. Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты права на судебное разбирательство в разумный срок // Российский судья. – 2009. – № 2. – С. 9–12.

129. Родивилина В.А. Использование видеоконференцсвязи при допросе в досудебном производстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалист. чтения. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – Вып. 2(6). – С. 133–137.

130. Романов С.В. Процессуальная активность суда в судебном разбирательстве по уголовному делу: сравнительно-правовой и правозащитный аспекты // Закон. – 2016. – № 1. – С. 39–50.

131. Россинский Б.В. Уголовно-процессуальные акты как формы государственного управления / Б.В. Россинский, С.Б. Россинский // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 246–254.

132. Россинский С.Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и «невербального» способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. – 2021. – № 2(97). – С. 99–106.

133. Россинский С.Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 5. – С. 80–87.

134. Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства уголовного дела: форма доказывания или форма без доказывания? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 1. – С. 40–45.

135. Россинский С.Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 4. – С. 40–48.

136. Россинский С.Б. Протоколы следственных действий и судебного заседания: постановка проблемы // LEXRUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2014. – № 2. – С. 176–184.

137. Россинский С.Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. – 2020. – Т. 73. – № 9(166). – С. 63–76.

138. Русман Г.С. Процессуальный характер поощрительных правоотношений в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 40. – С. 75–79.

139. Рябинина Т.К. Предмет и пределы доказывания в стадии назначения судебного заседания // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Том 5. – № 4. – С. 99–106.

140. Рябинина Т.К. Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 512–526.

141. Рябинина Т.К. Институт возвращения уголовного дела прокурору: правовой и нравственный аспекты // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 65–72.

142. Рябинина Т.К. Полномочия председательствующего в суде с участием присяжных заседателей в контексте состязательных начал российского уголовного судопроизводства / Т.К. Рябинина, Д.О. Чистилина // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2021. – № 41. – С. 64–76.

143. Рябинина Т.К. Роль мирового судьи в рассмотрении уголовных дел частного обвинения: история и современность // Вестник московского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 116–125.

144. Свиридов М.К. Установление истины и активность суда в состязательном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства. – Томск: ТГУ, 2004. – С. 183–187.

145. Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 58–63.

146. Смолькова И.В. Тайна совещания судей и особое мнение судьи // Вестник ОГУ. – 2006. – № 3. – С. 172–175.

147. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.

148. Тарасов А.А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве // Новый УПК России в действии: материалы круглого стола, 13 ноября 2003 г. / отв. ред. И.Ф. Демидов. – М.: ТК Велби, 2004. – С. 71–78.

149. Таричко И.Ю. «Научные воззрения о категориях типа и модели уголовного процесса» // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 3(40). – С. 192–195.

150. Тихий А.В. Усмотрение суда в подготовительной части судебного разбирательства // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С. 158–162.

151. Ткачева Н.В. Процессуальная самостоятельность стадий подготовки к судебному заседанию и судебного разбирательства – системная гарантия беспристрастности правосудия в суде первой инстанции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2026. – № 2. – С. 54–59.

152. Ткачева Н.В. Информационные технологии и технические средства в производстве суда первой инстанции по уголовным делам // Российский судья. – 2023. – № 6. – С. 33–37.

153. Ткачева Н.В. Условия производства в суде первой инстанции при рассмотрении и разрешении уголовных дел в общем порядке // Труды Института Государства и права РАН. – 2023. – Том 18. – № 3. – С. 208–222.

154. Ткачева Н.В. Участие в прениях сторон: право или обязанность участников в производстве суда первой инстанции // Российский следователь. – 2023. – № 2. – С. 28–31.

155. Ткачева Н.В. Технические правила и этические принципы взаимодействия судьи с технологиями искусственного интеллекта // Правопорядок: история, теория, практика. – 2026. – № 1(48). – С. 89–96.

156. Ткачева Н.В. Промежуточные решения в производстве по уголовному делу суда первой инстанции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 4. – С. 28–41.

157. Ткачева Н.В. Национальная идентичность уголовного правосудия: новое или хорошо забытое старое? // Юридическая Наука. – 2025. – № 12. – С. 150–153.

158. Ткачева Н.В. Особое мнение судьи: от формального права к экзистенциональному долгу, диктуемому совестью // Право и политика. – 2025. – № 12. – С. 255–263.

159. Ткачева Н.В. Природа правоотношений подсудимого и защитника на этапе производства в суде первой инстанции // Вестник Сибирского юридического института МВД РФ. – 2024. – № 4(57). – С. 180–186.

160. Ткачева Н.В. Сущность и назначение производства в суде первой инстанции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 45–50.

161. Ткачева Н.В. Особенности уголовно-процессуальных правоотношений: философско-правовой аспект // Философия права. – 2022. – № 2(101). – С. 17–25.

162. Ткачева Н.В. Общенаучный аспект понятия «функция» // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сборник статей / [Абрамочкин В.В. и др.]. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 528 с.

163. Троицкая А.А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 1. – С. 66–78.

164. Филатова М.А. Разумный срок рассмотрения дела и роль суда в его обеспечении // Закон. – 2010. – № 2. – С. 155–174.

165. Фоков А.П. Современный статус помощника судьи по обеспечению судебной деятельности // Российский судья. – 2012. – № 4. – С. 2–5.

166. Хайдаров А.А. Сущность и содержание судебного следствия в уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 7. – С. 55–62.

167. Хатуаева В.В. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы в доктрине уголовного процесса / В.В. Хатуаева, П.Г. Гурченко // Центральный научный вестник. – 2016. – Т. 1. – № 13. – С. 68–69.

168. Ходикова Н.А. Закон достаточного основания в коммуникативной деятельности государственных служащих // Язык государственной службы. Лингвистические вопросы теории и практики: сборник материалов Международного круглого стола. – М.: Академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычай-

ным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2020. – С. 156–162.

169. Холоденко В. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. – 2002. – № 3. – С. 50–58.

170. Хохряков М.А. Исторические модели пределов судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 2 (23). – С. 231–240.

171. Цветков Ю.А. Не последнее слово о прениях сторон и последнем слове подсудимого // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 4. – С. 11–15.

172. Чекулаев Д.П. Пробелы в легальном определении территориальной подсудности уголовных дел требуют устранения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 159–166.

173. Чекулаев Д.П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе РФ // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 2. – С. 159–162.

174. Чертков А.Н. Четкость и единообразие конституционно-правовых понятий и разграничение компетенции // Журнал Российского права. – 2004. – № 2. – С. 34–39

175. Шакитько Т.В. К вопросу о судебных прениях // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 73–77.

176. Шарифуллин Р.А. Элементы электронного правосудия / Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев // Российский судья. – 2018. – № 6. – С. 57–62.

177. Шейфер С.А., Яблоков В.А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России. История и современность: сборник научных статей – Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999. – С. 190–196.

178. Шишкина М.Н. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 2. – С. 452–460.

179. Шумилова Л.Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 54–61.

180. Ярославцев В.Г. Проблемы реализации принципа состязательности и равноправия в гражданском и административном процессах / В.Г. Ярославцев, С.С. Демченко // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб.: Петрополис, 2019. – С. 437–445.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук – Омск, 2021. – 35 с.

2. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования Российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. …д-ра юрид. наук. – Омск, 2021. – 547 с.

3. Антропов В.Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 1995. – 20 с.

4. Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 446 с.

5. Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 50 с.

6. Батчаева Э.К. Судебное следствие в суде первой инстанции по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и других государств – членов СНГ (сравнительно-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 224 с.

7. Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2003. – 46 с.

8. Белоусов С. А. Компетенционные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 202 с.

9. Белохортов И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 24 с.

10. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 202 с.

11. Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения: дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – 200 с.

12. Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Уфа, 2004. – 28 с.

13. Бурмагин С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2022. – 68 с.

14. Бурмагин С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств: дис. … д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2022. – 929 с.

15. Бурносова Ю.Л. Теоретические основы и практика применения правила непосредственности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2022. – 33 с.

16. Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. – Свердловск, 1975. – 202 с.

17. Вилкова Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2022. – 44 с.

18. Волынец К.В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2013. – 24 с.

19. Воробьева С.В. Компетенция как инструмент государственного правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007 – 192 с.

20. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2004. – 60 с.

21. Гочияев М.К. Судебное следствие как объективная основа законного и обоснованного приговора: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – 214 с.

22. Григорьев К.А. Особенности производства по уголовным делам в отношении прокуроров, следователей и адвокатов: дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 201 с.

23. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград. 2004. – 21 с.

24. Дубовик Н.П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных судебных производств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – 35 с.

25. Дудукина Т.Г. Подготовительная часть судебного заседания: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – 36 с.

26. Емузов А.С. Оценка доказательств по уголовном делам в суде первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 196 с.

27. Жарко Н.В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 230 с.

28. Задорожная В.А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006. – 28 с.

29. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018. – 251 с.

30. Зацепина М.Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации: дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 249 с.

31. Золотых В.В. Судебные полномочия при постановке вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: дис. … канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 206 с.

32. Идрисов М.М. Государственное обвинение в состязательном уголовном процессе (в суде первой инстанции): проблемы законодательной регламентации и практики поддержания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2011. – 26 с.

33. Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 35 с.

34. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2016. – 55 с.

35. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – СПб., 2008. – 52 с.

36. Клементьев А.С. Телекоммуникационное обеспечение уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – 175 с.

37. Козина Т.В. Судебное следствие и обоснование приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 1992. – 24 с.

38. Коновалова Е.Е. Реализация в Российском уголовном процессе права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2025. – 32 с.

39. Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2012. – 32 с.

40. Корнелюк О.В. Баланс процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого при досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003. – 26 с.

41. Коровина М.С. Проблемы доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – 23 с.

42. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2016. – 273 с.

43. Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – 24 с.

44. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2000. – 42 с.

45. Ларинков А.А. Теоретические и правоприменительные проблемы доказывания на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 28 с.

46. Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2004. – 60 с.

47. Малофеев И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014. – 28 с.

48. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2000. – 47 с.

49. Меженина Л.А. Публичность российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 29 с.

50. Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2018. – 420 с.

51. Мухин А.М. Процессуальная деятельность прокурора при разбирательстве уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2009. – 28 с.

52. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: особенности и проблемные ситуации (теория, законодательство, практика): дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 1999. – 219 с.

53. Некенова С.Б. Принцип обеспечения права лица в разумный срок уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2015. – 261 с.

54. Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – 211 с.

55. Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2005. – 462 с.

56. Плашевская А.А. Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2006. – 241 с.

57. Порцева О.Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. – 23 с.

58. Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Омск, 2022. – 39 с.

59. Рахматуллина О.Р. Суд присяжных как форма народного участия в отправлении правосудия: дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013. – 24 с.

60. Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013. – 27 с.

61. Руднев В.И. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1997. – 212 с.

62. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Челябинск, 2023. – 65 с.

63. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. … докт. юрид. наук. – Челябинск, 2023. – 564 с.

64. Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 1997. – 40 с.

65. Рыбинская Е.Т. Состязательность российского уголовного судопроизводства при рассмотрении дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Иркутск, 2008. – 24 с.

66. Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: дис. … д-ра юрид. наук. – Саратов, 2021. – 545 с.

67. Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Саратов, 2021. – 26 с.

68. Рябцева Е.В. Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2005. – 24 с.

69. Сафонов Э.Е. Механизм реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в военном суде: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2003. – 24 с.

70. Селедкина Н.А. Судебное следствие в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 223 с.

71. Смирнов В.П. Состязательное начало по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 24 с.

72. Снегирев Е.А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2002. – 21 с.

73. Стародумов С.В. Судебные действия следственного характера при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 28 с.

74. Сысков В.Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам: дис. ... канд.юрид. наук. – Челябинск, 2006. – 279 с.

75. Сычева О.А. Тактика судебного следствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 27 с.

76. Трахов Р.А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – 27 с.

77. Федулов А.В. Реализация принципа публичности (официальности) в современном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 24 с.

78. Федюнин А.Е. Правовое регулирование технических средств в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Саратов, 2008. – 46 с.

79. Хабарова Е.А. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

80. Хомякова А.В. Особенности деятельности государственного обвинителя и защитника на судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей: дис. … канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2002. – 189 с.

81. Цомая С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 24 с.

82. Черкасова Н.Ю. Исследование доказательств в суде первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 1993. – 251 с.

83. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2022. – 62 с.

84. Шигуров А.В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. – 27 с.

85. Шмелев А.Н. Судебная нуллификация нормативного правового акта: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 353 с.

86. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. – Оренбург, 2003. – 149 с.

Исследования, выполненные за счет грантов Российского научного фонда

1. Проект № 20–78–00128 «Справедливость наказания в общественном сознании, в уголовном законе и усмотрении суда: исследование современного состояния и разработка направлений гармонизации». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rscf.ru/project/ (дата обращения: 10.06.2025).

2. Проект № 23–78–10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)». – [Электронный ресурс]. – URL: https: // www. rscf.ru/ project / (дата обращения: 06.12.2024).

3. Проект № 24-28-00565 «Стандарты доказывания в российской правовой системе». – [Электронный ресурс] – URL: https:// pureportal. spbu. ru/ ru/ projects/-2024-1(3d2739c4-b32a-4b63-a4e6-77b9e807aa).html (дата обращения 06.02.2025 г.).

4. Проект № 24–28–01112 «Разработка концептуальной модели юридической ответственности в сфере искусственного интеллекта и робототехники». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rscf.ru/project/ (дата обращения: 06.11.2024).

5. Проект № 25–28–01190 «Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rscf.ru/project/ (дата обращения: 06.07.2025).

6. Проект № 25–28–01341 «Совершенствование правовой организации уголовно-процессуального доказывания в условиях развития цифровых технологий». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rscf.ru/project/ (дата обращения: 16.03.2025).

7. Проект № 22-18-00496 «Пределы, формы и гарантии защиты частных интересов средствами уголовного права и уголовного процесса: исследование теории и практики в нарративном контексте». – [Электронный ресурс]. – URL: https:// ui.tsu.ru/?page_id=20923 (дата обращения: 06.07.2025).

8. Проект № 25-28-00386 «Принудительные меры медицинского характера как средство обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – URL: https: //news. tsu. ru/ news /v-yui-issleduyut-effektivnost –prinuditelnogo –lecheniya -lits- s- psikhopatologiyami / (дата обращения: 12.04.2025).

Словари, справочная литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь Живого великорусского языка. – М.: Изд. «Цитадель», 1998. – Т. III. – 584 с.

3. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 512 с.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: АСТ, 1984. – 944 с.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 797 с.

6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3-е изд., стереотипное. – М.: АЗЪ, 1996. – 939 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд.; испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 928 с.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. – 3-е изд., стер. – М.: Азъ, 1996. – 928 с.

9. Российский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL:http://www.rubricon.com/res_1.asp (дата обращения 23.04.2023).

10. Словарь синонимов русского языка: справочное издание / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель, 2003. – 681 с.

11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: АСТ, 2017. – 1584 с.

12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935–1940. – 1424 с.

Материалы судебной практики

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 7. – Ст. 701

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 УПК РСФСР и статьи 123 ГПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 12. – Ст. 1459.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01. 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 5. – Ст. 611.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 700.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 31. – Ст. 3160

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4–П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. – 2005. – 1 апреля. – № 66.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 48(2 ч.). – Ст. 6030.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2276.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 г. № 17-П «О проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30(2). – Ст. 4699.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2012 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.Г. Мишиной» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 32. – Ст. 4618.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 г. № 14-П/2013 «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой» [Электронный ре-

сурс] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 26. – Ст. 3428.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 28. – Ст. 3881.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 г. № 4-П/2017 «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 11. – Ст. 1621

17. Постановление Конституционного Суд РФ от 07.03.2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 12. – Ст. 1779.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 47. – Ст. 7316.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2022 г. 2-П/2022 г. «По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Ко-

декса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 4. – Ст. 674.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 30. – Ст. 4442.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 53 (Часть III). – Ст. 8891.

22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2024 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Ткаченко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 41. – Ст. 6205.

23. Определение Конституционного Суда РФ от 13.04.2000 г. № 69-О «По запросу Московского областного суда о проверке конституционности статьи 421 УПК РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 24. – ст. 2657.

24. Определение Конституционного Суда РФ от 23.01.2001 г. № 21-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина Константина Андреевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.06.2023).

25. Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 г. № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 УПК

РФ». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.06.2023).

26. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 г. № 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.

27. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2020 г. № 1938-О «По запросу Петрозаводского гарнизонного военного суда о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.03.2021).

28. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 г. № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 4.

29. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 650-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант» (дата обращения: 16.12. 2022).

30. Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2020 г. № 812-О/2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевакиной П.Д. на нарушение ее конституционных прав частями шестой и седьмой статьи 22 Основ законодательства РФ о нотариате» [Электронный ресурс] / Офи-

циальный интернет-портал правовой информации URL: https: // pravo.gov.ru (дата обращения 21.03.2024)

31. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. № 4 «О судебном приговоре» (в редакции от 27 июля 1990 г.) (утратило силу) [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 4.

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.09.1976 г. № 3 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1976. – № 12.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. № 23 (в ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 1.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 (в ред. 05.06.2012) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 2.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 г. «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанции» (с изменениями и дополнениями) (утратило силу) [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 3.

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 9.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 7.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 9.

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 3.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (с изменениями и дополнениями) (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 7.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 1.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 3.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 22 «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 8.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 39 «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2025. – № 2.

50. Постановление Верховною Суда РФ об изменении территориальной подсудности от 23.05. 2016 г. по делу № 11-УД16-14П [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https: //vsrf. ru/ documents/own/ (дата обращения 02.02.2024).

51. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26.07.2016 г. по делу № АПЛ 16-310 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https: // vsrf. ru/documents/own/ (дата обращения 02.02.2024).

52. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30.07.2019 № АПЛ19-263. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.08.2022).

53. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22.12.2020 г. № АПЛ20-453. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

54. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.06.2023 г. № 14-УД23-6-А1. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.09.2024).

55. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.09.2021 г. № 72–УДП21–12–К8 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения: 28.08.2022).

56. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.10.1996 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 5.

57. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовному делу № 19 - УД22 - 33 - К5 от 09.03.2023 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения: 06.11.2023).

58. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.01.2020 г. № 18-АПУ19-29. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2023).

59. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 марта 2023 г. № 19-УД22-33-К5. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2023).

60. Решение Верховного Суда РФ от 23.11.2017 г. № АКПИ17-898. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

61. Решение Верховного Суда РФ от 24.01.2019 г. № АКПИ18-1236. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

62. Решение Верховного Суда РФ от 21.03.2019 г. № АКПИ19-38. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

63. Решение Верховного Суда РФ от 18.02.2021 г. № АКПИ20-849. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

64. Решение Верховного Суда РФ от 29.11.2021 г. № АКПИ21-845. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

65. Решение Верховного Суда РФ от 06.07.2022 г. № АКПИ22-430. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.08.2022).

66. Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 2 полугодие 2017 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Волгоградского областного суда URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru (дата обращения: 03.11.2022).

67. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 6.

68. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2021 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел (подготовлен Верховным Судом РФ, август 2021 г.) Текст обзора опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 13.08.2022).

69. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 13.08.2022).

70. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2003 год» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения: 05.11.2022).

71. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2008 год» [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https: // vsrf.ru/ documents/ own/ (дата обращения: 27.10.2022).

72. Обзор судебной практики по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции за 2022 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 06.11.2023).

73. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 26.06.2025).

74. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 26.06.2025).

75. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 26.06.2025).

76. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru(дата обращения: 28.08.2024).

77. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 г. [Электронный ресурс] / Официальный

сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 28.08.2024).

78. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07 ноября 2024 г. по делу № 7У-8939/2024 [77-4160/2024] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 10.12.2024).

79. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2021 г. по делу № 7У-1597/2021 [77-838/2021] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 15.06.2025).

80. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2021 г. по делу № 7У-4397/2021 [77-1593/2021] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 15.06.2025).

81. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2021 г. по делу № 7У-9223/2021 [77-3093/2021] [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения 15.06.2025).

82. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 5-АПУ15-72. Текст определения официально опубликован не был. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.11.2023).

83. Уголовное дело № 2-1/2023 // Архив 2-го Западного окружного военного суда [Электронный ресурс] / Официальный сайт 2-го Западного Окружного Военного Суда URL: https:// 2zovs--msk. sudrf.ru/ modules. php? name=sud_delo (дата обращения 23.03.2025).

84. Уголовное дело № 2-3/2024 // Архив 2-го Западного окружного военного суда: [Электронный ресурс] / Официальный сайт 2-го Западного Окружного

Военного СудаURL: https:// 2zovs--msk. sudrf.ru/ modules. php? name =sud_delo (дата обращения 23.03.2025).

Электронные ресурсы

1. Выступление Президента РФ Владимира Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ / Путин заявил о влиянии социальной справедливости на состояние общества [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20240326/putin-1935944043.html (дата обращения 07.02.2025).

2. Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ksrf.ru (дата обращения: 10.10.2024).

3. Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.supcourt.ru (дата обращения: 03.05.2025).

4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.06.2025).

5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://genproc.gov.ru/ (дата обращения: 10.09.2024)

6. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 25.04.2023).

7. Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://sledcom.ru (дата обращения: 16.03.2023).

8. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://fparf.ru/ (дата обращения 10.04.2025).

9. Официальный сайт Верховного суда Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: https://vs--bkr.sudrf.ru/ (дата обращения 20.06.2023).

10. Официальный сайт Московского областного суда [Электронный ресурс]. – URL: https://oblsud--mo.sudrf.ru / (дата обращения: 10.03.2023).

11. Официальный сайт Краснодарского краевого суда [Электронный ресурс]. – URL: http://kraevoi.krd.sudrf.ru/ (дата обращения: 17.04.2024).

12. Официальный сайт Санкт-Петербургского городского суда [Электронный ресурс]. – URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/ (дата обращения 03.05.2024).

13. Официальный сайт Челябинского областного суда [Электронный ресурс]. – URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/ (дата обращения: 16.05.2025).

14. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. – URL: http: // crimestat.ru (дата обращения: 01.09.2024).

15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL:http://www.gks.ru/ (дата обращения: 18.08.2022).

16. Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. – URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 20.10.2024).

17. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – URL: https://fedstat.ru/indicator/36202 (дата обращения: 02.08.2024).

18. Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 17.06.2025).

19. Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.06.2025).

20. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 14.04.2025).

21. Игорь Краснов провел совещание с председателями судов [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации – URL: https: //vsrf.ru/press_center/news/34762/ (дата обращения: 22.10.2025).

22. Игорь Краснов на ежегодном Совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов РФ [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации – URL: https: //vsrf.ru/ (дата обращения: 21.02.2026).

23. Игорь Краснов принял участие в пленарном заседании Совета судей РФ. [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации – URL: https: // www. vsrf.ru/ (дата обращения: 02.12.2025).

24. Национальная программа «Цифровая экономика РФ» [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Минцифры. – URL: https:// digital.gov. ru/target/ naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (дата обращения 09.11.2025).

25. Al помощник для российских судов [Электронный ресурс] – URL: https://xn--80aaxridipd.xn--p1ai/ai-pomoshhnik-dlya-rossijskih-sudov/ (дата обращения: 20.12.2025).

26. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50. [Электронный ресурс] – URL: http: // www. rusarchives.ru/ statehood/ 08-19-dekreto-sude-1918.shtml (дата обращения 20.03.2024).

27. Конституция (Основной закон) СССР. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс] – URL: http: // www. rusarchives.ru/ statehood/09-11-konstitution-1936.shtml (дата обращения 20.03.2024).

28. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 19 ноября 2025 года, Москва. [Электронный ресурс] – URL: http: // www. special. kremlin.ru/ (дата обращения: 23.11.2025).

29. Совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражный судов РФ. [Электронный ресурс] – URL: http:// kremlin.ru/ (дата обращения: 21.02.2026).

Материалы на иностранных языках

1. Beck D.E., Cowan C.C. Spiral Dynamics: Mastering Values, Leadership, and Change. – Oxford, 1996. 331 p.

2. Boulding K. Conflict and Defence: A. General Theory. – N.Y.: Harper, 1963. – 345 p.

3. Bradley (Brad) A. Hoppe, Kathleen (Katie) H. McGraw ChatGPT: write me a summary judgment motion // Ethics in Practice. – 2025. – June 6. – 16 p.

4. Braithwaite V.A., Scott W.A. «Values». Measures of Personality and Social Psychological Attitudes / ed. by J.P. Robinson, P.R. Shaver, L.S. Wrightsman. – New York: Academic Press, 1991. –753 p.

5. Coser L.A. The Functions of Social Conflict. – L.: Simon and Schuster, 1964. – 188 p.

6. Dahrendorf R. Elemente Eines Theorie des Sozialen Konflikts / R. Dahrendorf. Gesellschaft und Freiheit. – Munchen, 1965. – 285 p.

7. Graves C. W. Levels of Existence: An Open System Theory of Values. // The Journal of Humanistic Psychology. –1970. – Vol. 10(2). – P. 131–155.

8. Graves C. W. Human Nature Prepares for a Momentous Leap // The Futurist. – 1974. – Vol. 8. – № 2. – P. 72–87.

9. John Merryman The Civil Law Tradition. 2d ed. – Stanford, 1985. –114 p.

10. Maura R. Grossman. Paul W Grimm, Daniel G Brown, Molly Xu. The GPTJudge: Justice in a generative AI World // 23 Duke L. & Tech. Rev. – 2023. – Vol. 23. – P. 1–35.

11. Mirjan R. Damaska. Evidance Law Adrift. – YaleUniversitiPress, 1997. – 160 p.

12. Pavel Weichbroth AI and the Law: Evaluating ChatGPT's Performance in Legal Classification // Preprint submitted to be determined. – 2025. – February 19. – 15 p.

13. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen ber die Formen der Vergesellschaftung. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908. – 782 p.

14. Stammler R. Die Lehre von demrichtigenRechte / von Rudolf Stammler. – Berlin: Guttentag, 1902. – 668 p.

15. Themeli E., Philipsen S. AI as the Court: Assessing AI deployment in Civil Cases // Éditions Thémis. – 2021. – № 32. – P. 213–232.

16. Valeev D., Makolkin N. Digitization of Civil Legal Proceedings in the Russian Federation // Russian Law Journal. – 2021. – № 9 (4). – P. 158–172.

17. Valentini L. Dignity and Human Rights: A Reconceptualisation // Oxford Journal of Legal Studies. – 2017. – Vol. 37. – № 4. – P. 862–885.

18. Vial G., Cameron A.-F., Giannelia T., Jiang J. Managing artificial intelligence projects: Key insights from an AI consulting firm // Information Systems Journal. – 2023. – Volume 33. – № 3. – P. 669–691.

Приложение №1

Предложения по внесению изменений и дополнений в УПК РФ

В целях наполнения закона новыми понятиями, способствующими систематизации, конкретизации, детализации эффективного механизма реализации теоретической модели производства в суде первой инстанции по уголовным делам, гарантирующей защищенность граждан, в уголовно-процессуальный кодекс РФ целесообразно внести следующие изменения и дополнения:

1) дополнить УПК РФ следующей статьей:

Статья 6.2. Принцип публичности (официальности)

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа публичности (официальности), в соответствии с которым суд, прокурор, следователь и орган дознания в пределах своей компетенции обязаны принимать все предусмотренные законом меры для установления событий преступления, изобличения лиц, виновных в совершении преступления, и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

2. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, не является пассивным арбитром в споре сторон. В соответствии с назначением уголовного судопроизводства суд обязан принимать активное участие в установлении обстоятельств уголовного дела, компенсировать недостатки доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты путем постановки вопросов, истребования и исследования доказательств по собственной инициативе, если это необходимо для достижения объективной истины и обеспечения справедливости приговора.

3. Требования публичности обязательны для всех государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

2) внести изменения в статью 15 и сформулировать ее в следующей редакции:

Статья 15. Состязательность и равенство прав сторон

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равенства прав сторон.

2. Функции обвинения, защиты, рассмотрения и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

3. Стороны обвинения и защиты имеют равные процессуальные права перед судом. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

4. Стороны обвинения и защиты пользуются правами в соответствии с настоящим Кодексом. Суд устанавливает действительные (истинные) обстоятельства уголовного дела, в том числе с привлечением участников, вспомогательно содействующих правосудию, не выступая на стороне обвинения или стороне защиты,

3) дополнить УПК РФ следующей статьей:

Статья 15.1. Баланс принципов уголовного судопроизводства

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе баланса принципов публичности, состязательности и равенства прав сторон.

2. Публичность обеспечивает реализацию публичного интереса в защите общества от преступлений.

3. Состязательность и равенство прав сторон гарантируют справедливое разрешение уголовного дела.

4. Критерии оценки соблюдения баланса: соответствие действий суда требованиям беспристрастности; обеспечение реального равенства прав сторон; достижение законного и социально приемлемого итогового решения.

4) дополнить УПК РФ следующей статьей:

Статья 15.2. Принцип гласности

1. Производство по уголовному делу является гласным и открытым, формируя доверие гражданского общества к правоохранительным и судебным органам, гарантируя доступность правосудия.

2. Реализация принципа обеспечивается:

а) правом электронного обращения в правоохранительные органы;

б) доступностью информации о расследовании преступления, не ограниченной тайной предварительного расследования;

в) правом граждан, представителей средств массовой информации и институтов гражданского общества присутствовать в открытом судебном заседании;

г) открытым провозглашением судебных актов;

д) использованием цифровой инфраструктуры правоохранительной и судебной системы для обеспечения свободного оборота достоверной информации об их организационно-процессуальной деятельности, включая, использование систем электронного документооборота, размещение текстов судебных актов, предоставление удаленного доступа к аудио-видео протоколам судебных заседаний, использование видеоконференц связи для проведения судебного заседания, трансляцию (онлайн-трансляцию) судебного заседания в режиме прямого эфира по телевидению, радио и (или) в сети Интернет.

3. Ограничение доступности информации на стадии предварительного расследования, обусловленное интересами сохранения ее целостности, объективности и эффективности, не противоречит требованию гласности, являясь предпосылкой для последующего объективного и справедливого судебного разбирательства.

4. Ограничение доступности информации на стадии судебного разбирательства допускается для обеспечения безопасности участников судопроизводства и их близких, защиты частной жизни, сохранения государственной или иной охраняемой законом тайны.»

5) дополнить УПК РФ следующей статьей:

Статья 7.1. Принцип справедливости

Уголовное судопроизводство признается справедливым при соответствии судебных решений закону и общепризнанным социальным ценностям, обеспечивая баланс частных и публичных интересов.

6) дополнить УПК РФ следующей статьей:

Статья 17.1. Внутреннее убеждение и совесть

1. Внутреннее убеждение суда формируется на основе беспристрастного, полного и всестороннего исследования доказательств в их совокупности.

2. Совесть как правовая категория представляет собой нравственно-этический ориентир, направляющий судью на принятие справедливого решения.

3. Суд обязан отразить в описательно-мотивировочной части приговора мотивы сформированного внутреннего убеждения с указанием доказательств, повлиявших на его формирование и использованных научных методов познания.

7) внести изменения в статью 19 и дополнить ее частью 3 следующего содержания: «Председатель Верховного Суда РФ или его заместитель по жалобе заинтересованных лиц или по представлению прокурора вправе внести в Президиум Верховного Суда РФ представление о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора в целях устранения фундаментальных нарушений норм материального или процессуального права, повлиявших на законность обжалуемых судебных решений и лишивших либо существенно ограничивших право участников спорных правоотношений на доступ к правосудию в гласном и справедливом производстве в суде

первой инстанции на основе принципа состязательности и равноправия сторон в разумные сроки. Жалоба или представление прокурора могут быть поданы в течение шести месяцев со дня вступления обжалуемых судебных решений в законную силу»;

8) внести изменения в часть 1 статьи 29 и дополнить ее пунктом 5 следующего содержания: «принять решение о направлении уголовного дела по подсудности»;

9) внести изменения в часть 2 статьи 30 и дополнить ее пунктом 3.1 следующего содержания: «по сложным уголовным делам назначается судья-дублер, заменяющий основного судью при его отсутствии по уважительной причине»;

10) внести изменения в пункт 2 статьи 34 и после слов «вправе с согласия подсудимого» дополнить словами «и потерпевшего»;

11) внести изменения в часть 4 статьи 35 после слов … «существует реальная угроза личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц» дополнить словами «и органы, призванные обеспечивать личную безопасность участников уголовного судопроизводства по месту рассмотрения и разрешения уголовного дела, не имеют реальной возможности и не обладают техническими средствами для ее обеспечения»;

12) внести изменения в часть 7 статьи 56 и дополнить ее следующим содержанием: «Работодатель обязан выплатить компенсации в размере двойной оплаты рабочего времени работнику, вызванному в судебное заседание на допрос в качестве свидетеля»;

13) внести изменения в часть 3 статьи 58 и дополнить ее пунктом 5 следующего содержания: «давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным сторонами, но имеющим отношение к предмету исследования»;

14) внести изменения в статью 58 и дополнить ее частью 5 следующего содержания: «Специалист не вправе давать заведомо ложное заключение. За дачу заведомо ложного заключения специалист несет ответственность в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.»;

15) внести изменения в часть 1 статьи 59 и дополнить ее пунктом 1.1 следующего содержания: «необходимым и достаточным основанием привлечения лица в качестве переводчика является согласие лица, не владеющего языком судопроизводства»;

16) внести изменения в статью 85 и после слов «Доказывание состоит в собирании,» дополнить словом «исследовании»;

17) внести изменения в статью 117: после слов «в размере» изложить ее «от десяти до пятнадцати тысяч рублей»;

18) внести изменения в часть 2 статьи 240 и изложить ее в следующей редакции: «Оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, возможно лишь в случае смерти лица, запрета участвовать в судебном следствии по состоянию здоровья, подтвержденного медицинским заключением, отсутствии технической возможности использования информационно-коммуникационных технологий»;

19) внести изменения в пункт 5 статьи 241.1 и дополнить ее первым предложением следующего содержания: «При невозможности присутствия кого-либо из участников непосредственно в зале судебного заседания, их участие обеспечивается с использованием информационно-коммуникационных технологий»;

20) дополнить статьей 241.2 Использование технологии искусственного интеллекта судьей в уголовном судопроизводстве

«Статья 241.2. Использование технологии искусственного интеллекта судьей в уголовном судопроизводстве

1. Судья вправе использовать системы, основанные на технологиях искусственного интеллекта (далее – ТИИ), в качестве вспомогательного средства для анализа больших массивов данных, поиска правовых норм и судебной практики, проверки на соответствие формальным

требованиям процессуальных документов, выявления возможных противоречий в доказательствах, научного обоснования выводов, для составления проектов судебных решений.

2. Использование ТИИ не допускается в целях:

1) оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи;

2) квалификации преступления и назначения вида и меры наказания;

3) принятия итоговых процессуальных решений, влекущих разрешение уголовного дела по существу либо ограничивающих права и свободы личности;

4) замены непосредственного восприятия доказательств судьей в ходе судебного разбирательства.

3. Любые выводы, сгенерированные ТИИ, носят справочный, информационно-рекомендательный характер и не являются обязательными для судьи. Судья обязан критически оценивать рекомендации ТИИ и мотивировать свое несогласие с ними в судебном решении, если такие рекомендации не были приняты.

4. ТИИ, используемые в судопроизводстве, должны быть сертифицированы в установленном законом порядке и соответствовать следующим критериям:

1) объяснимость: обеспечение возможности предоставления понятного для судьи отчета о логике и данных, на основе которых был сформирован вывод;

2) недискриминация: отсутствие в алгоритме и обучающих данных дискриминационных предубеждений, подтвержденное результатами независимого аудита;

3) безопасность и конфиденциальность: гарантия защиты обрабатываемых данных от несанкционированного доступа и утечки.

5. Использование ТИИ и получение рекомендаций от нее не освобождает судью от обязанности самостоятельно исследовать и оценивать все доказательства по уголовному делу на основе внутреннего убеждения, руководствуясь законом, совестью, и ответственности за законность, обоснованность, мотивированность и справедливость принятого судебного решения»;

21) дополнить статьей 242.1. «Подсудность» следующего содержания:

«1. Судебное разбирательство осуществляется в соответствии с правилами подсудности, предполагающими отнесение вопроса о рассмотрении и разрешении по существу уголовно-правового спора к ве́дению строго определенного суда, обладающего надлежащей компетенцией и наделенного необходимыми юрисдикционными полномочиями.

2. Правила подсудности установлены настоящим Кодексом и расширительному толкованию не подлежат: 1) при невозможности определения места совершения преступления подсудность определяется территорией, на которой было окончено предварительное расследование; 2) при совершении нескольких преступлений одинаковой степени тяжести на разной территории подсудность определяется территорией, на которой было окончено предварительное расследование; 3) при конкуренции норм, связанных с местом жительства или местом пребывания потерпевшего, с местом жительства или местом пребывания обвиняемого, когда место совершения преступления вне пределов РФ, подсудность определяется целесообразностью, и руководствоваться следует по месту жительства или месту пребывания того обвиняемого, добраться к которому остальным обвиняемым или доставить их, если они находятся под стражей, будет наиболее просто»;

22) внести изменения в часть 2 статьи 243 и дополнить ее следующим содержанием: «Председательствующий в подготовительной части производства по уголовному делу проводит согласительные процедуры со сторонами по стратегии проведения отдельных процессуальных действий и определению оптимальных сроков судебного разбирательства, в том числе, их право на обращение к председателю суда для принятия решения об ускорении производства при нарушении его сроков»;

23) внести изменения в статью 243 и дополнить ее частью 4 «Председательствующий по собственной инициативе вправе вызвать в судебное заседание свидетеля для допроса»;

24) внести изменения в часть 2 статьи 246 и дополнить ее: «При существенном опоздании (более 15 минут) или неявке без уважительной причины в судебное заседание государственный обвинитель привлекается к дисциплинарной ответственности»;

25) внести изменения в часть 4 статьи 246 и после слов «Если в ходе судебного разбирательства обнаружится невозможность дальнейшего участия прокурора» дополнить словами «по основанию утраты трудоспособности и невозможности далее продолжать участие в качестве государственного обвинителя»;

26) внести изменения в часть 5 статьи 246 и изложить ее в следующей редакции: «Государственный обвинитель представляет доказательства обвинения, участвует в исследовании всех представленных сторонами доказательств, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона о назначении подсудимому наказания»;

27) внести изменения в часть 7 статьи 246 и после слов «…то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа» дополнить словами «с учетом мнения потерпевшего и уведомлением о нем суда»;

28) внести изменения в часть 2 статьи 248 и дополнить ее следующим содержанием: «При существенном опоздании (более 15 минут) или неявке в судебное заседание без уважительной причины на защитника налагается денежное взыскание в зависимости от сложности рассматриваемого уголовного дела»;

29) внести изменения в главу 35 и дополнить ее статьями: ст. 249.1. Участие представителя потерпевшего, ст. 249.2. Участие законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, с изложением их прав, обязанностей и ответственности;

30) внести изменения в статью 252, следующего содержания:

«3. Суд вправе самостоятельно, по собственной инициативе, собирать и исследовать доказательства, устранять препятствия для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу, не требующие переквалификации деяния на более тяжкое, соблюдая условие предоставления стороне защиты права на подготовку к судебному заседанию.

4. При невозможности судом самостоятельно устранить препятствия рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу, наличии в уголовном деле доказательств вины подсудимого и необходимости переквалифицировать деяние на более тяжкое, суд выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору с указанием в нем рекомендаций по квалификации деяния, способам устранения нарушений и устанавливает срок их устранения по согласованию с прокурором, но не более 14 суток.

5. При отказе прокурора от обвинения, суд вправе по собственной инициативе постановить оправдательный приговор либо мотивированно прекратить уголовное дело.»;

31) главу 35 дополнить статьей 253.1 «Сроки судебного разбирательства» следующего содержания:

1. Началом течения срока судебного разбирательства в суде первой инстанции следует считать дату первого судебного заседания по рассмотрению уголовного дела по существу.

2. Общий срок производства не должен превышать 3 месяцев с начала судебного разбирательства. Продление срока до 6 месяцев по уголовным делам о тяжких преступлениях, до 12 месяцев по уголовным делам об особо тяжких преступлениях. Дальнейшее продление (без ограничения количества раз) не более, чем на 1 месяц в случаях сложности уголовного дела, обоснованной судом. Правовая сложность уголовного дела определяется особой тяжестью преступления, фактическая сложность – реальным объемом выполняемой судом работы.

3. Продление срока судебного производства рассматривается в судебном заседании с участием сторон до его истечения. Неявка кого-либо из сторон не препятствует рассмотрению вопроса о его продлении.

4. Определение или постановление о продлении срока производства выносится судом в зале судебного заседания с занесением в протокол судебного заседания, а по делам в отношении об-

виняемых, содержащихся под стражей или под домашним арестом, – выносятся в отдельном помещении и излагаются в виде отдельных процессуальных документов вместе с решением вопроса о продлении срока данных видов мер пресечения.

5. Решение суда о продлении срока судебного производства обжалованию не подлежит.

6. В срок судебного производства не включается время, на которое оно было приостановлено.»;

32) внести изменения в статью 256 и дополнить ее частью 3 следующего содержания: «Постановления и определения должны соответствовать следующим требованиям:

а) сохранение одинакового процессуального статуса судей независимо от состава суда, позволяющего им высказывать свое мнение, принимая решение на основании своего внутреннего убеждения, руководствуясь законом и совестью;

б) соответствие атрибутивным характеристикам, предъявляемым к форме судебного решения: полное название, дата, место, время, наименование и состав суда, состав участников, присутствующих при вынесении судебного решения;

в) соответствие требованиям законности, обоснованности, мотивированности, справедливости с указанием основания вынесения;

г) указание субъекта (субъектов), которому оно адресовано;

д) содержание перечня задач, которые решаются при его успешном исполнении;

е) соответствие языковым и стилистическим особенностям текста, предъявляемым к решениям в сфере правосудия;

ж) указание порядка и срока обжалования, отметки о разъяснении права на обжалование заинтересованным лицам»;

33) внести изменения в статью 259 и часть 1 изложить в следующей редакции: «В ходе каждого судебного заседания ведется аудио- или видеопротоколирование»; часть 2 изложить в следующей редакции: «При отсутствии технической возможности, протокол может быть написан от руки, или напечатан на машинке, или изготовлен с использованием компьютера»;

34) внести изменения в наименование статей 263, 268, 269, 270 и после слова «прав» дополнить их словами «и ответственности»;

35) внести изменение в статью 267 и после слов «Председательствующий разъясняет подсудимому его права» дополнить словами «и обязанности»;

36) внести изменения в часть 2 статьи 268 и после слов «в порядке статьи 25» дополнить ее словами «и предъявлении гражданского иска в порядке статьи 44»;

37) внести изменения в статью 270 и после слова «ответственность» дополнить ее словами «перед допросом»;

38) внести изменения в статью 278 и дополнить ее частью 3.1 следующего содержания: «Свидетелю, вызванному в судебное заседание по инициативе суда, первым задает вопросы суд, затем стороны»;

39) внести изменения в статью 279 и после слова «обоснованность» дополнить словом «мотивированность»;

40) внести изменения в часть 3 статьи 282 и дополнить ее следующим содержанием: «Перед допросом председательствующий разъясняет эксперту его права и ответственность»;

41) внести изменения в главу 37 и дополнить ее статьями: ст. Допрос специалиста, ст. Производство исследования специалистом, ст. Допрос гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, ст. Допрос понятых, ст. Проверка показаний на месте, ст. Очная ставка;

42) внести изменения в часть 1 статьи 292 и изложить ее в следующей редакции: «Стороны самостоятельно выбирают тактику участия в судебных прениях и по своему усмотрению участвуют в них в виде речей обвинителя и защитника. Подсудимый вправе заявить ходатайство об участии в прениях и предоставлении времени на подготовку к ним»;

43) внести изменения в часть 7 статьи 292 и после слов «по вопросам, указанным в» изложить ее в следующей редакции: «части первой статьи 299»;

44) внести изменения в пункт 2 статьи 307 и изложить его в следующей редакции: «основания обвинения подсудимого и доказательства, их подтверждающие»;

45) внести изменения в п. 6 части 2 статьи 389.17 и после слова «подсудимому» дополнить ее словами «или потерпевшему».

Приложение №2

Результаты анкетирования мировых судей, судей районных (городских) судов, областных и приравненных к ним судов, апелляционных и кассационных судов, работников прокуратуры, адвокатов

В рамках исследования было проведено анкетирование практических работников (судей, прокуроров, адвокатов) с целью выяснения их мнения относительно реализации механизма производства в суде первой инстанции. В анкетировании приняли участие 1258 респондентов, из них 478 судей (судов субъектов Российской Федерации, апелляционных и кассационных судов, районных (городских) судов, мировых судей), 377 работников прокуратуры, 403 адвоката из 11 субъектов РФ: республики Башкортостан, Краснодарского и Пермского краев, Калининградской, Курганской, Новосибирской, Самарской, Свердловской и Челябинской областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга. Анкетирование данной категории респондентов обосновано правоприменением ими норм уголовно-процессуального закона, регулирующего правоотношения при производстве в суде первой инстанции по уголовным делам.

1. Результаты анкетирования судей[1]

1. *В чем заключается социальный запрос на форму уголовного правосудия?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
В соответствии судебного производства гарантиям защиты прав граждан государством	320	67 %
В разрешении уголовно-правового спора	158	33 %
Социальный запрос отсутствует	–	–

2. *Нуждается ли модель производства в суде первой инстанции, имеющая определенную организацию в одних условиях, в обновлениях в меняющейся парадигме правовой реальности?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Да, нуждается	444	93 %
а) только в рамках национальной системы права, так как существование идей разных правовых систем в рамках национальной формы невозможно	143	30 %
б) путем интернационализации права с полной правовой интеграцией права зарубежных государств	–	–
в) путем интернационализации права с фрагментарной правовой интеграцией права зарубежных государств	301	63 %
Для суда это не имеет значения	34	7 %
Нет, не нуждается	–	–

3. *Что, на Ваш взгляд, является предпосылками формирования современной российской модели производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Богатые исторические традиции России	200	42 %
Интернационализация права	33	7 %
Идеология государства	19	4 %
Исторические традиции России и фрагментарная интеграция права	219	46 %

[1] Количество респондентов составило 478 человек, стаж работы по специальности – от 3 до 30 лет, возраст – от 28 до 70 лет.

зарубежных государств		
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	7	1 %

4. *Какие компоненты, на Ваш взгляд, должны составлять национальную модель производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Модель должна быть состязательной	38	8 %
Модель должна сочетать публичные и состязательные начала	52	11 %
Модель должна быть интеграцией публичности, состязательности с приоритетом защиты прав человека в гласном и справедливом судопроизводстве	379	79 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	9	2 %

5. *Какова цель этапов общего порядка подготовки к судебному заседанию и предварительного слушания, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Устранение препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу	463	97 %
Разрешение уголовно-правового спора посредством разрешения уголовного дела по существу	–	–
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	15	4 %

6. *Какова цель этапов подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого, постановления приговора, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Разрешение уголовно-правового спора посредством разрешения уголовного дела по существу	444	93 %
Цель совпадает с назначением уголовного судопроизводства	34	7 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

7. *Дифференцированные формы производства в суде первой инстанции…?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Упрощают производство в суде первой инстанции	14	4 %
Усложняют производство в суде первой инстанции	52	11 %
Являются производствами в суде первой инстанции с особенностями	406	85 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	6	2 %

8. *Что из приведенного перечня является общим условием производства в суде первой инстанции наряду с имеющимися? (возможно несколько вариантов ответа)*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Подсудность	277	58 %
Разумный срок производства	253	53 %
Порядок использования информационно-коммуникативных технологий и технологий искусственного интеллекта	420	88 %
Все вышеперечисленное	301	63 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	43	9 %

9. *Как Вы оцениваете полномочия суда в условиях модели производства в суде первой инстанции, в основе которой заложена интеграция публичности, состязательности с приоритетом защиты прав человека?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Полномочий достаточно для установления всех обстоятельств и разрешения уголовно-правового спора	129	27 %

Суд нуждается в расширении границ активности: (возможно несколько вариантов ответа)	339	71 %
а) путем предоставления права вызова свидетелей по собственной инициативе	240	67 %
б) путем увеличения перечня судебных действий	135	40 %
в) путем устранения общего условия пределов судебного разбирательства	13	4 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	10	2 %

10. *Возможно ли, на Ваш взгляд, установить разумный срок производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Такой возможности нет по объективным причинам	234	49 %
Разумный срок установить необходимо в следующих пределах: а) до 1,5 месяцев при производстве по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести б) до 3 месяцев при производстве по уголовному делу о преступлении средней тяжести в) до 6 месяцев при производстве по уголовному делу о тяжком преступлении с возможностью продления до 18 месяцев г) до 18 месяцев при производстве по уголовному делу об особо тяжком преступлении с возможностью продления до 24 месяцев	76	16 %
Разумный срок установить необходимо единый, не превышающий 6 месяцев, с возможностью его продления по закрепленным в законе основаниям	162	34 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	6	1 %

11. *Как Вы относитесь к предложению выделения подсудности из принципа осуществления правосудия только судом и закрепления правил подсудности в качестве условия производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Отрицательно, поскольку принцип осуществления правосудия только судом в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства	52	11 %
Положительно, поскольку правила подсудности должны быть детализированы в отличие от принципа осуществления правосудия только судом	368	77 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	58	13 %

12. *Как сказывается оглашение показаний в ходе судебного следствия на непосредственность восприятия доказательств судом?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Никак не сказывается	52	11 %
Отрицательно, поскольку суд должен непосредственно воспринимать показания, исходящие от лиц	411	86 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	15	4 %

13. *Как Вы относитесь к использованию информационных технологий, технических средств и технологий искусственного интеллекта в производстве суда первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Положительно, поскольку они ускоряют производство, позволяют эффективно и качественно осуществлять разрешение уголовно-правового спора	105	22 %
Они могут быть использованы только для фиксации процедуры производства	62	13 %
Положительно, но с учетом рисков использования технологий искусственного интеллекта	311	65 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

14. *Должны ли существовать единые требования к решениям, принимаемым судом в производстве первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Нет, поскольку принятие решения – процесс творческий и интеллектуально-волевой, а любые требования будут сказываться на независимости и самостоятельности суда	139	28 %
Да, поскольку они облегчат сложный процесс принятия решения, не сказываясь на самостоятельности суда, и их необходимо закрепить в законе	52	13 %
Да, но требования должны быть изложены в виде рекомендаций и применяться судом по собственному усмотрению	267	56 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	20	4 %

15. *Насколько широки должны быть границы судебного усмотрения, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Отрицательно отношусь к наличию судебного усмотрения и считаю необходимым исключить такую категорию из закона	19	4 %
Судья должен иметь возможность широко использовать судебное усмотрение, поскольку он от имени государства выносит решение, которое должно реализовать назначение уголовного судопроизводства	291	61 %
Судебное усмотрение должно быть строго ограничено рамками состязательности производства, суд должен быть пассивным арбитром и иметь полномочия только организационного характера	133	28 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	35	8 %

16. *Насколько самостоятельными должны быть стороны в производстве суда первой инстанции? (возможно несколько вариантов ответов)*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Самостоятельность сторон должна быть широкой, их деятельность в производстве может быть как активной, так и пассивной, исходя из выбранной тактики состязания	114	24 %
Стороны обязаны быть активными участниками производства, если суд по собственной инициативе не может принять любое решение, поскольку только так суд может вынести законное, обоснованное, мотивированное, справедливое решение	310	65 %
Стороны вправе выбирать любую тактику поведения самостоятельно, при условии, что суд вправе принять любое решение по собственной инициативе	401	84 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	52	11 %

17. *С какой частотой суд проводит судебные действия в судебном следствии?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Оглашение показаний подсудимого	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	478	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Оглашение показаний потерпевшего, свидетеля	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	478	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Оглашение протоколов следственных действий и иных документов	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	478	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Допрос	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	478	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Производство судебной экспертизы	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	296	62 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	110	23 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	72	15 %
Осмотр вещественных доказательств	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	67	14 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	248	52 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	163	34 %
Приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	478	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Осмотр местности и помещений	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	52	11 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	172	36 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	254	55 %
Следственный эксперимент	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	–	–

б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	90	19 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	388	81 %
Предъявление для опознания	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	19	4 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	17	20 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	442	77 %
Освидетельствование	478	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	14	4 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	105	22 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	359	79 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

18. *Какими судебными действиями, на Ваш взгляд, можно дополнить производство в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Вызов свидетеля для дачи показаний (по собственной инициативе суда)	444	93 %
Допрос любого участника производства с помощью систем видеоконференц-связи	310	65 %
Дача заключения специалистом	201	42 %
Получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами	138	29 %
Очная ставка	143	30 %
Проверка показаний на месте	57	12 %
Все указанные судебные действия окажут содействие в процессе доказывания	244	51 %
Судебных действий достаточно, дополнения не требуются	–	–
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

19. *Как Вы оцениваете вероятность истинности принятого судом решения в производстве первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Истинно в более, чем 80 % случаев	191	40 %
Истинно в более, чем 50 % случаев	95	20 %
Истину установить невозможно ни в каком ее виде	90	19 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	102	22 %

20. *Какие требования к приговору суда первой инстанции должны предъявляться и необходимо ли их понятие закрепить в законе?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Законность, обоснованность, справедливость	110	23 %
Законность, обоснованность, мотивированность	62	13 %
Законность, обоснованность	38	8 %
Законность, обоснованность, мотивированность, справедливость	244	51 %
Закрепление этих понятий было бы целесообразным, поскольку это способно повлиять на качество выносимого решения	339	71 %
Нет необходимости закреплять в законе данные требования	138	29 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	4	5 %

2. Результаты анкетирования работников прокуратуры[1]

1. *В чем заключается социальный запрос на форму уголовного правосудия?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
В соответствии судебного производства гарантиям защиты прав граждан государством	248	66 %
В разрешении уголовно-правового спора	129	34 %
Социально-правовая обусловленность отсутствует	–	–

2. *Нуждается ли модель производства в суде первой инстанции, имеющая определенную организацию в одних условиях, в обновлениях в меняющейся парадигме правовой реальности?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Да, нуждается	305	81 %
а) только в рамках национальной системы права, так как существование идей разных правовых систем в рамках национальной формы невозможно	106	35 %
б) путем интернационализации права с полной правовой интеграцией права зарубежных государств	–	–
в) путем интернационализации права с фрагментарной правовой интеграцией права зарубежных государств	199	65 %
Для суда это не имеет значения	72	19 %
Нет, не нуждается	–	–

3. *Что, на Ваш взгляд, является предпосылками формирования современной российской модели производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Богатые исторические традиции России	162	43 %
Интернационализация права	45	12 %
Идеология государства	45	12 %
Исторические традиции России и фрагментарная интеграция права зарубежных государств	125	34 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

4. *Какие компоненты, на Ваш взгляд, должны составлять национальную модель производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Модель должна быть состязательной	–	–
Модель должна сочетать публичные и состязательные начала	45	12 %
Модель должна быть интеграцией публичности, состязательности с приоритетом защиты прав человека в гласном и справедливом судебном производстве	332	88 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

5. *Какова цель этапов общего порядка подготовки к судебному заседанию и предварительного слушания, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Устранение препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу	350	93 %
Разрешение уголовно-правового спора посредством разрешения уголовного дела по существу	–	–

[1] Количество респондентов составило 377 человек, стаж работы по специальности от 3 до 30 лет, возраст – от 28 до 70 лет.

Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	27	7 %

6. *Какова цель этапов подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого, постановления приговора, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Разрешение уголовно-правового спора посредством разрешения уголовного дела по существу	222	87 %
Цель совпадает с назначением уголовного судопроизводства	155	13 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

7. *Дифференцированные формы производства в суде первой инстанции…?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Упрощают производство в суде первой инстанции	60	16 %
Усложняют производство в суде первой инстанции	56	15 %
Являются производствами в суде первой инстанции с особенностями	233	62 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	28	7 %

8. *Что из приведенного перечня должно являться общим условием производства в суде первой инстанции наряду с имеющимися? (возможно несколько вариантов ответа)*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Подсудность	173	46 %
Разумный срок производства	196	52 %
Порядок использования информационных технологий, технических средств и технологий искусственного интеллекта	365	97 %
Все вышеперечисленное	245	65 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	15	4 %

9. *Как Вы оцениваете полномочия суда в условиях модели производства в суде первой инстанции, в основе которой заложена интеграция публичности, состязательности с приоритетом защиты прав человека?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Полномочий достаточно для установления всех обстоятельств и разрешения уголовно-правового спора	67	18 %
Суд нуждается в расширении границ активности: (возможно несколько вариантов ответа)	128	33 %
а) путем предоставления права вызова свидетелей по собственной инициативе	40	31 %
б) путем увеличения перечня судебных действий	87	66 %
в) путем устранения общего условия пределов судебного разбирательства	1	1 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	182	49 %

10. *Возможно ли, на Ваш взгляд, установить разумный срок производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Такой возможности нет по объективным причинам	188	50 %
Разумный срок установить необходимо в следующих пределах: а) до 1,5 месяцев при производстве по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести б) до 3 месяцев при производстве по уголовному делу о преступлении средней тяжести в) до 6 месяцев при производстве по уголовному делу о тяжком преступлении с возможностью продления до 18 месяцев г) до 18 месяцев при производстве по уголовному делу об особо тяжком преступлении с возможностью продления до 24 месяцев	109	29 %
Разумный срок установить необходимо единый, не превышающий 6 месяцев, с возможностью его продления по закрепленным в законе основаниям	56	15 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос.	24	6 %

11. *Как Вы относитесь к предложению выделения принципа подсудности из принципа осуществления правосудия только судом и закрепления правил подсудности в качестве общего условия производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Отрицательно, поскольку совокупность принципов в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства	109	29 %
Положительно, поскольку правила подсудности должны быть детализированы в отличие от принципа осуществления правосудия только судом	233	62 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	35	9 %

12. *Как сказывается оглашение показаний в ходе судебного следствия на непосредственность восприятия доказательств судом?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Никак не сказывается	56	15 %
Отрицательно, поскольку суд должен непосредственно воспринимать показания, исходящие от лиц	271	72 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	50	13 %

13. *Как Вы относитесь к использованию информационных технологий, технических средств и технологий искусственного интеллекта в производстве суда первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Положительно, поскольку они ускоряют производство, позволяют эффективно и качественно осуществлять разрешение уголовно-правового спора	184	49 %
Они могут быть использованы только для фиксации процедуры производства	45	12 %
Положительно, но с учетом рисков использования технологий искусственного интеллекта	148	32 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

14. *Должны ли существовать единые требования к решениям, принимаемым судом в производстве первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Нет, поскольку принятие решения – процесс творческий и интеллек-	45	18 %

туально-волевой, а любые требования будут сказываться на независимости и самостоятельности суда		
Да, поскольку они облегчат сложный процесс принятия решения, не сказываясь на самостоятельности суда, и их необходимо закрепить в законе	56	15 %
Да, но требования должны быть изложены в виде рекомендаций и применяться судом по собственному усмотрению	71	19 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	205	49 %

15. *Насколько широки должны быть границы судебного усмотрения, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Отрицательно отношусь к наличию судебного усмотрения и считаю необходимым исключить такую категорию из закона	188	50 %
Судья должен иметь возможность широко использовать судебное усмотрение, поскольку он от имени государства выносит решение, которое должно реализовать назначение уголовного судопроизводства	67	18 %
Судебное усмотрение должно быть строго ограничено рамками состязательности производства, суд должен быть пассивным арбитром и иметь полномочия только организационного характера	67	18 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	55	15 %

16. *Насколько самостоятельными должны быть стороны в производстве суда первой инстанции? (возможно несколько вариантов ответов)*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Самостоятельность сторон должна быть широкой, их деятельность в производстве может быть как активной, так и пассивной, исходя из выбранной тактики состязания	297	79 %
Стороны обязаны быть активными участниками производства, если суд по собственной инициативе не может принять любое решение, поскольку только так суд может вынести законное, обоснованное, мотивированное, справедливое решение	22	6 %
Стороны вправе выбирать любую тактику поведения самостоятельно, при условии, что суд вправе принять любое решение по собственной инициативе	58	15 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

17. *С какой частотой суд проводит судебные действия в судебном следствии?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Оглашение показаний подсудимого	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	377	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Оглашение показаний потерпевшего, свидетеля	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	377	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Оглашение протоколов следственных действий и иных документов	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	377	100 %

б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Допрос	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	377	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Производство судебной экспертизы	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	242	65 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	79	21 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	56	15 %
Осмотр вещественных доказательств	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	49	13 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	214	57 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	114	29 %
Приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	377	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Осмотр местности и помещений	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	28	7 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	67	18 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	282	75 %
Следственный эксперимент	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	–	–
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	49	13 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	328	87 %
Предъявление для опознания	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	27	7 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	128	34 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	222	59 %
Освидетельствование	377	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	56	15 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	67	18 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	254	68 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

18. *Какими судебными действиями, на Ваш взгляд, можно дополнить производство в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Вызов свидетеля для дачи показаний (по собственной инициативе суда)	188	50 %
Допрос любого участника производства с помощью систем видеоконференц-связи	297	79 %
Дача заключения специалистом	67	18 %
Получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами	120	32 %
Очная ставка	165	44 %
Проверка показаний на месте	67	18 %
Все указанные судебные действия окажут содействие в процессе доказывания	256	68 %
Судебных действий достаточно, дополнения не требуются	–	–
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

19. *Как Вы оцениваете вероятность истинности принятого судом решения в производстве первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Истинно в более, чем 80 % случаев	131	35 %
Истинно в более, чем 50 % случаев	49	13 %
Истину установить невозможно ни в каком ее виде	56	15 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	141	37 %

20. *Какие требования к приговору суда первой инстанции должны предъявляться и необходимо ли их понятие закрепить в законе?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Законность, обоснованность, справедливость	67	18 %
Законность, обоснованность, мотивированность	49	13 %
Законность, обоснованность	15	4 %
Законность, обоснованность, мотивированность, справедливость	58	15 %
Закрепление этих понятий было бы целесообразным, поскольку это способно повлиять на качество выносимого решения	110	29 %
Нет необходимости закреплять в законе данные требования	11	3 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	67	18 %

3.Результаты анкетирования адвокатов[1]

1. *В чем заключается социальный запрос на форму уголовного правосудия?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
В соответствии судебного производства гарантиям защиты прав граждан государством	290	72 %
В разрешении уголовно-правового спора	113	28 %
Социально-правовая обусловленность отсутствует	–	–

2. *Нуждается ли модель производства в суде первой инстанции, имеющая определенную организацию в одних условиях, в обновлениях в меняющейся парадигме правовой реальности?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент

[1] Количество респондентов составило 403 человека, стаж работы по специальности – от 3 до 30 лет, возраст – от 28 до 70 лет.

Да, нуждается	290	72 %
а) только в рамках национальной системы права, так как существование идей разных правовых систем в рамках национальной формы невозможно	52	18 %
б) путем интернационализации права с полной правовой интеграцией права зарубежных государств	–	–
в) путем интернационализации права с фрагментарной правовой интеграцией права зарубежных государств	237	82 %
Для суда это не имеет значения	49	16 %
Нет, не нуждается	9	12 %

3. *Что, на Ваш взгляд, является предпосылками формирования современной российской модели производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Богатые исторические традиции России	233	58 %
Интернационализация права	28	7 %
Идеология государства	44	11 %
Исторические традиции России и фрагментарная интеграция права зарубежных государств	98	25 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

4. *Какие компоненты, на Ваш взгляд, должны составлять национальную модель производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Модель должна быть состязательной	104	26 %
Модель должна сочетать публичные и состязательные начала	116	29 %
Модель должна быть интеграцией публичности, состязательности с приоритетом защиты прав человека в гласном и справедливом судебном производстве	183	42 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

5. *Какова цель этапов общего порядка подготовки к судебному заседанию и предварительного слушания, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Устранение препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу	370	92 %
Разрешение уголовно-правового спора посредством разрешения уголовного дела по существу	–	–
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	33	8 %

6. *Какова цель этапов подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого, постановления приговора, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Разрешение уголовно-правового спора посредством разрешения уголовного дела по существу	358	89 %
Цель совпадает с назначением уголовного судопроизводства	45	11 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

7. *Дифференцированные формы производства в суде первой инстанции…?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Упрощают производство в суде первой инстанции	86	20 %
Усложняют производство в суде первой инстанции	96	24 %
Являются производствами в суде первой инстанции с особенностями	185	46 %

Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	36	11 %

8. *Что из приведенного перечня должно являться общим условием производства в суде первой инстанции наряду с имеющимися? (возможно несколько вариантов ответа)*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Подсудность	153	38 %
Разумный срок производства	157	39 %
Порядок использования информационных технологий, технических средств и технологий искусственного интеллекта	303	75 %
Все вышеперечисленное	290	72 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	52	13 %

9. *Как Вы оцениваете полномочия суда в условиях модели производства в суде первой инстанции, в основе которой заложена интеграция публичности, состязательности с приоритетом защиты прав человека?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Полномочий достаточно для установления всех обстоятельств и разрешения уголовно-правового спора	181	45 %
Суд нуждается в расширении границ активности: (возможно несколько вариантов ответа)	48	12 %
а) путем предоставления права вызова свидетелей по собственной инициативе	33	68 %
б) путем увеличения перечня судебных действий	15	31 %
в) путем устранения общего условия пределов судебного разбирательства	–	–
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	174	43 %

10. *Возможно ли, на Ваш взгляд, установить разумный срок производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Такой возможности нет по объективным причинам	169	42 %
Разумный срок установить необходимо в следующих пределах: а) до 1,5 месяцев при производстве по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести б) до 3 месяцев при производстве по уголовному делу о преступлении средней тяжести в) до 6 месяцев при производстве по уголовному делу о тяжком преступлении с возможностью продления до 18 месяцев г) до 18 месяцев при производстве по уголовному делу об особо тяжком преступлении с возможностью продления до 24 месяцев	145	36 %
Разумный срок установить необходимо единый, не превышающий 6 месяцев, с возможностью его продления по закрепленным в законе основаниям	72	18 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	17	4 %

11. *Как Вы относитесь к предложению выделения принципа подсудности из принципа осуществления правосудия только судом и закрепления правил подсудности в качестве общего условия производства в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Отрицательно, поскольку совокупность принципов в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства	64	16 %

Положительно, поскольку правила подсудности нуждаются в детализации в отличие от принципа осуществления правосудия только судом	268	71 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	71	13 %

12. *Как сказывается оглашение показаний в ходе судебного следствия на непосредственность восприятия доказательств судом?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Никак не сказывается	28	7 %
Отрицательно, поскольку суд должен непосредственно воспринимать показания, исходящие от лиц	375	93 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

13. *Как Вы относитесь к использованию информационных технологий, технических средств и технологий искусственного интеллекта в производстве суда первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Положительно, поскольку они ускоряют производство, позволяют эффективно и качественно осуществлять разрешение уголовно-правового спора	88	29 %
Они могут быть использованы только для фиксации процедуры производства	28	7 %
Положительно, но с учетом рисков использования технологий искусственного интеллекта	287	64 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

14. *Должны ли существовать единые требования к решениям, принимаемым судом в производстве первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Нет, поскольку принятие решения – процесс творческий и интеллектуально-волевой, а любые требования будут сказываться на независимости и самостоятельности суда	12	3 %
Да, поскольку они облегчат сложный процесс принятия решения, не сказываясь на самостоятельности суда, и их необходимо закрепить в законе	80	20 %
Да, но требования должны быть изложены в виде рекомендаций и применяться судом по собственному усмотрению	173	43 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	138	34 %

15. *Насколько широки должны быть границы судебного усмотрения, на Ваш взгляд?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Отрицательно отношусь к наличию судебного усмотрения и считаю необходимым исключить такую категорию из закона	197	49 %
Судья должен иметь возможность широко использовать судебное усмотрение, поскольку он от имени государства выносит решение, которое должно реализовать назначение уголовного судопроизводства	44	11 %
Судебное усмотрение должно быть строго ограничено рамками состязательности производства, суд должен быть пассивным арбитром и иметь полномочия только организационного характера	64	16 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	98	25 %

16. *Насколько самостоятельными должны быть стороны в производстве суда первой инстанции? (возможно несколько вариантов ответов)*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Самостоятельность сторон должна быть широкой, их деятельность в производстве может быть как активной, так и пассивной, исходя из выбранной тактики состязания	371	92 %
Стороны обязаны быть активными участниками производства, если суд по собственной инициативе не может принять любое решение, поскольку только так суд может вынести законное, обоснованное, мотивированное, справедливое решение	–	–
Стороны вправе выбирать любую тактику поведения самостоятельно, при условии, что суд вправе принять любое решение по собственной инициативе	16	4 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	16	4 %

17. *С какой частотой суд проводит судебные действия в судебном следствии?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Оглашение показаний подсудимого	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	265	66 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Оглашение показаний потерпевшего, свидетеля	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	370	92 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Оглашение протоколов следственных действий и иных документов	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	403	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Допрос	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	403	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Производство судебной экспертизы	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	205	51 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	157	39 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	41	9 %
Осмотр вещественных доказательств	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	48	12 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	157	39 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	198	49 %

Приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	403	100 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	–	–
в) очень редко (менее 10 % случаев)	–	–
Осмотр местности и помещений	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	44	11 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	80	20 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	306	70 %
Следственный эксперимент	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	16	4 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	64	16 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	323	80 %
Предъявление для опознания	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	20	5 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	100	25 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	283	70 %
Освидетельствование	403	100 %
а) часто (более 50 % случаев)	64	16 %
б) редко (от 10 % до 50 % случаев)	68	17 %
в) очень редко (менее 10 % случаев)	271	67 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

18. *Какими судебными действиями, на Ваш взгляд, можно дополнить производство в суде первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Вызов свидетеля для дачи показаний (по собственной инициативе суда)	16	4 %
Допрос любого участника производства с помощью систем видеоконференц-связи	318	79 %
Дача заключения специалистом	370	92 %
Получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами	100	25 %
Очная ставка	64	16 %
Проверка показаний на месте	233	58 %
Все указанные судебные действия окажут содействие в процессе доказывания	173	43 %
Судебных действий достаточно, дополнения не требуются	–	–
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	–	–

19. *Как Вы оцениваете вероятность истинности принятого судом решения в производстве первой инстанции?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Истинно в более, чем 80 % случаев	205	51 %

Истинно в более, чем 50 % случаев	80	20 %
Истину установить невозможно ни в каком ее виде	16	4 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	163	25 %

20. *Какие требования к приговору суда первой инстанции должны предъявляться и необходимо ли их понятие закрепить в законе?*

Варианты ответа	Кол-во	Процент
Законность, обоснованность, справедливость	153	38 %
Законность, обоснованность, мотивированность	20	5 %
Законность, обоснованность	12	3 %
Законность, обоснованность, мотивированность, справедливость	217	54 %
Закрепление этих понятий было бы целесообразным, поскольку это способно повлиять на качество выносимого решения	350	87 %
Нет необходимости закреплять в законе данные требования	16	4 %
Я затрудняюсь ответить на данный вопрос	44	11 %

Приложение №3

Результаты лингвистического частотного анализа текста норм раздела IX «Производство в суде первой инстанции» УПК РФ

Лингвистический частотный анализ текста раздела IX «Производство в суде первой инстанции» УПК РФ применялся для подсчета частоты встречаемости различных видов деятельности суда и паттернов его поведения при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу.

Глава УПК РФ	Вид деятельности суда	Количество, %
Глава 33 «Общий порядок подготовки к судебному заседанию»	суд должен	11 %
	суд обязан	0 %
	суд может	0 %
	суд не может	5 %
	суд вправе	22 %
	суд не вправе	0 %
	с разрешения суда	0 %
	иные действия	62 %
Глава 34 «Предварительное слушание»	суд должен	3 %
	суд обязан	1 %
	суд может	10 %
	суд не может	0 %
	суд вправе	13 %
	суд не вправе	3 %
	с разрешения суда	0 %
	иные действия	68 %
Глава 35 «Общие условия судебного разбирательства»	суд должен	8 %
	суд обязан	0 %
	суд может	20 %
	суд не может	0 %
	суд вправе	18 %
	суд не вправе	0 %
	с разрешения суда	0 %
	иные действия	49 %
Глава 36 «Подготовительная часть судебного заседания»	суд должен	0 %
	суд обязан	0 %
	суд может	0 %
	суд не может	0 %
	суд вправе	0 %
	суд не вправе	5 %
	с разрешения суда	0 %
	иные действия	95 %
Глава 37 «Судебное следствие»	суд должен	0 %
	суд обязан	0 %,
	суд может	6 %
	суд не может	0 %
	суд вправе	12 %

	суд не вправе	0 %
	с разрешения суда	8 %.
	иные действия	74 %
Глава 38 «Прения сторон и реплики сторон, последнее слово подсудимого»	суд должен	0 %
	суд обязан	0 %
	суд может	0 %
	суд не может	9 %
	суд вправе	27 %
	суд не вправе	9 %
	с разрешения суда	0 %
	иные действия	55 %
Глава 39 «Постановление приговора»	суд должен	18 %
	суд обязан	0 %
	суд может	5 %
	суд не может	0 %
	суд вправе	8 %
	суд не вправе	8 %
	с разрешения суда	0 %
	иные действия	60 %

Инициатива суда и участников	
Деятельность суда	***Количество, %***
по усмотрению суда	1 %
по инициативе сторон	9 %
по инициативе сторон или по собственной инициативе	6 %
безотносительно чьей-либо инициативы, то есть самостоятельно, в силу требований закона	84 %

Обобщение данных	
Вид деятельности суда	***Количество, %***
суд должен	6 %
суд обязан	0,4 %
суд может	9 %
суд не может	1 %
суд вправе	13 %
суд не вправе	3 %
с разрешения суда	3 %
по усмотрению суда	1 %
иные действия: требует, опрашивает, отклоняет, задает, устанавливает, разъясняет, удостоверяет, выясняет, формулирует, оглашает, объявляет, приступает, производит, обсуждает, предлагает, решает, выносит, ставит, голосует, постановляет, рассматривает, составляет, подписывает, ссылается, отказывает, провозглашает, приобщает, вручает, освобождает, проводит, продлевает, удовлетворяет, принимает, отражает, направляет, приостанавливает, возвращает, поручает, избирает, открывает, предоставляет, удаляется, выслушивает, заслушивает, осматривает, принимает меры, продолжает, прекращает, сообщает, распоряжается, оформляет	63,6 %

Приложение №4

Итеративный алгоритм оценки доказательств

Система чек-листов, методологических ориентиров, призванных облегчить процесс оценки доказательств, минимизировать риски судебных ошибок и обеспечить вынесение законного, обоснованного, мотивированного и справедливого итогового решения

Таблица 1. Этап 1: Предварительная систематизация и лимитация

Критерий оценки	Содержание деятельности суда	Учитываемые принципы и организационно-правовые условия
Формирование корпуса доказательств	Составление полного перечня всех доказательств, представленных обвинением и защитой	Публичность, Состязательность
Проверка на явную недопустимость	Активные действия: Предварительный анализ источников и способов получения доказательств на наличие грубых нарушений УПК (нарушение прав человека, неустранимая неизвестность источника доказательств и т. д.)	Законность, Обеспечение прав сторон
Формирование предмета доказывания	Определение круга обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), как каркаса для дальнейшей работы	Публичность, Справедливость

Таблица 2. Этап 2: Процедурное обеспечение состязательности и равенства прав сторон

Критерий оценки	Содержание деятельности суда	Учитываемые принципы и организационно-правовые условия
Обеспечение прав сторон	Гарантия права на заявление ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, задавание вопросов	Равенство прав сторон, Состязательность
Восполнение процессуального дисбаланса	Активные действия: по собственной инициативе суд может истребовать доказательства, имеющие значение для дела, особенно если одна из сторон (защита) лишена такой возможности	Публичность, Состязательность
Создание равных возможностей	Предоставление равного времени и создание процессуальных условий для изложения позиций, прений и заключительного слова	Равенство прав сторон, Справедливость

Таблица 3. Этап 3: Посредственное и непосредственное исследование

Критерий оценки	Содержание деятельности суда	Учитываемые принципы и организационно-правовые условия
Оглашение показаний	Оглашение ранее данных показаний в строго установленных законом случаях	Непосредственность (в установленных пределах)
Непосредственное восприятие	Личное восприятие судьей «живых» показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, вещественных доказательств, заключений эксперта и специалиста в суде	Непосредственность, Свобода оценки доказательств

Активное выяснение обстоятельств	Активные действия: задавание уточняющих вопросов, назначение судебных экспертиз, вызов свидетелей, проведение иных судебных действий для установления действительных обстоятельств уголовного дела	Публичность, Установление истины
Обеспечение открытости	Проведение процесса в открытом режиме (за исключением случаев, предусмотренных законом)	Гласность

Таблица 4. Этап 4: Критический анализ каждого доказательства

Критерий оценки	**Вопросы, которые суд задает себе (внутренняя работа)**	**Учитываемые принципы и организационно-правовые условия**
Допустимость	Соблюдены ли все процедурные регламенты при получении доказательства? Являются ли выявленные нарушения существенными и неустранимыми? Возможно ли дальнейшее рассмотрение уголовного дела? Есть ли основания для возвращения уголовного дела прокурору?	Законность, Обеспечение прав сторон
Относимость	Какое отношение каждое из доказательств имеет к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ)?	Законность, разумный срок судопроизводства, установление истины
Достоверность	1. Внутренняя непротиворечивость: противоречат ли сами себе показания участников производства? 2. Внешняя проверка: подтверждается ли конкретное доказательство другими доказательствами? 3. Источник осведомленности: на чем основано знание лица, давшего показания в судебном заседании или при оглашении показаний? 4. Наличие мотивации к лжи: есть ли у лица склонность и интерес в даче ложных показаний?	Свобода оценки доказательств, обеспечения прав участников

Таблица 5. Этап 5: Синтетико-логическая проверка в совокупности

Критерий оценки	**Содержание деятельности суда**	**Учитываемые принципы и организационно-правовые условия**
Сопоставление доказательств	Выявление и анализ согласованности или противоречий между всеми доказательствами. Создание единой доказательственной системы	Свобода оценки доказательств
Проверка версий	Построение и проверка логических моделей события на основе версии обвинения, защиты и альтернативной версии суда	Установление истины, Презумпция невиновности
Разрешение противоречий	Неустранимые существенные противоречия трактуются в пользу подсудимого	Презумпция невиновности, Справедливость
Стандарт доказывания	Приводит ли совокупность доказательств к выводу, не оставляющему разумных сомнений в виновности?	Справедливость

Таблица 6. Этап 6: Формирование окончательного внутреннего убеждения

Критерий оценки	Содержание деятельности суда	Учитываемые принципы и организационно-правовые условия
Интеграция выводов	Синтез всех выводов, сделанных на предыдущих этапах, в единое целостное убеждение о событии преступления и виновности подсудимого	Свобода оценки доказательств
Аксиологическая проверка	Соответствует ли вывод суда формообразующим принципам? Учтены ли все смягчающие и отягчающие обстоятельства и характеристики личностей обвиняемого и потерпевшего?	Публичность, состязательность и равенство прав сторон, Гласность, Справедливость
Принятие итогового решения	Вынесение обвинительного или оправдательного приговора, иного правоприменительного акта	Публичность, Справедливость

Таблица 7. Этап 7: Мотивировка решения

Элемент мотивировки	Что должен отразить суд в приговоре	Учитываемые принципы и организационно-правовые условия
Анализ доводов сторон	Изложение позиции обвинения и защиты и их правовая оценка	Состязательность и равенство прав сторон
Оценка доказательств	Подробное указание доказательств, признанных недопустимыми / недостоверными и почему; какие доказательства положены в основу выводов и по каким причинам	Законность, Свобода оценки доказательств
Логика выводов	Обоснование того, как суд пришел к выводу о доказанности / недоказанности обвинения, опираясь на совокупность доказательств	Гласность, Справедливость

Приложение №5

Правила составления и примеры промптов для технологий искусственного интеллекта в работе судьи

1. Общая методологическая основа

Промпт для ТИИ – это запрос, формализующий судейское мышление, отражающий логику перехода от неопределенности к обоснованному убеждению в соответствии с правилами оценки доказательств через синтез дедуктивного, индуктивного и абдуктивного методов познания.

2. Общие (фундаментальные) правила-принципы

Принцип контекстуальной полноты (принцип внутреннего убеждения)

Содержание: промпт должен предоставлять ТИИ максимально полный и структурированный контекст. ТИИ не знает дела; ее «внутреннее убеждение» формируется исключительно из данных промпта.

Реализация: следует четко обозначить следующие компонены:

Роль: ты – эксперт в области уголовного права и процесса с квалификацией судьи Верховного Суда РФ.

Цель: цель – не вынести приговор, а провести предварительный анализ пробелов и противоречий в доказательственной базе.

Источники: используйте УПК РФ, постановления Пленума ВС РФ, научные доктрины (можно четко указать авторов научных работ) и практику (можно четко указать, какую именно).

Правовая рамка: указывайте конкретные статьи УПК РФ (например, ст. 73 – обстоятельства, подлежащие доказыванию; ст. 75 – недопустимые доказательства; ст. 88 – правила оценки доказательств; глава 14 – досудебное соглашение).

Принцип последовательной декомпозиции (принцип логической цепи доказательств)

Содержание: сложная задача должна быть разбита на последовательные, логически связанные этапы, аналогичные построению цепи доказательств.

Реализация: используйте нумерованные списки и подзадачи.

Пример: «Задача 1: Проанализируй приведенные доказательства обвинения на предмет допустимости (ст. 75 УПК РФ). Задача 2: Сопоставь показания потерпевшего К. и свидетеля П. по критерию непротиворечивости. Задача 3: Определи, образуют ли прямые и косвенные доказательства единую и непротиворечивую систему.»

Принцип ограничения и конкретики (принцип относимости доказательств)

Содержание: запрещайте ТИИ выходить за рамки поставленного вопроса и использовать непредоставленную информацию. Это аналог правила об относимости доказательств (ст. 74 УПК РФ).

Реализация: используйте запрещающие директивы.

Пример: «Не делай предположений о фактах, не указанных ниже. Не давай окончательной оценки виновности. Анализируй только предоставленные данные.»

3. Специализированные правила для конкретных судебных задач

А) Правила для анализа и оценки доказательств

– правило таксономии доказательств;

Промпт должен требовать классификации: «Классифицируй приведенные ниже доказательства по видам: прямые / косвенные, обвинительные / оправдательные, первоначальные / производные, личные / вещественные. Для косвенных доказательств – выдели промежуточные факты.»

– правило проверки на допустимость (ст. 75 УПК РФ);

Промпт должен содержать четкий алгоритм: «Для каждого доказательства проверь соблюдение процессуальной формы его получения. Установи, имеются ли нарушения закона, указанные в ст. 75 УПК РФ. Сформулируй возможные ходатайства защиты о признании доказательства недопустимым.»

– правило оценки достоверности и достаточности (ст. 88 УПК РФ);

Промпт должен инициировать сравнительный анализ: «Проведи сравнительный анализ показаний свидетелей А., Б., В. по следующим параметрам: полнота, согласованность с другими доказательствами, наличие внутренних противоречий, интерес в деле. Оцени, достаточно ли совокупности косвенных доказательств для вывода о наличии умысла.»

Б) Правила для работы с судебной практикой и доктриной

– правило иерархии источников НПА;

Промпт должен устанавливать приоритеты: «При решении вопроса о квалификации кражи, совершенной группой лиц, в первую очередь используй п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29, затем доктринальные позиции (конкретные авторы), а затем обзор практики судов (можно указать конкретные суды).»

– правило дистилляции правовой позиции;

Промпт должен быть нацелен на извлечение сути: «Проанализируй приведенные постановления ВС РФ по делам о превышении самообороны. Выведи общую правовую позицию ВС РФ по критериям явного несоответствия защиты характеру опасности.»

В) Правила для составления проектов судебных решений

– правило структурного соответствия;

Промпт должен диктовать структуру: «Составь проект мотивировочной части обвинительного приговора по делу о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), строго следуя структуре ст. 307–309 УПК РФ. Включи: анализ каждого доказательства с указанием листов дела, оценку доводов защиты с мотивированным их отклонением, юридическую квалификацию со ссылкой на нормы права, обоснование назначенного наказания по ст. 60 УК РФ.»

– правило языкового режима;

Промпт должен определять стиль: «Излагай текст в официально-деловом стиле, характерном для судебных актов. Используй клише: «Суд, оценив доказательства в их совокупности, приходит к выводу...», «Доводы защиты не нашли своего подтверждения, поскольку...». Исключи эмоциональные и оценочные суждения, не основанные на материалах дела.»

1. Пример комплексного промпта (анализ уголовного дела).

Роль: ты – судья со стажем судебной работы 20 лет, специализирующийся на уголовных делах о наркотических средствах и психотропных веществах, доктор юридических наук, профессор.

Цель: провести предварительный анализ доказательств обвинения на предмет их достаточности для подтверждения сбыта наркотических средств (ч. 1 ст. 228.1 УК РФ).

Правовая рамка: используй ст. 73, 74, 75, 88 УПК РФ, Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14.

Задачи:

1. Проверь протокол осмотра места происшествия (л.д. 45–48) на предмет соблюдения требований ст. 177, 180 УПК РФ. Укажи на возможные нарушения.

2. Сопоставь показания оперативного сотрудника Петрова И.И. (л.д. 12–15) и заключение химической экспертизы № 123 (л.д. 67). Выяви противоречия в описании упаковки изъятого вещества.

3. Проанализируй, образуют ли доказательства (протокол осмотра, показания свидетеля, заключение эксперта) единую систему, достаточную для вывода о том, что подсудимый совершил именно сбыт, а не хранение.

4. Сформулируй возможные вопросы, которые суду следует задать сторонам в судебном следствии для устранения выявленных противоречий.

Ограничение: не делай окончательных выводов о виновности. Основывай анализ исключительно на предоставленных данных.

2. Пример универсального комплексного промпта для составления проекта мотивировочной части судебного решения (аналитический модуль).

Роль: ты – судья со стажем судебной работы 20 лет, специализирующийся на уголовных делах о наркотических средствах и психотропных веществах, доктор юридических наук, профессор. Твоя задача – подготовить аналитический проект мотивировочной части судебного акта, исключив любые окончательные выводы о виновности или невиновности.

Цель: систематизировать и проанализировать материалы уголовного дела для последующего принятия решения судьей. Проект должен отражать всесторонний, полный и объективный анализ доказательств, их оценку и возможные правовые позиции.

Правовая рамка: анализ должен осуществляться в строгом соответствии со ст. 17, 88, 297, 307–309 УПК РФ. Используй в качестве ориентира Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14.

Структура и содержание проекта:

Вводная часть (констатирующий блок):

Задача: изложи установленные в ходе судебного заседания формальные данные: дата, время, место совершения инкриминируемого деяния, предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), позиция обвинения (с указанием на доказательства, приведенные стороной обвинения) и позиция защиты (с указанием на возражения, ходатайства и доказательства, приведенные стороной защиты).

Ограничение: не давай оценку достоверности изложенных позиций. Констатируй их наличие.

Анализ доказательств по группам (аналитический блок):

Задача: проведи классификацию и последовательный анализ всех исследованных в суде доказательств. Структурируй анализ по следующим подпунктам:

а) допустимость доказательств: для каждого ключевого доказательства (протоколы следственных действий, заключения экспертов, вещественные доказательства) сформулируй возможные правовые оценки их допустимости, со ссылкой на ст. 75 УПК РФ и позиции КС РФ и ВС РФ. Укажи на заявленные стороной защиты ходатайства о признании доказательств недопустимыми и проанализируй аргументы обеих сторон по этому вопросу; *Пример формулировки:* «Сторона защиты заявила ходатайство о признании протокола допроса недопустимым, ссылаясь на нарушение ст. 189 УПК РФ. Сторона обвинения возражает, указывая на [аргументы]. Таким образом, суду при оценке данного доказательства надлежит разрешить указанное процессуальное противоречие.»

б) относимость и достоверность: сопоставь прямые и косвенные доказательства. Выяви имеющиеся в деле противоречия, пробелы и согласованность; *Пример формулировки:* «Показания свидетеля А. о наличии у подсудимого мотива согласуются с доказательством [X], но противоречат показаниям свидетеля Б. и вещественному доказательству [Y]. Для формирования окончательного вывода о достоверности этих показаний суду необходимо дать оценку указанным противоречиям.»

в) система доказательств: проанализируй, образуют ли доказательства обвинения и защиты взаимосвязанную систему. Укажи на установленные и неустановленные элементы предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ); *Пример формулировки:* «Доказательствами бесспорно установлены обстоятельства [A, B, C]. Вместе с тем, обстоятельства [D и E], входящие в предмет доказывания, подтверждаются лишь косвенными доказательствами [список], которые допускают различное толкование.»

Анализ применимости норм права и судебной практики (правовой блок):

Задача: приведи диспозиции уголовного закона, подлежащие применению. Проанализируй, какие юридически значимые обстоятельства (фактические составы) должны быть установлены для квалификации содеянного по той или иной статье. Ссылайся на акты высших судов (Пленум ВС РФ, обзоры практики), разъясняющие эти составы.

Ограничение: не делай вывода о том, что состав преступления доказан или не доказан. Укажи лишь, какие обстоятельства требуют установления и как они отражены в исследованных доказательствах.

Пример формулировки: «Для квалификации деяния по ст. 158 УК РФ необходимо установить корыстный мотив и безвозмездность изъятия. В материалах дела изъятие имущества подтверждается доказательством [1], однако оценка его как безвозмездного зависит от достоверности доказательств [2 и 3], которые, как указано выше, содержат противоречия.»

Сводный перечень вопросов, подлежащих разрешению судом (резюмирующий блок):

Задача: на основе проведенного анализа сформулируй итоговый перечень ключевых вопросов, для ответа на которые судье необходимо сформировать свое внутреннее убеждение.

Пример: «Таким образом, по результатам анализа материалов дела, суду для принятия законного и обоснованного решения надлежит разрешить следующие вопросы:

– является ли доказательство [X] допустимым, учитывая [правовая коллизия]?

– каким из противоречащих друг другу доказательств [Y] и [Z] следует отдать предпочтение и на основании каких критериев оценки (ст. 88 УПК РФ)?

– образуют ли косвенные доказательства в их совокупности несомненную и непротиворечивую систему, исключающую разумные альтернативные версии?»

Стилистическое ограничение: используй клишированные формулировки, характерные для судебных актов: «Судом исследованы ...», «При оценке доказательства надлежит учесть ...», «Данное обстоятельство подлежит оценке в совокупности с ...». Исключи категоричные выводы, заменив их на формулы: «представляется, что суду необходимо оценить ...», «требует разрешения вопрос о ...».

Главный запрет: в тексте проекта не должно содержаться фраз-выводов, таких как «суд должен признать виновным», «доказательства вины являются достаточными» или «подсудимый заслуживает оправдания». Текст проекта должен содержать только анализ, систематизацию доказательств для принятия решения судьей.

Приложение №6

Программа дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) судей и работников аппарата суда судов общей юрисдикции по использованию технологий искусственного интеллекта

Название курса: «Нейросети в уголовном судопроизводстве: практический инструмент судьи и работников аппарата суда для анализа доказательств и подготовки проектов процессуальных документов».

Цель курса: сформировать у судей и работников аппарата суда судов общей юрисдикции устойчивые компетенции по безопасному и эффективному применению технологий искусственного интеллекта (на примере современных нейросетевых сервисов) для анализа доказательств, проверки юридических гипотез и автоматизации рутинных операций при составлении проектов судебных решений по уголовным делам.

Результаты обучения (сформулированные по таксономии Блума):

– знание: знать основные типы нейросетей (большие языковые модели, мультимодальные), релевантные для задач уголовного судопроизводства, в том числе ключевые российские и зарубежные нейросетевые сервисы (Yandex GPT, GigaChat, ChatGPT и др.) и их базовые функциональные возможности;

– понимание: объяснять принцип работы больших языковых моделей; объяснять основные правовые и этические риски использования нейросетей;

– применение: применять базовые и продвинутые техники промпт-инженерии для взаимодействия с нейросетевыми сервисами; использовать нейросеть для выполнения стандартных задач: систематизации списка документов, составления хронологии событий, поиска определений и правовых позиций, оценки доказательств, составления проектов судебных решений;

– анализ: выявлять противоречия, логические несоответствия и фактические ошибки в текстах, сгенерированных нейросетью; сравнивать выводы, предложенные нейросетью, с материалами уголовного дела и выделять расхождения;

– синтез: разрабатывать сложные, многоэтапные промпты для комплексного анализа доказательств по конкретному уголовному делу; интегрировать проверенные и отредактированные фрагменты текста, сгенерированного нейросетью, в проекты процессуальных документов, обеспечивая их структурную целостность и юридическую точность;

– оценка: оценивать надежность и целесообразность использования нейросети для решения конкретной процессуальной задачи, взвешивая потенциальную пользу и риски; критически аргументировать свою позицию по использованию / неиспользованию ТИИ в совещательной комнате, основываясь на принципах самостоятельности, независимости и беспристрастности судьи.

Учебно-тематический план курса – 36 часов (лекции – 8 часов, практические занятия – 28 часов).

Наименование модуля	Лекция/ практика	Краткое содержание	Количество часов
Модуль 1: От скепсиса к практическому пониманию: зачем судье нейросеть?	Лекция 1	Эра ИИ в правосудии: вызовы и возможности. Базовые принципы работы нейросетей. Обзор российских и зарубежных нейросетей и границы их применения	2
	Практическое занятие 1	Регистрация в нейросетевых сервисах. Отработка базовых запросов: получе-	2

		ние справки по статье УК РФ, составление простого плана документа	
Модуль 2: Язык общения с ИИ: юридическая промпт-инженерия	Лекция 2	Структура эффективного промпта (контекст, роль, задача, формат). Типичные ошибки новичков и методы их преодоления	1
	Практическое занятие 2	Работа с кейсами в малых группах. Отработка составления промптов для формулировки версий, классификации доказательств, выявления логических несоответствий в текстах	5
Модуль 3: Нейросеть-аналитик: помощь в оценке доказательств	Лекция 3	Нейросеть в контуре доказывания: инструмент для систематизации и проверки на согласованность. Пределы доверия: распознавание и минимизация «галлюцинаций»	2
	Практическое занятие 3	Работа с материалами условного уголовного дела: составление детальной хронологии, схемы взаимосвязей, таблицы анализа доказательств с помощью нейросети	6
Модуль 4: Нейросеть-секретарь: технология составления проектов судебных решений	Лекция 4	Автоматизация рутины, а не мышления. Использование ИИ для подготовки описательной и мотивировочной частей. Протокол проверки и редактирования	1
	Практическое занятие 4	Создание проекта судебного акта. Поэтапное создание проекта решения с использованием нейросети (вводная часть, описание доказательств, анализ доводов) и его последующее редактирование	7
Модуль 5: Профессиональная этика и безопасность в эпоху ИИ	Лекция 5	Этические кодексы и ТИИ: неприкосновенность частной жизни, сохранение судебной тайны, гарантии независимости и беспристрастности судьи	1
	Практическое занятие 5	Дискуссия на тему: «Анализ дилемм использования ТИИ (загрузка конфиденциальных данных, оценка достоверности показаний), выработка внутренних правил	3
Модуль 6: Итоговая аттестация: Практикум по комплексному делу	Практическое занятие 6	Решение комплексной ситуационной задачи. Индивидуальная работа с пакетом материалов уголовного дела: анализ доказательств и подготовка проекта мотивировочной части решения с использованием нейросети с последующей защитой и критической оценкой результатов	6
Итого			36

Приложение №7

Должностная инструкция судебного ИИ-управляющего (специалиста по работе с технологиями искусственного интеллекта в суде)

I. Общие положения

1.1. Судебный ИИ-управляющий относится к категории руководителей аппарата суда и непосредственно подчиняется Председателю суда.

1.2. На должность назначается лицо, соответствующее установленным Квалификационным требованиям.

1.3. Основной задачей является повышение эффективности судопроизводства, обеспечение соблюдения разумных сроков рассмотрения дел и единообразия судебной практики через внедрение, использование и аудит технологий искусственного интеллекта.

II. Квалификационные требования

1. Образование:

– высшее образование по одной из следующих специальностей / направлений подготовки: Юриспруденция, Правовое обеспечение национальной безопасности, Правоохранительная деятельность, Судебная и прокурорская деятельность, Судебная экспертиза и переподготовка или повышение квалификации по направлениям в сфере информационных технологий;

– высшее образование по специальностям / направлениям в сфере информационных технологий и переподготовка или повышение квалификации по направлениям в сфере права.

2. Опыт работы:

– не менее 1 года на должностях, связанных с судебной деятельностью в аппарате суда, и не менее 1 года в сфере разработки, внедрения или анализа правовых технологий (LegalTech).

3. Профессиональные знания:

– в сфере права: глубокое знание уголовно-процессуального кодекса, гражданского процессуального кодекса, арбитражного процессуального кодекса, основ судоустройства и понимание принципов и практики судебного управления, управления судебными делами и судебным временем;

– в сфере ИИ и технологий: понимание принципов работы машинного обучения, прогнозной аналитики, больших данных, знание современных LegalTech-платформ, систем электронного правосудия, систем анализа судебной практики;

– в сфере анализа данных: умение работать с судебной статистикой, строить аналитические отчеты, дашборды, выявлять аномалии и тенденции в данных судопроизводства;

– в сфере менеджмента: основы управления проектами и процессами.

4. Ключевые умения и навыки:

– аналитическое мышление: способность анализировать сложные процессы, выявлять правовые лакуны в судопроизводстве;

– техническая грамотность: умение формулировать технические задания для IT-подразделений суда и внешних подрядчиков;

– коммуникация: эффективное взаимодействие с судьями, работниками аппарата суда, IT-специалистами, председателем суда, умение объяснять сложные технические концепции на языке, понятном юристам;

– работа с данными: навыки использования и интерпретации аналитических данных;

– конфиденциальность и этика: понимание требований к защите персональных и судебных данных, этических рисков использования ИИ в правосудии.

III. Должностные обязанности

3.1. Функция поддержки и консалтинга:

– консультировать судей и работников аппарата суда по вопросам эффективного использования ИИ-инструментов в повседневной работе;

– оказывать методическую помощь в работе с системами прогнозирования судебных издержек и сроков;

– разрабатывать и проводить обучающие семинары по использованию технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности.

3.2. Функция мониторинга и аудита:

– мониторить соблюдение разумных сроков: с помощью ИИ-систем анализировать движение дел, автоматически выявлять дела с высоким риском нарушения процессуальных сроков, формировать предупреждения для председателя суда, судей и работников аппарата суда;

– оценивать действия судьи и работников аппарата суда: анализировать, насколько действия судьи и работников аппарата суда соответствуют критериям эффективного судебного управления;

– проводить аудит эффективности ИИ-систем: оценивать, насколько внедренные технологии реально экономят время и повышают качество работы.

3.3. Функция аналитики и отчетности:

– формировать регулярные аналитические отчеты для председателя суда о: динамике соблюдения процессуальных сроков, лакунах в судопроизводстве, эффективности работы отдельных судей и подразделений аппарата суда (в контексте процессуальных сроков и использования технологий), степени единообразия судебной практики по определенным категориям дел, выявляемой с помощью анализа больших данных;

– готовить предложения по изменению регламентов и процессов суда для оптимизации сроков.

3.4. Функция развития:

– участвовать в выборе, тестировании и внедрении новых ИИ-решений для суда;

– формулировать технические требования к новым программным продуктам, исходя из потребностей судебной практики.

IV. Права

4.1. Запрашивать и получать от судей и работников аппарата суда информацию, необходимую для выполнения своих обязанностей, в установленном порядке.

4.2. Знакомиться с документами и аналитическими отчетами, генерируемыми судебными ИИ-системами.

4.3. Вносить на рассмотрение председателя суда предложения по совершенствованию работы, связанной с использованием ИИ и соблюдением процессуальных сроков.

4.4. Участвовать в совещаниях и рабочих группах по вопросам, относящимся к его компетенции.

V. Ответственность

5.1. Несет ответственность за достоверность и качество предоставляемой аналитической информации.

5.2. Несет ответственность за соблюдение конфиденциальности служебной информации и персональных данных.

5.3. Несет ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих должностных обязанностей в соответствии с действующим законодательством.

5.4. Несет ответственность за корректность формулировок технических заданий и предложений по внедрению технологий, повлекших материальный ущерб или сбой в работе суда.